

СМОН 96

Сергей Засошук
А воры носят фрак...
Джордж Р. Мартин
Тупиковый вариант

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

*Художественно-
технический редактор*
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

696

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Сдано в набор 22.03.96.
Подписано к печати 18.04.96.

Формат 84×108^{1/2}.

Бумага «Офсетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 100 000 экз.

Заказ № 286.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации.

Reg. № 014832.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака
обращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

6 (1580) ИЮНЬ

© «Смена», 1996.

78 ПРОЗА

*Джордж Р. Мартин***ТУПИКОВЫЙ ВАРИАНТ** *Фантастический рассказ*

210

*Сергей Высоцкий***А ВОРЫ НОСЯТ ФРАК...** *Детектив*

60 ПОЭЗИЯ

Валентин Сорокин

4 ВРЕМЯ И МЫ

*Людмила Третьякова***В ОТСУТСТВИЕ ГОШИ...**

14

*Игорь Бестужев-Лада***ДРУГАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

28

*Сергей Литвинов***КРЫЛО СКОПЫ**

40

*Сергей Каленикин***СОЛНЕЧНЫЙ УДАР**

48

*Анатолий Дерябин***ЧТО ПОЧЕМ И ПОЧЕМУ?**

65

*Николай Черкашин***МУЖСКАЯ РАБОТА**

134

*Юрий Дружников***ВОСПОМИНАНИЕ О ЦЕНЗУРЕ**

162

Игорь Фесуненко

ТУРНЕ «БОТАФОГО»

122 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Эльвира Попова

ДЕЙНЕКА

144

Иван Зюзюкин

ПОД ЗНАМЕНОМ ЦВЕТА НАДЕЖДЫ

186

Сергей Минцлов

ДЕБРИ ЖИЗНИ

На 1-й обложке:
фотоэтиюд ОЛЕГА БЕЛОУСОВА.

Буало — Нарсежак

ДУРНОЙ ВОЗРАСТ

Роман французских писателей, известных авторов психологических детективов Пьера Буало и Томаса Нарсежака впервые публикуется в России. Похищение молодой школьной учительницы, которое его организаторы-подростки воспринимают как розыгрыш, оборачивается драмой с неожиданной развязкой...

Сигизмунд Либрович

ТАИНСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТОР

Только прочтя этот очерк талантливого историка-беллетриста, вы узнаете, почему в Петропавловском соборе, где похоронены все российские венценосцы, недостает гробницы с телом императора Иоанна Антоновича...

АНОНС

796

В отсутствие Вашей...

ЛЮДМИЛА ТРЕТЬЯКОВА

«Он верил, что душа родная соединиться с ним должна...»

Он верил, она верила — и не получилось.

Одиночество. На исходе двадцатого века оно стало эпидемией, уносящей радость жизни.

В старые добрые времена в России 30 процентов населения обзаводились семьями в возрасте от 15 до 20 лет. Сейчас же не имеют семьи две трети граждан до 25 лет,

треть — до 35 лет. Прибавьте к этому еще одну цифру: за последние 40 лет число разводов увеличилось в четыре раза. Женятся и выходят замуж снова? Увы! Спросите про женихов у сорокалетних «разведенков». Мужчины примерно их возраста и старше, то есть потенциальные новые мужья, к этому возрасту почему-то особенно резко «сходят с круга»: алкоголь, материальная необеспеченность, поте-

ря перспектив и инициативы и как результат — деградация личности. Им не до женитьбы. К тому же Россию можно занести печальной строкой в Книгу Гиннеса — у нас 1141 женщина приходится на тысячу мужчин. Такого опасного преобладания прекрасного пола над сильным нет ни в одной другой стране мира. Вот почему «одиночество» хотя и по всем правилам грамматики существительное среднего рода, по сути — что ни на есть женского...

И вы, счастливицы, у которых вернувшись с работы мужа требуют ужина, идите себе, разогревайте котлеты.

Вы не подруги тем, чей вечер или покой будет, возможно, нарушен лишь шальным телефонным звонком. «Вы ошиблись номером...»

Принято считать, что проблема женского одиночества начинается лет с двадцати двух, когда на дискотеку идти уже поздновато, а «он» не появился.

Это наиболее уязвимая, с точки зрения Гименя, категория — те, кто с такой беспощадной незаметностью набирают 27—30 лет и уже причисляются к «засидевшимся в девушках».

Очень часто в неудачах дочек виноваты родители — те самые, кто жизни бы не пожалел за их счастье.

«...Мама работала на картонной фабрике. Растила меня одна на свои копейки. «Учись, дочка, учись!» — с этим я ложилась и вставала. Чего мне стоило без блат, без репетиторов поступить в «мед», да еще с третьего курса подрабатывать нянечкой! У мамы я считалась героиней. «Господи, хоть ты-то с чистыми ноготками будешь ходить». И я тянула, год за годом,

почти на одни пятерки. Раз появился у меня мальчик из параллельной группы. Мама его увидела: «Сморчок голоштаный... Тебя с учебы сорвет. Успеешь еще с кастрюлями да с детьми. Дурацкое дело не хитрое». А вот вышло, что хитрое. Распределили меня в престижную клинику, и потихонечку стала я просто «ухо-горло-нос». Защитила кандидатскую. На год связалась с женатым. Думала уже родить от него, да у мамы инсульт. Выходила ее, но она теперь инвалид. Ни в чем ее не виню, а только понимаю, что все — жизнь моя женская кончилась, даже и не начавшись.

Плакать не могу — мама. Но иногда хочется заснуть и больше не просыпаться...»

Наверное, не существует редакции, которая не получала бы подобных писем.

Несть числа лицам одиночества — каждый из нас словно актер на сцене играет свою удачную или нет, но неповторимую судьбу.

Впрочем, что считать удачей? Замужество?

Обратимся снова к статистике. В России любовь прочно удерживает первое место среди факторов, составляющих молодых, да и не очень молодых, идти в загс. «Люблю!» — и этим все сказано для 75 процентов россиян. Что же дальше? Половина браков распадается в первый год жизни, две трети — в первые пять лет. Из 100 семейных пар в 75 случаях инициаторы развода — женщины. Как говорится, что мы имеем в результате? Стрессы, драмы, психические травмы, безотцовщина или «приходящие папы», ад распрей, оскорбленности, ощущение, что судьба дала «под дых» и уже не подняться, — это длится многие, многие годы даже после того, когда «мы уже не муж и жена».

«После двенадцати лет замужества развелась. Нет, не пил. Наоборот, хозяйственный. Все что-нибудь делал — вечером, в воскресенье, в праздники. То с мотоциклом возился, то машину-развалюху купил, по винтикам разложил и складывал. Подруги говорят: «Господи, да ты молись на него, все кругом пьют, бьют, хулиганят». А я, поверите ли, жду-жду его вечером, а он внизу лампу приспособил и все в гайках ковыряется. Я так и ложусь одна. А тоска такая, но все себя сдерживала, уговаривала. Говорю ему: пойдём с Аленкой погуляем. Он: сама, что ли, не справишься? Так мы с дочкой все одни да одни. Пробовала я с ним говорить: мол, что ты такой суровый, может, не любишь меня? У него одно: кончай глупостями заниматься, живи нормально. А как нормально? То есть разговору между нами не получалось. Особенно слез моих не терпел. «Истерик мне не устраивай», — хлоп дверью и все. Я раз ушла из дома после ссоры, думаю, похожу, успокоюсь. Ключей не взяла. Возвращаюсь, а он дверь не открыл. Звонила, звонила — так и ночевала в парадном. На следующий день говорит: теперь бегать не будешь. То есть ладу между нами не было, хотя с виду семья как семья.

Но потихоньку во мне что-то обрывалось и обрывалось — и оборвалось. Словно все дальше и дальше от него уходила. Поругаемся и молчим.

По неделе, потом и месяцами молчать стали. Ему вроде и наплевать. Я даже завидовала тем, кто, может, и громко выясняет отношения, но все-таки не такая могила, как у нас. Так и развелась. Он мне сказал: тебе надо разводиться? Пожалуйста. Третий год живём в одной квартире. Двадцать шесть метров, как ее разменять? Я гово-

рю: женился бы, ушел. А он: тебе надо, ты и уходи. Сейчас мне тридцать четыре. Читаю, как женщины судьбу свою устраивают и раз, и два, и три, — удивляюсь и даже верить не верю. Живу в поселке, у нас молоденькие девчонки и те озабоченные: не за кого замуж идти. А насчет себя я даже никаких планов не имею.

Когда ничего, а порой так тошно, вы себе представить не можете...»

Два письма примерно одинаковых по возрасту женщин. Одна считает супружество неосуществимой мечтой, другая — мечтой обманувшей, а обе вместе — свою жизнь из рук вон неудавшейся. А как же? Нет любви — рухнула любовь. К этому печальному, убивающему женщину выводу — я одинокая, никому не нужная, нелюбимая — подталкивает сложившийся стереотип женского мышления, передаваемого как по цепочке: литература, на которой мы воспитаны; наконец, наша историческая приверженность к крайностям: если не встретишься обязательно большая (?!), обязательно «до гроба», любовь, тот самый разьединственный «он», жизнь кажется перечеркнутой.

Об этом все наши песни, сказки, были-небылицы.

Если романтизированный сценарий жизни, в осуществлении которого мы свято уверены, вдруг дает сбой, то воспринимается это как катастрофа. Исчезает все вокруг: большой, ошеломляюще красивый мир — небо, цветущая сирень, зимние голубые сумерки, теплый ливень. Притупляются инстинкты: дочерние и очень часто — увы! — материнские. В нас никто не воспитывал способности к ограничению себя в романтических надеждах, не учил трезвому размышлению и умению принимать жизнь такой, какая она есть — с неизбежными

утратами именно в той сфере, которой особенно дорожат, где наиболее уязвима женщина, — в ее любовном мире.

...Нине Сергеевне 47 лет. Ее историю мне рассказали в реабилитационном отделении (с того страшного дня, когда она трясуцимися руками записывала себе в рот горсть снотворного, прошло уже изрядно времени).

Я издали посмотрела на нее. Симпатичная, яркий спортивный костюм... Вообще трудно было поверить, что так оно все и было: таблетки, случайный приход сына — забыл ключ от своей квартиры, забежал к родителям за запасными; «неотложка», несколько тех самых дней, когда врачи ничего не обещали.

8

...История, как мне здесь сказали, довольно банальная для нашего времени встрясок и перетрясок. Одни резко сдают, другие резко идут в гору — это тоже, оказывается, чревато. Так вот и случилось у Нины Сергеевны, вернее, у ее мужа. Он тихо загибался со своей оборонкой, где в его отделе из-за безденежья сбежали все, кроме пенсионных дам. Нина Сергеевна понимала, как трудно мужу, и дала все, чтоб его поддержать. «Ничего, ты, отец, всю жизнь нас кормил, дай хоть мне побыть кормицей матерью», — шутила она и вкалывала в своей средней общеобразовательной будь здоров: и классное руководство, и продленка-перепродленка, и репетиторство по вечерам. Она даже умудрилась вполне шикарно отметить серебряную свадьбу, собрав постаревших сокурсников. Все вспоминали, как гуляли на первой в их группе Нининой и Диминой свадьбе в студенческом общежитии.

Они не разлучились. Институт, НИИ, потом родился сын, и поскольку мамок-нянек не было, а малыш болел часто, Нина Сергеевна ушла физиком в школу — благо в их новостройке был недобор учителей. Жили скромно, но весело и с перспективой: муж Нины Сергеевны защитил диссертацию и вообще сильно двинул вперед. Она так и осталась «физичкой». Ему же карьере ученого руководителя подпортила перестройка...

Однажды вдруг все изменилось. В подземном переходе муж Нины Сергеевны столкнулся с давним приятелем. «Ты чего, старик? Давай к нам». А у них там намечалось что-то импортно-совместное. И наметилося. И завертелось. Муж приходил с горящими глазами, взъерошенный, азартный, похудевший. В доме завелись деньги. Из первой заграничной поездки привез Нине Сергеевне чемодан всякого-разного, хотя в московских магазинах тогда все это уже было... «Хотел сам выбрать!» — улыбался. Она заставила и его приодеться. Он похорошел, стал модно стричься, и у них появился старый, но все-таки не «жигулю» чета «ауди».

Никаких изменений в их отношениях Нина Сергеевна не замечала. Она вспомнила, что тот телефонный звонок был долгим-долгим. Услышала его за дверью, все никак не могла попасть в скважину ключом, телефон звонил, а она думала: кто же так настырно? Подскочила. Обрадовалась, что успела. «Алло?» Вот тогда и узнала. Вечером они сидели на кухне, и муж ни от чего не отпирался. Да, его секретарша. Двадцать лет. Как получилось? «Не знаю даже». Да, дело зашло далеко — будет ребенок. «Она» собирается родить. Несколькими раз он повторил: «Нина, пойми, я еще ничего не решил». В

тот же вечер почти ночью он уехал на дачу. «Я виноват, но не надо ничего решать сгоряча. Давай побудем врозь, подумаем».

Больше из дому Нина Сергеевна не выходила. Из школы позвонили — сказала, что больна. На третий день она взяла снотворное, что покупала для мужа, когда он психовал из-за своего оборонного простоя. Вот и все.

— Но сейчас же все нормально? — спросила я врача.

— Сейчас да. У меня из восьми женщин — пять примерно с ее историей. Это как бы братство или сестринство по несчастью. Но кто даст гарантию, что, когда они уйдут отсюда, психика снова не даст сбоя... Мы работаем с ними, обсуждаем возможные варианты ближайших событий, отработываем модель поведения.

— И вариант окончательного разрыва с прежними мужьями, так сказать, вариант одиночества?

— Конечно.

Я понимаю, что ко всему ужасу пережитого этими женщинами пришивается еще чувство бесперспективности: на девчонку-студентку, «траванувшуюся» из-за того, что ее заподозрили в воровстве, они смотрят как на счастливицу. Все зарастет. Какой-нибудь Саша-Миша отобьет эту горькую зарубку в памяти. Ибо любовь врачует. Что остается им, которым, даже если они и выкарабкаются, никакие челоки, диеты и короткие юбки не помогут сойти даже за тридцатилетних?

Что же делать? А все то же. Трезвое понимание своего жизненного расклада и умение оценить этот мир, свое пребывание в нем вне зависимости от подножек бывших спутников жизни. Тут все средства хороши. И даже такое гомео-

патическое и вроде бы неэффективное, как чужой опыт.

Оригинальной, интересной во всех отношениях женщиной была Александра Михайловна Коллонтай. Легендарная женщина...

Все, разумеется, знают, что она представляла нашу страну в Швеции и тамошний король был к ней, по слухам, неравнодушен. Жизнь сердца у нее тоже была богата и, как она писала, «соткана из периодов, резко отличных друг от друга»... История женского сердца развивается все по одному и тому же сценарию: рождение любви, ее восторг, крушение иллюзий и окаянное чувство того, что вокруг все омертвело.

Подобное Коллонтай не раз переживала. Но не только переживала, но заставляла себя мыслить и защищаться от «мертвой зыби». Оригинально, хоть далеко и не бесспорно рассуждает она об одиночестве «в возрасте», «одиночестве вдвоем», которое является изнурительным, хоть и незаметным поверхностному взору недугом подавляющего большинства супружеских пар. (По оценкам социологов, «знаковая усталость» — суммарная многих отрицательных факторов терзает 70 процентов супругов со стажем.)

Так вот что пишет по этому поводу Александра Коллонтай подруге:

«...Надо внутренне оторвать себя от изжитой любви к мужчине. Иметь дух себе самой признаться: в нашем возрасте «влюбленности» к нам быть не может. Есть многое другое, что привязывает мужчин к нам: вспышка-тяготение... удобство (мы умеем создавать комфорт и удобство), польщенное самолюбие и т. д. Но все же это не любовь, не та любовь, какую мы получали... (молодыми. — Л. Т.)

Что делать, чтобы от этого не

страдать? Мой совет: отмежеваться. Внутренне отмежеваться. Я — одно, он — другое, совсем другое. Жить всеми сторонами своего богатого духовного «я». А любимого брать, как приемлешь приятную, необязательную встречу с интересным, приятным (отнюдь не «близким») человеком. И только не строить себе иллюзий: мы близки!..

Надо научить себя быть одной, и внутренне одной. Ни на кого не рассчитывать и меньше всего рассчитывать на «них»... Меньше всего! Надо жить для себя и для дела, даже для личных приятностей, но ничем для когда-то любимого не поступаться. Тогда к нам не будут предъявляться «внутренние счета». Как? Я ради него отказалась от встречи с деловым интересным лицом? А он не пришел. Как? Я из-за него не села за писание спешного отчета, а он опаздывает, и я теряю время, и т. д., и т. д.

Иногда (мы сами в нашем возрасте боимся в этом признаться) приятнее лечь раньше спать, чем высиживать за полночь на свидании... Научиться ничего не ждать? Именно: не ждать. Скажешь: холодно? Да. И немножечко горько. Но зато меньше мук. И жить можно. Зато как подхватываешь неожиданную радость, брошенную «им»! И внутренне удивляешься: «Да ну! Неужели он еще так любит?» Возраст имеет не только свои задачи, но и свой способ восприятия. Не надо себя обманывать и играть в молодость... Честность с собою! Такова моя «житейская мудрость».

Простите за длинную цитату. Но, мне кажется, здесь есть над чем порассуждать, поразмыслить. Ведь женская эмоциональная психологическая беззащитность перед нелегкими обстоятельствами личной жизни — «когда хочется заснуть и

не просыпаться» — в конце концов может быть побеждена или хотя бы смягчена — не врачами, не транквилизаторами, а только усилиями собственной души и разума.

Говорят, что многие брачные конторы нынче прогорают: мало клиентов, вернее, клиенток — они всегда составляли костяк «желающих вступить в брак». Да и душевизирующих объявлений в газетах типа «Я так давно ищу тебя, мой единственный...», «Где же ты, верный муж и заботливый папа?», а то и виршей вроде «Я одинокая овца, моим страданиям нет конца» все-таки поубавилось. Зато получила распространение формулировка: хочу познакомиться с таким-то и таким-то, но без жилищных и материальных проблем. Кто-то, конечно, углядев в этом спад женского бессребреничества, вздохнет: «Никто не хочет обузы. Спонсоров им подавай или хотя бы обеспеченных. А ведь совсем недавно были готовы и одеть, и накормить, и поселить — лишь бы уйти от одиночества...»

Признаюсь: если дело обстоит именно так, то меня это успокаивает. Даже радуется. Не хватит ли уж: «Я и баба, и мужик...»?

«Я и героиня фильма «Москва слезам не верит» очень похожи — только мне было хуже. Я «принесла в подоле» своей маме, и верных подружек около меня не было. Что я тогда вынесла — одному Богу известно. Сколько раз в голову закрадывалась мысль: а не кончить ли все разом? Дело даже не в недостатках, с которыми мы жили, — я хваталась за все, чтобы подработать, — фартуки, халаты шила, на базаре продавала — это еще была пора дефицита. Почту разносила, на автовокзале туалет мыла — нужно было время со Светкой си-

деть. Мама еще молодая была, работала, а когда все это случилось, мне было 18 лет. Выйду с дочкой гулять — сразу на меня смотрят. Городок подмосковный, маленький. А отец моего ребенка, как отстроили наш большой комбинат, уехал, не сказав слова, не оставив рубля. Когда Свете исполнилось пять лет, вдруг заявился, каялся, мол, женился, с семьей у него не получилось, давай жить вместе.

Я и не думала даже. И слов у меня никаких не было. Только и сказала: «Уходи». Тут-то мама и все родственники набросились на меня: мол, дура, свое счастье погубила, мало ли что в жизни бывает. Конечно, все бывает. Но не все и не всякая женщина простить сможет. Я не смогла. И вообще я заметила, что женщины — народ стойкий, живучий, «ломаются» чаще мужики.

И вот, махнув рукой на все, поехала в Москву. Узнала, что на стройке нужны рабочие, а проблем с детсадом никаких. Перебрались мы с дочкой в общежитие. Через два года поступила сначала в строительный техникум, а потом — в вечерний институт. Была я уже бригадиром, мужиками управляла. Не скрою — и материться научилась, и «махнуть с устатку», но дело свое знала. Это все ценили. И дочка у меня была в порядке. Получила однокомнатную квартиру. И кавалеры у меня появились, но все «уходящие-приходящие». По правде сказать, я никого не любила.

В общем-то стала я, можно сказать, совсем на ноги. А тут перестройка. Я же на большом комплексе была задействована, и погорел он, миленький, синим пламенем: зарплату не выдают, материалов нет. Ну, знаете, в общем. Многие, конечно, двинули кто куда. Я уж думаю: ничего, опять туалеты мыть

пойду, пару подъездов возьму. А Светка пусть учится на дневном, а то она из-за нашего безденежья хотела на вечерний переводиться.

И тут мне повезло. Бывший мой начальник организовал кооператив. И меня взял — что касается смет, строительной документации, то не хвально скажу: тут я королева. Первый год мы, правда, можно сказать, за так работали. Потом ничего, дела пошли. Стала очень хорошо зарабатывать. На работе я — «Валентина Петровна» да «будьте любезны». Несколькими раз вот читала, что женщина должна свой ум в карман прятать, чтоб кавалеров не отпугивать. И ведь ученые пишут — психологи! Что же они мужикам-то не посоветуют дурь-то свою, лень, грубость, неряшество тоже куда-нибудь прибрать подальше?! Чтоб тоже не отпугивать? Или считается, что это добро и так с руками оторвут? Извините, отклонилась я от темы.

А теперь вы меня, наверное, осудите. Знаете, как я отмечала свое сорокалетие? Арендовала пароход, созвала всю свою родню и знакомых, даже тех, кто когда-то звал меня «Валька» и скверное слово прибавлял. Поплыли мы по Москве-реке и высадились на зеленом лугу. Были шашлыки, шампанское. Зачем такое купечество, скажете вы? Только поймите, я уже не помнила, когда последний раз свой день рождения справляла, в каком году. Вечно денег нет, да и сил. Вот и подумалось: эх, Валентина, устрой-ка себе праздник. И устроила. Одного, как в фильме, не встретилось — такого вот Гоши. Порой, конечно, и взгрустнется. Но только я знаю, что если уж иметь мужа, то обязательно Хорошего. Вот даже пишу с большой буквы. Чтоб порядочный был, надежный, чтобы понимал меня и ценил. А то

смотрю, как муж и жена живут — словно волки, кто кого унизит сильнее. Нет, мне такого не надо...»

— Молодец! — комментирует это письмо врач-психолог, кандидат медицинских наук А. С. Орлов. — Надо признать, женщины действительно научились в меньшей степени считать себя беспомощными жертвами судьбы и в большей — хозяйками собственной жизни. Однако я отнюдь не радуюсь за нашу корреспондентку. И знаете почему? Меня удручает, что печальный опыт с одним «неправильным мужчиной» породил в ней напряженное, если не сказать, агрессивное отношение к противоположному полу. «Все они такие». «Как бы снова не сорваться». «Перевелись мужики-то!». Это распространенные и опасные мотивы. Кому-кому, а нам, врачам, хорошо известно, сколь негативно сказывается на физиологическом и психологическом состоянии женщины отсутствие в ее жизни «его».

— Что ж, одиночество — это не беда женщины, а ее вина?

— Увы, мой опыт психолога, поверенного сотен пациенток, мучимых одной и той же драмой, все-таки заставляет свидетельствовать: очень часто одиночество — итог того, что женщина не смогла отказаться от нереалистических требований к воображаемому или действительно «случившемуся в жизни» мужчине. Она не умеет, не хочет забывать или закрывать глаза, если хотите, на несовершенство другого человека. «Стань таким, как я хочу!» — как пелось в популярной песне. А ведь надо уметь прощать, как ни трудно это. Да, да, прощать, даже измену. Надо отречься от мечтаний и ожиданий, которые ничего общего с реальностью не имеют. Можно сколько угодно аплодировать кинематогра-

фическим моделям любви — я имею в виду вашего Гошу, — даже не догадываясь, что вам лично этот человек вовсе не подходит.

— Однако не будете же вы отрицать, что многие из сознательных и подсознательных устремлений женщины к тому и сводятся, чтобы найти себе хорошего человека?

— А вы точно знаете, что такое «хороший человек», то бишь «хороший мужчина»? Женщины умудрились себе на беду вложить в это понятие вещи просто несовместимые. Он должен быть сильным, мужественным, «надежным плечом» и вместе с тем человеком тонких эмоций, нежным, чутким к колебаниям вашего настроения. Так ведь? Он должен всюю вкалывать, быть добытчиком и в то же время уделять вам достаточно внимания. И так далее, и так далее — перечень, чего он должен, можно продолжать. Такая установка вовлекает женщину в затяжные поиски или горькие разочарования: «Я не думала, что он такой». Или приводит к мучительному разрыву, последствия которого сказываются порой долгие и долгие годы...

Тут можно соглашаться или нет, но задуматься, наверное, стоит. Однако такая разногласия во мнениях — мужских, женских — может привести к раздраю в собственных мыслях. Так что же делать? Может быть, вникнув во все точки зрения, все-таки в конце концов хорошенько прислушаться к самой себе? Чего я хочу? Кто мне нужен или не нужен? Только чисто-сердечно, без излишней самонадеянности и бравады.

Как бы мы ни ругали наше суматошное, нервное время, когда не только экономические, но и нравственные, семейные устои трещат по всем швам, переживают кризис, — оно дало-таки женщине право выбирать свой стиль жизни.

Еще двадцать лет назад на ту, что обзавелась ребенком вне брака, смотрели иначе, чем теперь. Никому в голову сегодня не придет осуждать людей молодых и не очень, объединивших свои судьбы без благословения дамы из загса. И если в силу каких-то обстоятельств или по собственному желанию вы предпочли иметь любовника, а может, и не одного, то это уже не предмет для дискуссий в «здоровом коллективе». Даже тех, кто открыто говорит и пишет о том, что в XXI столетии многопартнерство вполне бы могло стать альтернативой общепринятому укладу жизни, отнюдь не спешат придать анафеме. Одним словом — ваш выбор остается за вами. И дай Бог, чтобы он принес ощущение гармонии и радости в вашу жизнь.

Хотя лично я не сомневаюсь, какому чувству в браке ли, нет ли, в поисках партнера, в сокровенных мыслях отдает приоритет каждая из нас...

Как и тысячу лет назад, женщины хочется любви и мужской преданности. Но как быть, если этого вечного дефицита каждой из нас все равно не достанется?

Не достанется не только привлекательных и обаятельных Гош-Баталовых, может не хватить — «потому что на десять девчонок по статистике девять ребят», — скажем, и так себе соискателей из «пьющих и бьющих», из «диванно-телевизионных», никаких звезд с неба не хватающих и даже не интересующихся, зажглись они там или нет.

Так что делать будем? Завидовать везучим, кто жарит сейчас котлеты? Да ни за что!.. Давайте лучше порадуемся за тех женщин, которые научились жить и действовать с полным самоуважением — «я это Я».

И в отсутствие «Гоши» вовсе не считают свою жизнь неудавшейся.

На 87-м году закончилась жизнь замечательного, необыкновенного человека - Евгения Ивановича Рябчикова.

Мы, сменовцы, знали его очень хорошо: более тридцати лет Евгений Иванович был членом редколлекции журнала и мы откровенно этим гордились. Потому что в современной журналистике нет и, наверное, уже никогда не будет другого такого выдающегося репортера, каким был Евгений Иванович. Репортер должен быть всегда и везде первым - в этом суть этой профессии. Рябчиков и был первым из первых, кто рассказывал читателям о всех грандиозных событиях, происходивших в то время в стране. Особенно его влекли люди мужественных профессий: полярники, летчики, моряки, космонавты, пограничники.

О их жизни, работе и подвигах он написал тысячи репортажей, десятки книг, снял несколько фильмов.

А еще он был очень добрым и скромным человеком. Общаясь с ним, мы заряжались его кипучей энергией, его идеями, планами, многие из которых потом реализовывались на страницах журнала.

Он любил "Смену" и нас, работающих в ней. А мы всегда будем помнить и любить Вас, дорогой Евгений Иванович!

Коллектив журнала

ДРУГА ЦИВИ

Человечество не переживет XXI века,

*если производство
и потребление энергии
и впредь будет
удваиваться каждые
несколько лет,
как во второй
половине XX века,
если население будет
удваиваться каждые
несколько десятилетий,
как во второй
половине XX века,
если разрыв
между "бедными"
и "богатыми"*

Я

ИГОРЬ БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

ЛИЗВАЦИЯ

*странами мира
будет расти
такими же
масштабами
и темпами,
как во второй
половине XX века,
если загрязнение
природы и впредь
будет идти
такими же масштабами
и темпами,
как и во второй
половине XX века,
если распад семьи,
"разрыв поколений"
и наступление*

*антикультуры
на собственно
культуру будут
нарастать такими
же масштабами
и темпами,
как во второй
половине XX века,
если не перейдет
к цивилизации,
альтернативной
существующей
и способной
справиться
с глобальными
проблемами
современности.*

Врач предупредил больного, что тот плохо кончит, и даже сказал через сколько примерно лет — если не бросит курить. Предупредил, что, если втянется, бросать курить будет все труднее. Но больной быстро привык к запугиванию и отгородился от него психологическим барьером, как ребенок от задушных поучений родителей. И только когда подошел предсказанный конец, когда мучения превысили возможности человеческого терпения, он бросил курить разом и молил врача продлить свою жизнь хоть немного. Но было уже поздно.

Современное человечество очень похоже на этого больного. Его уже более двадцати лет предупреждают, что жить так, как оно живет, можно еще от силы несколько десятилетий, причем положение будет все хуже, болезнь тяжелей, процессы, ведущие к гибели общества, приближаются к порогу необратимости, когда избавление от катастрофы станет все более проблематичным, затруднительным, неотвратимым. Предупреждают, что это не просто предсказание гадалки, а выводы научных исследований, согласно которым, если температура достигла 42°C, сердце не прослушивается и дыхание все более прерывистое, то это признаки отнюдь не выздоровления. Предупреждают, что уже налицо конкретные, зримые признаки тупиковых процессов, явно ведущих к кризису, а затем и к катастрофе. Но люди психологически привыкли к разговорам о грядущей глобальной катастрофе — примерно так же, как японцы и ка-

лифорнийцы привыкли к разговорам о неизбежно ожидающих их страшных землетрясениях. Что же делать? Жить-то надо! И живут, как бы абстрагируясь от висящего над ними дамоклова меча неизбежной рано или поздно катастрофы.

За почти четверть века со времени первого доклада Римскому клубу в 1972 году, где человечество предупреждалось о том, что его ожидает глобальная катастрофа, если оно радикально не изменит своего образа жизни, практически не сделано ничего, чтобы предотвратить такую катастрофу. Теоретически сделано немало: тысячи статей, докладов о возможных путях спасения, сотни конгрессов, симпозиумов, семинаров на эту тему. Но концепции спасения, которую можно было бы, как говорится, принять за основу для разработки программы конкретных действий, нет до сих пор. И причина отнюдь не в недостатке рвения и талантов, а в очень высоком психологическом барьере, о котором говорилось выше.

Чтобы подкрепить психологический барьер неприятия нового, обосновать стремление вселенской обломовщины не встать с привычного дивана, даже когда дом начинает рушиться со всех четырех сторон, обычно приводят два контраргумента.

Первый: до глобальной ли катастрофы через сколько-то десятилетий, когда с одного конца наваливается СПИД, с другого — наркомания, с третьего — бесчисленные саттамы хусейны, а с четвертого — разваливается твое собственное общество? Или библейски: «Довлеет дневи злоба его». На это можно возразить тоже почти библейски: каждому — свое. Забота о решении текущих проблем никак не должна заслонять заботы о решении проблем перспективных,

Автор — академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования, Почетный член Всемирной федерации исследователей будущего.

иначе будешь подметать пол, не замечая, что загорелась крыша.

Второй: а есть ли полная уверенность, что надвигающаяся катастрофа неизбежна? Может быть, Бог даст, пронесет, и мы в очередной раз выплывем сухими из воды нового всемирного потопа, не меняя привычных традиций, нравов, обычаев? Это пресловутое «авось» особенно близко русскому сердцу. Но, судя по всему, не только ему — по меньшей мере германскому, романскому и японскому тоже. Что можно сказать в ответ на всемогущее «авось»? Во-первых, скрупулезные научные исследования показывают, что разногласия существуют только относительно времени наступления катастрофы (да и то в пределах двух — пяти десятилетий), ее характера, структуры, особенностей и масштабов. В том, что она неизбежна при наблюдаемых тенденциях, не сомневается ни один добросовестный ученый, даже рьяный «технооптимист» (убежденный, что гибельные тенденции можно переломить средствами науки и техники). Во-вторых, если расчеты всех ученых и всех компьютеров мира окажутся вдруг ошибочными и беда минует сама собой — что же из этого? Ведь не окопы же предлагается рыть, не орала на мечи перековывать. Приготовления к избавлению от надвигающейся катастрофы, как явствует из имеющейся на эту тему литературы, имеют целью создать, если можно так сказать, известный «запас прочности», утилизация которого в случае минования угрозы гораздо легче, чем военной техники. Тем более что предлагаются вовсе не «излишества» за счет остро необходимого, а кардинальное изменение образа жизни во имя здоровья и жизни человечества. Так что это беспроигрышно — совсем как бросить курить. Только не опоздать бы.

В основе осознания сложившейся ситуации, по нашему мнению, должен лежать категорический императив невозможности сохранения существующих тенденций развития человеческого общества и проистекающий из него столь же категоричный императив необходимости качественного видоизменения наблюдаемых тенденций как единственного способа избежать надвигающейся катастрофы. Императив альтернативности, как мы бы назвали его.

Имеется в виду безоговорочное признание невозможности избавиться от надвигающейся катастрофы, не меняя кардинально образ жизни людей. И столь же безоговорочное признание необходимости перехода к такой цивилизации, которая оказалась бы способной успешно преодолеть глобальные проблемы современности и обеспечить человечеству безбедное существование как в XXI веке, так и за его пределами.

Многочисленные «кирпичики» такого рода цивилизации, альтернативной существующей, которые разбросаны беспорядочными кучами в литературе на эту тему за последние 15—20 лет, можно попытаться собрать в пять «блоков», о которых все отчетливее идет речь все в той же литературе. Это должна быть цивилизация: а) «низкой энергетики», б) «высокой устойчивости», в) «полностью демилитаризованная», г) «экологически чистая», д) «подлинно человеческая». Вот эти пять «блоков», на наш взгляд, и образуют «каркас» концепции, которая может и должна быть положена в основу качественно нового образа жизни.

«Низкая энергетика»

Этот «блок» — основополагающий. Именно он диктует особенно-

сти и характер остальных, так сказать, задает тон, не допускает сохранения наблюдаемых тенденций, заставляет переходить к качественно иному образу жизни.

Категорический императив альтернативности исходит из физической невозможности не то что без конца, а еще хоть несколько раз удваивать производство и потребление энергии на ограниченном пространстве земной поверхности. Известно, что для этого не достает нефти, газа и угля (да если бы и достало — загрязнение природы стало бы катастрофическим). Что увеличение в десять, сто, тысячу раз числа атомных реакторов на Земле во столько же раз повысит вероятность нового Чернобыля. Что наращивание объема тепловой энергии за пределами естественного теплового баланса Солнце — Земля любыми способами (включая гипотетическую термоядерную энергетику будущего) приведет к катастрофическому перегреву земной поверхности. Что стремительная урбанизация и индустриализация удваивающихся трех четвертей населения земного шара, проживающего в развивающихся странах и пока потребляющего относительно мало энергии, способны придать растущему глобальному дисбалансу энергетики катастрофический характер коллапса: это когда все вдруг рушится как картонный домик.

Физика подсказывает нам единственно возможный, по всей видимости, выход из положения: постепенный перевод иссякающего горючего для тепловой энергетики в разряд химсырья (менделеевское: перестать топить ассигнациями). И столь же постепенное свертывание атомной энергетики с одновременным наращиванием в мировом энергобалансе удельного веса так называемых «чистых» источников

энергии, меньше загрязняющих природную среду. Их насчитывается до десятка: солнечное излучение (в том числе транслируемое из космоса преобразованием его в электроэнергию при несравненно более высоком КПД), ветер, речные потоки, морские приливы, волны, внутреннее тепло Земли в его выходах на земную поверхность (геотермические ЭС), разница температур на земной поверхности и в глубинах земли (пока не используется), разница температур на поверхности моря и в глубинных слоях (пока только первые эксперименты), а также гипотетически возможные источники энергии, вроде земного магнетизма и др.

Сказанное диктует и основные параметры качественно нового образа жизни, адекватного вышеуказанным источникам.

Во-первых, максимальная теплоизоляция жилища (вообще мест жилья, работы, покупок, развлечений, всех зданий). В идеале западные архитекторы-дизайнеры представляют это как благоустроенный коттедж, ушедший тремя стенами в землю, — с четвертой стеной, гигантским стеклом открытой Солнцу для оптимальной инсоляции (включая возможность прохождения ультрафиолетовых лучей). Понятно, это как идеальный ориентир, реально далеко не во всех случаях достижимый, но дающий известную направленность архитектурно-дизайнерским проработкам.

Во-вторых, немалая экономия калорий может быть достигнута за счет повышения уровня культуры питания, одежды, жилища. Отрекаясь, к примеру, от «переедания», мы спасаем свое здоровье и лишние калории, идущие на приготовление «излишней» пищи. Закаливаясь, мы отказываемся от кучи одежды, на изготовление которой тоже идут калории.

Наконец, в-третьих, минимиза-

ция моторного транспорта, пожирающего тоже немалую долю производимой и потребляемой энергии. Понятно, совсем упразднить его никак нельзя: не всякий нужный товар произведешь на месте и не в каждом случае удовлетворишься пусть даже самыми идеальными средствами связи. Да и человек не может всю жизнь сидеть на пороге собственного дома. Но мир должен быть открыт его глазам иными способами. На одном из них, именуемом сублимацией коммуникативных потребностей, мы подробнее остановимся в следующем разделе. Другой предусматривает использование энергии, не дающей теплового загрязнения окружающей среды: рюкзак и собственные ноги, велосипед, может быть, даже экзотичная ныне лошадь, весла, парус (кстати, способный везти не только пассажиров, но и грузы), планер, дельтаплан — мало ли возможностей для «безкалорийного» передвижения?

Мы опускаем, как трюизм в современной обстановке, слова о том, что «низкоэнергетическая цивилизация» абсолютно несовместима с гонкой вооружений. Думаем, излишне расписывать здесь, сколько именно процентов выиграет человечество у мирового энергобаланса, когда избавится от войн, оружия и солдат на своей планете.

Вместо этого остановимся на том аспекте «альтернативной цивилизации», который делает в ее условиях уровень и качество жизни людей при всех энергетических ограничениях не только не уступающим нашему, но и намного превосходящим его.

«Высокая устойчивость»

В наши квартиры год за годом вторгается техника, которая способна намного радикальнее изме-

нить нашу жизнь, чем все машины, приборы и механизмы с древнейших времен до наших дней вместе взятые.

Пусть читатель постарше вспомнит 50-е годы, когда нам казались допотопными земляне 20-х годов, имевшие в своем распоряжении лишь граммофон и в лучшем случае еще черную тарелку радиопродуктора на стене. Еще бы, ведь у нас были уже портативный патефон, радиоприемник, ловивший «заграницу» (теоретически), а кому повезло — телевизор с экраном меньше нынешней видеокассеты. Но мы напрасно относились свысока к предшественникам, ибо сегодняшнее поколение платит старикам той же монетой: в его распоряжении несоизмеримо более мощный радиоприемник, фоновая система со стереофоническим проигрывателем дисков и кассет, стереосистема (обе — с возможностью звуко- и видеозаписи), наконец, ТВ с параболической антенной, способной передавать на телеэкран посредством космовидения сотни программ. Но и сегодняшнее поколение напрасно гордится своими «системами», потому что, судя по всему, гораздо раньше, чем через следующие тридцать лет, в наши дома придут «системы», по сравнению с которыми самый роскошный сегодняшний ТВ будет смотреться «беспузырьковой линзой» 50-х годов.

ТВ становится «плоским», как настенная картина. Это дает возможность варьировать масштабы телеэкрана по психологическому удобству восприятия: в спальне — один, в гостиной — другой, в зале — третий, на городской площади — четвертый. Стереофония уже гарантирована. На очереди — стереоскопия. Пока еще с помощью не очень удобных специальных очков. Но в ближайшие годы ожидается «безочковая» и не позднее

первого десятилетия XXI века массовое распространение стерео ТВ — инженерные разработки уже имеются.

Попытаемся осмыслить, что именно несет нам широкоформатный стереотелеэкран. В отличие от сегодняшнего, сколь угодно широкого, он дает «эффект присутствия» на любом зрелище. Иными словами, вы как бы сидите в первом ряду партера Большого театра либо оказываетесь в группе туристов, остановившихся перед Собором Парижской Богоматери (Лувром, Эрмитажем и т. д.). Заметим, что подобный «эффект присутствия» уравнивает в доступе к сокровищам мировой культуры москвича или парижанина с обитателем самого отдаленного поселка где-нибудь в глубинке Сибири или Африки.

На тот же телеэкран можно вывести из электронных хранилищ информации чертеж, рисунок, газетный, журнальный, книжный текст. Собственно, круглосуточная «телегазета» уже стала реальностью во многих странах мира.

На дисплее ТВ могут бегать не только газетные, но и журнальные страницы. Преимущества «тележурнала» перед традиционным бесспорны. Разве можно сегодня успеть перелистать сотни, тысячи журналов, способных вас заинтересовать? Но вот вы нажимаете клавишу электронного каталога; еще одна, другая — и на дисплее развертываются абзацы статьи, о которой вы даже не подозревали, которую ни за что бы не отыскиали в куче периодики, поступающей каждый день в библиотеки.

Но раз возможен «тележурнал», должна быть возможна и телекнига», появление которой, ожидающееся с году на год, должно произвести самую настоящую революцию в книжном деле. Не нужно будет переплачивать бешеные день-

ги на черном рынке, не нужно сокращаться, что не имеешь доступа в библиотеку Конгресса США. Клавиша, вторая, пятая, десятая — и на вашем дисплее развертываются цветные стереоиллюстрации из редчайшей книги полутысячелетней давности, идут абзацы издания, которое вы отчаялись купить или найти в библиотеке.

Конечно, сами книги никуда не денутся. Мы — люди книжной культуры и будем расставаться со своими книжными сокровищами так мучительно, как древние египтяне — со своими папирусами. Но книга станет скорее произведением искусства, чем источником информации, займет место на полке дома рядом с хрустальной вазой или малахитовой шкатулкой. Ясно одно: книга, журнал одноразового пользования по энергетическим и экологическим резонам обречены на исчезновение из нашего обихода. По тем же причинам, что и персональный теплоход или личная космическая ракета, — каллорий не хватит.

На тот же телеэкран, кстати, можно вывести и видеофон — игрушку, которой сегодня забавляется начальство или редкие любители телеэкзотики. Оказавшись на широкоформатном стереотелеэкране, игрушка перестанет быть игрушкой: она позволит вам откататься от девяти из десяти, а может быть, даже от 999 из 1000 запланированных вами деловых и развлекательных поездок. Не забудем, что имеется в виду — в отличие от современного ТВ — обратная связь. Не нужно будет идти в школу: все ученики, оставаясь дома перед своими ТВ, «соберутся» в «телеклассе» и проведут урок с учителем, включая его объяснения, поднятые руки, вызовы к доске и неизбежные двойки. Не нужно будет идти в учреждение: на десять утра назначена «телепла-

нерка» с накачкой от шефа, сбивчивыми оправданиями бездельников, выговорами, — всем, из чего состоит рабочий день обычного учреждения, — и все это, не покидая собственного дома.

Добавим к этому, что к ТВ подключен персональный компьютер с набором программ, располагающимся рядом с персональной фонотекой и видеотекой. Это дает возможность работать, не выходя из дома, не только в учреждении, но и на предприятии: в этом случае ваш персональный компьютер играет роль пульта управления станком, прибором, машиной. Собственно, это и есть завершающая фаза процесса комплексной компьютеризации (кибернетизации) производства.

Повторяем еще раз: совсем от средств транспорта человечеству никогда не избавиться, доколе человеческое общество будет оставаться человеческим. Всегда будет выгоднее экономически и экологически произвести какой-то товар за тридевять земель и доставить его на место транспортом, нежели производить на месте. Значит, какой-то объем грузоперевозок всегда останется. Всегда сохранится потребность поехать куда-то самолично, не довольствуясь стереоизображением на экране, а это не всегда можно сделать пешком, на велосипеде или под парусами. Следовательно, сохранится и какой-то объем пассажирских перевозок. Важно лишь свести этот объем до минимума, чего будет категорически требовать императив самосохранения. Он заставит прибегнуть к сублимации коммуникативных потребностей, используя средства связи вместо средств транспорта всюду, где это возможно, для достижения тех же целей.

Думается, однако, что соблазн решать все проблемы, не вставая с

кресла перед своим ТВ, окажется настолько большим, что, напротив, придется побуждать человека использовать не только средства связи, но и транспорта (конечно, возможно меньше — моторного). Ведь если абстрактно-теоретически представить себе, что человек неделями и годами будет безвылазно сидеть перед дисплеем своего электронного комбайна (ТВ + персональный компьютер + видеофон), то он рискует оказаться одиночкой Маугли в своих электронных джунглях с серьезными сдвигами по части психики и интеллекта. Не забудем, что гомо сапиенс — животное общественное и становится человеком только в человеческом обществе.

Но современное общество, как мы уже говорили, явно скатывается к глобальной катастрофе, проистекающей из разбалансировки системы глобальных балансов, на которой держались и держатся вся флора и фауна нашей планеты, не исключая и человечество. Имеются в виду балансы топливно-энергетический, материально-сырьевой, продовольственный, транспортный, торговый, экологический, демографический и т. д. В основу мы с вами не случайно положили первый, ключевой, но и остальные, в той или иной мере производные от него, имеют самостоятельное значение. Глобальная проблемная ситуация, на глазах перерастающая в критическую и имеющая тенденцию перерасти в катастрофическую, определяется тем, что пошли буквально «вразнос» энергетический, экологический и демографический балансы, а за ними и все остальные. Задача сводится к тому, чтобы минимизировать дисбалансы и затем восстановить систему балансов в качестве более высокого состояния — состоянии высокой устойчивости, причем не только без ущер-

ба для уровня и качества жизни людей, но с возможным повышением того и другого.

Тот самый электронный комбайн, о котором говорилось выше, в состоянии поддерживать многие формы жизнедеятельности людей на уровне, превышающем самые передовые сегодняшние стандарты.

Он способен — как было рассказано выше — сделать жизнь человека намного более содержательной и интересной, чем самый роскошный современный ТВ делает ее для человека, проводящего перед телеэкраном весь день.

При этом резко, во много раз, снижается необходимость в производстве энергии, добыче сырья, производстве из него материалов, строительстве промышленных сооружений, прокладывании дорог, развитии транспортных средств и т. д. И если вдобавок стабилизировать рост населения приближением к «демографическому оптимуму» нулевого роста, т. е. массовым распространением «среднедетных» семей вместо многодетных, есть шанс реставрировать рассыпающуюся систему глобальных балансов в качественно новом состоянии.

Нет нужды добавлять, что это подразумевает сокращение загрязнения воздуха, воды, почвы, радиационного, шумового, теплового и химикатного загрязнения. Иными словами, делает цивилизацию экологически чистой. Но если уходят из жизни людей такие мощные импульсы, как гонка вооружений, индустриализация, урбанизация, «покорение природы» и другие разновидности экспансии человека на планете, то что должно явиться взамен? Что должно стать смыслом жизни и стимулом развития? На наш взгляд, та характеристика «альтернативной цивилизации», которая фигурирует под названием

Даже если мы все сегодня единодушно проголосуем за «альтернативную цивилизацию», доведем до конца разработку конструкции электронного комбайна, включим на полную мощь технологии энерго- и ресурсосбережения, форсируем процессы дезиндустриализации и дезурбанизации, — все равно на всем протяжении XXI века будут ошутимо давать себя знать инерционные процессы, набравшие силу в XX столетии. Никакими решениями невозможно разом приостановить рост населения — так же, как невозможно разом остановить взлетающий самолет. Даже если всем до единого землянам принять добровольное решение ограничиться одним или двумя детьми, все равно уже родились сотни миллионов будущих женихов и невест, которые по меньшей мере в полтора раза увеличат народонаселение мира. Следовательно, останутся миллиарды голодающих, в том числе сотни миллионов мучительно умирающих, как и сегодня, голодной смертью. Останутся массовая антисанитария и антигигиена, тяжкий физический труд, неграмотность, вопиющая социальная несправедливость, до пережитков феодальных и рабовладельческих отношений включительно, национальные междоусобицы и «малые войны» (ведь «большая война» делает беспредметными всякие разговоры о какой бы то ни было цивилизации, в том числе и «альтернативной»).

Словом, всю проблематику «альтернативной цивилизации» надо рассматривать в органической увязке с реальным прогнозируемым фоном грядущего века, в котором при любых нововведениях будет очень немало инерционно-традиционного от века истекающего. Однако если мы увлечемся анализом многосложности грядущего, то

рискуем оказаться в положении сокраножки, которая никак не решится, с какой ноги ходить. Поэтому абстрагируемся от многосложности и ограничимся только одной плоскостью, но зато в нашем плане самой важной. Такой плоскостью представляется «передний край» мирового научно-технического прогресса (так называемые передовые мировые стандарты), к которому будет постепенно подтягиваться все остальное, хотя и сам он не может не претерпевать существенных изменений.

По одному из определяющих параметров — структуре занятости — этот «передний край» выглядит следующим образом:

— 2—3% от общего числа занятых (фермеры) оказываются в состоянии в условиях комплексной автоматизации и компьютеризации сельского хозяйства полностью обеспечить страну продовольствием (для сравнения: у нас этим занимается — причем известно, как именно — 20% работающих). Прогнозно рассчитано, что комплексная компьютеризация сельского хозяйства в рамках существующей (неальтернативной) цивилизации на протяжении следующих 10—20 лет позволит сократить эту удельную долю примерно вдвое-втрое, т. е. ориентировочно до 1% занятых;

— 15—20% (в добывающей и обрабатывающей промышленности) оказываются в состоянии в условиях комплексной механизации, автоматизации и начинающейся компьютеризации промышленности и строительства полностью обеспечивать страну промтоварами, жильем, дорогами и всеми необходимыми средствами производства — от станков до автомашин и самолетов (для сравнения: у нас этим занимается в промышленности и строительстве до 60% занятых). Комплексная автоматизация

и тем более компьютеризация промышленности и строительства в том же временном диапазоне позволяют сократить эту процентную долю в 3—4 раза, т. е. ориентировочно до 5% занятых;

— львиная доля занятых при высвобождении рабочих мест в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве идет в сферу обслуживания (в самом широком смысле, т. е. не только в «общепит», коммунальное хозяйство и торговлю, но также в транспорт и связь, здравоохранение и народное образование). Теперь там на «переднем крае» накопилось намного более половины занятых. Однако именно здесь даже в самых развитых странах преобладает в лучшем случае простой механизированный, а то и просто ручной, физический труд.

В качестве примера можно взять образцовый западный университет — вершину НТП в сфере обслуживания. Машины подкатывают контейнеры с продукцией на склад или прямо на стеллажи, оттуда покупатели вручную разбирают их на тележки и через кассы катят к багажникам своих автомашин. Сравните это с заводом-автоматом или комплексно автоматизированной фермой. Разница огромная, скрывающая столь же огромный потенциал комплексной механизации-автоматизации-компьютеризации на путях торговой каталогизации и машинной доставки товаров по каталогам непосредственно потребителям. Прогнозные прикидки показывают, что таким путем можно сократить процентную долю занятых собственно в сфере обслуживания едва ли не на порядок с 50—60 до 5—6% (для сравнения: у нас в «широкой» сфере обслуживания, включая сферу государственного управления, примерно 20% занятых, т. е. вдвое-втрое меньше, чем в развитых странах, а при общеиз-

вестном качестве их работы это еще более усугубляет ущербное состояние нашей сферы обслуживания).

Особого разговора заслуживают сферы здравоохранения и народного образования.

Первая вполне поддается комплексной механизации, автоматизации и компьютеризации, но с одной существенной оговоркой. Можно представить себе поликлинику-автомат и даже больницу-автомат, мало того, уже существуют лечебные учреждения, где системы датчиков вводят в компьютер необходимые данные о состоянии больного, на основании которых машина ставит диагноз, выдает рекомендации по лечению и теоретически может даже проводить в автоматическом режиме различные процедуры лечения. Но практически — точнее, психологически — мы потребуем уточнения машинного диагноза самим лечащим врачом, которому — и только ему! — доверим назначение процедур и контроль над ними. Меж тем врач не сможет работать эффективно без помощи среднего и низшего персонала. Кроме того, никакой компьютер не сможет заменить семейного врача (один врач на несколько сотен семей). Так что с «ручным трудом» в здравоохранении при любом развитии процесса комплексной механизации-автоматизации-компьютеризации этой отрасли общественного производства дело обстоит очень сложно.

Народное образование по самому характеру своему поддается даже частичной — не говоря уже о комплексной — механизации-автоматизации-компьютеризации в несравненно меньшей степени, чем здравоохранение. Да, может быть сильно развито учебное кино и ТВ, так что, скажем, объяснять уроки с телеэкрана могут самые выдающиеся учителя страны. Может быть

сильно развита обучающая и экзаменующая электроника, вообще компьютеризация процесса обучения, способная сэкономить уйму времени учителю для индивидуального подхода к каждому учащемуся, особенно отстающему или, напротив, одаренному. Но поскольку процесс обучения в образовании органически связан с процессами воспитания, без «живого» учителя тут никак не обойтись, причем учителя, как и в здравоохранении, должны подстраховывать различные «ассистенты», а у самого учителя должно быть достаточно времени для самообразования и поддержания высокого уровня общей культуры.

Еще одна значительная процентная доля работающих занята в государственных, кредитно-финансовых и т. п. органах организационного обеспечения общественного производства. Однако демилитаризация может снять здесь разом несколько процентов, оптимизация работы служб по охране общественного порядка тоже способна дать более высокий эффект при меньшем числе людей. Немалую толику может дать упразднение синекур. Но главное — комплексная механизация, автоматизация и компьютеризация конторской работы, способная на порядок снизить численность клерков. В общем итоге процентную долю занятых можно таким путем вывести приблизительно на уровень трех предыдущих отраслей общественного производства, т. е. грубо ориентировочно примерно до 5%.

Подытоживаем: сельское хозяйство, промышленность, строительство — 5—6%, «широкая» сфера обслуживания — 5—6% и «организационное обеспечение» — 5—6%. Итого 15—18 или в более общем виде 15—20% занятых, которые будут обеспечивать общество необходимыми товарами и услугами.

То есть тем, чем сегодня занимается до 80% работающих. Полный переворот! (Поэтому и называется революцией.)

Возникает вопрос: что делать с остальными 80%? Конечно, их можно досрочно выводить на пенсию — скажем, с сорока или даже с тридцати лет. Но горький опыт показывает, что такой путь — верная массовая деморализация и деградация общества. «Общество досуга» — тупиковый путь.

Более конструктивно сокращение рабочего года. На Западе уже сейчас разворачивается переход от 40-часовой пятидневки к 35-часовой четырехдневке. Начинает дебатироваться вопрос и о переходе к 30—32-часовой «трехполовинной» неделе, что сделает возможным на каждом рабочем месте занять двоих.

Теоретически таким путем можно занять троих, четверых, пятерых (увеличением летнего и зимнего отпусков до 1—2 месяцев) и даже шестерых-семерых (один-два рабочих и пять-шесть выходных в неделю). Но тут есть психологический предел: если, образно говоря, ходить на работу раз в месяц или раз в год, то можно так дисквалифицироваться и деморализоваться, что уже речи быть не может о работнике, достойном этого названия.

Подчеркиваем: для полноты человеческой жизни человеку обязательно надо хоть день-другой в неделю приобщиться к общественно полезному труду, почувствовать себя частицей творящего человечества. И эту понятную социальную потребность надо постараться возможно полнее удовлетворить даже там, где социальная защищенность позволит высвободить значительное число людей без ущерба для их уровня жизни, а высокая производительность труда — без ущерба для общественного производства.

При всем том нормативные прог-

нозные разработки показывают, что и для 80% «высвобожденных» комплексной механизацией-автоматизацией-компьютеризацией при надлежащей социальной организации их общественно полезного труда может найтись немало работы — возможно, даже больше, чем окажется в наличии рабочих рук, что послужит дополнительным стимулом дальнейшего — практически бесконечного — развития общественного производства и на этой основе общества в целом. Это очень важно подчеркнуть, потому что именно здесь наиболее ярко проявляется подлинная человечность «альтернативной цивилизации», напрочь исключающей массовую безработицу при любом уровне развития комплексной механизации-автоматизации-компьютеризации общественного производства.

Обратим прежде всего внимание на сферу семьи и народного образования и вспомним, как здесь обстоит дело и как могло бы обстоять в оптимуме.

Во избежание недоразумений укажем, что увеличивать в несколько раз педагогический корпус неразумно и даже губительно для пользы дела. Конечно, по 30 человек в детсадовской группе и до 50 в школьном классе — это дикость (точнее, вынужденная убогость). Педагогика и психология подсказывают нам оптимальное среднее число воспитуемых и обучаемых, приходящихся на одного воспитателя-учителя. Это знаменитая формула 7 ± 2 , показывающая, что ниже пяти и выше десяти мы значительно отдаляемся от оптимума. От тридцатки и полусотни до десятка — резерв наращивания педагогических кадров огромный, в несколько раз. Но на этом пути встречаются множество пределов: от экономических («экономика не позволяет») и долго еще не позволит)

до психологических (педагогические таланты, как и всякие таланты, сравнительно редки, а подпускать к детям бесталанных — себе дороже). Поэтому если собственно педагогический корпус и будет (должен!) расти, то постепенно, очень умеренными масштабами и темпами, постоянно считаясь с «органическими пределами» своего роста.

Однако, как уже говорилось, чтобы педагог работал с полной отдачей, с индивидуальным подходом к ребенку, ему необходимо несколько (до десятка-полтора и более) помощников-ассистентов. Это могут быть дежурные родители в яслях-детсаде, пришедшие на смену исчезающим на глазах «нянечкам», естественно, с оплатой своего труда, а также ассистенты — тоже в основном родители — по внеклассным занятиям школьников (игры, прогулки, экскурсии, репетиторство с отстающими, просто столь недостающее нашим детям общение со взрослыми, трудовые занятия и т. п.).

Все это обойдется обществу в огромное количество специально выделенных для данной цели рабочих человеко-дней: по некоторым оценкам, от четверти до трети в балансе рабочего времени общества — столько, сколько занимает сегодня промышленность в развитых странах мира. Однако огромная цена с лихвой окупается тройным социальным эффектом: во-первых, резко сокращается катастрофический «разрыв поколений»; во-вторых, значительно ослабляется угроза массовой безработицы; в-третьих, оптимально «трудоустраивается» значительное число людей, склонных посвящать жизнь делу воспитания подрастающего поколения, но не в качестве профессионального педагога.

На наш взгляд, массовый «пере-

ток» взрослых в сферу народного образования может и должен явиться наиболее яркой, наиболее показательной чертой «альтернативной цивилизации», резко отличающей ее от существующей.

Аналогичное положение складывается в сфере здравоохранения. Здесь также нецелесообразно наращивать численность профессионального медперсонала сверх известных оптимальных пределов (напомним, что число врачей у нас в расчете на тысячу населения почти вдвое превышает ту же величину в США, но каждый врач «пролечивает» за год вдвое меньшее число больных, а качество обслуживания лучше не сравнить). Но слабое место всей глобальной системы здравоохранения, не исключая и нашей страны, — его низшее звено: сиделки, «нянечки», санитарки и т. п. Даже в самых роскошных зарубежных госпиталях нет практической возможности обеспечить каждому больному при необходимости круглосуточное дежурство не просто заботливой сиделки, а сердечного человека, который мог бы, как говорится, внести успокоение в душу больного. Этот пробел стремилась восполнить высоко чтимая всеми мать Тереза, создавшая «Орден милосердия». А теперь вообразите себе такой орден глобальных масштабов, члены которого добровольно посвящали бы несколько часов своего рабочего времени в неделю заботам о больных не только в больницах, но и на дому, помощи по хозяйству всем недужным, просто сердечному соучастию в горестях любого человека, на которого в одиночестве свалились жизненные проблемы. Сколько потребуется членов такого ордена, чтобы позаботиться о каждом страждущем на Земле? Наверное, меньше, чем «ассистентов» преподавателя, о которых упоминалось выше, но все

же астрономическое количество, способное, по некоторым подсчетам, выразиться грубо приближительной величиной до 15% и выше баланса рабочего времени общества. Здесь и подлинная человечность как одна из ведущих характеристик «альтернативной цивилизации» выступает, пожалуй, наиболее ярко: полнейший бескорыстный альтруизм.

Наконец, остается проблема спасения земной флоры и фауны, которая за последние десятилетия, можно сказать, «пошла вразнос», и даже если в перспективе ближайших десятилетий человечеству вдруг удастся более или менее безболезненно перейти к «альтернативной цивилизации», то все равно мы успеем довести земную поверхность до катастрофического во многих отношениях состояния. Основной объем работы по реставрации, спасению гибнущей природной среды, понятно, падет на долю механики, автоматики, электроники, так как рукам человека с бедствием в таких масштабах не совладать. Но очень многие явления разгромленного нами мира растений и особенно мира животных, наших «братьев меньших», бездушной технике не поддаются. Здесь нужны миллионы, может быть, даже десятки и сотни миллионов заботливых рук ежедневно. В пересчете на баланс рабочего времени общества это составляет все ту же величину порядка 15 процентов.

Подведем итоги. Оказывается, абстрактно-возвышенное понятие «человечность» имеет конкретно-приземленное выражение в виде количества человеко-часов или человеко-дней, которые надо потратить, чтобы это понятие из идеального превратилось в материальное. «Подлинная человечность» тем более требует огромного удельного веса в балансе рабо-

чего времени общества. Зато оптимально решается проблема занятости при любом уровне комплексной механизации-автоматизации-компьютеризации производства. Это и есть зримое выражение «альтернативности цивилизации» вообще и «подлинной человечности» в особенности.

КРЫЛО СКОПЫ

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

На глиняных ногах

Жили здесь, в рязанских краях, несметные полчища скоп. Были они такими алчными да сильными, что запросто уносили в дремучие урочища зазевавшихся ребятешек... По птице и город назвали — Скопин.

Так гласит легенда.

Нынче скопа здесь не летает. Повывели птицу охотники да коллекционеры-таксидермисты. Осталась она лишь на гербе города.

Есть, говорят, несколько особей и в заповеднике Брыков Бор.

А еще живет птица в глине скопинских мастеров. Она — словно фирменный знак городского промысла. Мастера украшают ею сосуды, кувшины, подсвечники... Но только в их исполнении никак не получается скопа хищной — выходит лукавой, наивной, озорной; бывает девушкой или молодухой с телом птицы, получается еще просто-народно-хитрой; но злой — никогда.

Попыталась однажды старая

гончарная мастерица Мария Александровна Линева, или «баба Маня», как любовно ее называют молодые художники, воплотить батальный сюжет: птица терзает медведя — но такой ласковой получилась эта схватка, что коллеги композицию иначе, как «Закадычные друзья», не называют.

В Скопине, где рядом залежи глины, гончарным промыслом занимаются издревле. И издавна повелось — горшок обычный, незамысловатый, продавался на базаре за три копейки, а тот, что украшен фигурами да узорами, — за три рубля. А всероссийскую и даже всеевропейскую известность получил промысел в начале века, когда построили железную дорогу, когда вывели местные гончары у липецких мастеров секрет поливы (обливной глазури) и появилась в интеллигентных семьях мода на «посконное, домотканое».

Было в ту пору в городе не менее двадцати мастеров-художников; соревновались они друг с другом и создали особенный стиль, не менее своеобразный, чем у умельцев Жжели, Палеха, Жостова. Мастера передавали молодым секреты, пестовали неповторимый почерк. Главные приметы его — добродушие и ирония. Медведи, крокодилы, драконы, вылепленные скопинскими мастерами, получаются какими угодно, только не страшными.

При советской власти гончаров слили в артель; образовалась фабрика-промысел. Подчинялась она областному управлению местной промышленности. Область спускала планы, проценты. Боролись на фабрике за увеличение объема выпуска товаров народного потребления, за то, чтобы ни одного отстающего не было рядом... Мастера, конечно, оставались, во все времена делали (и делают по сию пору!) великолепные авторские работы, их

покупали и покупают знатоки и музеи. Молодые художники — тридцатилетние Татьяна Голованова, Татьяна Лощина — именно благодаря принадлежности этой рязанской земле переняли столетний дух промысла.

Как век назад два десятка гончаров-художников было в Скопине, так и сейчас на фабрике примерно столько же. Гуртом, артелью работать все-таки легче. Сколько хлопот надо, чтобы глину накопать, привезти, высушить, измельчить... Да и в современной печи проще «выпечь» изделие. Во времена кооперативной эйфории попытался один художник наладить свое индивидуальное производство, но не выдержал, сник... Не те нынче годы, чтобы глину сушить в собственной избе, а товар, вынув из русской печи, остужать в кислых щах. (Такая, говорят, была технология в прошлом столетии.)

Нынче царит конвейер!

Довелось видеть, как выходят из печи сотни, тысячи похожих друг на друга, сделанных по одной форме кувшинов, украшенных скопото, и было грустно от того, что красота тиражируется в столь подавляющем количестве, что тысячи одинаковых птиц украсят тысячи одинаковых российских квартир...

При массовом производстве, объяснила мне художник-искусствовед фабрики Татьяна Лощина, неизбежно теряются «вкусные» мелкие детали. Формы не в состоянии их передать. Но столь хороши те оригиналы, по которым льются формы, что и при конвейерном производстве в изделиях все-таки остается фирменное скопинское очарование. Их по-прежнему покупают, особенно перед 8 Марта, Новым годом (тем более что художники запросам публики потрафляют — прошлым декабрем, например, памятью о наступающем Годе Мыши, выбросили на рынок множе-

ство подсвечников, украшенных этим симпатичным грызуном).

Скопинские сувениры сегодня не «улетают со свистом», как лет десять назад. «Когда человек красивую безделицу купит? — рассуждает директор фабрики Валентин Дмитриевич Тельшев. — Когда он сыт, обут, одет. Если между куском сыра выбирать и сувениром, только фанат выберет украшение. Таких в России осталось немного».

Казалось бы, богатые люди должны скупать скопинские авторские работы на корню. Для «нового русского» миллион рублей за штучную, коллекционную работу — пустяк. Но до «новых русских», в отличие от «старых» — интеллигенции конца прошлого — начала нынешнего века, создавшей моду на изделия российских промыслов, — туговато доходит народная ирония, крестьянская усмешка, которая и есть «фирменный стиль» рязанских мастеров. Отечественные нувориши скопинские изделия покупают, но для них потребовалось создавать новый почерк: помпезный, вычурный. Большим спросом пользуются в этой среде многолуговые каминные часы с башенками, арками, напоминающие монументальный «сталинский ампир». Те из художников, кто, наступая на горло собственной песне, ваяет этих монстров, зарабатывают, как правило, неплохо (фабрика платит художнику 20 процентов от цены, за которую продано изделие). Те же, кто ни себе, ни вековым традициям старается не изменять, нечасто находят покупателей. Как правило, это галереи или музеи.

Слава скопинских промыслов началась с выставки в Париже в 1900 году. Международная известность обогнала российскую, которая также пришла после выставки — петербургской, состоявшейся двумя годами позже. Товар надо показать лицом! Приучить к нему

покупателей, «приручить» их. Если спроса на изделие нет — его надо создать. Наши предки знали эти маленькие торговые хитрости. (Мы же за семьдесят лет централизованного сбыта от них отучились...)

Множество маркетинговых, говоря современным языком, приемов применяли рязанские кустари: в городском музее до сих пор хранится рекламная листовка начала века, посвященная местному гончарному делу. Можно представить, сколько их, подобных листовок, было тогда, если она пережила все войны и революции и попала обратно в Скопин аж из Крыма!

Сейчас ни листовок, ни другой рекламы старинного промысла вы не увидите. На фабрике долго искали хотя бы один проспект, чтобы подарить мне. На продвижение своей продукции у гончаров не хватает ни умения (что вполне извинительно после семидесяти лет плановой экономики), ни, главное, средств.

— Гжель или Палех на Западе всем известны, — говорит директор Тельшев. — Во многом потому, что были они как бы «витриной социализма». Подчинялись те фабрики непосредственно министерству культуры. Туда возили западных экскурсантов. Вовсю продвигали продукцию за рубеж: какая русская выставка в Париже или Токио без Гжели или Хохломы!.. Мы же были в тени. Иностранцы о Скопине мало знают... Сколько к нам приезжало посредников! «Великолепные работы! — говорят. — Покупаю у вас партию, выставлю у друга в лавке в Мюнхене (или в Чикаго, или в Хайфе) — продам, приеду за новым товаром». Покупали, увозили — да только ни один не приехал во второй раз...

Может, богатеям лучше покупать не каминные часы (и каминные, на коих те часы стоят, и особняки, где те каминные топятся), а вложить

Художник Александр Рожко с учеником.

Музейная экспозиция.

деньги в «раскрутку» той же гончарной фабрики? Вернется ведь затраченное сторицей! Но, видимо, вкладывать деньги в производство — для «новых русских» все равно что коллекционные авторские работы покупать: только единицы из них понимают, что это — вложение на века.

С советских времен осталось к промыслам пренебрежительное отношение — все эти игрушки, декоративное дело даже не второ-, а деся-

тистенное. Царская империя, мол, была колоссом на глиняных ногах — держалась на всяких там гончарных кустарях-одиночках. Иное дело домна или тракторный гигант!

Но, может, Россия резвей побежала бы на «глиняных ногах», чем на тех, что из броневой стали? Во всяком случае, в отличие от продукции тяжелого или легкого машиностроения, за рубежами Отечества, как правило, никому не

нужной, глиняные безделицы вполне, как выражаются специалисты, «потенциально-экспортный» товар. (Не забудем, кстати, что китайские игрушки продаются по всему миру — только в избалованных Штатах на десятки миллиардов долларов ежегодно.) Российские промыслы, Скопин в том числе, практически освободили от налогов. Но — ни один из них не процветает. Иные живут ни шатко ни валко, другие вовсе умирают.

Держатся Гжель, Касли, Хохлома... А вот старинное мастерство коклюшечниц — плетение узоров из нитей — угасает. В конце прошлого века оно, это умение, спасло в неурожайный год на Рязанщине тысячи крестьянских семей от голода. В тридцатые годы в Скопине было около двух тысяч коклюшечниц! А нынче, когда решили это искусство возродить, с трудом нашли в городскую художественную школу мастера, что умела бы плести кружева.

Пропало кружевное искусство. Вымерло, как древняя птица скопа. Неужели оно не нужней, чем «пепси-кола» или «педигри-пал»?

Традиции гончарного искусства поддержаны будут. (Был бы спрос!) Подрастают талантливые дети. Учатся в городской художественной школе. (В небольшом Скопине, кстати, кроме нее, есть школа хореографическая и две музыкальные.) Строили художественную школу всем городом, всеми заводами. Тогда, в восьмидесятые, новые учреждения культуры возводить запрещали. Художественную школу строили, маскируя от областного начальства как ремонт школы музыкальной. Специальные гончарные круги для детей сделали по дружбе на одном из заводов.

Лучшими детскими рисунками увешаны коридоры школы. В них есть искра Божия. «Во всех детях есть искра Божия! — говорит ди-

ректор школы Надежда Павловна Костина. — Мы никому не отказываем в приеме. Когда Брюллова в Академию художеств отдали — ничего ведь не понимал, А стал — Брюлловым!»

Пирамида-XIX

Алексей Петрович Крылов стоит посреди зала прекрасного, прошлого века постройки, особняка. Во круг — экспонаты городского музея, созданного, вынужденного, «пробитого» им, Крыловым.

— Знаете, что здесь раньше было? Приемная председателя горисполкома. А в следующем зале — его кабинет.

Нынче администрация города сидит в другом здании, поплоче. Кабинет бывшего председателя горисполкома (ныне — главы городской администрации) Георгия Будяну куда скромнее прежнего.

Алексей Крылов — хранитель старины.

Не могу судить, хорошо ли городской голова решает вопросы тепла, света или финансов — для этого надо постоянно жить в Скопине, — но то, что он отдал здание, освобожденное прошлой властью, не банку, не торговому дому или новому бюрократическому учреждению, а музею — достойно удивления. Во всяком случае, это единственный известный мне случай.

Крылову хватило времени намазаться.

Мальчишкой хлебнул житухи в детском доме времен войны. Убежал оттуда, бывал бит и возвращаем патрулями на казенные нары... Выучился, обосновался в Скопине.

Мысль о том, чтобы открыть (точнее — восстановить) в городе музей, не ему одному приходила в голову. Но как дошло до дела, главные тяготы легли на его плечи. И двадцать лет, с 1967 года по 1987-й, на зарплату в девяносто рублей, без официального статуса, без постоянного помещения, возил Крылов свой музей по городским да по сельским домам культуры: «Когда для экспонатов начальство грузовик давало, когда мы попутку ловили, а когда и на телеге... Зато мы в село выставку привезем, а к нам старухи — вот горшок от деда остался, вот книги какие-то, вам не надобны? Так и пополняли фонды».

Музей в Скопине — городе с четырехсотлетней историей — в 1987 году был открыт в третий раз. Первый, музей русского оружия (в семидесяти километрах от города — Куликово поле), появился еще в начале века. В февральскую революцию его, по словам Крылова, «прихлопнули и растащили». Советская власть основала в двадцатые годы даже два музея: один — обычный краеведческий, а второй — санитарный, где противоту-

беркулезные плакаты соседствовали с трехногими заспиртованными младенцами. Потом музеи эти объединили, а в пятидесятые вообще прикрыли. И следующий заход начал уже Крылов.

Скопин, если судить по прошло-вековым фотографиям, бережно собранным в музее, был красивейшим городом. Маленький (38 тысяч населения сейчас, а век назад — около пятнадцати тысяч), имел он в прошлом столетии семнадцать церквей (город называли «рязанским Суздалем»). Храмы, видные с любой точки, с любой улицы, как бы приподнимали городок ввысь — приподнимали весь этот быт, все эти каменные лабазы на улицах Мещанской, Рязжской, Дворянской, Песчаной...

Но прошловековой Скопин не был идиллическим богобоязненным царством. Об этом можно судить по истории вековой давности, которая сделала город знаменитым на всю Россию. А имя скопинского купца Рыкова было тогда столь же известно, как сегодня, скажем, Мавроди. Основанный им Скопинский банк, или банк Рыкова, был в семидесятые годы прошлого столетия в России не менее популярным, чем в девяностые годы столетия нынешнего — «МММ» или «Гермес».

На судебном процессе этого банка, проходившем в Москве в конце 1884 года (как видим, в прошлом веке подобные дела все-таки доходили до суда), гражданским истцом (то есть как бы обвинителем мошенников) был знаменитый адвокат Плевако. Присутствовало множество праздно публики, десятки репортеров столичных и провинциальных газет.

Ежедневные отчеты одного из них (почему именно его — речь впереди) хранятся в скопинском музее.

Вот что репортер (пишущий, кстати, за гонорар семь копеек за строку) рассказывал о начале аферы Рыкова и его сотоварищей: «Они дают проценты, которые и не снились нашим мудрецам: от 6 до 7 с половиной процентов. (Видно, инфляция конца прошлого века и не снилась нашему правительству: другие, честные банки, предлагали тогда своим клиентам три процента годовых. — С. Л.) За сим следует шестизэтажная реклама, обошедшая все газеты и журналы, начиная со столичных и кончая иркутскими... Реклама делает свое дело. Сумма вкладов вырастает до 11.618.079 рублей!»

«Число вкладчиков, — продолжает журналист, — равно шести тысячам. Большинство из них принадлежит к среднему слою общества: духовенство, чиновники, военные, учителя... Средняя цифра взносов колеблется между 2000—6000, из чего явствует, что на удочку попадались люди большей частью малоимущие...»

Все эти миллионы, которые весили тогда неизмеримо больше, чем нынешние, разворовали, растащили купец Рыков (фамилия-то какая, словно из пьес Островского!) и его подручные. Пили французские вина, в шелка одевались, особняки себе строили...

И другие факты, до боли знакомые нам, сегодняшним, отмечает репортер в ходе процесса: «Мировой судья Александровский, состоявший должным банку 100 тысяч, был образцом неправедного судьи. Судил он так, как хотел Рыков, и за это получил в народе звание «рыковского лакея»... Редактор «Московского листка» купец Николай Пастухов согласился не печатать компрометирующих банк и Рыкова статей, за что получил 700 рублей...»

Строительство «пирамиды» век назад не осталось безнаказанным.

Присяжные признали Рыкова виновным, приговорили к ссылке в Сибирь. Об этом с удовлетворением сообщает в своем заключительном отчете тот самый репортер — двадцатичетырехлетний мало кому известный тогда Антон Чехов.

Так что не только с юмористического «Антоши Чехонте» начинался классик, но и с журналистской поденщины. Тем не менее рядовые судебные отчеты были замечены публикой. Иван Бунин, тогда четырнадцатилетний, позже записывает о впечатлении, произведенном ими: «Отчеты его были блестящи, с художественными характеристиками. Мнения независимы, например, Плевако ему не понравился».

А художник Петр Боклевский, многолетний житель Скопина (если вы имя это не помните, то рисунки, увидев, узнаете наверняка — ими иллюстрированы старые издания Гоголя, Островского, Салтыкова-Щедрина), рисует портрет того самого купца Рыкова.

Вот так и сошлись вокруг рязанского финансового ловчила два великих писателя, Бунин и Чехов, блестящий адвокат Плевако, знаменитый график Боклевский...

Прошлая, безвозвратно ушедшая жизнь перемешалась в Скопине не только в духовном, но и в грубо-материальном смысле. «Детдом наш стоял около кладбища, — вспоминает хранитель древностей Крылов. — Там был мраморный памятник Боклевскому, его жене — художник пережил горячо любимую супругу и завещал похоронить себя в одной с ней могиле... Когда после войны новый район строили, памятники выворотили; разбили их в мраморную крошку, да и засыпали в фундаменты новых домов... Вскоре, правда, власти спохватились — или указивка пришла? — и в честь Боклевского соорудили

стелу. Но фамилии жены на ней уже не было».

Купец Рыков от своих собратьев сегодняшнего разлива все ж таки отличался усердной заботой о родном городе. По всей России обманутые вкладчики имя его проклинали — а в Скопине славил. Деньги на постройку ремесленного училища (оно и по сегодня — если не самое большое здание в городе, то самое добротное) дал он. Строил богадельни, приюты. По его инициативе пришла в город железная дорога — а, стало быть, возможность для местных гончаров, кузнецов, коклюшечниц, маслоделов, кожевников торговать своими товарами по всей России и за границами империи. Только после того, как стальной путь соединил городок с другими весями, смогли стать известными — не только в стране, но и в мире — изделия местных гончаров.

Торговать старому Скопину было чем. Помимо гончарного завода, было в нем сто лет назад четыре завода кожевенных, три свечных, колокольный, чугунолитейный... — общим числом 27. Работало около ста кузниц, и даже ювелирных дел мастера были!

...Когда мы выходим из музея, уже вечереет. С наступлением темноты Скопин словно вымирает. Ни людей на улицах, ни машин. Ответственный транспорт заканчивает работу в семь. Редко-редко проедет «форд», за стеклами которого угадываются бритые затылки. Все магазины закрыты. Перекусить негде. Ни ресторана, ни закусочной, ни кафе. (Где-то на окраине работает, правда, ресторан с характерным названием «Омут», но приличные люди в него, говорят, не ходят.) Только пробежит по улице бродячая собака...

В гостинице телевизор не работает, душа нет, туалет в конце ко-

ридора. Пьем чай, подогретый кипятильником, едим пожаренную еще в Москве курицу. Листаю книжку об истории города, подаренную мне автором, директором музея. В конце прошлого века, оказывается, в городе было около трехсот магазинов и лавок, действовало более двадцати гостиниц, ресторанов и трактиров... Носили, верно, в тех гостиницах самовары, в трактирах подавали мозги с горошком, бараний бок с кашей...

Скучно жить на свете, господа!

«Мы будем ставить Шекспира!»

Скопин от Москвы всего в 270 километрах, четыре часа езды на юг по хорошей (по российским меркам) автотрассе. Но уклад жизни здесь совсем иной. Машин немного, а те, что есть, ездят медленно-медленно. В магазине длинная очередь за хлебом. Неужели перебои? Нет, в соседнем магазине хлеб есть, народу — никого, но в нем он на сто рублей дороже. На всех заборах мелом одним и тем же старческим почерком написано: «Братья и сестры! Голосуйте за коммунистов! Только они спасут нас от рабства! С нами Бог!»

Малый российский город Скопин живет не как Москва, а как вся остальная Россия.

На предприятиях (здесь, кроме керамической фабрики, действуют машиностроительный, автоагрегатный, гидрометаллургический, стекольный и другие заводы, включая мясокомбинат и спиртовой) по два-три-четыре месяца не платят зарплаты.

Местный завод все «Жигули» снабжает амортизаторами. Захожу в городской автомагазин — есть все, от жиклера до аккумулятора — амортизаторов нет. На сле-

...Вот мы какие!

дующий день разговорился с шофером. Спрашиваю, почему так? Тот смеется: «Сразу видно, приезжий! Зачем у нас амортизаторы продавать в магазине?! Да ты к любому обратишься, он тебе задешево достанет. У нас тут амортизаторами зарплату выдавали!»

В городской газете регулярно печатают данные об уровне радиации. (Радиационный фон в городе, кстати, в норме...) Отчего такой интерес к рентгенам и кюри? Оказывается, на местный гидрометаллургический завод в 1993 году завезли с Запада радиоактивные отходы. До сих пор они и лежат на территории завода в опечатанном складе: по данным «Гринпис», 72 тонны радиоактивного тория. Прокуратура ведет следствие. Характерно, что скандал разгорелся после того, как о здоровье россиян забеспокоилась мэрия Дюссельдорфа, откуда поступила первая партия отходов.

Мафия здесь, говорили мне плушепотом, взяла под свой контроль не только ларьки и торговцев, но и заводы. Зная обычай россиян даже собственную тещу называть «мафией», я в это до конца не верил, пока не спросил напрямую у одного из директоров. Да, отвечает, «бритоголовые» приходили.

— Мы — «вослебовские», — говорят. (Вослебово — это пригород Скопина.) — Ну и что? — спрашиваю. — Надо платить. — А если не буду? — У тебя жена, ребенок...

И вот ведь гадость какая, — продолжил директор, — если нас, приличных людей, начинают грабить, мы себя неловко чувствуем. Вроде как сам что-то гадкое делаешь. Жена меня неделю после этого спрашивала, что с тобой.

— Ну и?..

— Через неделю встретились с racketирами. Сколько вы хотите,

спрашиваю. — Столько-то. — Нет, говорю, много. Посмотрите — вот справка о средней зарплате на заводе. Давайте буду платить половину от того, что просите. Не сойдемся — можете сами в это кресло садиться. — Согласились... Два года назад это было. Сейчас, может быть, они сказали бы: уходи — и посадили в этот кабинет своего человека.

— И вы платите?

— Плачу. Все платят.

Режиссер Скопинского молодежного театра Владимир Дель рассказывал мне: «Спрашиваю у сына (ему десять лет), кем у тебя в классе хотят стать ребята? — В мафию собираются пойти. У мафии — тачки, аппаратура! Класс!»

Что могут честные люди, даже прикладывая сверхусилия, противопоставить этому? Энтузиазм музейщика Крылова? Тонкий вкус художников гончарной фабрики? Беззаветность педагогов художественной школы? Ежедневные репетиции режиссера Деля?

С режиссером Владимиром Делем мы сидели рядом во время прогона его последнего спектакля. Дель играл в Липецке в драматическом театре — у Райхельгауза, между прочим (того самого, что возглавляет нынче модный московский театр «Школа современной пьесы»), потом в Рязани. А после вернулся на родину, в Скопин. Причины скорее не творческие (правда, он всегда хотел не только играть, но и ставить), но сугубо земные: здесь давали квартиру.

(Славен город, заманивающий художников, артистов квартирами! Ведь и у художников гончарной фабрики квартирный вопрос более или менее решен.)

Мы смотрели спектакль. Дети играли Хармса. Признаться, шли мы в театр с неохотой, с таким

столичным снобизмом: знаем мы провинциальную самодеятельность!

Но ребята играли так самозабвенно, что было чувство праздника. Когда забываешь о зале, о публике, о своих заботах... Дети — самой младшей восемь, старшим по семнадцать — в самом деле играли. Играли весело, азартно.

— Какие раскрепощенные! — говорю режиссеру Делю. — Давно они, наверно, у вас занимаются?

— Четвертый месяц. Прошлая труппа выросла, набрал новую. Они быстро расковываются. Главное — куртки с них снять.

— ?

— Вон, посмотрите, сидят двое подростков в углу — все запахнутые, насупленные: «Не тронь меня!» Пришли посмотреть, что это за театр такой. Вот ты и предлагаешь ему раздеться. Потом размяться вместе со всеми, потанцевать... А потом, глядишь, он уже просит у тебя роль!.. Главное, не надо на них давить, быть таким мэтром: «Стоп! Я не верю!» — а играть с ними вместе. Они же дети!

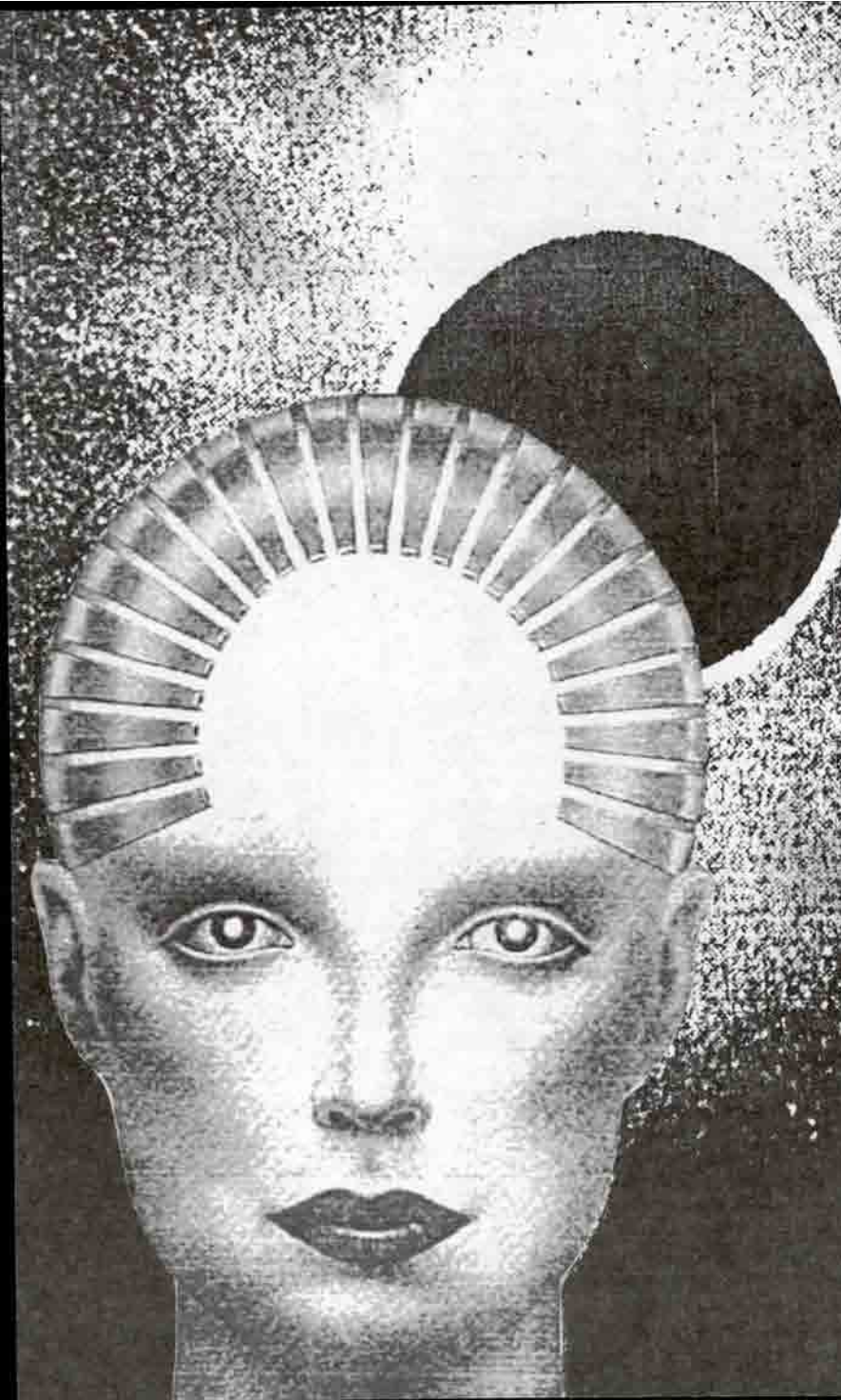
— А девочки у вас просто красавицы!

— Они обычные. Но для них эта клубная сцена — как подиум в Париже. А они — дворовые девчонки, и вряд ли какая увидит Париж... Но все равно я рад, что они в театре, что здесь, а не в подвале каком-нибудь, настагает их первая любовь...

Праздник кончается быстро. Тушат софиты. Молодые актеры сдают реквизит. Запахивают куртки.

Репетиции стараются закончить до темноты. Сегодня заигрались, и на улице уже темень. Ни души...

А фонари у Дома культуры горят всю ночь, освещая хоть малую часть старинного русского города.

СЕРГЕЙ КАЛЕНИКИН

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР,

**который
настигает нас
независимо
от сводок
Гидрометцентра**

С чего это вдруг ломаются людские судьбы, отчего жизнь зачастую идет кувырком? Откуда в человеке вспыхивает агрессивность — тяга к войнам, насилию? Почему, казалось бы, ни с того ни с сего человек неистовствует, а потом успокаивается и — вновь взрывается? Тут явно — ритмика: одно состояние сменяется другим.

Известны шести-семилетние периоды творческой активности, «узловые точки» человеческой жизни, соответствующие следующим годам: шесть с половиной; двенадцать с половиной; восемнадцать с половиной; двадцать пять с половиной; тридцать три; тридцать семь с половиной...

Есть тридцатитрехдневный интеллектуальный цикл; есть биоритмы, укладываемые в биологический год (248 суток), о котором знаем мы со времен Древнего Вавилона... Пульсируют Космос, Биосфера, Природа; эпохи «великих выми-

41

Быть может...

раний» повторяются через 30 миллионов лет.

По утверждению древних греков, каждые 12 000 лет наступает Великий, или Гелиокальный, Год — глобальные подвижки морских пространств и всеобщее наводнение. Погодно-климатические всплески наблюдаются с частотой 11, 22, 33, 45, 90—100, 180, 400, 2400 лет; уровень Каспия, к примеру, меняется с периодичностью 60 лет.

Словом, чего ни коснись, всюду всплески, вариации, ритмы, циклы, которым, похоже, несть числа. По мнению ученых, ритмичность настолько широко распространена в природе, что ее можно считать всеобщим качеством всех процессов, происходящих как на Земле, так и во Вселенной. А о том, что природная ритмика воздействует на ход исторического процесса, говорит даже обычный календарь. Это как бы модель экологической системы, отражающая не только суточные, годовые периоды, но и многие биологические ритмы. В наиболее совершенные древние календарные системы «вмонтированы» все важнейшие для людей биосферные циклы.

— Взгляните на график, — поясняет кандидат физико-математических наук, сотрудник лаборатории физики Солнца Крымской астрофизической обсерватории (КраО) Валентина Бобова. — Это — пульсации Солнца, а вот другой график — он отражает активность геомагнитного поля Земли. Теперь сравните: у них единый спектр ритмов, одни и те же периоды. А вот еще картинка — колебания озона. И вновь все совпадает!

Как полагают нынешние космисты, в Солнечной системе существует единый колебательный режим — так называемый универсальный спектр периодов Солнечной системы. И — важнейший мо-

мент: Солнце не только аккумулирует в себе все основные периоды универсального спектра, но и одновременно является задающим Генератором. Именно через Солнце и проникает космическая ритмика в биосферу — земную среду, нашу жизнь.

«Древние интуиции великих религиозных созданий человечества о тварях Земли, в частности о людях как о детях Солнца, гораздо ближе к истине, чем думают те, которые видят в тварях Земли только эфемерные создания слепых и случайных изменений земного вещества, земных сил. Твари Земли являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма», — так писал Владимир Вернадский.

— Существуют весьма древние, написанные на пальмовых листьях, индийские тексты, излагающие самые современные космологические теории, — рассказывает член Международного астрономического Союза, доктор физико-математических наук, заведующая лабораторией физики Солнца КраО Наталья Степанян. — Нам пока неизвестно, откуда такого рода знания у древних, но то, что они ими обладали, — факт. Тут нет сомнений.

— Вы более сорока лет исследуете Солнце. Какое эмоциональное впечатление у вас сложилось о его нраве?

— Солнце — явление величественное, но оно к нам равнодушно — мы для него не существуем. Солнце — живое... И Солнце — большая тайна.

— Можно ли сказать, насколько оно изучено человечеством?

— На сотую процента. Не более.
— Что необходимо для того, чтобы проникнуть в тайны Солнца, понять его до конца? Запустить де-

сять «Шаттлов», построить супер-обсерваторию на Луне?..

— Нет. Тут нужна гениальная догадка, необходимо прозрение или озарение. Нужен интеллектуальный прорыв, ум, равный Ньютону.

— А что лично вам хотелось бы узнать?

— У Солнца загадок хватает, но, пожалуй, самое непонятное — магнитные поля: откуда они, когда и как появились? Магнетизм — одна из важнейших характеристик Солнца, его активности.

— А какие проявления солнечной активности для нас особенно опасны?

— Вспышки. Они весьма существенно влияют на погоду, климат, наше самочувствие, здоровье, урожайность, состояние инженерно-технических систем — к солнечной активности особенно чувствительны протяженные линии электропередач, нефтепроводы...

— Как известно, у Солнца циклов немало, но какой из них для нашей текущей жизни является важнейшим?

— Разумеется, *одиннадцатилетний цикл*...

Первый, кто это понял, был профессор Александр Чижевский. Конечно, и до Чижевского говорили о влиянии Светила на земные процессы, но — без обобщений, глубины, размаха. Чижевский же, собрав разбросанные по эпохам факты, свел их воедино, вскрыв взаимосвязь дыхания Солнца с дыханием обитателей Земли. Из его бестселлера «Земное эхо солнечных бурь» узнаем, что активность Солнца влияет не только на погоду, уровень озер, сток рек, образование льдов в полярных морях, повторяемость засух, ураганов; не только на урожай зерновых, количество и качество вина, но и на рождаемость, частоту несчастных случаев, пре-

ступлений, внезапных смертей; что в те годы, месяцы, недели, когда дыхание Солнца идет в рост, на Земле соответственно возрастает число эпидемий, заболеваний, смертность...

Но это, несмотря на грандиозность, не весь Чижевский. Есть другой, который на связь звезды и планеты взглянул шире. Изучив 120 тысяч исторических событий и явлений, связанных «с движением масс во имя достижения той или иной цели», исследовав все характерное, важное, что случилось на пяти континентах за... 2414 лет, он установил: главные исторические «всплески» и «затухания», сопряженные с подвижкой больших масс, «стремятся быть синхроничными». Как заключает Чижевский, каждый цикл исторических событий — всеобщий, который во всяком столетии повторяется ровно девять раз, а стало быть, в среднем равен одиннадцати годам. Цикл же образуется из четырех периодов. Они и отражают как динамику активности Солнца (мощность вспышек, количество пятен), так и динамику активности масс, состояние психосферы Земли...

Зададимся вопросом: почему солнечная активность, этот глобальный космический фактор в одном регионе вызывает социальный эффект — движение масс, революции, войны, а в другом — нет? Как известно, во время солнечных бурь — вспышек — идет интенсивный, мощнейший выброс плазмы в межзвездное пространство. Увы, но наша магнитосфера не очень надежна и прочна — не без брешей и дефектов.

— Конечно же, Солнце не действует одинаково на каждую географическую точку Земли, но здесь не все так просто. Эта научная область еще недостаточно хорошо изучена, — рассказывает президент Международного Союза по

изучению влияния космофизических факторов на земные процессы, ученый КраО Борис Владимирский. — Скажем, если на широте Санкт-Петербурга фиксируется максимум солнечной активности, то, опустившись на пять-шесть градусов, мы его не обнаружим — он проявится, но лишь через некоторое время... С одной стороны, да, солнечная активность влияет на глобальное электрическое поле Земли, на интенсивность мировой грозовой активности — здесь весьма четко просматривается 11-летний цикл, с другой стороны, этот эффект наблюдается отнюдь не во всех регионах. Но есть особые регионы (в медицине они известны как геопатогенные зоны), которые к космическим воздействиям чувствительны более других. И далеко не каждый знает, что обычные полярные сияния, магнитные бури сопровождаются бурями инфразвука, то есть ужасающим грохотом в масштабах полушария. Конечно, мы его не слышим и не можем слышать: грохот идет на низких частотах — 8—10 герц. Но мы его воспринимаем: инфразвук воздействует на наш мозг, нервную систему, вызывая ужас, повышенную агрессию — словом, выводя из равновесия психику... Статистика показывает: во время магнитных бурь в маниакально-депрессивный психоз впадают как больные, так и здоровые люди. И всякого рода революционные акции, теракты тоже ведь совершаются людьми, находящимися в определенном психологическом состоянии. Поэтому, когда Чижевский опубликовал свою работу «Фактор, вызывающий массовые психозы», то он как раз и имел в виду космический фактор.

...И российский министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу замечает: «Ощущение того, что в мире все тесно взаимосвязано, не покидает. Прослеживается оче-

видная взаимозависимость между природными катаклизмами и периодами социальной и другой напряженности в Отечестве. Вспомните 88-й, 91-й, 93-й годы. Как на подбор — землетрясения в Армении, Южной Осетии... Мистика? Может быть, кто-то когда-то и найдет разгадку этой взаимосвязи. Мы же воздержимся от комментариев».

— Эта закономерность уже не только понята, но и научно обоснована, — поясняет Борис Владимирский. — Дело в том, что в будущем очаге ожидаемого землетрясения возникает локальная магнитная буря — по своим свойствам во многом похожая на классические солнечные магнитные бури. Эпицентр, район землетрясений — гигантская геопатогенная зона, где магнитная буря может длиться месяц. У населения понижается иммунный статус, меняется психика...

Основоположник социальной психологии академик Владимир Бехтерев отметил: «Зависимые отношения в социальной среде не замыкаются в круг одной лишь окружающей природы нашей земли, но имеют значительно более широкую пространственность, простирающуюся в глубь вселенной с ее неиссякаемым количеством притекающей к нам мировой энергии». И далее: «Нельзя, в самом деле, считать простым совпадением, что годы особенно сильнообразовательной деятельности Солнца — 1830, 1848, 1860, 1870, 1905, 1917 — были отмечены на Земле не только магнитными бурями, но и обширными общественными потрясениями: июльская революция (1830); февральская революция (1848); революция в Италии (1860); Парижская коммуна (1870); первая и вторая русские революции (1905, 1917). Если все это не случайности, если пульс человечества действительно бьется в унисон с биением

космического сердца нашей планетарной системы, то можно попытаться составить нечто вроде политического гороскопа грядущих лет».

И если, как свидетельствует наука, за всю свою историю — 5500 лет человечество пережило более 14 тысяч войн, потеряв более четырех миллиардов жизней (за этот период войн не было лишь 292 года), если, как утверждает в одном из документов ООН, только с 1945 (I) года в мире стряслось более ста крупных конфликтов, в которых погибло около 20 миллионов человек, то, вне сомнений, в основном все эти потрясения и потери пришлись на эпохи электромагнитных или психических бурь. И никак иначе...

Разумеется, взаимосвязь солнечных и земных процессов не так проста. Послушаем Чижевского: «Возникает вопрос: уж не в кабале ли мы у Солнца, не в рабстве ли у его электрических сил? Если хотите — да, но кабала наша относительна... Солнце не принуждает нас делать то-то и то-то, но оно заставляет нас делать что-нибудь. Но человечество идет по линии наименьшего сопротивления и погружает себя в океаны собственной крови».

Глядя на уходящий век, можно заметить и другое: не в каждый пик Светила льется кровь. Разыгрывающиеся в максимуме солнечной активности события во многом зависят от предшествующих им умонастроений, от социально-политического фона, зарождающихся идей во втором периоде цикла. То есть от того, каким именно содержанием наполняются умы, к чему их призывают политики, на что их настраивает пресса, какие идеи захватывают сознание масс. Тех самых масс, которые пойдут «за вождем слепо, не рассуждая,

увлеченные омутом острого возбуждения и экстаза».

Вот наблюдение: все первые советские пятилетки (кроме пятой), сопровождавшиеся, разумеется, отменной шумихой, начинались исключительно в периоды нарастания и максимума активности Солнца! Не в этом ли кроется их триумф? Седьмая — одиннадцатая пятилетки стартуют строго на спаде или в глубоком минимуме. Это «эпоха застоя».

Совсем свежее — перестройка... Извлеките из памяти, например, 1989 год. «Закипая» с Солнцем, мечемся и недоумеваем — отчего рушится, казалось бы, незыблемое, отчего так лихо закручивается жизнь? Куда идем и зачем, чего хотим? Вот и новые пророки, вещуны, вожди...

В 1989 году, в марте, полыхнула сильнейшая за последние десятилетия вспышка, в 300 000 раз превысившая норму; а за ней — мощнейшая магнитная буря века, вызвавшая колоссальные потрясения и убытки на Земле. Горели трансформаторы, выходили из строя кабельные линии электропередач. Энергосистема, связывавшая канадскую провинцию Квебек и северные области США, замерла, парализовав почти на десять часов работу и жизнь шести миллионов человек.

Всевозрастающие токи идут по энергоцепи Земли; зреют, тянутся в рост психоидеи — семена. А вот и жатва — 1990—1991 годы. Кульминация, пора максимальной активности 22-го цикла Солнца: волнения в Душанбе, Азербайджане, поток беженцев из «горячих точек»; ГКЧП, баррикады в Москве, развал КПСС, смена вождей...

Один из самых известных на Западе толкователей трудов Нострадамуса, французский исследователь Жан-Шарль де Фонтбрюн, убежден: в Эру Рыб ужасные испыта-

ния неизбежны. Они начнутся в 1998 году...

И в России о грядущем говорят...

Доктор химических наук, член Лондонской астрологической ложи, руководитель Школы научной астрологии Феликс Величко замечает: «На май 1996 года я указываю как на месяц ошибок, результат их скажется в июне... В октябре опять возрастет напряженность... 1996 год в целом очень тяжелый. Встречаются два огня: наступает год Солнца в западной астрологической традиции и год Огненной Крысы по восточной астрологии. Такое сочетание наблюдалось 420 лет назад, в год начала жестокого правления Ивана Грозного. В год Солнца кристаллизуются противоречия между «я» и «мы», сильнее становятся личные амбиции, удерживать которые не в силах никто. 21 декабря — астрологически важный день солнцестояния: Солнце входит в знак Козерога — знак «твердой руки».

Счетчик включен: социальные энергостряски к двухтысячному году возрастут, должны возрасти. Что же касается Солнца, то, как говорилось, с 1996 года начинается его очередной 11-летний цикл — уже двадцать третий. Вопрос вопросов: что ожидается на сей раз? Слово — специалисту.

— Еще некоторое время назад, — рассказывает Наталья Степанян, — ученые, профессионально занимающиеся солнечной активностью, как бы разделились на две группы. То есть одни считают, что в 23-м цикле активность Солнца будет аномальной в сторону увеличения, другие стоят на обратном, полагая, что аномальность проявится в сторону уменьшения. Такой вот был разброс, однако все пришли к одному: для человека и для планеты в целом плохо и то, и другое, так как солнечная аномальность нару-

шит ныне существующие связи на Земле, а значит, и в России... Но что важно. На прошедшей в декабре прошлого года московской конференции, где встретились астрофизики, «солнечники» из бывших республик СССР, стало ясно: большинство ученых склоняются к тому, что аномальность Солнца проявится в его максимальной активности, причем надо ожидать резкого скачка, то есть солнечная активность возрастет внезапно и весьма существенно. Более того, как предполагаем, грядущий максимум превзойдет пик столетия — активность 19-го цикла — 1957 год!

— Да, прогноз необычайно плохой, — соглашается Борис Владимировский. — И, судя по всему, максимум солнечной активности грянет около 2000 года. Из этого и надо исходить...

Итак, двухтысячный год, вероятно, станет Великим Годом Солнца.

Как там у Чижевского?..

Великолепное, державное

Светило,

*Я познаю в тебе собрата-близнеца,
Чьей огненной груди*

нет смертного конца,

Что в бесконечности,

что будет и что было.

В живом, где грузный пласт

космической руды,

Из черной древности

звучишь победно ты,

Испепеляя цепь

неверных наших хроник...

Есть над чем призадуматься, вспомнив о минувших испытаниях. И нельзя, право, не увидеть, не ощутить, что чем ближе перевал эпох — Великий перелом тысячелетий, тем сильнее растет скрытая напряженность Земли, тем активнее зреет критическая масса планеты. Перенаселяются города, континенты, увеличивается общая численность населения, дегради-

рует окружающая среда: каждую секунду мы теряем в среднем 1000 тонн верхнего продуктивного слоя почвы (35—40% суши находится под угрозой превращения в пустыню — территория, равная по площади США, Канаде и Китаю, вместе взятых) и 3000 квадратных метров леса (треть лесов Земли уже уничтожена), увеличивается поток беженцев и эмигрантов (на сегодня более 15 миллионов человек), растет число экономик, достигших критического уровня обнищания (в 1964 году в списке наименее развитых стран, составленном ООН, насчитывалось 24 страны, а ныне их — более сорока); как грибы растут химкомплексы, АЭС, ГРЭС, промузлы.

В ответ — Чернобыль, Бхопал...

Даже по далеко не полным данным, охватывающим только крупнейшие транспортно-промышленные катастрофы нынешнего столетия, более половины из них (56%) разразились в течение последних двух десятилетий, треть — в 80-е годы. Одновременно увеличивается их разрушительный эффект. (Кстати, в максимуме 22-го цикла, это 1989 — 1990 годы, в СССР произошло небывалое количество ЧП — 13 серьезнейших промышленных аварий...)

Магнитное поле Земли падает, уровень Мирового океана неуклонно растет, температура воздуха на планете повышается, озоновый слой истощается — дыра за дырой, в связи с чем заведующий лабораторией Института физики атмосферы РАН, доктор физико-математических наук Николай Еланский заметил:

— Если вникнуть в аномальные процессы, связанные с истощением озонового слоя, представить себе их динамику, то, признаться, становится жутковато. Складывается впечатление, что атмосферная система пошла вразнос — вышла из

равновесия, и не видно, когда она стабилизируется...

Нет ничего нового под Солнцем. У Екклезиаста сказано: «Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас...»

Что ж, нам, живущим на одном из берегов Вселенной, в энергопотоках Солнца, ничего другого не остается, как плыть по течению, но, вероятно, в наших силах выбрать, куда именно плыть. И, видимо, от того, насколько понято прошлое, зависит и грядущее...

Студия "ФЛАВЕР"

Сделайте подарок себе и близким
**КАЧЕСТВО!
ЦЕНЫ!**

ЗАКАЗЫВАЙТЕ

Москва

125252

А/Я 92

"ФЛАВЕР"

ВЫБОР 4000 АЛЬБОМОВ

СД
АУДИО
ВИДЕО
РОК-ПРЕССА

КАТАЛОГИ - ПРЕДОПЛАТА

12 т.р. или

НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

16 т.р.

АНАТОЛИЙ ДЕРЯБИН,
доктор экономических наук

ЧТО ПОЧЕМ

И ПОЧЕМУ?

Цены как зеркало экономических преобразований

Излюбленной темой многих кухонных разговоров стало: на сколько какой товар подорожал. Ученых-экономистов это тоже интересует. По тому, что цены на водку поднялись в меньшей степени, чем на колбасу, а билет на поезд подорожал круче, чем билет в театр, можно судить и о нашей экономике, и о том, как она преобразуется.

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Апельсины из Марокко

Сначала о приятном. Тем более что его не так уж много. Что из товаров, продуктов, услуг стало относительно дешевле? (Вы понимаете, конечно, почему «относительно» — подорожало все, но в разной степени.)

Подешевели фрукты, особенно цитрусовые и бананы. Раньше, до 1991 года, килограмм мандаринов или апельсинов стоил столько же, сколько 1,56 килограмма говядины. Нынче — как 0,36 килограмма. Относительно той же говядины цена цитрусовых уменьшилась без малого в пять раз! Они столь недороги, что даже пенсионер может позволить себе купить один-два апельсина для внука.

Почти в два раза снизились цены на шампанское, а на виноградные вина — примерно в десять раз. Меньше мы стали платить и за чай.

Почему? Да потому, что кончилась монополия. В советские времена мандарины, сухие вина и чай доставляли в Россию и в другие республики Союза из Закавказья. Чтобы поддержать экономику южных республик, цены на продукты, выращиваемые там, искусственно вздували. А апельсины из Марокко, которые привозили государственные внешнеторговые объединения, тоже не должны были стоить дешевле абхазских желто-зеленых мандаринов.

Нынче закавказской монополии пришел конец. На оптовом фруктово-овощном рынке конкурируют четыре мощные негосударственные компании-импортера. Благодаря тому что они соперничают друг с другом, никто из них не позволяет себе задираить цены, и мы можем приобретать апельсины по цене четырехсот граммов говядины. Раньше, когда советские люди

покупали кило мандаринов за три-четыре рубля, а не за семьдесят копеек, как могли бы — мы тем самым платили населению закавказских республик своеобразную дань. «Подпитка» южан закончилась — отсюда понятны экономические трудности независимой Грузии.

Вот как изменилась стоимость других продуктов: примерно в два раза подорожали (относительно цены на говядину) хлеб и макароны, в полтора раза — свинина, в 1,8 раза — молоко, в 2,7 раза — мороженая рыба (без учета деликатесной) и на столько же ветчина и окорок. Зато в два раза стала дешевле птица, примерно на треть — яйца и картофель. Остальные товары дорожали (или дешевели) примерно с той же скоростью, что мясо.

Круче всего снизились цены (относительно других товаров, конечно!) на водку и прочие крепкие напитки. В 1990 году литр «беленькой» стоил столько же, сколько 7,91 килограмма говядины, теперь — как 1,58 килограмма. Но радоваться этой дешевизне нечего. Россию завалили отвратительными водками, разлитыми в немецких, польских и украинских подвалах.

Цены на водку упали не потому, что на наших ликероводочных заводах уменьшились издержки на ее производство, и не потому, что в стране стали выпускать больше горячительных напитков (знаменитый московский завод «Кристалл» загружен едва ли на треть), а из-за того, что государство давало колоссальные льготы внешнеторговым организациям (главным образом имеющим отношение к спорту) при ввозе импортной крепкой продукции в Россию.

Здесь уместно небольшое отступление. Те, кто начинал российские реформы, и те, кто по-прежнему

во многом определяет их стратегию, обладают, как правило, чисто книжным, умозрительным образованием. Они в своей практике пользовались и пользуются чрезвычайно упрощенными схемами. Такие схемы годятся, чтобы преподавать политэкономия на первом курсе вуза, но не подходят для того, чтобы руководить живой экономикой.

Реформаторы посчитали: «Рынок сам все сделает!». Они решили, что цены отрегулируются сами по себе, безо всякого вмешательства со стороны государства. Оно, это вмешательство, полагали экспериментаторы, не только не нужно, но и вредно. Ценообразование, посчитали они, определяется рынком, и только им одним!.. И у нас в отличие от развитых и большинства развивающихся стран не стало не только государственного регулирования цен, но даже контроля за ними. Специалисты перестали делать прогнозы в этой сфере. Закрылись практически все научные отделы и лаборатории (за исключением сектора теории и методологии ценообразования в Институте экономики РАН, которым я руковожу). А как прикажете жить директорам предприятий, торговцам, коммерсантам без прогнозов, какими будут цены не то что через два-три года, а хотя бы спустя несколько месяцев?

Неужели у нас и вправду «рынок сам все регулирует»? Конечно, нет!.. Государство не назначает цены — это верно. Но ведь оно может влиять на них — и влияет! — не только прямыми декретами. Правительство, перестав определять и контролировать цены, не имея ясной политики в этой области, ими, ценами, все ж таки управляет — правда, не непосредственными указами, а с помощью других экономических инструментов. Скажите, разве не определя-

ют стоимость продающихся у нас телевизоров или автомобилей (причем не только импортных, но и отечественных) таможенные пошлины и акцизы? Разве налоги, которые приходится платить крестьянам, не сказываются на том, сколько стоят мясо и молоко? А когда государство предоставляет различные преференции (льготы) отдельным коммерческим структурам, неужто это не меняет цену на товары, которыми «льготники» торгуют?

Правительство, конечно же, воздействует на динамику, уровень, структуру и соотношение цен — но не прямо, а косвенно. То есть какую-то политику оно все-таки проводит. Но эта политика и ее цели остаются закамуфлированы от общества и в конечном счете, как правило, действуют против его, общества, интересов.

Водка у нас дешевая — отчего? Оттого, что государство разрешало всяким околоспортивным фондам не платить акцизы и пошлины на крепкие напитки, ввозимые из-за рубежа. Благородная вроде бы задача — таким вот, опосредованным образом, помочь отечественному спорту? Да, если бы эта забота дошла до нас, рядовых, так сказать, физкультурников. Однако стадионы превратились в вещевые рынки, тренеров — все меньше, спортивные абонементы все дороже... Это отвадило от занятий даже тех немногих любителей, которые отдавали раньше дань плаванию или теннису. А вырученные от «льготной водки» деньги идут на развитие «большого спорта», на содержание профессиональных спортсменов. При этом меня, налогоплательщика, не спросили: согласен ли я, чтобы бегунов-прыгунов поддерживали деньгами, недополученными государством и, значит, вынутыми из моего кармана? Хочу ли, чтобы честь моей держа-

вы — за мой счет — отстаивала своим мощным гребком какая-нибудь байдарочница? Честь моей Родины, полагаю, скорее защитила бы сытая, обутая, одетая и хорошо вооруженная армия!

Деньги, подаренные государством импортерам-водочникам, — нешуточные. Они сравнимы с ежегодной суммой наших займов за рубежом. На «сорокаградусных льготах» бюджет терял, по моим подсчетам, пять-шесть миллиардов долларов ежегодно. Если б эти деньги в самом деле пошли на развитие спорта, а не осели большей частью в карманах дельцов, в каждом микрорайоне вполне можно было бы построить спорт и бассейн!

Вас постричь?

Общий уровень розничных цен — на все товары и платные услуги — поднялся к началу 1995 года в сравнении с 1990 годом в 4 тысячи 501 раз. А в электроэнергетике цены увеличились в 18 тысяч 212 раз. В топливной промышленности — в 15 тысяч 215 раз. Тарифы на грузовые перевозки поднялись в 10 тысяч 852 раза. Но больше всего подорожали платные услуги населению — в 29 тысяч 269 раз!

Объяснение простое: легче всего вздуть цены монополисту. Каждый производитель хотел бы стать монополистом, и такое стремление благо для рынка, оно порождает конкуренцию и снижение цен. Но когда монополия установлена, соревнование окончено, никто не может помешать тому, кто владеет всем рынком, до бесконечности повышать свои цены. А у нас энергетикам, транспортникам, нефтяникам за абсолютное господство даже не пришлось бороться — они обладали им изначально. Чем немедленно — и с удовольстви-

ем — стали пользоваться.

Наши преобразователи экономики опять ошиблись. Они решили, что каждого производителя и каждого потребителя можно считать «исчезающе малой величиной». Допущение, что на рынке действуют такие «атомарные» продавцы и покупатели, годится для курса политэкономии или справедливо, когда вы, отдельно взятый гражданин, покупаете у бабули редиску. Однако оно совершенно не подходит для настоящей экономики.

В реальной жизни действует множество производителей и потребителей-гигантов, а также подлинных монополистов. Алюминиевый комбинат, например, «съедает» электроэнергию столько, сколько крупный город. А производитель энергии — единая энергосистема страны — вообще супергигант, единственный в своем роде. Кроме как от нее, алюминиевому комбинату получить энергию неоткуда. (Некоторые крупные заводы, кстати, уже приняли решение возводить, несмотря на громадные расходы, собственные электростанции.) Однако на каждом заводе ТЭЦ не построишь, поэтому энергетики могут выкручивать потребителям руки. Равно как и спортсмены, и нефтяники, и газавики...

Что делать производителям? Либо накручивать свои цены вровень с поставщиками-монополистами — но этому есть предел: сжатие спроса (без оловянных солдатиков обойдешься, а без электричества нет) и конкуренция со стороны западных товаров. Либо — сворачивать свое производство, освобождая инородным конкурентам и свои, и зарубежные рынки. Так и вынуждены поступать отечественные предприятия.

Железнодорожные тарифы растут примерно в 2,5 раза быстрее, чем средний уровень цен. Всякий

раз, увеличивая стоимость проезда и провоза грузов, руководители Министерства путей сообщения, как заклинание, произносят: растут издержки, тарифы приходится повышать, иначе дороги будут убыточными. Да, стальные магистрали убыточны — но почему?

Есть такое понятие: «оптимальный размер производства». Представьте, что вы руководитель железной дороги, по которой проходит один состав в год. Поезд идет раз в 365 дней, но вам надо содержать в порядке рельсы, шпалы и светофоры, необходимо платить обходчикам и дежурным, самому себе выписывать зарплату, наконец. Чтобы покрыть все издержки, с пассажиров единственного состава придется брать золотом — по килограмму с кило живого веса!

Дороги у нас не загружены. А издержки на содержание стальных магистралей хоть и снижаются, конечно, в связи с простоями, но не сильно (условно-постоянные расходы, не зависящие от количества потребителей, доходят на транспорте до 70 процентов). Чтобы компенсировать собственные траты, путейцы еще выше вздувают тарифы. Выросшие цены отпугивают многих клиентов.

Нет, кажется, выхода из этого порочного круга? Однако наши предки дважды сумели с честью выйти из подобного положения.

В конце прошлого века железные дороги в России были частными и почти сплошь убыточными. Правительство тогда выкупило их и почти сразу же ввело новые тарифы, разработанные комиссией под руководством Сергея Юльевича Витте (кстати, в работе принимал участие Дмитрий Иванович Менделеев). Тарифы эти были не выше прежде действовавших, а значительно ниже.

Уменьшение цен привлекло на железные дороги клиентов. Чрез-

вычайно дешевое продовольствие из Сибири потекло на западные рынки. Оживилась внешняя торговля. Стал расти золотой запас России. И благодаря огромному притоку грузов железные дороги стали рентабельными!

Миновали империалистическая война, революция, война гражданская... В двадцатые годы стальные магистрали снова опустели. И тогда «наркомпуть» Дзержинский последовал примеру Витте: он резко снизил тарифы. И вновь благодаря устремившимся на железные дороги грузам через короткое время они стали прибыльными.

Сейчас угольщики, лесозаготовители, металлурги, особенно работающие на Урале, в Сибири, не могут торговать своей продукцией из-за того, что цены на перевозки громадные, а до потребителей далеко. Великолепный кузбасский уголь раньше везли и в европейскую часть Союза, и за рубеж. Теперь это невыгодно... Благодаря высоким транспортным тарифам сворачивается производство, мы теряем внешние рынки... Руководство нынешнего Министерства путей сообщения либо некомпетентно, либо сознательно взяло курс на подрыв промышленности России!

Казалось бы: перевозки, от которых фактически отказываются железнодорожники, могли бы взять на себя речники. Но нет. На реках тоже тишина. Из-за сумасшедше высоких тарифов пустуют голубые магистрали...

Уверен: если бы транспортники уменьшили тарифы, не только повысилась бы прибыльность дорог — начался бы подъем производства в стране. И нефть, и лес, и уголь пошли бы на экспорт. Свои потребители стали бы покупать больше этой продукции. А когда сей «почин» подхватили бы энергетики, рост выпуска российской продукции стал бы ощутимым.

Но нет у российских руководителей — воли? сметки? смелости? — для того, чтобы разобраться для начала хотя бы с этими отраслями народного хозяйства.

И то сказать: чтобы повышать цены, особого ума не надо, плыви себе по течению. А вот поди попробуй понизь их?!

А почему поднялись без малого в 30 тысяч раз цены на услуги — при уменьшении, кстати, примерно в два с половиной раза их объема? Ответ прост: парикмахерские, прачечные, бани, телеателье, сапожные мастерские — те же монополии. В одном микрорайоне строили одну прачечную. Не нравится, как здесь стирают? Или дорого? Пожалуйста, можете везти свое грязное белье из Орехово-Борисово в Теплый Стан.

По книжным схемам реформаторов выходило, что появится и составит мощную конкуренцию государственной службе быта частная сфера услуг. На дому станут стричь, чинить обувь и велосипеды... Но «преобразователи экономики» не учли криминальщины, рэкета. Если даже банки и крупные фирмы живут у нас под бандитскими «крышами», то частным парикмахерским, как говорится, сам бог велел. А если у брадобреев где-нибудь в микрорайоне появится самозванный конкурент, который станет отбивать клиентов низкими ценами, теневой хозяин «салона красоты» не пожалует сил, чтобы конкурента утопить. Тем более что и сил-то потребуется немного: пару раз побить стекла или наставить синяков...

Благодаря диким ценам на услуги население России оказалось отброшенным на сто лет назад. Больше половины жителей страны отказались от услуг службы быта. Особенно пострадали женщины. Сами стирают, выводят пятна, чинят обувь и стригут друг друга...

«Конь-огонь»

Резко подорожали предметы роскоши. Рост цен на ковры, хрусталь, золото превысил средний в два с половиной — три раза. Процесс это естественный: в условиях инфляции товары для богатых всегда дорожают быстрее. Но кто получал и получает доход от их продажи? Ловкие импортеры да зарубежные производители. Для них наши «новые богатые» стали подарком судьбы. А отечественные изготовители роскошных вещей практически никак не обогатились за счет российских нуворишей.

Сильно выросла стоимость детских товаров: они дорожали в три — пять раз быстрее, чем рос средний индекс цен. Вещи для детей нынче всего на 15—20 процентов дешевле, чем для взрослых. Детсадовские ботиночки порой стоят столько же, сколько мужские туфли!

В советское время, до середины семидесятых годов действовал правительственный запрет: ни одна детская игрушка не должна стоить дороже десяти рублей. (Помню, самым дорогим в «Детском мире» был деревянный «конь-огонь» на колесиках, стоявший без малого червонец.) Ограничение на цену игрушек было введено с благородной целью: чтобы Ванечка из малообеспеченной семьи не завидовал «богачу» Павлику. Теперь не диво игрушки ценой в миллионы рублей. Ну кто может их купить? И что останется в душе тех детей, которые видят у сверстников такие игрушки? Имуущественное расслоение начинается в младенческом возрасте и кончается у гробовой доски.

Детские товары при социализме были дешевы благодаря тому, что действовала целая система льгот для их производителей. Они имели скидки с налогов, прямые дотации,

ущадящие цены на сырье... Непонятно, почему сейчас нельзя снова установить преференции для изготовителей детского ассортимента — чтобы бедные семьи хотя бы малышей своих смогли одеть по-человечески. Ссылки на мировой опыт (за границей, дескать, товары для маленьких продаются по той же цене, что и для взрослых) вряд ли оправданны — почему, интересно, мы должны гнаться за неудачным «мировым стандартом», забывая стандарт собственный, более нам подходящий?

Считаю, что нужно снова ввести льготы для производителей детских товаров. Мне могут возразить: «А вы знаете, к каким злоупотреблениям это приведет? Под детский ассортимент будут «косить» все, даже изготовители презервативов!»

Раньше, при социализме, тоже были «леваки», которые скупали дешевые детские цигейковые шубки и шили из них дорогие взрослые. С такими, как и прежде, придется бороться. А если схему льгот для «детских производителей» разработают сами изготовители этих товаров, а не чиновники (чиновники непременно оставят в нем лазейки и калиточки, чтобы поживиться), бороться со злоупотреблениями будет достаточно просто.

За сахаром в Париж

Многие утверждают — в том числе серьезные экономисты, — что в России жить уже дороже, чем на Западе. Один из специалистов пишет: «Практически все (даже тривиальнейшие) покупки выгоднее делать в периоды пребывания одного из членов семьи за рубежом или по товарным каталогам». Можно только порадоваться за человека, у которого есть деньги, чтобы ездить за границу и покупать там.

Но не надо переносить свой личный опыт на население всей страны!

Если у нас так все дорого в сравнении с «цивилизованным миром», объясните, пожалуйста, как ухитряется выжить 51 процент населения России — те, у кого месячный доход ниже ста долларов? Разве можно прожить на сто долларов где бы то ни было, кроме России, — я не говорю о дорогих странах вроде Франции или США, но хотя бы даже в «дешевых» Турции или Чехии? Зарплата триста долларов ежемесячно (или тем более пятьсот) считается у нас вполне приличной, позволяющей даже делать накопления. А смогли бы вы на эти деньги продержаться на Западе хотя бы неделю?

Статистика — штука точная, ее не обманешь. А она, статистика, утверждает, что хотя российские цены из года в год тянутся к мировым, пока они по своей совокупности в два — два с половиной раза ниже, чем в любой из развитых стран.

Вот любопытные данные — каковы наши цены в сравнении с мировыми: говядина стоит 48 процентов от среднемировой цены, мясо птицы — 61 процент, колбаса вареная — 40, рыба — 24, молоко — 53, яйца — 61, хлеб — 46, картофель — 21, одежда — 78, обувь — 67 процентов.

А вот что у нас дороже: сахар — 113 процентов от среднемировой цены, бензин — 178, отели — 200, рестораны — 250, товары в супермаркетах — 210 процентов.

Наши гостиницы с тараканами в два раза дороже, чем во всем мире! Поход в отечественный ресторан с его ненавязчивым сервисом обходится в среднем в 2,5 раза дороже, чем за рубежом! Понятно, почему даже очень хорошо зарабатывающие люди не могут позволить себе посещать рестораны.

Объясняется такая дороговизна тем же самым монополизмом (мало их в России, ресторанов и отелей!) и криминальщиной, которые делают невыносимо высокой стоимость всей сферы услуг.

Еще при Горбачеве говорили, что наши цены должны приблизиться к среднемировым. Не очень понятно, что за польза от этого? Какие блага — и кому — это принесет? Сближение цен, действующих в разных странах, происходит. Это — особый экономический процесс. Но они никогда не сравниваются. Где-то дешевле будут стоять видеоманитофоны, а где-то — бумага. Есть международное разделение труда: в одном месте выгоднее производить один товар, в другом — другой. Благодаря разнице цен в разных концах Земли существовала, существует и будет существовать мировая торговля.

В два раза хуже

Мы говорим о ценах: на сколько то подорожало, на сколько это...

Но сами-то мы «подешевели»!

Реальные доходы населения росли медленнее, чем цены, и сейчас уровень жизни российского населения в среднем ниже дореформенного в два — два с половиной раза.

Я уже писал в «Смене», отчего это происходит: на уменьшении наших реальных доходов сказываются и падение производства, и рост государственных расходов, и неслыханные аппетиты чиновников, и уму непостижимое воровство и махинации... Последний год ничего в этом смысле не изменил.

Мы выделяем Чечне миллиарды долларов «на восстановление» — почему? Что, Россия потерпела поражение в войне и должна выплачивать контрибуцию? Что, дудаевцы ни в чем не виноваты? Как мож-

но восстанавливать сейчас Грозный — город, где идут бои? Неужели не понятно, что все будет разворовано?..

Контрольный пакет акций компании «Норильский никель», где ежегодная прибыль зашкаливает за миллиард долларов, передается в частные руки за 170 миллионов «зеленых» — это что, честная сделка? Примеры подобного государственного криминала можно множить и множить, на них греют руки тысячи людей, сколачиваются миллиардные состояния. А деньги, текущие в их руки, не берутся из ничего. Раз немногие богатеют — значит, беднеют все остальные.

Инфляция — это для россиян худшее из «экономических зол». Рост цен всегда опережает рост доходов населения. Увеличение зарплат постоянно отстает от темпов, которыми дорожают продукты и товары. Богатеют только богачи — они имеют возможность вкладывать свои средства в акции, недвижимость, предметы роскоши, цены на которые обгоняют инфляцию.

В этом году рост цен продолжится. К декабрю они поднимутся, по сравнению с январем, на шестьдесят — восемьдесят процентов. И по-прежнему не понятно, как правительство собирается бороться с монополистами, станет ли оно хоть как-то контролировать цены, управлять ими... (А в том, что такое управление необходимо, ни у кого из здравомыслящих людей сомнений нет. Заметьте: в одном только американском штате — Калифорнии, в одной только отрасли — бытовом обслуживании населения — занято около пятисот инспекторов, контролирующих уровень цен!)

Нам остается рассчитывать на себя. Чтобы угнаться за ценами, приходится работать больше на своем месте, искать приработки, трудиться до пота на своих садо-

вых участках... Гонка за ценами похожа на гонку велосипедиста за «харлеем». Как бы велосипедист ни крутил педали, как бы ни упирался — все равно мотоциклиста не обгонишь.

Лишь бы не отстать безнадежно, не сойти с дистанции...

Читатель- СМЕНА- Читатель

Взяться за перо меня побудила статья Виталия Светова «Еда и едоки» («Смена» № 12, 1995 г.). Даже авторские отступления в беседе с директором Института питания РАМН академиком Михаилом Николаевичем Волгаревым не смогли прикрыть те белые нитки, которыми шиты ответы уважаемого академика на вполне конкретные вопросы: как вкусно и недорого питаться, как похудеть, как вернуть мужскую силу, как, наконец, продлить жизнь. В его ответах не аргументы, а те самые догмы, которые давно уже завели нашу медицину в тупик.

М. Волгарев почему-то считает раздельное питание «нефизиологичным». Почему? Вопреки медицинским стереотипам, только принимая пищу раздельно, можно питаться дешево и правильно, не болеть и, следовательно, долго жить.

Слабый аргумент приводит академик: «Если вы питаетесь раздельно, включаете только часть вашей пищеварительной системы. Зачем же ей работать вполсилы?» Но это опровергается учением великого физиолога И. Павлова. Когда мы съедаем хлеб, то для переваривания крахмала нужна щелочная среда, а когда мясо — чтобы переработать белок, необходима, наоборот, кислая. При смешанном пи-

тании щелочь и кислота взаимодействуют, вызывая реакцию нейтрализации и разрушая желудок. При раздельном питании желудочных соков выделяется меньше, но достаточно для того, чтобы переварилась вся пища, а не только ее часть.

Академик утверждает одно, а сам-то питается по раздельной схеме: на завтрак ест кашу, в обед — постный суп, а на ужин предпочитает голубцы или рыбу.

Раздельное питание физиологично. Только оно устраняет причины 95% всех заболеваний. Если очистятся от шлаков кровеносные сосуды — в том числе и в половых органах — кровь бурно устремится к ним при одной только приятной мысли. Раздельное питание может избавить даже от импотенции! Не говоря уже о сердечно-сосудистых заболеваниях и атеросклерозе.

Меня вылечило раздельное питание. Четырнадцать лет назад я был обречен лечащими врачами на медленное угасание. Но когда сам избавился от болезни, решил помочь другим — написал книгу. Более подробно о раздельном питании и как результате об избавлении от болезней можно будет вскоре прочесть в моей новой книге «Сто пятьдесят лет жизни вам и радости». Это

второе, дополненное, издание первой книги «Здоровье без лекарств и долголетие без болезней», которая быстро исчезла с прилавков магазинов. Те, кто хочет жить не болея, могут обратиться ко мне по адресу: 352800, Краснодарский край, Туапсе, ул. Б. Хмельницкого, 49, кв. 10, Игольникову Марату Захаровичу. Телефон: 2-30-74.

Р. С. После опубликования в «Смене» моего первого письма поток читательских писем меня не смутил, и я на каждое незамедлительно ответил, но не забываете, пожалуйста, писать полностью адрес и вкладывать чистый конверт с марками. ─

┌ Не знаю, к кому обратиться за помощью, — посоветуйте.

Тридцать один год я прожила в Душанбе. Когда в 90-м году, в феврале, начались беспорядки, люди европейских национальностей, впрочем, как и многие киргизы, узбеки и даже таджики стали покидать Таджикистан. К концу 91-го из всей семьи осталась в благоустроенной двухкомнатной квартире я одна. Обстановка все обострялась: видели мы убитых, искорененные дома и предприятия, попадали под обстрелы. Транспорт ходить перестал, но мы, приехавшие сюда энтузиасты 60-х, ходили на работу и с работы пешком — только в один конец, полтора-два часа.

Из России дочь звонила и писала, умоляя все бросить и ехать к ней, хотя и сама с семьей еще не имела своего угла. Действительно, жить становилось все страшнее: часто вооруженные люди, представляя то нашими защитниками, то боевиками, то милиционерами, грохотали в дверь с криками «открой, будем ломать», «открой, будем стре-

лять», «открой, проверка паспортного режима», заходили, невесть что искали, пугали до смерти. Голод, стрельба, такие вот визиты измучили, я стала отправлять посылками личные вещи. Правда, прежде надо было многое продать, сидя на «панели», — иначе где взять деньги на почтовые расходы — зарплату мы не получали. Продавали за копейки все, что назвали нелегким трудом за многие годы. Словом, в сентябре 94-го отправила я девять посылок, восемь из которых дочь получила, а одну «арестовали» в Самаре — в этой посылке находились швейные принадлежности, разные мелочи и серебряная рюмка-кубок, доставшаяся мне в наследство от моих тетушек, у которых я воспитывалась. Эта рюмка, как и многие другие вещи в посылках, не была мною оформлена в Декларации таможенных перевозок просто потому, что на маленьком листочке было невозможно перечислить все, да и из Душанбе посылка ушла благополучно. Вдруг получаю я из Самары «предписание»: моя рюмка изъята как государственная ценность, а сама я привлекаюсь к уголовной ответственности. Сколько же я писала туда, отставивая свою семейную реликвию, — все бесполезно. Я даже приглашалась на слушание моего дела в Самару. Интересно, как бы я могла поехать в Самару из Душанбе, если у меня в то время часто не было денег хотя бы на одну лепешку.

В январе 95-го я покинула Душанбе навсегда и, приехав к дочери, снова стала обращаться в разные инстанции письменно, но ответа не получила ни разу. Лишь из Самары сообщили, что «серебряная рюмка имеет историческую и художественную

ценность, ориентировочная ее стоимость 1 млн. рублей... штраф не налагать в связи с нахождением отправителя за пределами Российской Федерации, а серебряную рюмку конфисковать». В последнем письме, уже сюда, в Тейково, написали, что рюмка отправлена в Российский комитет драгоценных металлов и драгоценных камней. Вот так государство залезло в мой нищий карман и, видно, разбогатело, забрав единственную семейную память о предках, воспользовавшись нашим горем, страшной нашей судьбой, на которую оно же нас и обрекло.

Дело в том, что если бы я эту рюмку везла с собой, ее у меня все равно бы отобрали, как отобрали у отъезжающих все ценное — таможня обдирала нас подчистую.

Неужели я не смогу добиться справедливости и вернуть свою личную собственность? Очень больно и обидно...

В. Н. РОЖКИНА,
г. Тейково Ивановской обл.

Сюда, на берега трех озер — Белого, Черного и Святого, расположенных в десятке верст от Москвы, привозили, говорят, ратников с Куликова поля — залечивать раны. Вода здесь считалась целебной. Она долго оставалась изумительно чистой в этих водоемах близ подмосковного местечка Косино, пока к ним не подступила столица. Но и тогда в районе косинских озер, получившем вскоре после революции статус заповедника, значение которого нынче признано ЮНЕСКО, любили отдыхать жители столицы. Водоемы выдерживали и пикники по берегам, и близость восьмирядной авто-

магистрала, и мытье машин, и собачьи купания...

Многоэтажного строительства по берегам косинских озер не выдержат!

Столица не ограничилась огромной площадью в пределах кольцевой автодороги и вытолкнула за старую границу. Зокруг озер строятся и строятся семнадцатизэтажные дома. Но нельзя здесь возводить такие громады! Карстовые озера в результате давления каменных машин на грунт могут погибнуть.

Это доказала экспертиза, которую провели по просьбе жителей района специалисты МГУ и Российской Академии наук. Высокоэтажное строительство нарушит всю гидрогеологию единой водной системы, в которую входят не только знаменитые косинские озера, но и пруды столичных парков Кусково, Измайлово, Кузьминки. Вырубаются леса по берегам, а ведь они снабжали кислородом целые районы Москвы.

К тому же в пределах старой Москвы, внутри кольцевой дороги, до сих пор заняты свалками, заводами, в том числе вредными и аварийно-опасными гаражами и даже самодеятельными «дачными участками» сотни гектаров земли. Почему бы не строить небоскребы на этих землях? А на берегах заповедных озер в крайнем случае можно вести строительство щадящее, малоэтажное.

Но возведение каменных громадин идет полным ходом, невзирая на протесты жителей района.

Строительные краны обступили три озера — Белое, Черное, Святое...

ЛЮДМИЛА ГРИГОРЬЕВА,
Москва

ЛЕБЯЖЬЕ ИМЯ

То гладь снегов, то приовражье
Весенней дымчатой земли,
Где с именем твоим лебяжьим
Купавы тихо расцвели.

И ты летишь под облаками,
Свободная,
и пусть, и пусть —
Я оробевшими руками
Вновь до тебя не дотянусь.

Но будет миг — и я поймаю
Иль украду в своем лесу,
И по ликующему маю
Тебя хвастливо пронесу.

Меж звезд крыло твоё искрит,ся,
И голос падает, звеня,
Тебе сам Бог велел родиться
Под вечным стоном у меня.

Ни поцелуй, ни объятья,
А горе кличет нас вперед,
Там всех влюбленных
на распятье
Слепая зависть приведет.

СИЯЮЩИЕ РУКИ

Не лавина снежная, не ливень,
Молниями вдруг озарена,
На мгновенье сделалась счастливой,
Погружаясь в сумерки, страна.

Ледяная изморозь над нами
И равнинный ветер-снегокут.
Долгий вздох твой выстрадал я снами,
А такой серьезной сны не лгут.

Мне ласкать глаза твои и брови,
Оторопью тело обнимать.
Я не страсть, а русский голос крови,
Рок любви учился понимать.

Одиноким по тоске о вечном,
Дни я перелистываю вдруг.
Небеса Путем струятся Млечным,

А земля тревожится вокруг.

*Я иду, превозмогая муки,
Думам дорастая до плеча,
И твои сияющие руки,
Словно два заоблачных луча.*

*Чья же тройка проскакала быстро
Мимо нас?..*

*Безумьем ночь полна.
Но цветет, как ландыш, серебристо
За горами темными луна.*

ГОЛОС В ДОРОГЕ

*За сумятицей дорожной,
За мерцанием огня,
Слышу голос осторожный,
Он опять зовет меня.*

*Что тебе, упрямой, надо,
Чья тебя кручинит боль?
Ты — неожиданная награда
Мне за пагубы недоль.*

*Я несу тебя высоко,
Я такой зажег костер —
Серебром звенит осока
Наших северных озер.*

*Опалив тебе ресницы,
Роет ветер темноту,
Но слова твои, как птицы,
Замерзают на лету.*

*Поле белое широко,
И до черных облаков
Стон земли
и плач, и рокот
Вырастают из веков.*

*Взята мной и мглой любима,
Замыкая все пути,
Ты — багряная рябина,
Свет мой тайный впереди.*

КРОВЬ И СВЕТ

*Серебристой северной порошей
Замело твой скоролетный путь.*

Ну а я, как будто всеми брошен,—
Давит боль виски мои и грудь.

Кто ты мне: жена моя родная
Иль сестра,
 иль ветреная дочь?
Чей-то голос, каюсь и рыдая,
В белом поле пропадает в ночь.

И спешат по ледяной округе
Дьяволы на праздник пировать,
Только эти губы, эти руки
Завистью уже не разорвать.

Нам тоской разлуки не согреться:
Белые деревья.

 Лунный чад.

И тебе под маленькое сердце
Кровь и свет страстей моих стучат.

От любви до смерти вздох короче.
Память поцелуев тяжела.
Я молился на такие очи,
И ко мне с иконы ты сошла!..

ПОБУДЬ СО МНОЙ

В тебе, покорной и земной,
Есть тайна и уют,
Побудь, побудь еще со мной,
Пока снега поют.

К тебе замыслил я побег,
И здесь, в краю степном,
Я сам седой, как этот снег,
Шумящий за окном.

Ты — добрый миг, ты — свет иной,
И я прошу опять:
Побудь еще, побудь со мной,
Меня хотят распять.

Со всех дорог спешат враги
Простой судьбы моей,
Побудь со мной и помоги
Мне мудростью своей.

А смерти нам не миновать,
Но не про гибель речь,—
Тебя пришел я целовать,
А Родину беречь.

Глаза твои, глаза ее
И колокольный звон,
Все это — вечное, мое,
Протяжное, как стон!

КОГДА В ЛЕСУ

Когда в лесу засеребрится вечер,
Ночным теплом к себе поманит дом,
Я мысленно твои целую плечи
На самом том изгибе золотом.

В окно луна глядит —
и звездно, звездно,
И вот опять я повторяю себе:
А ничего, действительно, не поздно
В моем пути да и в моей судьбе.

Но разве ты не мучима бедою
И разве я не мучим?..

И куда
Мне поклониться головой седою?
Вся жизнь — одна великая беда!

Мы тосковали долго друг о друге,
В холмах невзгод потери счастья след,
И, кроме вьюги, кроме сизой вьюги,
Иных чудес перед глазами нет.

Страшнее смерти белой вьюга-птица,
Колдуя вдоль селений вековых,
Она летит — и вечер серебрится,
И товет дом в туманах роковых.

НУ ЗАЧЕМ?

Ну зачем спешишь ты в край безвестный,
Разве мал тебе мой пьедестал?
Я хочу, чтобы состав железный
Тормозами закрипел и встал.

Ты моя шальная недотрога,
Неужель я целовать горазд
До тех пор, пока тебя дорога
В чьи-то руки вдруг не передаст?

Веющий уральскими степями,
Белый снег летит из дальних стран,
И звенит чугунными цепями
Твой вагон, как царский арестант.

*Никуда вовек я не поеду,
Даже если кликнут соловьи:
Признаю одну из всех побед —
Стоны лебединые твои!*

*Ни в лугах мелькнувших, ни в березках
Мига осчастливленного нет.
И на всех путях и перекрестках
До зари я выключаю свет.*

БЕЗУМЬЕ

*Не видя звездную луну,
Весь вечер, а не пять минут,
Я целовал тебя одну
Я мял тебя, как травы мнут.*

*Окно зашторено, и ты
Лежала золотей огня,
И груди — круглые цветы —
Под сердцем рдели у меня.*

*Я пил твое лицо и пил,
И тьма летела кувырком,
Я никого так не любил,
Не тосковал так ни о ком.*

*Ты словно бы ребенок мой
И словно бы сестра моя,
И словно бы тебя домой
Привел, а не к знакомым я...*

*Мы перешли хмельной порог,
Цветов охапки и травы,
И, может, сохранит нас Бог
От пули и дурной молвы.*

*Не отрезвиться нам и впредь,
Костер страстей не затушить, —
Кто согласится умереть,
Когда, ликуя, хочет жить?*

Мужская РАБОТА

Все самые важные вещи в мире сделаны из труб, заметил философ и перечислил их: перья поэтов, стволы ружей и органы любви. Он не поставил в этот ряд нефтепромыслы только потому, что их в его времена не существовало. Нефть, конечно, добывали, но без труб. Ее просто вычерпывали из ям и переливали в бурдюки.

Можно обойтись без перьев поэтов и стволов, выметающих смерть. С трудом, но все же можно вообразить наш мир без любви. Но представить нынешнюю жизнь без нефти и бензина невозможно.

Нефть, нефть, нефть... Это древнее персидское слово* стало в один ряд с такими понятиями, как «золото», «алмазы», «деньги», «богатство», «власть», и не только встало, но и изрядно их потеснило.

Почти все войны нашего столетия из-за нефти: от англо-бурской в начале века до «Бури в пустыне» в конце. В любом военном конфликте ищи радужный нефтяной след. «Шерше ля петроль» и в дипломатической интриге, и в кознях политиков, и в парламентских баталиях.

В своем неоконченном романе «Жирная, грязная и продажная» Валентин Пикуль утверждал: «Реки человеческой крови протекали в одном русле с реками нефти и мазута, солярки и бензина». Разве самый последний печальный опыт — Чечня! — не убеждает в этом?

Прометей добыл огонь. Но он не подумал о том, чем его поддерживать. Но, когда в конце минувшего века человечество решало, что же повлечет дальше колесницу технического прогресса — ветер, пар или

* Этимология слова «нефть» досконально не выяснена. Одно из вероятных значений — «влажный» на языке персов.

электричество, — выбор пал на неприметную жидкость для выведения пятен: бензин. С тех пор производство нефти в мире удваивается каждые десять лет! С тех пор нефть — самый прибыльный вид бизнеса.

«Если нефть — королева, то Баку — ее трон», — метко заметил Уинстон Черчилль. О «троне» речь впереди...

Нефть — существо женского рода. И это отнюдь не только грамматический факт. Женщина дарит жизнь. Нефть — все то, что эту жизнь поддерживает: тепло, свет, энергию. И характеры у них схожие — капризные, игривые, непредсказуемые.

Для человека, о котором пойдет здесь речь, равно как и для тысяч его коллег, все началось с того, что в 1964 году в таежных дебрях зауральской Сибири геологи случайно наткнулись на признаки нефтеносных слоев. Месторождение назвали Шаймским...

1

Никогда в жизни не преодолевал еще столь жесткий психологический барьер: завтра иду к человеку, которого американский журнал «Форбис» назвал «российским Рокфеллером», — президенту акционерного общества «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» Вагиту Алекперову.

Кто он, этот могущественный глава могущественной компании? Знаю одно — мы выросли в одной с ним стране, воспитывались одним комсомолом, платили членские взносы одной и той же партии. И вот он магнат, президент, а я рядовой налогоплательщик, как и многие миллионы наших с ним ровесников-соотечественников. Почему так?

Он сделал верную ставку? Ставку на нефть, а я ошибся, выбрав «слово»? Впрочем, словесность, если и приносила кому «палаты каменные», то с решеткой на оконце. Нефть — другое дело. Наверное, и в самом деле все решилось, когда я поступал на философский факультет МГУ, а он — в бакинский нефтехимический...

...И вот вхожу в его кабинет, устланный четырьмя коврами, вхожу, чтобы задать главный вопрос, составленный из множества подвопросиков: «Как же вам удалось стать тем самым Алекперовым, которого американский журнал назвал «российским Рокфеллером»?

Меня встречает сухощавый смуглолицый человек с легкой проседью в черных волосах. Пьем чай. Беседуем. Пространные вопросы и лаконичные ответы. И в каждом жесте нетерпение смертельно занятого человека — скорее вернуться к оставленным делам.

2

Сначала было слово. И этим словом в нефтяном мире было — «личность». Лидер, министр, президент — все это производное от личности.

Хорошо известно, как стать Рокфеллером. Надо подобрать валяющуюся булавку и прибрать ее. Надо первый же лишний доллар немедленно отнести в банк и затем бережно наращивать проценты.

Чтобы стать Алекперовым, необходим риск иного рода. Риск русской рулетки. Нужно работать у устья скважины на морской платформе, зная, что в любую секунду может ударить фонтан давлением в

триста атмосфер (и ударял, и сбрасывал в море, и надо было выплыть с разбитым в кровь лицом). Чтобы стать Алекперовым, надо было принимать производственные решения, за которые можно было поплатиться партбилетом. Чтобы стать нынешним президентом «ЛУКойла», надо было в хаосе «последних дней Помпеи», сиречь СССР, успеть построить свой ковчег и набрать толковую команду, чтобы успешно плыть в жестокий шторм, вздыбивший российскую экономику.

Иные шагают к своим вершинам по трупам. Алекперов шел по трубам. По трубам скважин и нефтепроводов. Когда в Сибири на аварийном участке сварщики отказались заваривать трещину, опасаясь взрыва, Алекперов встал рядом с трубой и сказал рабочему: «Вари смело. Взрыва не будет». Трещину заварили. Аварию ликвидировали.

Сей эпизод — лишь одна из множества ступенек, по которым Вагит Алекперов шел к министерскому креслу в Миннефтегазе СССР.

Впрочем, он никогда не был карьеристом. По жизни его вела не жажда власти над людьми, но власти над подземной стихией, над нефтью. Он промисловик, а не администратор. Если бы он тогда хотел стать большим начальником, он рвался бы в ВПШ — Высшую партийную школу, а не на промышленный факультет Азербайджанского института нефти и химии.

Знамение времени: очень многие из нынешних «отраслевых маршалов» пронесли свой жезл в солдатских ранцах. И министр путей сообщения РФ Геннадий Фадеев, и глава «Ювелирпрома» Эдуард Барбарюш, и микрохирург Святослав Федоров, и многие другие — всех не перечить — прошли по всем ступенькам своей службы, не перескакивая, не манкируя ни одной промежуточной должностью. Только так можно стать настоящим «профи». А сегодня спрос именно на профессионалов, а не на номенклатурных работников. Алекперов не исключение. Его путь четко прописан в трудовой книжке: оператор 3-го разряда, 4-го, 5-го... Мастер по добыче. Старший инженер промыслов. Начальник промыслов. Главный инженер нефтедобывающего участка. Начальник нефтедобывающего участка.

И так далее, вплоть до заместителя министра Миннефтегаза СССР, до и. о. министра после августовского путча 1991 года. Тогда он только-только перевалил за сорокалетний рубеж.

Алекперов: Я прошел по всем ступеням своего ведомства. Но прошел очень быстро, задерживаясь на каждой не более чем год-полтора...

От себя замечу, что никакой «волосатой руки» у него ни в Москве, ни в Сибири, ни в Баку не было, как не было и отца, подставившего бы свое плечо в критический момент. Тот погиб, когда Вагиту было три года... Англичане называют таких людей «selfmademan» — человек, сделавший себя сам. Алекперов сделал себя сам.

Впрочем, это не совсем точно. Он начинал свой взлет, опираясь на руки матери, старшей сестры, Учителя... О семье особый рассказ. Здесь, к слову, речь об Учителе. Я пишу это слово так, как произносит его Алекперов, — с большой буквы.

Рахман Искендерович Курбанов, директор Азербайджанской нефтяной компании:

— Я заметил его сразу: высокий хрупкий студент лихо орудовал

на буровой с тяжелым железом. И я подумал — он никогда не будет нефтяником. Он слишком хорош для того, чтобы возиться в нефтяной грязи, в глинистом растворе... Через месяц-другой вижу — ошибся. Хваткий парень. Будет толк...

Было это в 1972 году на нефтегазодобывающем участке имени Серебровского. Я тогда работал заместителем начальника цеха № 1, а Алекперов — студент-вечерник — оператором. Вечерами постигал теорию того, что днем творил на практике. Для нефтяника это идеальный способ обучения. Но у Вагита другого выхода и не было. Многодетная мать-вдова не могла обеспечить ему более легкую жизнь.

Грунты у нас сложные — песок. Средняя глубина скважин — 3,5 километра. Он самостоятельно освоил всю работу. Бурил, как Бог. Он знал язык скважин.

В 74-м Вагит окончил институт, и я хотел назначить его мастером. Но тут меня перевели начальником цеха на новое месторождение — «Бахор». Надо ж так случиться, что и его направили ко мне. И еще пять лет — плечом к плечу.

Мы работали на отдельных морских основаниях, на 30-метровой глубине. Платформы отстояли от материка километров на 18–20. Берега не видно. Как на кораблях в открытом море. Ну и, конечно же, штормовали в непогоду, как самые настоящие моряки.

Рассказ Курбанова дополняет старшая сестра Алекперова — Зулиха-ханум. Она работает здесь же, в Азербайджанской нефтяной компании, под началом Рахмана Искендеровича:

— Однажды так заштормило, что снять вахту с платформы не удавалось несколько суток. Прервалась всякая связь. Мы-то знаем — там Вагит. Живой ли? Ведь и смыть может, и все что угодно. Мама мне звонит, тревожится. Я ей всего не говорю, что у них там и питьевая вода кончилась, и продовольствие. Вертолет посылали дважды — сбрасывали им с воздуха канистры с водой и мешки с продуктами, но оба раза ветер уносил груз в море. Удалось только с третьей попытки забросить... Потом, когда брат наконец вернулся, спрашиваю: «Вагит, ну как вы там?» — «Ничего, говорит, рыбу ловили. Без соли ели. Видеть ее теперь не могу...»

Никогда ни на что не жаловался. Ни мне, ни маме, ни начальству — никому.

Рахман Курбанов: Как-то задул хазри — каспийский норд-ост. Вдруг сигнал: с платформы № 24 прекратилась подача нефти и газа. ЧП. Надо выяснять, в чем дело. Вызываю морской буксир. Вагит: «Я с вами». А ветер под 30 метров в секунду. Буксир швыряет, на платформу не вылезешь. Того и гляди раздавит. Обвязались мы, перепрыгнули. Проверили нефтяную арматуру: трубопровод гидратом забился. Освободили и вдвоем пустили. Вагит пускал в год по 15–20 скважин. Это при аномальном внутрипластовом давлении в 600 атмосфер. Это, представьте себе, нефтяник, как минер, разряжает гигантскую подземную бомбу: рванет, не рванет? Ошибка жизни стоит. Однажды рвануло. Алекперов стоял у самого устья. Его вышвырнуло в море метров за тридцать. И ничего, выплыл. Он морской человек. В рубашке родился. Счастливый, значит.

Алекперов: Мое счастье в том, что мне не надо было мучительно решать — кем быть. Я знал это с детства — нефтяником, как отец. Да

и кем бы я мог быть, если родился в поселке, где сам воздух был пропитан запахом нефти?

Он не любит, когда его сравнивают с Рокфеллером. Первым это сделал корреспондент американского журнала «Форбис» Пол Хлебников: «Вагит Алекперов — Джон Д. Рокфеллер современной России. Хитростью, грубым нажимом и едва замаскированным подкупом он создает из хаоса нефтяную компанию мирового класса».

Это сравнение подхватил интервьюер из российского издания «Коммерсантъ-дейли».

— Рокфеллер прославился также и своей беспощадностью к конкурентам. Складывается впечатление, что от вас ожидают того же...

— Не люблю таких сравнений! — ответил Алекперов. — Каждый человек, как и компания, делает свою историю как может. Сегодня первые элементы конкуренции уже появились. Наши станции, например, стоят в Ростове рядом с АЗС ВНК, мы заключили договор о поставках топлива с администрацией Ульяновской области, где «хозяином» является ЮКОС. В Калининградской области вся розничная сбытовая сеть принадлежит «Сургутнефтегазу», однако мы планируем создать там свою собственную. Интересы компаний сталкиваются все чаще. И хотя особо острых ситуаций еще не наблюдалось, российские компании начинают осознавать конкуренцию как неизбежность и в некоторых случаях оказывают друг другу противодействие, например, через региональные администрации.

3

Заспорили как-то премьер-министр России и президент Азербайджана о том, чей Алекперов.

— В Западной Сибири, — сказал Виктор Черномырдин, — работает много бакинцев. Вот наш Алекперов в определенной степени принадлежит Азербайджану. Еще надо посмотреть, кому он больше принадлежит...

Гейдар Алиев возразил:

— Мне кажется, не имеет значения, кому он больше принадлежит — России или Азербайджану...

В жилах Алекперова течет азербайджанская кровь (по отцу) и русская, казачья (мать Татьяна Федоровна Бочарова из Ставрополя). Может быть, поэтому ему удается столь выигрышно сочетать европейские манеры и восточный политес. «Человек-Евразия» умеет находить общий язык и с арабскими шейхами, и с американскими бизнесменами. Он умеет подолгу выжидать и быть стремительным, когда успех дела решается в мгновенной схватке. Правда, непроницаемое выражение лица дается ему куда с большим трудом, чем сыну туманного Альбиона.

Досужие языки связали успехи «ЛУКойла» в Азербайджане с родственными узами двух президентов — республики и нефтяной компании.

Алекперов: Скажу сразу, я не родственник Алиева и никогда с ним не встречался в бытность мою в Азербайджане, так как занимал тогда незначительные должности. Познакомился с ним, когда уже был президентом компании, а он — президентом страны. Но «ЛУКойл» при-

шел в Азербайджан несколько раньше, еще при Муталибове. Я неоднократно встречался с ним, а потом и с Эльчибеем, но начать работать смогли только при Алиеве. Почему? Появился в полном смысле государственный муж, сумевший стабилизировать экономические процессы в республике и создать государственную машину, с которой можно вести диалог.

А действует ли тот факт, что я азербайджанец? Конечно, действует. Бакинцам чисто по-человечески приятно иметь дело с земляком, и они гордятся тем, что он занимает достаточно высокий пост в экономической иерархии великой державы.

Когда я был в Италии, изучал опыт «Аджиба», меня удивило то, что компания может получать доход, даже когда добыча нефти резко падает. За счет чего? За счет переработки? Нефтеперерабатывающие заводы сами по себе во всем мире убыточны. Секрет прост — компания получала прибыль от производства товаров нефтехимии: пластмассы, стиральные порошки и прочие товары. Это взаимная страховка добычи и производства. И возможна она только в рамках вертикально интегрированной компании — когда добыча, нефтепереработка, нефтехимия и сбыт находятся в одних руках. Эффект полимарана — один поплавок сдуся, судно держится на других.

4

Как Земля по древним поверьям держалась в Мировом океане на трех китах, так «ЛУКойл» стоит в мировом океане нефти на трех промыслах — Лангепасе, Урае и Кагалыме. Собственно, из первых букв названий этих месторождений и сложена аббревиатура фирмы — «ЛУК». Соединить ее с международным «ойл» — «нефтью» предложил в свое время соратник Алекперова Равиль Маганов, ныне первый вице-президент компании. Теперь это искусственное слово набрало живую силу и из фирменной марки превратилось в экономический термин.

Последняя буква в аббревиатуре «ЛУК» обозначает название ее самого крупного нефтяного источника — Кагалым. У этого хантымансийского топонима довольно мрачный перевод — «место, где умирают мужчины». Видимо, имелось в виду то, что в эту болотно-таежную глухомань приходили умирать старики местных племен. Кладбище стариков.

Алекперов был назначен сюда начальником нефтегазодобывающего участка в год смерти Брежнева. Никто не может толком объяснить, что заставило преуспевающего бакинского инженера сменить воистину солнечный город у теплого моря на комариную марь заболоченной тайги, начинать там с нуля, без друзей, без знакомств. Отговаривали, умоляли, ругали, обещали и даже грозили испортить трудовую книжку. Но он уже принял решение. Так или иначе без того «опрометчивого», «сумасшедшего» шага не было бы нынешнего «ЛУКойла».

У кого — Тулон, у кого — Байконур, а у него место взлета — Кагалым. Именно здесь он заслужил свое прозвище — Алек Первый. (Сибирские нефтяники звали его так между собой, не только облегчая себе понимание экзотической фамилии, но и проводя известную параллель с монархом-преобразователем.)

Именно здесь ему пришлось лечь под трубу, чтобы сварщики не

боялись взрыва. Именно здесь он стал «отцом города» и отцом сына-первенца. Кстати, здесь он же схлопотал и свой первый выговор по партийной линии.

За что? За разбазаривание государственной собственности.

Алекперов: Дело было в 1985 году. В Кагалыме не существовало магазинов. Все города начинаются с рыночной площади. Без собственной торговли Кагалым был бы не городом, а вахтовым поселком, не более того.

Сметы на социальные нужды нефтяников урезались очень жестко. Деньги отпускались централизованно. Я принял решение построить из промышленных конструкций три магазина — за счет Центральной базы обслуживания промыслов. Сразу же решилась проблема бытового обслуживания кагалымцев: один магазин специализировался на продаже продуктов питания, другой — хозтоваров, третий — промышленных изделий.

Приехало начальство и вкатило мне выговор за нарушение финансовой дисциплины. Магазины же те до сих пор стоят!

И магазины стоят, и город стоит. И какой город! Чтобы понять — какой, надо поехать по остальным западносибирским промыслам, помесить грязь ботинками на непролазных проходах между бараками, балками и прочими временками. Тогда и поймешь цену асфальта кагалымских улиц и несибирских шоссеиных дорог. Такое впечатление, что от Москвы или Питера оторвался солидный микрорайон с белостенными многоэтажками и исполинская сила перенесла его за Уральский хребет в гиблую топь нетронутой тайги, где первые бурильщики собирали грибы и клюкву, где ханты-охотники били белку и где ветхие старики находили свой последний приют.

Генеральный директор «Кагалымнефтегаза» Семен Вайншток: Город создан в первую очередь благодаря прежнему руководителю предприятия Вагиту Алекперову. В свое время было решение Тюменского обкома партии о строительстве здесь деревянного микрорайона. Так вот Алекперов, тогдашний начальник НГДУ, этого решения не выполнил. Не демонстративно, конечно, а ссылаясь на отсутствие проекта и строительных мощностей, плохое материально-техническое обеспечение, нехватку людей. До поры ему верили, а потом объявили выговор по партийной линии. В тех, прежних, условиях его эффект, как мы знаем, приравнивали к одному инфаркту. Надо полагать, с Алекперовым подобного не случилось потому, что действовал он осознанно и целенаправленно. За это ему и сегодня благодарны люди.

Алекперов: Я не строил Кагалым. Это чисто журналистское преувеличение. Кагалым строили все вместе: русские, прибалты, белорусы...

В конце семидесятых меня прислали сюда на три месяца для укрепления кадрового состава нефтедобытчиков. Здесь было все, кроме опытных нефтяников, — и огромные запасы нефтяных залежей, и сибирские просторы, и мощная техника. Мне понравилось. Комары и глушь не напугали. К тому же пообещали квартиру. Написал жене Ларисе. Она приехала. Жили в номере гостиницы для специалистов. Прятали электроплитку, чтобы не нашли пожарные... Горячее было время — в прямом и фигуральном смысле этого слова. Над тюменской нефтью мощный газовый пласт. Работа на промысле всегда огнеопасна. Я отвечал за жизни людей. По двадцать скважин на

кусте. То открытый фонтан, то прорыв газа... А это же углеводород. Он горит.

Никогда не забуду 1974 год. Баку. Нефтедобывающая платформа в море. Я, студент-вечерник, работаю оператором на буровой. Вдруг — разрыв системы и загорание скважины. Я стоял у устья... Взрыв, рев пламени... Меня выбросило с 12-метровой высоты в море. Погибло двое рабочих. Я выплыл. Хорошо плаваю с детства. Как-никак у моря вырос... Лицо покорежило. Нос и губы зашивали...

Шрамы на его лице почти не видны. Разве что когда волнуется или сердится. Так кровь его смешалась с нефтью и морской водой. А это гремячая смесь!

Ныне Кагалыму уже десять лет. 29 тысяч рабочих добывают здесь в год 24 миллиона тонн нефти. Это пока единственный в Западной Сибири город нефтяников без временных зданий и сооружений.

Здесь есть даже родильный дом. Место, где умирали мужчины, стало сегодня местом, где мужчины рождаются. В прямом и переносном смысле. Алекперов доказал это личным примером — в Кагалыме появился на свет его сын Юсуф.

В дни празднования десятилетия «жемчужины Западной Сибири» Алекперов подарил городу прекрасную древнюю икону...

5

И Лангепас, и Урай заслуживают своего рассказа. Но рамки очерка заставляют ограничиться общей фразой: все вместе «три кита» «ЛУКойла» обеспечивают четверть нефтедобычи Западной Сибири или шестую часть добычи нефти в России. Кроме того, компания владеет двумя крупными нефтеперерабатывающими заводами в Перми и Волгограде. Прибавьте к этому семь региональных оптово-розничных сбытовых объединений на Урале, в Поволжье и Северо-Западном крае, более пятидесяти дочерних многопрофильных фирм и совместных предприятий, действующих в 30 регионах России и в 16 странах.

В целом «ЛУКойл» контролирует шестую часть нефтяного рынка шестой части нашей планеты, с названием кратким СНГ плюс Прибалтика.

Алекперов: Идея «ЛУКойла» родилась еще в 1990 году, когда я изучал опыт «Бритиш Петролеум» и других авторитетных нефтяных фирм. Честно говоря, особых надежд на создание вертикально интегрированной компании не было. В СССР существовала только одна компания — Совмин. А все отраслевые министерства и ведомства были ее цехами. Наша вертикаль никак не вписывалась в систему Госплана. Почему? Потому что с самого начала нефтедобытчиков отсекали от механизма ценообразования на конечный продукт. Вы помните, у нас был баснословно дешевый бензин — дешевле минеральной воды. Но это абсурд! Минералка — дар природы. А бензин — продукт сложнейшего производства. За счет «дешевизны» советского бензина Совмин покрывал все убыточные и нерентабельные производства, латал все прочие прорехи в народном хозяйстве. Брежневский «развитой социализм» был построен на нефтедоллары. Он построен на горбу нефтяников. И мы сказали — баста! Теперь мы, нефтяники, взяв в свои руки и переработку нефти, и сбыт ее продук-

тов, сами определяем цену, разумеется, в соответствии с рынком, и сами решаем, на что в первую очередь употребить нашу прибыль.

Создание «ЛУКойла» повергло в шок многих капитанов советской экономики. Да и сейчас многие «бывшие» шипят на нас из подворотни, мол — «нувориши», буржуи, эксплуататоры. Слыхали мы эту песню... Руководствуемся восточной мудростью: собаки лают, а караван идет.

Историческая справка: В ноябре 1991 года был образован нефтяной концерн ЛАНГЕПАС-УРАЙКАГАЛЫМНЕФТЬ. 5 апреля 1993 года Постановлением Правительства РФ в соответствии с Указом Президента России концерн был преобразован в акционерное общество «Нефтяная компания «ЛУКойл».

Сегодня детище Алекперова и его команды — в первой десятке крупнейших нефтяных компаний мира. Оно занимает в нем восьмое место — «младший брат семи сестер», как окрестил «ЛУКойл» американский деловой журнал.

«Младшему брату» только-только стукнуло пять лет. Это совсем немного по сравнению с историей «Стандарт ойл». Но в условиях дикого спада российской экономики, ее войны всех против всех, год успешного выживания должен считаться по фронтовым меркам — один за два.

6

У компании «ЛУКойл» звонкий адрес: Россия, Москва, Звонарский переулок. Кирпичный чертог штаб-квартиры высится в самом центре столицы на берегу прикремлевской реки Неглинки, забранной ныне в трубу, но дающей о себе знать в ливневые половодья. Над порталом парадного входа — грациозные лебеди на керамических панно. Они невольно заставляют вспомнить морских птиц, погибающих в разли-
том мазуте...

Строгий дизайн европейского офиса с порога настраивает на рабочий лад. Сегодня — переговоры в Нижнем Новгороде, решается судьба тамошнего нефтеперерабатывающего завода.

Директор департамента по связям с общественностью и прессой Александр Василенко поглядывает на часы:

— Через десять минут выезжаем в Шереметьево.

Однако выезжаем через пять. Бывший полковник Василенко любит точность как никто другой, поэтому резервирует 600 секунд на «гвардейский зазор». Увы, и этого мало — на Бульварном кольце попадаем в пробку. Василенко поигрывает желваками:

— Опоздаем, улетят без нас. Шеф никого не ждет.

В этом тоже стиль «ЛУКойла»: никто никого не ждет — только вперед!

На наше счастье, машина Алекперова затерта в другом автомобильном заторе. Мы даже опережаем его на четыре минуты, те самые, которые взял в запас предусмотрительный ракетчик. «Шереметьево-3» в шутку называют миниаэропорт для самолетов частных компаний. Здесь все как в остальных аэропортах столицы — таможня, интроскоп, милицейский пост. Разве что интерьер и сервис ультрасовременного класса. Мы не успеваем поднять предложенную чашечку кофе.

— Президент!

Высокий, в черном свободного покроя пальто, Алекперов решительно шагнул к самолету с черной нефтяной каплей, заменяющей букву «о» в бортовой надписи «ЛУКойл». За ним поспежала свита; зрелище напоминало известную картину «Петр Первый с боярами на осмотре судоверфи».

Едва мы успели войти в президентский «Як-40», как хвостовой трап-аппарель поднялся, взревели движки и самолет взмыл в низкое хмурое небо. Серой хворостинкой проплыла под крылом Останкинская телебашня.

Улыбчивая стюардесса в черной — в цвет нефти — униформе разносила ананасовый сок. И эта фирменная тужурка, и сам самолет, приспособленный для бизнес-рейсов на средние (по российским, разумеется, меркам) расстояния, — все это разработано на средства «ЛУКойла» КБ имени Яковлева. Разработано вовсе не для того, чтобы пускать пыль в глаза. Во-первых, свой самолет — мобильно, удобно, выгодно, ибо ничто так не экономит время, которое иногда дороже денег, как крылатый командный пункт. Во-вторых, престиж компании складывается порой из таких мелочей, как покрой форменной юбки стюардессы.

В Нижнем Новгороде кавалькада вороных «мерседесов» помчала нас в Кремль, в губернаторский дворец. С корабля на бал, с авиатрапа в зал совещаний.

Судьбу завода решали губернатор Борис Немцов и представитель правительства Татарстана. Алекперов присутствовал скорее как наблюдатель, нежели партнер.

74 Татарская сторона вела себя весьма экспансивно и самоуверенно. Похоже, что исход сделки был предрешен заранее и теперь соблюдалась лишь протокольная часть переговоров. Алекперов почти ни во что не вмешивался, подавал лишь реплики. Но на его смуглом лице читалось все, что, быть может, он пытался скрыть — и прежде всего разочарованность в том комсомольском задоре, с каким молодежавый губернатор решал сложную экономическую проблему. Слишком открытое и слишком эмоциональное лицо Алекперова, похоже, вообще не умеет принимать непроницаемый вид. Если президенту «ЛУКойла» скучно слушать собеседника или, напротив, тема разговора его тронула, все это — непритворная скука и непритворный интерес — мгновенно отражается на его челе. Наверное, это мешает в тех психологических поединках, которые приходится ему выдерживать в сфере большого бизнеса. Но исходу этих переговоров уже ничто не могло помешать. Алекперов изучал лица своих партнеров взглядом затаившейся пантеры. Чувствовалось, что у него есть беспроигрышный вариант, и он с трудом придерживает козыри. Быстрые глаза скородума выдавали в нем скорее игрока в пинг-понг, чем картежника. (Позже выяснилось, что настольный теннис и в самом деле его любимая игра.)

Представитель правительства Татарстана, пообнимавшись для телерепортеров с губернатором, предложил продолжить деловые встречи в Казани и великодушно пообещал президенту «ЛУКойла» прислать за ним в Москву правительственный лайнер.

— Спасибо. У меня собственные крылья, — с достоинством парировал покровительственный тон Алекперов.

И я еще раз понял, что персональный самолет — это не роскошь, а дипломатический инструмент большого бизнеса.

После переговоров Алекперов собрал своих соратников в опустевшем зале дворца и быстро провел «совет в Филях». Каждый солдат должен знать свой маневр. Каждый «лукойловец» должен быть сведущ в стратегии своей компании. Что бы там ни писал мой американский коллега о «султанско-шахском стиле руководства в «ЛУКойле», один этот микроризод подтверждает то, что я потом прочитал в «Коммерсантъ-дейли». Это был ответ Алекперова на вопрос о стиле руководства.

— В «ЛУКойле» сочетаются демократические принципы и единоначалие. Но последнее не ведет к вальяжности, к панибратству как внутри компании, так и в отношениях с партнерами.

— То есть ваши подчиненные могут себе позволить возражать вам?

— И очень часто, причем по принципиальным вопросам. Например, мне очень не хотелось ликвидировать финансовую компанию, но после долгих споров на правлениях меня убедили создать вместо нее территориальные сбытовые управления, подчиненные центральному аппарату. Хотя теперь мы видим, что и этот путь не самый лучший.

Принципиальные решения всегда принимаются коллегиально. Другое дело, что уж если они приняты, то их выполнения добиваюсь с максимальной жесткостью.

По знаку Зодиака Алекперов — Дева. Родился 1 сентября. Астрологи советуют: «Если вы хотите получить продвижение по службе у Девы-начальника, будьте всегда точны, быстры, аккуратны, сообразительны. Выслушивайте его замечания молча, без возражений и, упаси вас Бог, сравнений. И самый главный совет — научитесь работать без ошибок. Дева-начальник не потерпит неаккуратную, неряшливую, необязательную секретаршу, будь она хоть дьявольски обольстительна».

Похоже, любой сотрудник «ЛУКойла» готов подтвердить эти рекомендации, исходя из собственного опыта.

И еще одно небольшое астрологическое изыскание. По восточному календарю Алекперов родился в год Тигра (1950).

В год Тигра появились на свет Магомед, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Александр II, Маркс, Бетховен, Гегель, Эйзенхауэр, Хо Ши Мин, де Голль, Врангель, Андропов...

Выводы, как говорится, делайте сами...

На губернаторское предложение отобедать президент компании ответил вежливым отказом: дела.

Обедали в самолете, чтобы не терять времени на трапезу в Москве. Алекперова ждали новые переговоры...

7

Выражаясь «высоким штилем», Алекперов сегодня стал королем российской нефти. Монархи и монахи обречены на публичное одиночество. К ним идут с просьбами и мольбами. Наверное, никто в Компании, кроме Алекперова, не слышит так ясно этот многогласный стон: «Помоги!» — куда бы он ни приехал. И он помогает.

Настоятель храма Святого Михаила Архистратига отец Леонид

сегует: «Не из чего свечи лить!» Вот вам тонна парафина, святой отец.

Министерство здравоохранения просит помочь приобрести лекарства и оборудование для поликлиники нефтепереработчиков и счет представляет на шестизначную цифру, в долларах, конечно. Счет к оплате!

А как не помочь семьям погибших в бакинском метро земляков? Детский ансамбль «Джуджаларим» просит приобрести танцевальные костюмы. Русский драматический театр нуждается в ремонте...

Я привожу примеры из благотворительной деятельности лишь бакинского филиала «ЛУКойла», потому что только что оттуда вернулся. То, что делает Компания для бакинцев, — это не просто проявление земляческих чувств ее президента.

Россия ушла из Азербайджана слишком резко. Многие мосты, связывавшие два народа, опрочтиво сожгли. Свято место пусто не бывает, и в освободившиеся ниши хлынули иранские, турецкие, английские, американские предприниматели. «ЛУКойл» — российская компания. Она одна делает для наведения утраченных мостов в Азербайджане столько, сколько не сделают и пять российских посольств, тем паче что наши здешние дипломаты знают «страну присутствия» лишь в «части касающейся» и по долгу службы.

Совсем недавно СССР владел нефтяными промыслами на Апшероне и Каспии безраздельно. Теперь России в лице «ЛУКойла» принадлежит всего 10 процентов. Остальная доля — в ведении Консорциума западных нефтяных компаний («Бритиш Петролеум», «Амоко», «Пеннзойл» и др.). Алекперов пытался отстоять большую квоту, но, увы, для этого нужна была поддержка российского МИДа.

Алекперов: Российскому МИДу стоило бы поучиться у своих американских и британских коллег, как отстаивать интересы национальных компаний на международных рынках. Примерами подобного рода полна вся новая и новейшая история мира.

Во Франции бытует поговорка: «Что хорошо для «Эйр-Франс», то хорошо и для Франции». Я надеюсь, что когда-нибудь нечто подобное утвердится в общественном мнении России и о «ЛУКойле». Для начала вспомним, что наша Компания — это налогоплательщик № 2 в Российской Федерации...

Вспомним также и то, что делает Компания для россиян. «ЛУКойл» фактически спас старейший симфонический оркестр России, подписав с руководством академического коллектива (ВСО) договор о сотрудничестве. Благодаря тому, что «ЛУКойл» взял на себя все гастрольные расходы, музыку замечательного оркестра смогли услышать тысячи волгоградцев, не говоря уже о москвичах и петербуржцах.

На средства Компании возрождается святыня русского православия — Оптина пустынь, строится храм Петра и Павла в Кагалыме.

Взглянем на экологическую карту нефтепромыслов России. Безотрадная картина. За семьдесят лет воистину варварского землепользования различных «минов» — от мингео до миннефтепрома — на Севере, на Урале, в Сибири осталась выжженная, вытравленная, замазученная земля — тысячи и тысячи гектаров. «ЛУКойл» берет на себя нелегкую роль эколодера. Говоря другими словами, берется воскрешать убитую «окружающую среду». Убитую не им, а его предшественниками. Символ этого взваленного на себя подвижнического креста — лебеди на фронтоне штаб-квартиры Компании.

Официальная справка:

Только в 1994 году «ЛУКойл» израсходовал на природоохранные нужды около 100,5 миллиарда рублей. Были введены мощности по очистке 51,6 тысячи кубометров сточных вод, очищены 11 гектаров загрязненных водоемов и 250 га замазученных земель; реконструированы 170 шламовых амбаров. Выбросы в атмосферу на предприятиях Компании снизились по всем источникам на 20 тысяч тонн. За этой сухой отчетностью — сочная зелень на оживающих почвах.

Я видел убитую нефтью землю. По злой иронии, она называлась «Бухта Ильича». Раньше ее звали по имени двух влюбленных, погубленных собственной страстью, — Биби и Эйбат. Это в южной предместье Баку на Апшеронском полуострове. Здесь и сейчас стоит железный лес брошенных вышек. Частично эта странная ржавая поросль уходит в море. Желто-серая привозная земля (ее засыпали бухту, чтобы ставить новые вышки) испещрена озерами нефтяной воды. На каждом шагу из обнаженной почвы торчат ржавые болты, осколки морских ракушек, бараны ребра... Это Зона похлеще той, что оставили инопланетяне Стругацких после «пикника на обочине». Сопровождавший меня «сталкер» невозмутимо заметил, что японские бизнесмены хватаются здесь за свои дозиметры и несутся прочь на всех скоростях.

— Почему?

— Да подтоварная вода здесь радиоактивная. Вон стоит по всем лужам. Мы-то привычные, а они Хиросимой напуганные.

Словно подчеркивая безжизненность мрачного пейзажа, работала одна качалка, усердно вздымая и опускающая свою муравьиновидную «голову». Старый насос сипел и чавкал, разнося окрест хрипы умирающего старца. Сто лет назад из этой земли сами собой били мощные нефтяные фонтаны, сбивая курсы валют на лондонской и нью-йоркской биржах и заглушая своим ревом все живые звуки окрестных селений. Теперь же издырявленная, как дуршлаг, Бибиэйбатская бухта с трудом отдавала свою последнюю черную кровь...

Поставить бы здесь памятник: «Прохожий, поклонись этой земле! Она — сосцы нашей Победы. Она всю войну поила наши танки, самолеты, подводные лодки. Сюда, в Баку, на Бибиэйбатские промыслы, в Сураханы, Романы, Балханы, рвались горные егери вермахта и танки Гудериана...»

Защищать эту землю ушел в сорок первом отец Вагита Алекперова — Юсуф Кербалаевич. С войны капитан Алекперов вернулся инвалидом: с простреленным плечом, с вмятиной от ранения в голову. Всего восемь лет отпустила судьба ему на мирную жизнь. Он умер, когда самому младшему сыну — Вагиту — было три года. Вдова осталась с пятью детьми на руках. Ей советовали сдать младших в приют. Татьяна Федоровна отказалась. Подняла всех. Благо старшая дочь Зуля подставила и свое девичье плечо под груз житейских проблем.

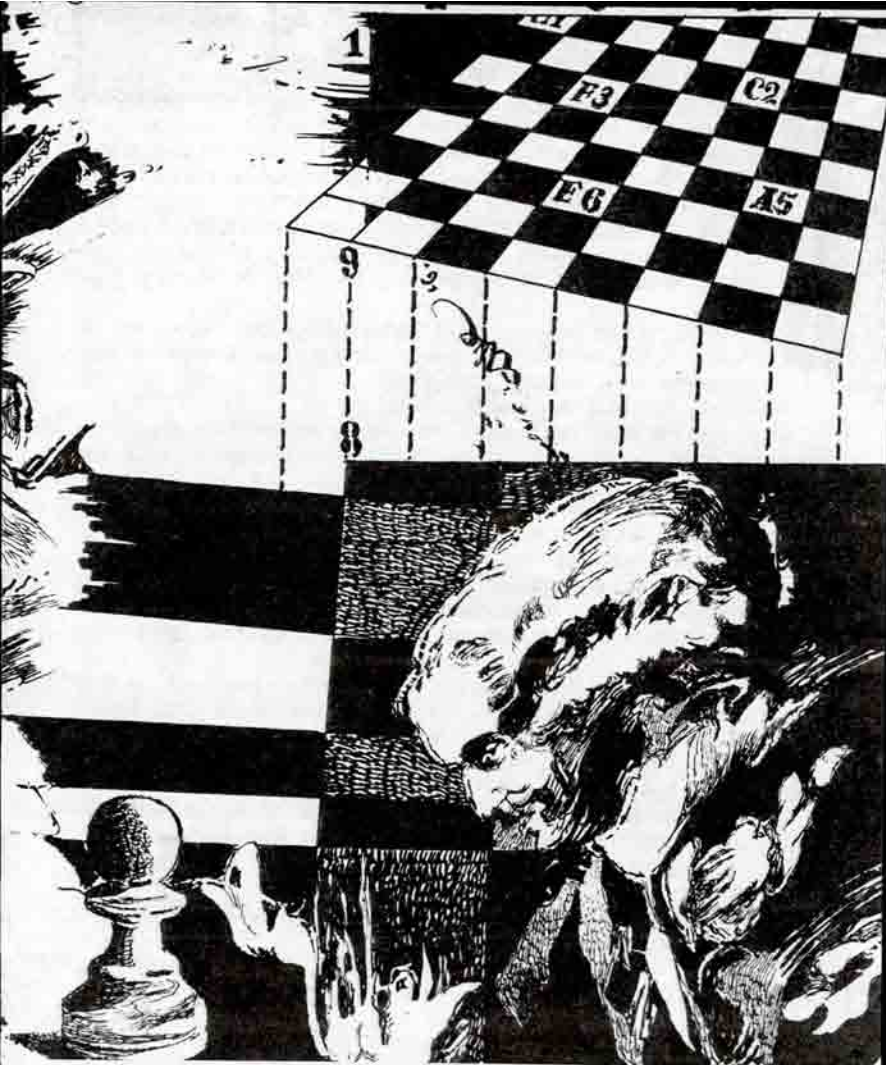
Зулиха Юсуфовна вспомнила про черный отцовский портфель, который тот прятал подальше от детей. В нем хранились фронтовые документы, медали, ордена. Конечно же, дети добрались до портфеля. Играя в войну, старшие брат и сестра награждали отцовскими медалями младших...

В марте нынешнего года Президент России прикрепил на грудь Алекперова орден. Заслуженный и почетный. Орден «Дружбы народов». Этой наградой за свой труд Вагит Алекперов гордится больше всего.

ТУПИКОВЫЙ

ДЖОРДЖ Р. МАРТИН

ВАРИАНТ

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

Свернув с автострады на двухрядный серпантин, машина запетляла среди склонов, густо поросших сосняком, и увенчанных снеговыми шапками вершин. Стремительно чередовались подъемы и спуски; в эти минуты сердце словно на американских горках ухало вниз, и закладывало уши. Под ясным, пронзительно синим небом мелькали быстрые потоки и искрящиеся на солнце водопады. Однако все красоты пейзажа нисколько не улучшили настроения Питера. Продолжая хмуриться, он целиком сосредоточился на дороге и дал волю водительским рефлексам.

Кэти до упора прокрутила ручку настройки, вернулась по шкале назад, но так и не сумев найти ни одной станции, раздраженно щелкнула выключателем.

— Ну что, будем молчать всю дорогу?

Питер, не глядя на жену, знал, что она на взводе. Резкость и сарказм давно вытеснили из ее голоса нежные интонации. Сейчас она искала ссоры.

С самого начала все пошло наперекосяк — он чуть не силком заставил Кэти поехать; а тут еще это радио. Но, разумеется, она обозлена не поездкой, а тем, что так промахнулась, выйдя за него замуж. В периоды обострения самоедства Питер даже не осуждал ее скандальность. Он и впрямь оказался незавидным мужем — несостоявшийся писатель, неудавшийся журналист, незадачливый коммерсант... Вечно подавлен и хмур — такой на кого угодно нагонит тоску. Разве что в пикировках еще на что-то годится — можно сказать, хорош. Потому-то, видимо, Кэти так часто и пытается спровоцировать скандал. Но сегодня Питеру не хотелось вступать в перепалку — он не чувствовал в себе достаточно сил, да и мысли были далеко.

— О чем же ты хочешь поговорить? — спросил он, не отвлекаясь от шоссе и постаравшись придать голосу побольше дружелюбия.

— Ну хотя бы о той развеселой компании, в гости к которой ты меня тащишь.

— Я ведь сказал тебе: это мои товарищи по шахматной команде из Северо-Западного.

— С каких пор шахматы стали командной игрой? — иронически поинтересовалась Кэти. — Вы что, выбирали ходы большинством голосов?

— Да нет, командный шахматный турнир — это просто серия обыкновенных поединков на четырех-пяти досках. Во всяком случае, так они проводились в наших университетских соревнованиях. Никаких консультаций и тому подобного. Побеждает команда, выигравшая наибольшее количество индивидуальных матчей. Смысл здесь, как бы тебе объяснить...

— Не трудись, если я ничего не смыслю в шахматах, это еще не означает, что я круглая идиотка. Итак, ты со своими тремя друзьями входил в сборную Северо-Западного?

— И да, и нет, — буркнул Питер.

— И да, и нет? — хмыкнула Кэти. — Как прикажешь это понимать?

— Раньше Северо-Западный был сплошным шахматным клубом. Мы проводили множество турниров — местные соревнования, пер-

венства штата и даже страны. Наша четверка называлась второй сборной. На этой неделе исполняется десять лет с тех пор, как мы участвовали в Североамериканском чемпионате университетских команд.

— Вторая сборная? Значит, была и первая?

— Каждый университет имел право выставить несколько сборных. Были бы деньги, а желающих сыграть всегда хватало. Четверо лучших входили в главную команду, следующие четверо — во вторую, и так далее. — Питер умолк на секунду и продолжил с оттенком гордости: — На меня, помимо игры, легла масса организаторских забот.

— Ты руководил проведением чемпионата?

— Ну, не совсем так. Я был президентом нашего клуба и председателем оргкомитета. Я не руководил турниром как таковым, но составил заявку на его проведение именно у нас, в Эванстоне. А потом, во время самих соревнований, я был уже просто капитаном второй сборной. Хотя наша команда и называлась второй сборной, она была хорошей командой. Мы завершили турнир с результатом, которого никто от нас не ожидал — всего на пол-очка отстали от первой сборной, причем едва не нанесли поражение чемпиону.

— Потрясающе! И как это вам удалось?

Питер уже пожалел о своих словах. Он дорожил этим воспоминанием почти так же, как своим маленьким глупым рекордом. Он-то знал, насколько близок был успех, но Кэти этого никогда не понять, для нее одна его неудача ничем не отличается от другой. Ему не следовало упоминать о той игре.

— Ну же, дорогой, поведай мне о великой «почти победе», — не унималась Кэти, — я вся внимание.

Слишком поздно, сообразил Питер, теперь она не отвяжется. Будет приставать и извисть, пока он не сдастся. Лучше уж покончить с этим сразу.

— Ладно, — со вздохом начал он, — только придержи свой ядовитый язычок... На этой неделе минет десять лет с того дня. Чтобы не наносить ущерб занятиям, национальное первенство всегда приурочивали к рождественским каникулам. В тот раз соревновались в восемь кругов, по два круга в день. Наши команды играли слабовато. Первая сборная заняла седьмое место.

— Ты был во второй, милый.

Питер поморщился.

— Верно. Но старались мы изо всех сил и под конец одержали две блестящие победы. В результате к последнему кругу создалось довольно запутанное положение. Чикагский университет, набрав шесть очков и потеряв всего одно, единолично возглавлял турнирную таблицу. Среди прочих они обыграли и нашу первую сборную. В последнем круге против Чикаго должна была выступать какая-нибудь из наших шести команд, а поскольку первая сборная с ними уже играла, то эта честь досталась второй. Все считали, что победа у чикагцев в кармане. Мы и в самом деле не представляли для них серьезной угрозы.

Спустя час после начала матча половина участников турнира сгрудилась вокруг наших столов. Все видели, что чикагцы попали в трудное положение. Мы добились явного преимущества на двух досках и

выравнивали позицию на двух остальных. Я играл за третьей против Хэла Уинслоу. Продолжение не сулило ничего интересного, и он согласился на ничью. За четвертой доской сидел Экс; соперник начал теснить его...

— Экс?

— Эдвард Колин Стюарт; все звали его Эксом. Большой оригинал... Скоро ты с ним познакомишься. Так вот, он сделал несколько неточных ходов и постепенно попал в безнадежное положение.

— Проиграл?

— Да.

— Не очень-то понятно, что ты подразумевал, говоря о беспримерном успехе, — заметила Кэти. — Впрочем, у каждого свой взгляд на то, что следует считать триумфом...

— Экс проиграл, — продолжал Питер, — но на второй доске дела шли получше. Дельмарио делал со своим противником что хотел. Парень еще немного подержался, но Стив в конце концов дожал его и заработал очко. Счет сравнялся и стал полтора на полтора при одной еще не оконченной партии. И в ней — невероятно, но факт — наш игрок тоже имел преимущество! За первую доску мы посадили Брюса Банниша. Форменный индюк, но шахматист неплохой. Играл он за счет своей поразительной, прямо-таки фотографической памяти на уровне той же категории А. Дебюты все помнил вдоль и поперек. А в соперники ему достался Великий Роби. — Тут Питер кривовато усмехнулся. — Мастер Робинсон Весселер, великий и в прямом, и в переносном смысле. Весил сотни четыре фунтов и притом был чертовски силен в шахматах. Сядет, бывало, перед доской, сложит руки на пузе, скосит свои заплывшие глазки на фигуры, да так и застынет до конца партии. Шевелился, только делая ходы; одним своим видом мог сокрушить соперника, не говоря уж о мастерстве. Банниша он должен был разделать под орех — рейтинг-то на четыреста баллов выше! — но не тут-то было. Благодаря своей уникальной памяти Банниш обставил его в дебюте, разыграв малоизвестный вариант сицилианской защиты, и теперь теснил по всем направлениям. Невероятно сложная атака! Острая и позиционно, и тактически; другой такой я не видел. Контратакуя на ферзевом фланге, Весселер создал там некоторый перевес, но по сравнению с угрозой Банниша на королевском фланге тот перевес ничего не значил. В общем, все уже решили — выигрышная позиция.

— Выходит, вы чуть не стали чемпионами?

— Нет. Да мы и не рассчитывали, тут у нас шансов не было. Выиграв матч, мы сравнялись бы с Чикаго и прочими, кто набрал по шесть очков из восьми возможных, а чемпионом стала бы одна из команд, набравших шесть с половиной — либо Беркли, либо Массачусетс. А мы просто хотели победить. Мы жаждали этой небывалой победы. Ведь команда Чикагского университета считалась сильнейшей в стране, а мы не были лучшими даже в своем колледже. Обыграй мы их — то-то была бы сенсация... Оставалось совсем чуть-чуть.

— И чем все кончилось?

— Банниш продуд, — скорчив кислую мину, ответил Питер. — Откровенно сдал партию. В ней наступил критический момент; нужно было пожертвовать коня... Ты знаешь, что такое жертва в

шахматах? Это когда игрок сознательно отдает материал, то есть пешку, качество или фигуру, получая взамен позиционное или игровое преимущество. Так вот, после двойной жертвы белых у Весселера совершенно оголялся королевский фланг, и Баннишу открывалась возможность острейшей атаки. Но ему не хватило смелости. Он зачем-то начал сдерживать контратаку на ферзевом фланге, в конце концов сделал неуверенный ход и потерял темп. Весселер усилил давление, перебросив на ферзевый фланг еще одну фигуру, а Банниш, вместо того, чтобы развивать преимущество на королевском фланге, продолжал обороняться. Вскоре преимущество растаяло, атака захлебнулась, а Весселер, конечно, додал противника.

Даже сейчас, через десять лет, рассказывая о той партии, Питер почувствовал горечь разочарования.

— В общем, мы проиграли два с половиной на полтора, а Чикаго остался чемпионом. Сам Весселер потом признался, что проиграл бы, возьми Банниш пешку конем. Эх, проклятье!

— Ничего особенного. Вы проиграли, просто-напросто проиграли, вот и все.

— Еще чуть-чуть, и выиграли бы.

— Чуть-чуть не считается, — проворковала Кэти. — Либо выиграл, либо нет. Оказывается, ты уже тогда был неудачником, дорогой. Знать бы об этом раньше...

— Не я, черт побери, а Банниш! — возмутился Питер. — И кстати, это было вполне в его духе. Несмотря на свою первую категорию и знаменитую память, как командный игрок он не стоил ничего. Ты себе не представляешь, сколько он проиграл партий, играя за сборную. Лишь только противник усиливал натиск — все, сливай воду: Банниш непременно пасовал. Но та партия с Весселером... Меня до сих пор трясет. Я его чуть не убил. И при этом еще вечно корчил из себя невесть что, высокомерный засранец.

Кэти развеселилась.

— Как приятно быть зваными в гости к высокомерному засранцу!

— Ну, все-таки столько лет прошло. Может, он изменился. А хоть бы и нет — он нынче мультимиллионер. Король электроники. Кроме того, мне хочется повидать Экса со Стивом; Банниш сказал, что они обязательно будут.

— Чудесно! — воскликнула Кэти. — Нельзя упускать такого случая. Мне выпала редкая честь — провести четыре дня в компании засранца-миллионера и трех неудачников. Вперед!

Им все-таки пришлось преодолеть еще четыре мили подъема по частной подъездной дороге, прежде чем впереди показалась цель путешествия. Десять лет скитаний по дешевым квартирам не дали потускнеть мечте о собственном доме, и сейчас Питер с одного взгляда определил, что лицезреет образец недвижимого имущества стоимостью в три миллиона. Трехэтажный особняк на горе, построенный из местного камня и натурального дерева, казался неотъемлемой частью ландшафта. Особенно эффектно смотрелись окна, застекленные дымчатыми стеклами-«хамелеонами». Пожалуй, лишь непомерно огромная оранжерея чуть нарушала общий романтический стиль.

Под домом размещался гараж на четыре машины, врезанный в склон горы. Для «тойоты» нашлось последнее свободное место между новеньким серебристым кадиллаком «Сивилла», принадлежавшим, очевидно, хозяину дома, и явно ему не принадлежавшим древним, обшарпанным «фольксвагеном». Когда Питер вынимал ключ из замка зажигания, свет вдруг померк. Кэти обернулась — величественный горный пейзаж закрыли автоматически сработавшие ворота гаража. Створки сомкнулись с громким металлическим лягом.

— О нашем приезде уже знают, — констатировала она.

— Доставай чемоданы, — проворчал Питер.

Найдя в глубине гаража лифт, они вошли в кабину, и Питер ткнул в верхнюю из двух кнопок. Кабина поднялась, дверцы вновь открылись, и гости очутились в обширном зале под сводчатой застекленной крышей. Питер скептически воззрился на буйную комнатную зелень, толстые бурые ковры, роскошную деревянную обшивку стен и книжные полки, забытые томаами в кожаных переплетах. Довершали картину огромный камин и Эдвард Колин Стюарт, который, услышав шум лифта, поднялся из кресла в противоположном конце гостиной.

— О, Экс! — заулыбался Питер и поставил чемоданы на пол.

Эдвард К. Стюарт бодро двинулся навстречу вновь прибывшим. Друзья обменялись рукопожатием.

— Привет, Питер.

— Будь я проклят, да ты ни капельки не изменился!

Все тот же стройный крепыш, с несколько не поредевшей светло-песочной шевелюрой и пышными стрелчатыми усами, Экс и одевался так же, как десятилетие назад — в джинсы и черный жилет поверх приталенной бордовой сорочки. Энергичный, собранный, опрятный.

— Ни черта не изменился, — повторил Питер.

— К сожалению, — ответил Экс. — По-моему, людям положено со временем меняться. — Взгляд его синих глаз был по-прежнему непроницаем. Он повернулся к спутнице Питера и представился:

— Э. К. Стюарт.

— О, пардон, — спохватился Питер. — Кэти, моя жена.

— Рада познакомиться, — сказала она, с улыбкой подавая руку.

— А где Стив? — спросил Питер. — Я чуть не врезался в его «фольксваген» от удивления, когда увидел в гараже этот драндулет. Сколько он на нем ездит? Лет пятнадцать или больше?

— Немного меньше. Он где-то поблизости. Вероятно, дегустирует напитки.

Искривившийся уголок Эксова рта сказал Питеру гораздо больше, чем сама фраза.

— А Банниш?

— Еще не появлялся. Вероятно, ждал вашего приезда. А вы не хотите забросить вещи в свои комнаты?

— Ничего не выйдет, раз хозяин отсутствует, — сухо заметила Кэти.

— Ах да, вы же еще не знакомы с чудесами Банниш-ленда. — Экс показал на камин. — Взгляните туда.

Питер точно помнил, как, оглядывая гостиную, обратил внимание

на картину, что-то вроде сюрреалистического пейзажа, висевшую над каминной полкой. Картина бесследно исчезла. На ее месте чернел большой прямоугольный экран, на котором полыхали малиновые строки:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ПИТЕР. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, КЭТИ. ВАШИ АПАРТАМЕНТЫ НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ, ПЕРВАЯ ДВЕРЬ НАЛЕВО. ПОЖАЛУЙСТА, РАСПОЛАГАЙТЕСЬ И БУДЬТЕ КАК ДОМА.

Питер повернулся, вопросительно посмотрел на Стюарта.

— Схема включения наверняка связана с лифтом, — пояснил Экс. — Меня встретили таким же манером. Брюсик ведь у нас гений. Я уже успел малость осмотреться — дом битком набит всевозможными электронными игрушками. — Он пожал плечами: это, мол, в порядке вещей. — Почему бы вам действительно не распаковать чемоданы, а потом вернетесь сюда. Я пока никуда не собираюсь.

И правда, комнаты они отыскивали без особого труда. Хозяин предоставил в их распоряжение настоящий номер «люкс» с собственной гостиной; громадная, выложенная кафелем ванная размерами напоминала небольшой крытый дворик с бассейном и паровым отоплением. В гостиной тоже имелся камин, а над ним, как и внизу, — абстрактная живопись. Кэти прикрыла дверь в коридор, изображение на картине тут же потускнело, и на его месте возникло новое послание:

НАДЕЮСЬ, ВАМ ЗДЕСЬ ПОНРАВИТСЯ.

— А он душка, этот твой Банниш, — резюмировала Кэти, присев в спальне на краешек кровати. — Здорово придумал. Хочется верить, что эти экраны, или как они там называются, не двусторонние.

Питер поморщился.

— Не удивлюсь, если весь дом начинен «жучками». Банниш всегда отличался странностями.

— Неужели до такой степени?

— К нему трудно было относиться с симпатией, — задумчиво проговорил Питер. — Он постоянно похвалялся своим шахматным дарованием, кичился остроумием и ловкостью. Правда, это редко кого вводило в заблуждение. В смысле учебы он, кажется, успевал, но умом был недалек. — Вздохнув, он открыл чемодан и начал выкладывать вещи. — Ладно бы Дельмарио выбился в люди — я бы не удивился. Они ведь оба технари, но Стив — куда более яркая личность. Все, и я в том числе, считали его восходящей звездой, а Банниша — надутой посредственностью.

— Он тебя одурачил. — Кэти сладко потянулась. — Разумеется, не он один, но он, видимо, первый, правда?

— Хватит, надоело, — сказал Питер и повесил в платяной шкаф оставшуюся рубашку. — Пойдем вниз, поболтаем с Эксом.

Но едва они вышли из «люкса», как чей-то голос окликнул:

— Пит?

Питер оглянулся. Стоя в дверном проеме темного холла, ему туманно улыбался некто смутно знакомый.

— Не узнал меня?

— Стив? — недоверчиво произнес Питер.

— Он самый, кто же еще? — Дельмарио шагнул на свет, притво-

рил за собой дверь, но продолжал держаться за дверную ручку. — А это небось твоя половина, я угадал?

— Да, — ответил Питер. — Кэти, рекомендую: Стив Дельмарио.

Стив подался вперед, грубовато потряс руку Кэти и фамильярно хлопнул Питера по спине. Питер поймал себя на том, что слишком откровенно разглядывает бывшего однокашника. И было от чего забыться: изменения, происшедшие в облике Дельмарио, оказались куда удивительнее, чем неизменность Экса. Встреть Питер старого приятеля на улице, он ни за что бы его не узнал. Стив разительно переменялся. Он прибавил фунтов пятьдесят, обрюзг и, похоже, страдал одышкой; на месте жестких черных патлов краснела пятнистая плешь, обрамленная сальными прядями за ушами да редкими клочками на затылке; глаза, утратившие лихорадочный блеск, подернулись туманной дымкой. Все это неприятно поразило и расстроило Питера, но сильнее всего шокировал запах спирта. Хотя Экс косвенно намекнул на последнее обстоятельство, как-то не верилось, что Стив Дельмарио стал пьяницей. В колледже он алкоголя в рот не брал, пил разве что пиво, да и то редко.

— Сколько лет, сколько зим. Рад тебя видеть, — приветствовал его Питер, не слишком уверенный в искренности своего тона. — Идешь с нами? Экс ждет внизу.

Дельмарио закивал.

— Конечно, конечно, иду. — Он еще раз хлопнул Питера по спине. — Банниш-то не появился? Черт, ну и домишко он себе отгрехал, а? А экранчики с посланьями? Толково придумал, правда, толково. Кто бы мог предположить, что наш Фанни-Банни, наш потешный Банни так далеко пойдет? — Стив хихикнул. — Мне попадались на глаза кое-какие его патенты, так, веришь ли, вещицы были по-настоящему высший класс. Вот тебе и Фанни-Банни. А ты небось и не слышал о нем ничего, верно?

На первый этаж, помимо лифта, вела винтовая лестница. Большая гостиная тонула в волнах симфонической музыки. Питер ее не узнал — сам он всегда тяготел к року. А классикой страстно увлекался Экс, сидевший сейчас с закрытыми глазами в кресле. Увидев Питера, он повернулся к нему и спросил:

— Питер, как Баннишу удалось тебя заполучить?

Питер озадаченно посмотрел сначала на Стива, потом снова на Экса. Тот оставался совершенно серьезен.

— Заполучить? Ты имеешь в виду наш приезд сюда? Да просто пригласил, а что такое?

— Стиву, например, он оплатил дорогу, — сказал Экс. — А со мной у него не сразу вышло: я отклонил приглашение. Тебе ведь известно, я Брюса не жаловал. Но он нажал на свои рычаги и заставил меня изменить решение. Я работаю в одном рекламном агентстве; Банниш соблазнил мое начальство выгодной сделкой, и мне было велено либо отправляться сюда, либо освободить занимаемое место. Занятно, правда?

— Все говорит за то, что ваш большой друг придает немалое значение этой встрече, — подала реплику Кэти, до сих пор со скучающим видом потягивавшая мартини.

Экс выбрался из кресла.

— Идите все сюда, я хочу кое-что показать.

Кэти первая поднялась с дивана, Питер со Стивом тоже послушно встали и отправились следом за Стюартом в другой конец гостиной. Там, в полутемном углу, обставленном книжными шкафами, стоял великолепный резной столик викторианской эпохи, искусно инкрустированный посередине квадратиками светлой и темной древесины. На них были расставлены фигурки из оникса и слоновой кости — неоконченная шахматная партия.

— Как вам это нравится? — спросил Стюарт.

— Да-а, превосходная работа, — неуверенно заметил Питер. Ему захотелось рассмотреть фигурки поближе, он протянул руку, чтобы взять черного ферзя, и удивленно хмыкнул. Ферзь стоял, как влитой.

— Можешь не стараться — бесполезно, — сообщил Экс, когда Питер потянулся к ладье. — Я пробовал. Все фигуры намертво приклеены к доске. Позиция зафиксирована раз и навсегда.

Стив Дельмарию обогнул столик; его глаза, увеличенные толстыми стеклами очков, растерянно мигнули.

— Э... эта позиция... — проговорил он слегка заплетающимся языком, — он... на мне знакома.

Э. К. Стюарт холодно улыбнулся и, пригладив усы, кивнул на доску.

— А ты что скажешь, Питер?

Питер взгляделся повнимательнее и внезапно вспомнил эту расстановку. Да, это она, ведь когда-то он знал ее не хуже собственного отражения в зеркальце для бритья.

— Национальный чемпионат, — пробормотал он. — Критическая позиция партии Банниша — Весселера.

Экс наклонил голову.

— Так я и думал, но не был уверен.

— Ну, я-то уверен! — вскричал Дельмарио. — Тоже мне, не уверен! Дьявол, да это ведь та партия, которую Банниш продул. Помнишь, он сыграл королем, когда надо было жертвовать коня. Это стоило нам одного очка и проигрыша в матче. А я в это время... сидя тут же, рядом... играл лучшую партию в жизни. Гордился, ликовал... как идиот. Мастера обставил, а что толку? Ч-черта с два толку. Банниш удружил. — Пошатнувшись, Стив презрительно уставился на доску. — Вон ту пешку — конем, пожертвовать слона, и дело в шляпе... Все! Фланг Весселера нараспашку! Потом шах, шах, еще шах... а там не за горами и мат.

— Которого ты впоследствии так и не обнаружил, — раздался голос неслышно появившегося Брюса Банниша.

Питер вздрогнул, словно взломщик, пойманный за руку в момент присвоения чужого фамильного серебра.

Хозяин дома стоял в дверях, в нескольких ярдах от сгрудившихся вокруг шахматного столика гостей. Банниш после колледжа тоже переменялся — похудел, построил и раздался в плечах, только щеки остались такими же пухлыми. В целом, как заметил Питер, он выглядел куда здоровее прежнего. Каштановый «ежик» превратился в густую, тщательно уложенную по последней моде прическу. Но и в костюме от лучшего портного, и в дымчатых очках в черепаховой оправе Банниш остался Баннишем. Во всяком случае, голос его, скрипучий и резкий, Питер признал не глядя.

Банниш небрежной походкой приблизился к доске.

— Ты несколько недель анализировал эту позицию, — произнес он, обращаясь к Дельмарио, — но так и не придумал выигрышного продолжения.

Дельмарио вскипел:

— Я нашел дюжину выигрышных продолжений!

— Как же, как же, помню. Только ни одного надежного. Все твои так называемые матовые комбинации — фантазия чистой воды. Веселер был мастером, он не стал бы играть в твою игру.

Дельмарио состроил надменную мину и, взяв свой бокал, собрался дать достойный ответ, но вовремя вставший Экс лишил его этой возможности.

— Рад тебя видеть, Брюс, — сказал он, протягивая хозяину руку. — Сколько же мы не виделись?

Банниш повернулся к нему и улыбнулся с нескрываемой иронией.

— Следует ли понимать твои слова как очередную шутку? Ты ведь прекрасно знаешь, сколько лет прошло, я тоже знаю, сколько лет прошло, и Нортен с Дельмарио знают. Так зачем же ты спрашиваешь? Может быть, твой вопрос задан ради миссис Нортен? — Он повернулся на каблуках и поглядел на Кэти. — Вам известно, сколько времени наша команда не собиралась вместе?

Кэти усмехнулась.

— Наслышана.

— Ага. — Банниш снова развернулся всем корпусом, чтобы уставиться в лицо Эксу. — Итак, все мы знаем, следовательно, это одна из твоих шуточек, а посему я не намерен отвечать. Помнится, ты так же вот звонил мне по телефону в три утра и спрашивал, который час, а когда я отвечал, интересовался, за каким дьяволом я называю тебе в такую рань.

Экс нахмурился и опустил руку.

— Ладно, — прервал Банниш неловкую паузу, — что толку стоять вокруг этой дурацкой доски. В ногах правды нет. Давайте-ка сядем к камину и потолкуем о том о сем. — Он сделал общий приглашающий жест. — Прошу.

Когда гости уселись, в комнате вновь повисло молчание. Питер медленно отхлебнул пива. Он испытывал не просто неловкость — в воздухе осязаемо стучалось напряжение самого злокачественного свойства.

— Ты отлично устроился, Брюс, — заметил он, надеясь разрядить атмосферу.

Банниш благосклонно осмотрелся.

— Да уж. Я, знаете ли, сказочно преуспел. Просто сказочно. Вы не поверите, если признаюсь, сколько у меня денег. Ума не приложу, куда их девать. — Хозяин одарил гостей широкой, жизнерадостной улыбкой. — Но что же это я? Опять расхвастался, когда следовало бы расспросить о ваших достижениях, друзья! — Он обратился к Питеру: — Поделись своими успехами, Нортен. Как-никак, ты — наш капитан, тебе и начинать.

Питер опустил глаза.

— У меня все в порядке, дела идут нормально. Я владею книжным магазином.

— О, книжный магазин! Это прекрасно! Да, я помню, ты ведь

всегда тяготел к книжному делу. Правда, мне казалось, ты собирался писать книги, а не продавать. Грандиозные были замыслы... Почему ты отказался от литературной карьеры? Разочаровался в беллетристике?

У Питера пересохло во рту.

— М-м... Разные обстоятельства. Не хватало времени на писательство.

Отговорка прозвучала столь неубедительно, что ему вдруг отчаянно захотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

— Не хватало времени, — повторил Брюс Банниш, — понятно. А жаль. Ты подавал надежды.

— Он и сейчас их подает, — неожиданно вступила в беседу Кэти. — Его послушать — все еще впереди. С тех пор, как мы познакомились, он только и делает, что обнадеживает да обещает. Писать некогда, потому что время уходит на обещания.

Банниш добродушно рассмеялся.

— У твоей супруги острый язычок — почти такой же, как у Экса в его бытность студентом. Иметь такую жену — сплошное удовольствие; насколько я помню, ты всегда любил добрую шутку. — Он переключился на Стюарта. — А ты, Экс, и теперь все такой же остряк?

Экс поморщился.

— Теперь я циник, — коротко ответил он и встал, хмуро одергивая жилет. — Будь счастлив, Брюс, радуйся жизни, наслаждайся, ради Бога, своим мастерством, своими деньгами и своим Банниш-лендом. А я тем временем собираюсь откланяться.

— Как, уже? — огорчился Банниш. — Так скоро? У тебя неотложные дела?

— Банниш, — Экс остановился перед ним, посмотрел в упор, — если тебе нравится играть в свои игры — играй. Со Стивом, с Питером, с кем угодно. Меня все это не занимает. Ты для меня как был, так и остался пустым местом, а посему я предпочитаю заниматься своими делами, а не торчать здесь. Я доступно выразился?

— Вполне, — ответил Банниш.

— Вот и отлично. — Экс обратился к остальным. — Рад был с вами познакомиться, Кэти. Жаль только, обстановка не слишком способствовала общению. Питер и Стив, если кто-нибудь из вас в ближайшем будущем окажется в Нью-Йорке — милости прошу в гости. В справочнике есть мой телефон.

— Экс, а может быть... — начал было Питер, уже зная, что все бесполезно. Экс и раньше отличался упрямством, его никогда не удавалось уговорить.

— До встречи, — перебил Стюарт своего бывшего капитана и, больше не задерживаясь, зашагал к лифту.

Все молча проводили его глазами, подождали, пока створки дверей сомкнутся, а потом Банниш загадочно улыбнулся.

— Ничего, вернется.

— Наверяд ли, — отозвался Питер.

Продолжая улыбаться, Банниш поднялся с места. Две глубокие ямочки заиграли на его круглых щеках.

— Вернется, Нортен, вернется. Теперь мой черед устраивать маленькие розыгрыши. Скоро Экс поймет это.

— Что «это»? — очнулся Дельмарио.

— Не волнуйся, ты тоже скоро поймешь. А пока прошу простить — мне пора приниматься за стирку. Все наверняка изрядно проголодались. Я, знаете ли, отпустил прислугу и сегодня готовлю сам, так что обедать будем в узком кругу, наслаждаясь встречей старых друзей. — Брюс взглянул на массивные швейцарские золотые часы. — Давайте соберемся в столовой, скажем, через часок. К тому времени еда будет готова, тогда и поболтаем вволю. О жизни, о шахматах... — И, все так же лучась улыбкой, покинул гостиную.

У Кэти блестели глаза.

— А знаешь, все это куда занятнее, чем я думала, — сказала она Питеру, когда хозяин удалился. — Такое чувство, словно я попала прямоком в пьесу Гарольда Пинтера.

— К... кто такой? — любопытствовал Дельмарио, вольготно разваливаясь в кресле.

Питер пропустил его вопрос мимо ушей.

— А мне все это не нравится. Какие тут, к черту, розыгрыши? Что он задумал?

Ответ не заставил себя долго ждать. Не успела Кэти смешать второй martini, как снова загудел лифт. Они повернулись, и в комнату ступил сумрачный Экс.

— Где Банниш? — требовательно спросил он.

— Отправился на кухню, — сказал Питер. — А в чем дело? Он упомянул о каком-то розыгрыше...

— Ворота гаража не открываются, — сообщил Стюарт. — Машину не вывести, а без нее здесь некуда податься. До ближайшего жилья, должно быть, не меньше полусотни миль.

— А... вот я сейчас пойду и протараню их своей «букашкой», — расхрабрился Дельмарио. — То-то будет кино!

— Не валяй дурака, — осадил его Экс. — Они стальные, их только танком прошибешь. — Он хмуро потеревил ус. — Проще выбить спесь из этого индюка. Где тут его чертова кухня?

Питер вздохнул.

— Не знаю. И не связывайся с ним, Экс. Я бы не стал. Судя по всему, он с превеликим наслаждением упек бы тебя за решетку. А оскорбление действием — лучшего повода не придумаешь.

— Позвоните сами в полицию, — предложила Кэти.

Питер обвел помещение взглядом.

— Мне с самого начала почудилась какая-то странность. А сейчас ты сказала, и я понял: здесь нет телефона. — Все промолчали, переваривая открытие. — И в наших комнатах его тоже нет. А у вас?

— Точно! — удивился Стив Дельмарио. — Питер, ты — голова!

— Похоже, нам мат, — проговорил Экс, опустившись на край кресла.

— Верно подмечено, — согласился Питер. — Банниш играет с нами в какую-то игру. Шутки шутит. Недаром он упомянул о розыгрыше.

— Хм! И что ты предлагаешь — посмеяться вместе?

Питер пожал плечами.

— Пока можно поесть, а там посмотрим. Поболтаем, вспомним то да се, глядишь, и выясним, за каким дьяволом мы ему понадобились.

— Э-э, нар...род... — пьяно вмешался Стив. — Надо обставить его, вот что!

Экс недоуменно воззрился на старого друга.

— Что ты несешь?

Дельмарио хитро ухмыльнулся и приложился к бокалу с бурбоном.

— Питер вот говорит, что Банни й...якобы затеял с нами игру, пр...ально? Ну, и все путем. Сыграем и поставим нахала на место.— Он приснул в кулак.— Черт возьми, ребята, это ж Фанни-Банни. Какая разница, во что с ним играть! Может, он и мастер, только, провалиться мне, найдет способ продуть даже в выигрышном эндшпиле. Да вы чего, з...забыли? В решающих партиях Банни всегда, абсолютно всегда проигрывал. И эту тоже проиграет.

— Посмотрим,— пробормотал Питер.— Посмотрим.

Если бы не отвратительная обстановка за столом, обед удался бы на славу. Превосходные толстые ломти в меру прожаренной телятины на ребрышках с крупным печеным картофелем и горой свежих овощей на гарнир; дорогие марочные вина; три десерта на любой вкус и несколько сортов отменных ликеров к свежемолотому кофе... Но все это гастрономическое великолепие не смогло разрядить атмосферу и не смягчило чувство гнетущего дискомфорта.

Питеру кусок не лез в горло. Дельмарио основательно набрался уже перед обедом, а за столом, продолжая пить вино, как воду, все глубже погружался в протрацию, перемежаемую приступами пьяной болтовни. Под маской ледяной вежливости Э. К. Стюарта угадывалась едва сдерживаемая ярость. И впридачу ко всему Банниш пресекал любую попытку Питера перевести разговор на безопасную нейтральную тему.

Добродушно-веселый тон хозяина отнюдь не делал тайным его злодуство. Он настойчиво ворошил прошлое, бередил былые раны от пастьбных обид, всячески раздувал тлеющие угли неприязни. Стоило Нортену привести какой-нибудь безобидный забавный эпизод, как Банниш с улыбочкой припоминал очередную застарелую язву. В конце концов Экс, не выдержав, оборвал его на полуслове.

— Мерзость,— громко и отчетливо произнес он. Это была его первая реплика за все время обеда, не считая фразы: «Передай мне, пожалуйста, соль».— Мерзость и еще раз мерзость. Чего ты добиваешься, Банниш? Заманил нас словно в западню, запер. Зачем? Доказать, что мы поступали с тобой подло — такова твоя цель? Если так — прекрасно: ты добился своего. Признаю: я подло обращался с тобой. Мне стыдно, виноват. И довольно об этом. Все в прошлом.

— В прошлом? — Банниш неприятно улыбнулся.— Возможно, в прошлом. Но что значит «в прошлом»? Раньше, когда я служил мишенью для твоих шуточек, ты подробно рассказывал о них направо и налево целыми неделями. Тогда это «в прошлом» не означало финала комедии, не правда ли? Или возьмем мою партию с Весселером. Разве мы забыли о ней, когда она стала прошлым? Нет, не забыли, вы не позволили мне забыть. Игралась она, если помнишь, в декабре, а вспоминали вы о ней аж до мая, когда я окончил колледж. При каждом удобном случае. О, для меня эта партия так и не стала прошлым. Дельмарио всякий раз, когда мы встречались, почитал своим долгом демонстрировать мне победные продолжения, наш любимый капитан до самого конца не включал меня в основной состав на матчи первенства лиги, а ты, Экс, неизменно приветство-

вал меня словами: «Ну как, Банни, удалось продуть еще какую-нибудь решающую игру?» Вы напечатали партию в клубной газетенке и даже отправили почтой в «Шахматную жизнь». Несомненно, все это для вас — седая старина. Только у меня, к несчастью, слишком хорошая память; я забываю не так легко. Я помню все, особенно ту игру. Если угодно, могу не сходя с места восстановить все ходы.

— Дерь...мовые ходы, — отрезал Стив Дельмарио. — Тебе следовало бы запомнить только один, которого ты не сделал, — конь за пешку. Жертва, и только она, вела к победе. На черта нам глупости, которые ты нав...воротил вместо него... То есть вместо нее...

— Я двинул короля к коню, чтобы защитить ладейную пешку. Перед этим я произвел длинную рокировку, и пешка стояла под боем, — ласково объяснил Банниш.

— Пешки-орешки, — заплетаясь языком забормотал Дельмарио. — Громить надо было, а не трястись за пешки. Отдал бы коня и распотрошил бы этого кита. Вот было бы смеху — Кролик Банни кита придушил. Небось старина Уинслоу потерял бы от потрясения свой планшет. Но ты продул. Продул, защищая какую-то вонючую пешку.

— Так ты и сказал мне в тот день. А потом не раз повторял.

— Послушайте, — вмешался Питер, — какой смысл ворошить старое? Ты же видишь, Брюс, Стив накачался. Он не соображает, что несет.

— Он прекрасно соображает, Нортен.

Банниш презрительно улыбнулся и снял очки. Питер даже испугался, увидев его глаза, — в них горела настоящая ненависть. Правда, с примесью горечи, казавшейся сейчас совершенно лишней.

— Все, замыаи это, — просительно сказал Питер.

— Ну нет! — рявкнул Дельмарио. Выпитое придало ему воинственности. — Не замыаи и никогда не замне! Тащи доску, Банни! Я бросаю тебе вызов! Проанализируем все снова, прямо сейчас, во всех подробностях! Покажу тебе наконец, как ты прошляпил выигрыш. — Он впился в край стола и попытался встать на ноги.

— Сядь, Дельмарио, — повелительно произнес миллионер. — У меня есть идея пооригинальнее.

Дельмарио пошатнулся, вяло мигнул и плюхнулся на стул. Банниш выдержал паузу и продолжил:

— Впрочем, я изложу ее чуть погодя, а сначала поведаю вам одну историю. Как однажды заметил Арчи Баркер, месь — лучший способ свести счеты. Но месь не будет полной, если жертва не догадывается о том, что ей мстят. А потому я собираюсь рассказать вам кое-что о вашей жизни. Конкретно — как я свел на нет все ваши начинания, разрушил карьеры и разбил мечты. Итак, все началось с моей партии против Весселера. Сразу оговорюсь: в той столь любимой вами позиции я ничего не проглядел! Она изначально не была выигрышной.

Дельмарио громко фыркнул. Банниш и ухом не повел.

— Теперь я это знаю. Тогда не знал. Думал, вы правы. Меня грызло чувство собственной неполноценности. Я забросил все и только прокручивал и прокручивал в голове варианты. Так продолжалось долгие годы — вы не поверите, сколько лет эта партия не давала мне покоя. Я потерял сон, она отравила мое существование, превратилась в навязчивую идею. Я хотел только одного — получить еще один шанс и довести ее до победы. С вашей легкой руки я не

сомневался, что всего-навсего сделал ошибочный ход и, появившись у меня возможность вернуться в тот день и найти корректное продолжение, сумел бы исправить оплошность. Постепенно это стало моей целью. Я стремился к ней пятьдесят лет.

Питер чуть не поперхнулся остывшим кофе.

— Сколько? Ты оговорился — наверное, пять лет?

— Пятьдесят, — твердо повторил Банниш.

— Ну так и есть, он спятил, — констатировал Экс.

— Нет, — спокойно возразил Банниш. — Наоборот, я гений. Как вы относитесь к перемещениям во времени?

Питер заскучал:

— Принципиально невозможны. Слишком много непреодолимых парадоксов...

Банниш поднял руку: мол, ясно, можешь не продолжать.

— Ты прав, Нортен, и одновременно не прав. Путешествия во времени возможны, правда, в весьма ограниченном смысле. Однако мне этого хватило. Не стану докучать математическими выкладками — вам все равно их не понять. Проще воспользоваться аналогией. — Он подумал, собираясь с мыслями. — Время... Его считают четвертым измерением. В действительности же оно принципиально отличается от трех остальных, ведь вдоль него, увы, лишь в одном направлении, человеческое сознание. Но есть и сходство. Само по себе время не может куда-либо течь, как не может течь с одного мгновения на другое подобно материальному телу, перемещающемуся вдоль пространственной оси координат. Эта аналогия стала моей отправной точкой. Раз сознание может двигаться в одном направлении, что запрещает ему с тем же успехом двигаться в обратном? — рассуждал я. На обдумывание, разработку деталей и воплощение этой идеи у меня ушло пятьдесят лет. Я назвал открытое мною явление «ретропроекцией». — Он надменно выпятил губы и продолжал: — Этим открытием, джентльмены, увенчалась моя первая жизнь, полная неудач, насмешек и нищеты. Я лелеял свою мечту, отдавал ей все силы и перебивался с хлеба на воду. И каждое мгновение этих пятидесяти лет я ненавидел вас — ненавидел тем яростнее, чем большего жизненного успеха добивался каждый из вас. Вы процветали, а я едва сводил концы с концами; вы преуспевали, а на меня один за другим сыпались удары судьбы. Однажды, лет через двадцать после университета, я встретил Нортена. Сытый, уважаемый, вальяжный... Разговаривая со мной, он то и дело отвлекался, чтобы дать очередной автограф, и поглядывал на меня этак покровительно. Тогда-то я и решил окончательно: уничтожу вас. Всех троих. — Губы Банниша злобно дернулись. — И мне это удалось. Дальше рассказывать особенно не о чем. В семьдесят один год, собрав свое устройство, я воспользовался им по назначению. Не существует способа двигать во времени предметы, но разум! Разум — другое дело. Изобретенный мною проектор мог, отправив мой разум назад, в любой выбранный момент жизни, наложить мое сознание во всем его развитии и со всеми воспоминаниями на мое же раннее сознание. Правда, больше с собой взять нельзя было ничего. — Банниш улыбнулся и коснулся виска указательным пальцем. — Зато я прихватил свою фотографическую память. Этого оказалось более чем достаточно. Я запомнил все, что считал необходимым в новой прошлой

жизни и, перенесясь в юность, получил второй шанс — шанс сделать более удачные ходы. Как видите, я их сделал.

Стив Дельмарио пошевелил бровями, залез рукой под очки и потер глаза.

— А твое это... тело? Как же оно?

— Справедливое любопытство. Процедура ретропроекции убивает потенциального путешественника во времени. Вернее, его телесную оболочку. Временная линия, конечно, продолжается — так, во всяком случае, вытекает из моих уравнений. Я не имел возможности проверить это лично. А изменения в прошлом создают новую вариантную линию времени.

— Ага.— Дельмарио кивнул.— Альтернативный путь, значит.

Кэти вдруг засмеялась.

— Ну и ну! Просто не верится. Неужели все это происходит со мной? И неужели кто-то может воспринимать все это всерьез?

Э. К. Стюарт, уже давно смотревший в пространство с видом мученика, решившего стоически дослушать до конца любую галиматью, живо откликнулся:

— Согласен с вами. Нет, Брюс, я не столь легковверен, сколь был когда-то. Если ты намереваешься разыграть нас, скормив нам всю эту бредятину, извини — ничего не выйдет.

Банниш повернулся к Нортену.

— А каков будет вердикт капитана?

— М-м,— осторожно начал Питер.— Честно говоря, Брюс, пове- рить трудновато. Ты ведь сам признался, что та злосчастная партия превратилась для тебя в навязчивую идею. Полагаю, в данном случае я буду недалек от истины, если... Короче говоря, лучше бы тебе обратиться к специалисту.

— К какому специалисту?

— Э-э... — Питер неловко поерзал на стуле.— К психиатру, что ли. Или к психоаналитику.

Банниш хохотнул.

— О, какой сочувственный тон! Словно тебя и не вышвырнуло в этой линии времени из преуспевающих романистов в книготорговцы.

Питер вздохнул.

— Эх, Брюс, неужели ты сам не понимаешь, насколько беспомощны и жалки твои фантазии? Я согласен: ты достиг большего, чем мы; но тебе этого мало, тебе хочется уязвить нас побольнее. Отсюда и твоя выдумка. Зачем еще нужно убеждать нас, будто за нашими неудачами стоишь именно ты? Беззненной воображение плюс нездоровая жажда мести, а по сути, бессмысленный самообман.

— Нет, Нортен, не воображение и не самообман! — Банниш сорвался на крик, но тут же усмехнулся.— Придется рассказать все поподробнее, как и было задумано.

— Да пусть выговорится, Питер,— остановил Экс собравшегося было возразить экс-капитана.— Глядишь, утихомирит свою отрыжку, и кончится этот балаган.

— Вот спасибо-то, Экс.— Хозяин обвел взглядом удрученных гостей. Злорадное самодовольство так и выпирало из него: он дождался! Не зря он шел к этому мгновению долгие, долгие годы. Наконец Банниш остановил взор на Стиве Дельмарио.— Начну-ка с тебя. Ибо в действительности как раз с тебя-то я и начал. Справиться

с тобой не представляло труда — ты всегда был глуп и ограничен. В исходной линии жизни ты стал таким же богачом, как я в нынешней. Пока я тратил годы, совершенствуя свой проект, ты быстро сколотил состояние, начав с электронных игр, а позже занялся более солидными вещами — домашними персональными компьютерами и тому подобным. Никто не мог сравниться с тобой в этой области; ты проявил себя истинным гением, но, на свою беду, ничем другим не интересовался. Вернувшись в прошлое, я попросту занял твое место. Прежде чем воспользоваться проектором, я изучил все твои ранние игрушки, запомнил самые плодотворные идеи и запатентованные изобретения, которые сделали тебя электронным магнатом. Я зафиксировал в памяти даже дни, когда ты представлял свои разработки в патентное бюро. И вот, вооружившись этими знаниями, я с легкостью вышибал из-под тебя стул всякий раз, когда ты собирался снова на него усесться. Теперь это было детской забавой. Признайся, Дельмарио, разве в те давние времена тебя не поражало, каким странным образом я предвосхищал каждую твою ценную мысль? Я живу здесь вместо тебя, Дельмарио.

Пока Банниш говорил, Стив все сильнее бледнел; его руки задрожали.

— Будь ты проклят, — прошептал он. — Бог покарает тебя.

— Не поддавайся на его бредни, Стив, — вмешался Экс. — Он все это затеял специально, чтобы поугагать нас и вдоволь насладиться, глядя, как мы извиваемся на крючке. Чуть собачья. Его рассказы не стоят выеденного яйца.

— Но ведь это правда! — крикнул Дельмарио. Он затравленно поглядел на Банниша, потом на Питера. Глаза за толстыми линзами очков застыли в пьяном отчаянии. — Питер... он сказал, все мои идеи... Он опережал меня, он... Я говорил тебе...

— Да, — с напором ответил Питер. — И Брюс при этом присутствовал. А сейчас просто воспользовался твоей болтливостью.

Дельмарио открыл было рот, но сказать ничего не смог.

— Налей-ка себе чего-нибудь, — предложил Банниш.

Дельмарио посмотрел на него так, словно хотел броситься и придушить. Питер напрягся, готовясь вмешаться, но Стив последовал совету: схватил полупустую бутылку и, плеская на скатерть, наполнил свой бокал до краев.

— Брюс, ты не заслуживаешь ничего, кроме презрения, — сурово заявил Экс.

Банниш обернулся к нему.

— Не надо громких слов, Стюарт. Так вот, с Дельмарио все было просто; с тобой возни оказалось побольше. У Стива-то, я уже сказал, смысл жизни заключался в работе, и, как только ее отняли, он сразу рухнул. Пяток опоздавших разработок — и он потерял веру в себя; остальное довершила выпивка. Ты оказался более крепким орешком.

— Ох, тоска, — скривился рекламный агент. — Похоже, разбор наших биографий еще не закончен.

— Идеи Дельмарио обеспечили мне богатство, — невозмутимо продолжал Банниш. — Я использовал эти деньги против тебя. Твое падение получилось не таким впечатляющим и сокрушительным, как падение Дельмарио. Он-то сверзился в яму с заоблачных вершин. Твои же достижения были поскромнее, а в мелкую цель, сам знаешь,

попасть труднее, чем в крупную. Но я справился с задачей. Нажав на кое-какие закусные пружины, я добился отмены серии крупных заказов твоей фирме. Тех самых заказов, которые ты курировал. Впрочем, твои компаньоны (кажется, их звали Фут и Кан) все еще доверяли тебе. Тогда я подсказал другому агентству сманить у вас Аллерда, составителя рекламных проспектов, незадолго до того, как он применил новый оригинальный метод, положительно отразившийся в прежней линии на финансовом положении и репутации фирмы. Потом, если помнишь, ты тоже ее оставил, чтобы перейти на высокооплачиваемую должность в более престижную, а та возьми да и обанкротилась, оставив тебя на бабах. Ну-ну, не стоит благодарности. Я организовал в твоей карьере десятка два таких поворотов. Задумывался ли ты когда-нибудь, Стюарт, сколь неукоснительно ошибочными оказываются все твои шаги? А ведь никто не мог бы обвинить тебя в некомпетентности. Отчего же такое невезение?

— Не тревожься обо мне, я на судьбу не в обиде.

Банниш осклабился.

— Кроме того, в прошлом году я сыграл с тобой еще одну маленькую шутку. Дамочка пришлась тебе по вкусу. Это я постарался и нашел ее. Молоденькая, смазливая безработная актрисочка; отчаянная — ей ведь было все равно, с кем, тем более за такую щедрую плату. Но все-таки ты сам виноват, что подцепил герпес. Я только обеспечил ваше знакомство, а уж остальное ты довершил без посторонней помощи. В конце концов разве не имел я права на реванш за свидание «вслепую»? Да и за многое другое?

Лицо Экса по-прежнему выражало скуку.

— Если ты еще не расстался с надеждой заставить меня разрыдаться, то тем хуже для тебя. Значит, ты и впрямь свихнулся. Подумаешь, какая осведомленность! Подрядил десяток шпииков и вдоволь покопался в моем грязном белье.

Банниш покачал головой.

— О, я знал, что великого скептика Стюарта ничем не прошибешь. Нет, он ничего не принимает на веру — а вдруг обведут вокруг пальца? — Хозяин дома прищелкнул языком и повернулся к Питеру. — Что ж, теперь черед нашего бесстрашного жоака. Можешь гордиться, Нортен, ты оказался самым трудным противником.

Питер, не отвечая, спокойно смотрел ему в глаза.

— Я прочитал твой роман, — многозначительно сообщил Банниш.

— Этого не может быть. Он не издавался.

— Э, нет, еще как издавался — в исходной временной линии! Издавался и переиздавался. Печатался с сокращениями в «подвале» бестселлеров «Таймс». Критика его хвалила.

— Твое утверждение нелепо и смехотворно, — сказал Питер, хотя ему было не до смеха.

— Назывался, кажется, «Звери в клетке», — небрежно добавил Банниш.

До этих слов Питер изображал снисходительное внимание, потакая прихоти сумасшедшего. Сейчас его вдруг словно подбросило; он услышал, как Кэти шумно втянула воздух и прошептала:

— Этого еще не хватало!

— Питер, что случилось? — Теперь даже Экс выглядел озадаченным.

— Об этой книге никто не знал, — с трудом выдавил Питер. — Откуда ему стало известно? Проклятие, наверное, мой бывший лит-агент... Да? Это он разболтал тебе, Брюс?

— Нет. — Банниш безмятежно покачал головой.

— Лжешь, поганец!

— Спокойно, Питер! Стоит ли так расстраиваться?

Питер глянул на Экса.

— Та книга... «Звери в клетке»... Понимаешь, я...

— Ты написал книгу с таким названием.

— Вот именно. — Питер с усилием сглотнул. Гнев боролся в нем со смущением. — Да, после универа. Первый мой роман. — Он нервно усмехнулся. — Я так думал, что он будет первым, потому что в голове роилась целая уйма новых замыслов... Роман-то получился солидный, и я считал, что при правильном издательском подходе могу рассчитывать на коммерческий успех. Сюжет о цирке. Ты ведь знаешь, я давно преклонялся перед цирком. Видел в нем совершенно особый способ существования, метафору жизни — красочную, но увядающую. Один из отмирающих человеческих институтов. Я подумал, что хорошо бы написать о нем большой роман, и после колледжа целый год кочевал вместе с «Синим шapiro» братьев Ринглингов. Работал у них разносчиком, торговал всякой всячиной в антрактах, а тем временем собирал материал, делал зарисовки... В итоге год ушел на исследования и два заняла собственно книга. Главный герой, начинающий дрессировщик, готовил номер с тиграми, ягуарами и прочими львами. Наконец, закончив рукопись, я отправил ее почтой своему агенту... А через три недели получил обратно. Я... я... — Горловой спазм не дал ему договорить.

Но Экс все понял и нахмурился.

— Как назывался тот цирковой бестселлер?

— «Синий шатер». — Питер сморщился, словно наелся горечи. — Автор — Дональд Хастингс Салливан. Старый писака, на счету которого было полсотни готических романов и с десяток стандартных вестернов, все под разными псевдонимами. И вдруг у такого бумаго-марателя такая книга. В это невозможно было поверить. Кто угодно, только не он. Но гнуснее всего текст. Нет, он не повторял «Зверей в клетке» слово в слово; мой был на порядок лучше. Но сюжет, фон, эпизоды и даже имена отдельных персонажей совпадали... Мне стало страшно. Литературный агент отказался предлагать мой роман издателям, сказал, что книга чересчур похожа на «Синий шатер», никто не захочет с ней связываться. И предупредил: даже если я добьюсь публикации, ее сочтут в лучшем случае подражанием, а в худшем — обвинят меня в плагиате, после чего на моем писательском имени можно будет поставить крест. Три года жизни — и плагиат! Я наорал на него, мы разругались; другого агента я так и не нашел. И романов больше не писал. Слишком много я вложил в своего первенца. — Питер резко повернулся и уставился на Банниша. — Я уничтожил рукопись, сжег все копии. Никто, кроме моего агента и Кэти, не знал о ней. Кто рассказал тебе?

— Я читал твой роман, — повторил Банниш.

Ослепленный яростью, Питер схватил бокал и швырнул его через стол в ухмыляющуюся физиономию. Он хотел стереть эту ухмылку, увидеть, как она растворяется в крови и умирает.

— Гнусный лжец!!!

Но Банниш успел пригнуться, и бокал разбился о стену.

— Эй, Питер, полегче! — крикнул Экс, а Дельмарио, сражаясь с алкогольной напастью, замигал по-совиному.

— Наш капитан выражает протест излишне энергично, — посетовал Банниш, вновь демонстрируя ямочки на щеках. — Он знает, что я говорю правду. Я прочел его роман и, чтобы не быть голословным, готов изложить содержание. — Он пожал плечами. — Что, собственно, я и сделал, пересказав его близко к тексту Дональду Х. Салливану, который по моему заказу написал «Синий шатер». Я мог бы попробовать и сам, но не обладаю литературным даром. А Салли ухватился за свой шанс и получил в качестве гонорара кругленькую сумму. Которую мы поделили по справедливости.

— Сукин сын, — сквозь зубы бросил Питер; его ярость уже схлынула, оставив в груди только чувство опустошенности и боль незаслуженного поражения. Его оставили в дураках, и он бессилен что-либо изменить. Вдруг Питер осознал, что верит Баннишу, верит каждому слову его бредовой выдумки... — Значит, это правда... Это действительно сделал ты. Ты украл мои мысли, мои слова... Ты украл все.

Банниш промолчал.

— И потом — тоже! — догадался Питер. — Все мои провалы, когда после «Синего шатра» я подался в журналистику, тоже твоя работа?! Теперь понятно, почему в тот раз все мои информаторы либо неожиданно разъехались, либо отказались от своих слов, и дело выглядело так, будто я состряпал заведомо клеветнический пасквиль. И все эти жареные факты, оказавшиеся пшиком, судебные иски, обвинения в посягательстве на личную жизнь и намеренной диффамации — всякий раз, когда я брался за какую-то горячую тему... Значит, это не было случайным невезением? Это ты заставил меня сменить профессию... Ты украл мою жизнь.

— Можешь гордиться, Нортен. Ты вынудил меня лишний раз вернуться к исходной точке. Закрыв при помощи «Синего шатра» твою литературную карьеру, я неосмотрительно пустил дела на самотек, а ты возьми да и выбейся в знаменитые журналисты. Заработал десяток премий, популярность и прочее. Что-либо предпринимать было слишком поздно, и пришлось мне, чтобы сломать тебя окончательно, прецировать еще раз.

В голове у Питера шумело.

— Тебя надо убить, — как сквозь туман услышал он собственный голос.

— Питер! — осадил его Экс. — Послушай меня. Все это — тщательно разработанная мистификация, — настойчиво, словно неразумному больному, внушал он. — Не будь таким легковерным. Я на этом собаку съел.

Питер долго смотрел ему в глаза.

— Нет, Экс, все — правда. Правда. Это у тебя комплекс недоверчивости со студенческих пор. Отбрось свой страх оказаться объектом розыгрыша, вдумайся непредвзято. В его истории есть логика. И она объясняет все, что с нами произошло.

Экс хмыкнул и начал теребить ус.

— Не пререкайся с капитаном, Стюарт, — наставительно прибавил Банниш.

Питер вскинул голову, а Дельмарио с трудом выволокся из-за стола.

— Меня тошнит от тебя!.. Ну, ладно, хорошо. Ты искорежил наши жизни и поставил нас в известность об этом. Великолечно. Ты удовлетворен? А теперь открой гараж: нам пора по домам.

— Что ж, дело ваше, не смею задерживать. Только куда торопиться? Может, перекинемся в шахматшники в память о прежних временах? Или сделаем лучше. Быть может, вам это неизвестно, но я исключительно справедлив. Никто из вас ни разу не дал мне шанса отыграться — как в прямом, так и в переносном смысле; я же подарю один такой шанс каждому. Как ты выразился, Нортен? Я украл ваши жизни? Что ж, дружок, вы получите возможность вернуть их назад. Играем в шахматы. Исходная позиция — та самая. Я займу место Весселера, а вы сыграете за меня. Советуйтесь, обсуждайте ходы — пожалуйста; или сразимся один на один — мне все равно. От вас требуется во что бы то ни стало нанести мне поражение. Добьетесь победы в партии, которую я, по вашему мнению, сдал, и я отпущу вас, вернув деньги, собственность, работу — в общем, все, что пожелаете.

Стив заорал во всю глотку:

— Я уложу тебя на обе лопатки! Я поставлю тебе мат с завязанными глазами! Одной левой! Давай, Банни! Тащи шахматы!

Банниш хохотнул и встал, упираясь в стол пухлыми кулаками.

— Э, нет, Дельмарио, не сейчас. Тебе не удастся списать проигрыш на пьяный зевок. Я разделаю тебя, когда ты проспишься и протрезвешь. Завтра. Играть будем завтра.

Стив яростно передернул плечами.

— Тем хуже для тебя. Завтра так завтра!

Наутро Кэти отказалась покидать комнаты.

— Можешь сколько влезет играть в свои чертовы шахматы, а я приму ванну и буду читать. Не желаю принимать участия в вашем дурацком фарсе.

— Как хочешь.

Питер от души грохнул дверь и в который раз мысленно обозвал жену стервой.

Внизу, в огромной гостиной, Банниш уже расставлял фигуры. Инкрустированный шахматный столик с приклеенными резными фигурами по-прежнему стоял в углу; в любом случае он был хорош только в качестве произведения искусства, но неудобен для серьезной игры. Банниш принес стандартный турнирный набор — его они и пустят в дело. На середину комнаты выдвинули простой деревянный стол, на котором раскатали обыкновенную виниловую доску в зеленую и белую клетку. Старенькие фигуры привычной стонтоновской формы, отлитые из белой и черной пластмассы, для устойчивости были снабжены свинцовыми грузиками, заклеенными войлоком.

Банниш быстро, по памяти, восстановил роковую позицию, потом подвел стрелки часов с двойным циферблатом.

— Не могу, знаете ли, играть без контроля времени, — с улыбкой объяснил он. — Я поставил стрелки точно так, как они стояли тогда в Эванстоне.

Закончив все приготовления, Банниш окинул поле сражения удо-

влетворенным взором и уселся на место Весселера, игравшего черными.

— Готово? — спросил он Стива Дельмарио.

Стив уже сидел напротив. Выглядел он не ахти — вялый, бледный, одним словом, с похмелья. Глаза беспокойно бегали, а в руке он держал большой стакан апельсинового сока.

— Угу, — буркнул Дельмарио. — Погнали.

Нажав на кнопку, Банниш запустил его часы. Дельмарио молниеносно схватил белого коня, взял им черную пешку — при этом фигуры негромко стукнулись — и ударил «съеденной» пешкой по кнопке, останавливающей его часы и запускающей часы Банниша.

— Надо же: жертва! — удивился тот и забрал коня.

Стив пожертвовал слоном, забрав еще одну пешку и вынуждая противника взять этого слона королем. Банниш остался невозмутим, но на лице его, обозначая ямочки на пухлых щеках, заиграла легкая усмешка. За дымчатыми очками-хамелеонами весело поблескивали маленькие глазки.

Часы тикали, отмеряя отпущенное время. Дельмарио поднял руку, потянулся к ферзю, но вдруг заколебался. Рука зависла в воздухе, пальцы заметно дрожали.

— Что с тобой, Стив? — спросил Банниш.

Он поставил локти на стол и подпер подбородок кистями, сцепленными в замок. Дельмарио поднял глаза, и Банниш встретил его своей неизменной улыбкой.

— Колеблешься, дружок. Неужели ты не знаешь, что сомнения — прямой путь к проигрышу? Откуда эта внезапная неуверенность? Нет, я не верю. Ты всегда был таким решительным. Вспомни, сколько матов ты продемонстрировал мне той зимой!

Дельмарио нахмурился и яростно кивнул.

— Сейчас, Банни, продемонстрирую очередной. — Его пальцы наконец сомкнулись и переставили ферзя по диагонали. — Шах.

— Ого! — прокомментировал Банниш.

Питер изучал новую позицию. Двойная жертва белых уничтожила пешечный заслон перед черным королем, а шах ферзем не оставил ему пути к отступлению.

Банниш двинул короля вперед, в направлении центра доски — навстречу вражескому войску.

Ну, вот и все. Собственная гвардия черного короля скопилась на ферзевом фланге, а враг угрожает со всех сторон. Однако Банниша это как будто ничуть не тревожило.

Часы отсчитывали секунды и минуты, а Дельмарио все потягивал сок и беспокойно ерзал на стуле. Банниш деланно зевнул и извительно поинтересовался:

— Может быть, ты передумал ставить мат, Дельмарио? Решил подарить мне ничью? Экое великодушие. А в тот день, помнится, ты единственный добился победы. Мастера обставил! Где же твои матовые комбинации?

— Их так много, что я не знаю, какую выбрать, — парировал Стив. — А теперь заткнись, Банни, черт бы тебя побрал. Я думаю.

— О, конечно! Молчу, молчу. Миль пardon, — извинился Банниш.

Прежде чем сделать следующий ход, Дельмарио израсходовал по своим часам десять минут. Он скакнул вторым конем:

— Шах.

Банниш снова продвинул короля вперед.

Дельмарио облизал губы и поставил ферзя на клетку дальше. Опять диагональный шах.

Король черных шагнул в сторону спасительного ферзевого фланга.

Дельмарио порывистым движением послал в бой пешку.

— Шах.

Черному королю ничего не оставалось делать, кроме как собственноручно поразить дерзкого рядового, посмеявшегося угрожать монарху. Банниш взял пешку. Он все так же безмятежно улыбался.

Теперь открылась вертикаль, и Дельмарио, недолго думая, занял ее ладьей.

— Шах.

Противник отреагировал немедленно. Одинокий король все дальше углублялся в стан врага!

Белая ладья рванулась вперед и оказалась рядом с черным сюзереном.

— Шах! — звонко объявил Стив.

Питер невольно охнул. Ладья-то не защищена! Неужели зевок? Сейчас она погибнет, и...

Довольный, Дельмарио расслабился, залпом опорожнил стакан и со стуком поставил его на стол.

Банниш передвинул короля вперед и в сторону.

Единственный возможный ход! Питер навис над Стивом, а тот вдруг застыл. Теперь белые окружали изолированного короля черных со всех сторон, помощи ему ждать неоткуда; но как его заматовать? Как затянуть эту петлю?

Дельмарио вдруг резко выбросил руку, схватил пешку, стоящую перед белым королем, и, твердо поставив ее на четвертую горизонталь, хлопнул по головке часов. Затем развалился на стуле и скрестил руки на груди.

— Твой ход, Банни.

Банниш спокойно взял своего коня и поставил его на шестую горизонталь рядом с конем белых.

— Шах, — негромко произнес он.

Дельмарио вздрогнул и оцепенел. Питер тоже вздрогнул. Э. К. Стюарт вылез из своего кресла, подвинул его поближе, снова сел и начал сосредоточенно ерошить пальцами усы.

Дельмарио пошел королем вперед.

Банниш вкрадчиво скользнул чернопольным слоном по диагонали: шах.

Единственный ход. Белый король снова идет вперед. Стива, конечно, теснят, но матовая сеть вокруг черного короля пока цела. И все-таки черные продолжают атаковать.

Бросив в прорыв коня, Банниш поставил еще один шах.

Дельмарио заморгал, нервно переступил ногами под столом. Питер увидел, что отвод белого короля повлечет серию шахов с матом в конце... Правда, черный конь под боем и ничем не защищен...

Ладья Дельмарио справилась с ним без хлопот.

И вот тут-то Банниш ликвидировал ферзем краеугольный камень матовой сети — продвинутую вперед белую пешку. Теперь Дельмарио мог бы съесть черного ферзя белым, но потеряет своего после

вилки; затем грядет серия обменов, и Стив останется в эндшпиле с безнадежно скудными силами... Дельмарио отступил.

Банниш поцокал языком и, снова дразня противника, скупал ферзем белого коня.

С потерей коня и пешки загнать черного короля Стиву уже не удастся. Питер стиснул зубы. Неужели проигрыш? Да нет же, наверняка имеется лучший выход. Позиция чрезвычайно богата вариантами. Питер замер и, не отводя взгляда от доски, думал, думал, думал...

Стив тоже думал, а часы продолжали тикать. Часы были самые современные, с модным счетчиком ходов. По ним выходило, что Дельмарио, чтобы уложиться в контроль, нужно сделать еще семь ходов за четырнадцать с половиной минут. Цейтнот не цейтнот, а так, маленькое давление на психику.

Но Дельмарио забыл о времени. Он сидел не шевелясь, не видя ничего, кроме шахмат. Потом снял очки и начал методично протирать выпуклые линзы полой рубашки навывпуск. Когда он водрузил очки на место, позиция на доске не улучшилась. Стив впери́л взор в черного короля, словно хотел повалить его силой взгляда, затем попытался встать с места.

— Мне нужно выпить, — хрипло объявил он.

— Сиди, я принесу! — поспешно выпалил Питер. — Тебе осталось восемь минут.

— Угу, — ответил Стив и снова сел.

Питер сбегал к бару, быстро смешал скрудрайвер и вернулся. Дельмарио, не отрывая глаз от шахмат, одним глотком ополовинил стакан. Его все сильнее охватывало возбуждение. Когда на циферблате осталось три минуты, он поднял руку, задумался и опустил ее обратно. Поерзав на стуле, подобрал ноги под себя и склонился над доской, едва не задевая носом фигуры. А часы все тикали.

Он еще оставался в этой позе, когда Банниш подал голос:

— Дельмарио, твой флажок упал.

Стив поднял голову, заморгал и поджал губы.

— Время, — с усилием произнес он, — мне просто нужно время, и я найду выигрыш. Он должен, должен быть... Еще два-три шаха...

Банниш встал и отодвинул стул.

— Твое время истекло, Дельмарио. Впрочем, это не имеет значения: положение безнадежно. Тебе давно пора было сдать.

— Ни за что! Дьявол, нет тут никакого проигрыша, это у тебя проигрыш!..

Питер положил ладонь ему на плечо.

— Не принимай так близко к сердцу, Стив. Мне жаль, но Брюс в данном случае прав. В этой позиции ты проиграл.

— Нет! — кипятился Дельмарио. — Я уверен, я знаю, что тут есть выигрышная комбинация! Нужно только сообразить... догадаться... — Его правая рука, тянувшаяся к фигурам, вдруг затряслась, и он опрокинул обреченного короля.

Банниш продемонстрировал свои ямочки.

— Слушайся капитана, победитель, он врать не будет. — И, отвернувшись от Дельмарио, обратился к мрачному Эксу: — Стюарт, завтра ты на очереди. В тот же час на том же месте.

— А если я не захочу? — надменно поинтересовался Экс.

Банниш пожал плечами.

— Поступай как знаешь. Я приду в назначенное время и запущу часы. По игре или за неявку — результат будет один: ты проиграешь.

— Ну, а со мной играть ты собираешься? — любопытствовал Питер.

— Ну, а тебя, капитан, я приберегу на закуску.

Питер с Эксом решили оставить Стива одного и поднялись по винтовой лестнице к апартаментам Нортенов. Питер постучал в дверь.

— Кэти, ты нормально выглядишь? Со мной Экс.

Она открыла. На ней были джинсы и тенниска.

— Я всегда выгляжу нормально, — холодно заметила Кэти. — Ну, входите. Чем закончилась партия века?

— Дельмарио сошел с дистанции, — ответил Питер. — Хотя в какой-то момент черные были на волосок от мата, и я уже думал, что Баннишу несдобровать.

Кэти фыркнула.

— Завтра моя очередь, — сообщил Экс.

— Вы собираетесь играть?

Экс кивнул головой набок.

— Мне все равно. Я на проигрыше ничего не теряю.

— Ты вполне способен победить, — уверил его Питер. — Сам знаешь, в какой форме сейчас Стив, и то едва не выиграл. Надо бы разобрать его ошибки — где-то он пошел неверно.

Экс пригладил усы и задумчиво проговорил:

— Ход пешкой... Отказавшись от шаха, Стив позволил черным контратаковать.

— Но этим ходом он закрыл их королю последнюю лазейку, — возразил Питер. Оглянувшись через плечо, он увидел жену: скрестив руки на груди, Кэти внимательно смотрела на мужчин. — Тебя не затруднит принести нам из спальни шахматы? — попросил он. Когда она вышла, Питер продолжил: — Я считаю, что к этому моменту Стив уже проигрывал. Ход пешкой, и только он, создавал в той ситуации реальную угрозу; все прочие не сулили ничего, кроме еще нескольких шахов. Так что ошибку надо искать в предыдущих ходах.

— Пожалуй, — немного подумав, согласился Экс. — Стив пытался сразу форсировать, — размышлял он вслух, — и, может быть, напрасно.

— Скорее всего. Вместо того, чтобы запереть его в углу, гнал черт-те куда, а оказалось — в безопасное место. Давай поищем в этом направлении.

— Что ж, попробуем.

Вернулась Кэти с шахматной доской, положила ее на журнальный столик и, поджав ноги, уселась рядом на ковер. Питер расставил фигуры, и они с Эксом углубились в анализ. Вскоре Кэти наскучило наблюдать, она резко поднялась и заявила:

— Вы оба — психи. Пойду раздобуду чего-нибудь съестного.

— Для нас тоже захвати, — не оборачиваясь, бросил ей вдогонку Питер. — И неплохо бы пива.

Но они едва обратили внимание на поднос, который Кэти вскоре поставила на край стола.

За доской просидели до глубокой ночи. Никто, кроме Кэти, не

составил Баннишу компанию за обедом. Вернувшись, она просто-напросто:

— Боже, какой омерзительный тип! — Слово «омерзительный» прозвучало так, будто ее сейчас вырвет.

Только это и отвлекло Питера от шахмат. Но лишь на несколько секунд.

— А если так? — спросил Экс, перескочив конем в центр, и Питер немедленно вернул взгляд обратно.

— Стюарт решил-таки сыграть! — приветствовал их наутро Банниш.

Экс, свежий, опрятный, чисто выбритый (за исключением, естественно, усов) и тщательно причесанный, деловито кивнул.

— Брюсик, как всегда, проникателен.

Он отхлебнул из стоящей наготове чашки дымящегося черного кофе. Банниш добродушно посмеивался, но Экс поднял указательный палец.

— С одной оговоркой. Я не верю ни единому слову твоей небыллицы о пересылке личности в прошлое. А потому, так и быть, сыграем, однако не за право воспользоваться твоим драндулетом времени, а на деньги. Принимаешь?

— Эх, — сокрушенно вздохнул Банниш. — Шутники так недоверчивы... Но, конечно, дело хозяйское. Желаете просто подзаработать — милости прошу.

— Миллион долларов.

Банниш ухмыльнулся до ушей.

— Фи, какая мелочь. Ну да ладно, согласен. Разгромишь меня — уедешь отсюда с миллионом в кармане. Надеюсь, чеком не побрегаешь?

— Заверенным — нет. — Экс повернулся к Питеру. — Будь моим свидетелем.

Питер ответил кивком.

Сегодня они были в гостинной втроем. Кэти по-прежнему игнорировала этот, как она выражалась, шахматный фарс, а Дельмарио отсыпался у себя после вчерашнего.

— Готов? — осведомился Банниш.

— Начали.

Хозяин дома пустил часы. Экс пожертвовал коня, нажал на кнопку. Движения четкие, экономные. Банниш принял жертву, и его противник не колеблясь предложил вторую. Забрав и слона, Банниш аккуратно придавил головку часов.

Экс взъерошил усы, протянул руку и пошел пешкой.

— Ага, — прокомментировал Банниш. — Мы ввели усовершенствование. Шаховать отказываемся. Следовательно, в рукаве припасена домашняя заготовка. Иначе просто не может быть — Э. К. Стюарт непременно держит что-нибудь в рукаве. Наш веселый, непредсказуемый Э. К. Стюарт, остролов и выдумщик.

— Брюсик, доска перед тобой, — хладнокровно напомнил Экс.

— О, несомненно. — Электронный магнат не затратил на обдумывание и половины того времени, которое понадобилось бы самому Питеру. Он глядел на доску немногим более минуты, потом уверенно взялся за ферзя и смахнул с доски незащищенную ладейную пешку

на ферзевом фланге белых. Подбросил ее на ладони, лениво зевнул и вновь с равнодушным видом развалился на стуле.

По лицу Э. К. Стюарта пробежала легкая тень. Питер тоже ощутил смутное беспокойство. Предыдущий ход должен был насторожить Банниша куда сильнее. А такое демонстративное легкомыслие весьма подозрительно... Вчера они до изнеможения проверяли и перепроверяли каждый вариант, пока не убедились в своей правоте, и Питер отправился спать успокоенный, почти ликуя. Поскольку ответных ходов на выпад пешки у Банниша имелась целая дюжина, а предугадать, какому из них он отдаст предпочтение, было невозможно, они с Эксом проследили до конца все варианты и ответвления. Во всех случаях партия завершалась выигрышем белых.

Похоже, жизнерадостный Банниш их одурачил. Он и не подумал защищаться, а взял да и слопал другую пешку, не обращая внимания на угрозу. Что-то здесь не так. Неужели они что-нибудь проглядели?

Пока Экс думал над ответным ходом, Питер, чтобы удобнее было следить за игрой, придвинул стул и сел сбоку от стола.

Невозмутимый Э. К. Стюарт деловито пошел конем, окончательно отрезая черному королю путь к спасению. Вперед замаячил шах ферзем с немедленным матом. Банниш, разумеется, потянет время, съест коня, тогда Экс возьмет его фигуру ладьей, и мат не заставит себя ждать. Что ж, пускай потрепывается.

Банниш через доску улыбнулся сопернику и небрежно толкнул ферзя на первую горизонталь.

— Шах.

Экс по очереди пригладил каждый ус и, хмыкнув, увел короля на вторую. Потом размашисто хлопнул по часам и спокойно объявил:

— Брюсик, готовь чековую книжку.

Улыбка на губой физиономии хозяина расплылась во всю ширину наливных щек.

— Неужели пора? Ах, Стюарт, на сей раз в лужу сел ты! — И, захихикав, словно десятилетняя девчонка, горизонтальным ходом ферзя смел с доски белую ладью. — Шах!

Экс искал альтернативу пятнадцать минут, но ее не было. Он взял ферзя ладьей. Банниш молниеносно ответил ходом собственной ладьи. Белый конь, лишь недавно занявший ключевую позицию, бесславно испустил дух. Затем черные целенаправленно форсировали скоротечный обмен легкими фигурами, попутно ликвидируя все непосредственные угрозы со стороны белых. Теперь потрепанные армии сократились до минимальной численности, игра перешла в эндшпиль, и вот уже черный король, только что обложенный со всех сторон, превратился в могущественного властелина господствующих центральных полей. Закономерная ирония судьбы. Экс остался с ферзем и пятью пешками, Банниш — с четырьмя пешками, слоном, конем и ладьей.

Сражение затянулось на несколько часов. Бесстрашный мобильный ферзь непрерывно маневрировал и отчаянно атаковал, стараясь отыграть фигуру или повторением ходов свести партию к ничьей. Однако Банниш и сам знал толк в подобных увертках; заставить его ошибиться не удавалось.

Наконец стало ясно: проигрыш белых — лишь вопрос времени. Экс положил своего короля.

— А я-то думал, мы просчитали все варианты защиты, — откровенно пробормотал Питер.

— Э, капитан, — весело отозвался Банниш, — в том-то и дело, что любая попытка защититься здесь и впрямь ведет к проигрышу. Фигуры прикрытия либо блокируют пути отхода, либо мешают действиям других. С чего вы решили, что я буду помогать загнать себя под мат? Нет уж, сами шевелите извилинами.

— Завтра, — сурово произнес Питер. — Завтра я расправлюсь с тобой.

Банниш радостно потер руки.

— Ох, как я волнуюсь. Скорей бы он настал, этот долгожданный день.

— Блудный супруг вернулся! — приветствовала мужа Кэти. — Только напрасно он рассчитывает на упитанного тельца. Ты имеешь представление о том, который час?

Она сидела у остывающего камина. Дрова, как видно, давно прогорели; от них осталась лишь горстка пепла. В комнате было темно, и огонек сигареты мерцал единственной яркой точкой. Питер вошел улыбаясь, однако, увидев сигарету, насторожился. Раньше Кэти курила много, но несколько лет назад бросила. Теперь ее тянуло на никотин только в минуты сильного волнения. Обычно это предвещало затяжной скандал.

— Поздно. За полночь. Какая разница? — пробурчал Питер.

Конечно, он немного засиделся с друзьями, но результат стоил бессонной ночи: они нашли то, что искали. Несмотря на усталость, Питер вернулся в приподнятом настроении, и спорить с женой ему совсем не хотелось. Лучше было бы застать ее спящей.

— Забудь о времени, Кэт, — сказал он, стараясь говорить как можно мягче. — Мы наконец добились успеха.

Кэти принялась методично вдавливать окурки в пепельницу.

— В отсутствие хозяина, разумеется. Какого успеха? Придумали какой-нибудь новый ход, который, по вашему мнению, поставит в тупик этого психопата? Неужели ты еще не понял, что ваши находки не стоят ломаного гроша? И вообще вся эта дурацкая комедия... — Видя, что Питер собирается возмутиться, она жестом остановила его. — Будь любезен, выслушай меня до конца. Сейчас почти три; я прождала полночи и желаю высказаться.

— Ах, вот как! — разозлился Питер. Саркастический тон жены рассеял остатки его миролюбия. — А тебе никогда не приходило в голову, что я может быть, не желаю выслушивать? Тогда лучше подумай над этим, а меня оставь в покое. Завтра предстоит трудная игра, и мне необходимо поспать. Я не собираюсь до рассвета внимать твоему визгу. Ясно? Какого дьявола ты вечно рвешься выяснять отношения? Все, что ты можешь сказать, я уже слышал!

— Могу поведать кое-что новенькое о твоём старом приятеле Баннише.

— Сомневаюсь.

— Да? — Кэти гадливо рассмеялась. — Выходит, тебе было заранее

известно, что он попытается затащить меня к себе в постель? Или ты узнал об этом попозже?

— Что-о?!

— Сядь! — зловеще приказала Кэти. — Сядь и слушай.

Слова, которые она только что швырнула ему в лицо, действовали не хуже оплеухи. Потрясенный, Питер послушно сел и застыл.

— А ты? — наконец выдал он, посмотрев на темный силуэт, смутно обрисовывающий фигуру жены.

— Я? Ты хочешь спросить, согласилась ли я? — язвительно уточнила Кэти. — О, Питер, до чего ты опустился. Как твой язык повернулся спрашивать такое? Неужто я тебе настолько омерзительна? Да я скорее отдалась бы осьминогу, которого, кстати, он мне больше всего напоминает. — Она мрачно усмехнулась. — Но, кем бы он ни был, соблазнитель из него никудышный. Подумать только: всерьез предлагал мне деньги!

— Тогда зачем ты рассказываешь мне об этом?

— Затем, чтобы вколотить в твои дубовые мозги хоть каплю здравого смысла! Разве ты не понял, что Банниш стремится любым способом сломить тебя навсегда, бесповоротно? И остальных тоже. Не я была ему нужна — он хотел унижить тебя. А вся ваша слабоумная троица играет ему на руку. Ты одержим этой ублюдочной партией ничуть не меньше своего старого приятеля.

Оторвавшись от спинки кресла, Кэти подалась вперед. Ее лицо, приблизившись, как будто засветилось в темноте.

— Питер, милый, не играй с ним, — попросила она. — Пожалуйста. Он задавит тебя так же, как твоих друзей.

— У меня на этот счет иное мнение. Милая. — Ласковое слово прозвучало сквозь стиснутые зубы словно ругательство. — Опять ты лезешь со своими пророчествами! Не дадут покоя кассандрины лавры? Не можешь помочь, так лучше помалкивай. Я долго терпел, черт возьми! Сносил твои постоянные насмешки, попытки уколоть побольнее и унижить. Ты никогда не верила в меня. Непонятно, какого дьявола ты вообще за меня вышла? Похоже, только затем, чтобы превратить мою жизнь в ад. Так вот: отстань! Оставь меня наконец в покое!!!

Против ожидания, Кэти заговорила на удивление сердечным тоном:

— Дорогой, я вовсе не хотела тебя обидеть. Пожалуйста, успокойся. Ведь я люблю тебя.

Питер остолбенел, повторил, будто недоумевая:

— Любишь?

— Пожалуйста, Питер. Если между нами сохранилось хоть что-то хорошее, прошу тебя, наберись терпения на несколько минут.

— Ладно, слушаю, — буркнул он.

— Знаешь, я верила, очень верила в тебя. Ты наверняка не забыл, как прекрасно все складывалось в наши первые годы, правда? И я ведь помогала тебе, поддерживала, как могла, пока ты сочинял свой роман, разве нет? Я и прирабатывала, и успевала по дому, и сама готовила — в общем, позволяла тебе спокойно работать.

— О да! — В его голосе опять зазвучал сарказм, и гнев начал охватывать Питера с новой силой. Кэти не раз донимала его разговорами о том, как на протяжении двух лет фактически содержала их обоих, когда он трудился над своей книгой. Но сколько можно? Не его вина, что роман оказался просто грудой испорченной бумаги. — Только избавь меня от попреков. Я не смог пристроить рукопись, но ты сама слышала, почему это произошло.

— Черт побери, да разве я тебя упрекаю? — вспыхнула Кэти. — Любое мое слово ты принимаешь за критику и сразу же становишься в позу обиженного. — Она тряхнула головой, отгоняя раздражение, и снова овладела своим голосом. — Давай не будем осложнять нашу жизнь, она и без того непростая. Мы долго мучили друг друга, старались бить по больному месту... Пора остановиться, пока не поздно. Мы и так еще не скоро залечим раны.

Питер промолчал.

— Я хотела сказать, что верила в тебя не только вначале, но и потом, когда ты уже сжег свою рукопись... Да, даже тогда, хотя давалось мне это нелегко, поверь. Я не считала твою неудачу литературным провалом, но ты считал. И ты очень изменился. Поддался отчаянию и, вместо того чтобы, стиснув зубы, начать другую книгу, все бросил.

— Знаю, знаю, как же, — вставил Питер. — Упорства во мне недостаточно. Слабак. Прирожденный нытик.

— Прекрати! — гневно крикнула Кэти. — Это ты сказал, а не я! И я так не думала... Когда ты занялся журналистикой, я продолжала верить в тебя. Все опять пошло кривь и вкось, тебя увольняли, привлекали к суду и в конце концов занесли в черные списки. Знакомые нас сторонились. А ты хотя и твердил, что ни в чем не виноват, но внутренне уже поставил на себе крест. Перестал мечтать и строить планы, непрерывно жаловался на невезение и хныкал.

— А ты мне ничем не помогала.

— Может быть, — признала Кэти. — Сначала пыталась, но проку от этого не было, и я устала тянуть за двоих. В тебе ничего не осталось от мечтателя и оптимиста, за которого я выходила. Мне было больно вспоминать, как я раньше тобой восхищалась, а уважения ты заслуживал все меньше и меньше. О твоём самолюбии и говорить не приходится. Тебя обуяло такое отвращение к собственной персоне, что временами мне бывало страшно.

— Ну и что? Каково резюме, милая Кэти?

Она ответила не сразу.

— Питер, несмотря ни на что, я ведь не ушла от тебя. Ты же знаешь: я могла, даже собиралась это сделать. Но осталась. Подавила жалость к себе и осталась. Тебе это ни о чем не говорит?

— Говорит, еще как говорит. О том, что ты — мазохистка. А может быть, садистка, — брякнул Питер.

Кэти не выдержала. Она хотела что-то ответить, но голос ее сорвался, и она разрыдалась. Питер сидел не шевелясь и ждал конца спектакля. Наконец Кэти выплакалась и тихо сказала:

— Будь ты проклят. Я тебя ненавижу.

— А только что утверждала, будто любишь. Ты уж разберись в своих чувствах.

— Осел! Черствый, безмозглый чурбан! Неужели до тебя еще не дошло?

— Что должно было до меня дойти? — теряя терпение, повысил голос Питер. — Ты требовала тебя выслушать — я выслушал и не узнал ничего нового. Старая песня на новый лад. Все то же перечисление моих грехов и недостатков, жалобы на то, что я не оправдал надежд... Все это я слышал не раз.

— Да пойми же наконец, Питер! Последние дни все, все изменили. Если бы ты хоть на минуту забыл о ненависти, отбросил отвращение к себе и ко мне, ты бы понял: мы получили шанс! Надо постараться не упустить его, воспользоваться им.

— Не вижу, чтобы что-то изменилось. Этот шанс — завтрашняя игра, и ты отлично понимаешь, как много она значит для моего самоуважения. Но тебе на меня наплевать; тебе наплевать, выиграю я или проиграю. Мало того, ты мне все уши прожужжала, твердя, что я продую партию, да еще заставляешь меня спорить, когда мне надо спать. Такое впечатление, будто ты хочешь этого и нарочно способствуешь моему поражению. Что же изменилось? Как была ты стервой, так ею и осталась.

— Ох, Питер, Питер. Я объясню тебе, что изменилось. До самого приезда сюда мы оба считали тебя неудачником, а оказалось, что это не так! Ты действительно был совершенно ни при чем. Причина твоих бед не невезение, как ты всегда говорил, не бездарность, как ты при этом думал, а Брюс Банниш. Ты только вникни: во всем виноват он один. Это же в корне меняет дело! Он не оставлял тебе шансов и теперь хочет лишит последнего. Но за этот последний шанс тебе вовсе не нужно сражаться — он у тебя уже есть! Ты узнал, что талантлив и способен писать хорошие книги, значит, психологический барьер неверия в свои силы рухнул. Что мешает нам уехать и вместе начать все сначала? Ты напишешь новый роман, пьесу, все, что захочешь. Твой талант никуда не делся. Мы опять можем мечтать, верить в будущее и любить друг друга, понимаешь? Баннишу не терпелось довести свою месть до конца, а вместо этого он своим позерством добился обратного — отныне ты свободен!

Питер боялся пошевелиться. Его руки до боли стискивали подлокотники. Слова Кэти медленно проникали в сознание, и темнота отступала, словно за окнами забрезжил рассвет.

Господи, неужели все так просто? Проклятый Банниш и вправду заразил их своей одержимостью. А он настолько заикнулся на шахматах, что ни разу не задумался об этом. «Я действительно был совершенно ни при чем, — мысленно повторял Питер и удивлялся. — Мое невезение было совершенно ни при чем».

— Как все просто, — чуть слышно прошептал он.

— Что ты сказал, Питер? — тревожно спросила Кэти.

Услышав в голосе жены тревогу, он разобрал и нечто большее — ее любовь. Сколько их на свете, — пронеслось у него в голове, — тех, кто обещает и клянется, кто строит радужные планы и мечтает о счастье,

но при первых признаках немилости судьбы хлопает дверью. Кэти осталась. Осталась, невзирая на жестокие неудачи, на его срывы и депрессии, на несправедливые упреки и бесконечные ссоры, на беспросветность и безденежье. Она осталась, невзирая ни на что.

Питер медленно выбрался из кресла.

Ему было очень трудно выразить нахлынувшие чувства словами.

— Кэти, — сказал он, — я тоже люблю тебя. — И беззвучно заплакал.

Утром Питер и Кэти спустились в гостиную позже всех. Проснувшись, они вместе приняли душ, и Питер оделся с особой тщательностью.

Почему-то ему хотелось выглядеть как можно лучше — наверное, потому, что сегодня начиналась новая жизнь. Выходя из комнаты, они взялись за руки.

Банниш уже сидел перед доской, и часы тикали. Соратники тоже были в сборе: Экс в своем кресле терпеливо подпирал ладонью подбородок, Дельмарио шагал из угла в угол.

— Питер, скорей, — заторопил он, увидев чету Нортенов на винтовой лестнице. — Стрелки уже пущены; ты потерял целых пять минут.

Питер улыбнулся.

— Расслабься, Стив, все будет в порядке.

Он пересек гостиную и присел на свое место со стороны белых фигур.

Жена остановилась у него за спиной. «Кэти сегодня замечательна», — подумал Питер.

— Твой ход, капитан, — с иронической улыбкой напомнил Банниш.

— Я знаю, — ответил Питер, но даже не посмотрел на доску. Часы отсчитывали его время. — А скажи, Брюс, почему ты возненавидел меня? Я долго думал, но разумной причины так и не нашел. А мне хотелось бы знать. Я еще могу понять твою неприязнь к Стиву — он имел дерзость выиграть, когда ты проиграл, и потом непрестанно тыкал тебя носом в это поражение. А Экс изводил жестокими шутками. Но чем не угодил тебе я?

Банниш как будто смутился, но ненадолго. Его губы скривились словно для плевок.

— Ты? Да ты хуже всех.

Питер искренне удивился:

— Даже так?

— Великий капитан великой сборной, — процедил Банниш. — В тот день ты пальцем не пошевелил ради победы. Быстренько устроил гроссмейстерскую ничью со старым дружкой Уинслоу, не сделав даже попытки обострить игру. Ты всегда выбирал себе удобных противников. Тебя ничуть не заботило, насколько тяжелее остальным, о нет! Команда проиграла, а ты — чистенький, хотя и принес ей всего пол-

очка. Вина целиком легла на меня. Но это еще не все. Ну-ка, Нортен, ответь, почему ты посадил за первую доску именно меня? Рейтинг у нас у всех был примерно одинаковый; так чем же я заслужил столь высокую честь — играть первую скрипку?

Питер немного подумал, припоминая, какими соображениями он руководствовался десять лет назад, и кивнул.

— Брюс, ты всегда проигрывал ответственные партии. Поэтому, когда команда-соперница выставляла тяжелую артиллерию, то есть мастера, который с высокой вероятностью мог разгромить любого из наших, имело смысл посадить против него тебя. Тем самым мы сэкономили силы, добываясь побед за другими досками. С точки зрения интересов команды в целом этот подход вполне разумен.

— Иными словами, меня заведомо списывали со счетов. Не потому ли я проигрывал? Ты полагал, что мой проигрыш Весселеру позволит вам обставить других, и отдал меня на закляние.

— Приблизительно так, — смутился Питер. — Извини.

— Извини! — передразнил Банниш. — Запрограммировал мое поражение, а потом им же и попрекал. Простыми извинениями тут не отделаешься. Ну а сам ты в тот день играл не в шахматы, а совсем в другую игру. Вы с Хэлом Уинслоу из Чикагского университета развлекались ею много лет, а игроки ваших команд служили вам разменной монетой. Я же в данном случае сыграл роль жертвенной пешки. Обыкновенный гамбит. Только он тебе не помог. Уинслоу обставил тебя по всем статьям. Так что продул-то не я, а ты.

— Твоя правда. Теперь я это понимаю, когда ты так хорошо все объяснил. Я продул, и ты наказал за это всю команду.

— Сейчас ты продуешь снова, — пообещал Банниш и кивнул на клетчатый театр военных действий. — Время не ждет. Ходи.

Питер равнодушно глянул на доску и отвернулся.

— Мы вчера полночи анализировали и обнаружили новый интересный вариант. Ординарная жертва вместо двойной. Я беру пешку конем, но слона не отдаю, а сразу нападаю ферзем — такова идея. Выглядит заманчиво, но наверняка с изъяном, верно?

Банниш внимательно посмотрел ему в глаза.

— Ходи и сам узнаешь.

— Да мне что-то не хочется.

— Пит! — ошарашенно воскликнул Дельмарио. — Ты в своем уме?! Ты должен вышибить спесь из этого индюка!

— Ничего не выйдет, Стив.

Повисла тягостная тишина.

Наконец Банниш не выдержал:

— Ты трус, Нортен! Трус, слабак и неудачник! Доигрывай партию!

— Процесс игры меня больше не волнует. Тебе достаточно сказать мне, что вариант ошибочен. Я поверю.

Банниш возмущенно крикнул, потом не стерпел и ответил сварливо:

— Ошибочен, ошибочен. Я предложил бы контржертву — ладью — и снял этим угрозу мата. А через несколько ходов ладья отыгрывается.

— Все варианты ошибочны, не так ли? — полуутвердительно произнес Питер.

Банниш только криво усмехнулся.

Питер кивнул.

— Я так и думал. Мы заблуждались. Белые в этой позиции вообще не могут выиграть. Ты не упустил победу — у тебя ее не было в принципе. Было лишь обманчивое позиционное преимущество, которое ничего не дает.

— Наконец-то я слышу здравое суждение, — похвалил его Банниш. — Да, я просчитал на компьютерах каждый вариант, каждый ход. Я затратил на них целую вечность. Я ведь прожил не три и даже не четыре жизни. Сначала семьдесят лет, потом пятьдесят... Да понимаете ли вы, что это такое — вновь и вновь возвращаться?! Я проверял одну идею за другой... всегда выбирал точкой назначения тот самый день в Эванстоне, момент возникновения этой позиции в партии с Весселером. Я пробовал любые, даже самые дикие, комбинации. Но все тщетно. Великий Роби неизменно побеждал. У белых здесь нет ни одного шанса.

— А как же Весселер? — запротестовал сбитый с толку Дельмари. — Ведь он сказал, что проигрывал! Он сам сказал это!

Банниш глянул на него с презрением.

— Он рассчитывал на легкую победу, а я заставил его изрядно попотеть. Его признание — просто маленькая месть. Этот добряк знал, чем утешить, скрасить противнику горечь поражения. — Банниш ухмыльнулся. — Но ничего, о нем я тоже позаботился.

Э. К. Стюарт встал со своего места и одернул жилет.

— Итак, Брюсик, финита ля комедия. А теперь, будь добр, позволь нам покинуть Банниш-ленд.

— Тебя я больше не задерживаю, — отрезал Банниш. — Этот алкаш тоже свободен. А вот Питер... — К его лицу вновь приклеилась улыбка с ямочками. — Наш доблестный капитан, смекнув, что все продолжения заводят в тупик, в каком-то смысле почти выиграл, и я решил проявить великодушие. Я сделаю тебе подарок, Нортен, роскошный подарок. Я позволю тебе воспользоваться моим ретропроектом!

— Премного благодарен, но я не приму твой подарок.

Банниш выпучил глазки.

— Что значит «не примешь»? Ты что, не понял, какой шанс тебе выпадает? Ты сможешь зачеркнуть все свои провалы и неудачи,

сможешь начать по новой и выбрать другие ходы. Ты перейдешь на альтернативную ветвь семейства временных кривых и станешь победителем!

— Ну да, а в этой жизни брошу жену рядом со своим трупом. И порадую тебя, навсегда избавив от своей персоны. Все это здорово смахивает на самоубийство. Нет уж. Пожалуй, я еще раз попытаю счастья в настоящем и будущем. Вместе с Кэти.

Банниш захлопнул отвисшую челюсть.

— Какое тебе до нее дело? Она все равно тебя презирает. Ей же будет лучше, если ты исчезнешь из ее жизни. Она получит страховку, а ты найдешь себе другую жену, которая по-настоящему полюбит тебя и станет о тебе заботиться.

Кэти положила руку Питеру на плечо.

— Я сама позабочусь о нем.

Питер накрыл ее руку своей ладонью.

— В таком случае ты тоже дура! — закричал Банниш. — Твой муж — ничтожество и навсегда останется ничтожеством! Уж я постараюсь...

Питер встал.

— Почему-то мне так не кажется. Сомневаюсь, что ты сможешь снова чем-нибудь нам навредить. Любому из нас. — Он посмотрел на друзей. — Как ты считаешь, Экс? Что скажешь, Стив?

Стюарт задумчиво склонил голову набок, разгладил двумя пальцами усы и сдержанно улыбнулся.

— Думаю, ты прав.

Дельмарио сидел какой-то обалделый. Внезапно лицо его просветлело, и он хлопнул себя по лбу.

— Ах, ты, Брюсик-Кролик... Ты ж небось не сможешь украсть идеи, которые я еще не родил... По крайней мере на этой временной кривой. — Стив облегченно хохотнул, подошел к шахматам и остановил часы. — Шах и мат! — объявил он. — Шах и мат!!!

Примерно через две недели Кэти негромко стукнула утром в дверь кабинета.

— Секундочку! — крикнул Питер. Допечатав фразу, он отключил пишущую машинку и крутанулся на винтовом стуле. — Входи!

Кэти открыла дверь и с улыбкой сообщила:

— Я приготовила на ленч тунцовый салат. Если, конечно, ты проголодаешься настолько, что соблаговолишь оторвать свой зад... Как продвигается?

— Неплохо. Если так пойдет и дальше, сегодня закончу вторую главу. — Тут он заметил в руке у жены газету. — Что-нибудь интересное?

— Думаю, тебе будет невредно взглянуть на одно сообщение.

Она протянула ему газету, сложенную полосой некрологов вверх.

Питер прочитал:

«Вчера в собственном особняке в Колорадо обнаружен мертвым электронный гений и миллионер Брюс Банниш. Тело опутывали провода с датчиками, подсоединенные к странному аппарату неизвестного назначения, который, по-видимому, и убил своего владельца электрическим током».

Он вздохнул.

— Как ты считаешь, Банниш решил снова?.. — спросила Кэти.

Питер отложил некролог.

— Скотина. Несчастный выродок. Он так и не понял.

— Чего он не понял?

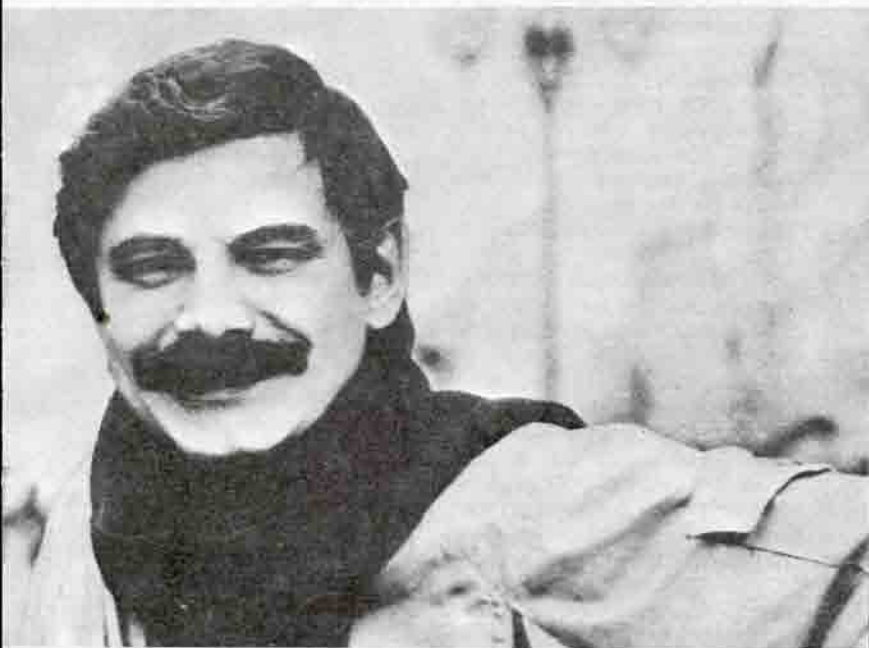
Питер погладил ее руку.

— Он опять выбрал тупиковый вариант.

Известие о гибели Банниша навело Питера Нортена на невеселые мысли, но после ленча он вернулся за письменный стол и вскоре обо всем забыл.

Перевод с английского ПЕТРА ПОЛЯКОВА.

ДРУГ ПАНКРАТЫЧ

Когда-то — чтобы его не путали с другим актером-однофамильцем — он взял себе доведском к собственной фамилии псевдоним. И стал Александром Панкратовым-Черным. Хотя после знакомства с ним хочется назвать его Панкратовым-Светлым... И не потому, что его некогда жгуче-черные волосы заметно посеребрила седина, а по человеческому обаянию, душевному свету, народному юмору, которые исходят от него. В жизни, вне

игры, как говорится, «без грима», он еще колоритней, еще ярче, общительней, чем его бесчисленные герои из популярнейших комедий и драм. Думаю, он и сам страдает от своей открытости, щедрости. Многие беззастенчиво пользуются его добротой, звоня или вваливаясь к нему ночь-полночь в дом, чаще всего от нечего делать, теща свое самолюбие в общении запросто со звездой. А «звезда» живет хоть и в самом центре Москвы, но в неудобной маленькой однокомнатной квартирке, бывшей дворницкой. (Благо потолки оказались высокими — мосфильмовские декораторы возвели здесь деревянную верхнюю пристройку — что-то среднее между скворечником и нарами. Правда, с красивой винтовой лестницей, на которой кто только не сидел — от известных актеров и режиссеров до музыкантов и художников из самых далеких уголков России...)

И еще одно наблюдение, которое вынес я из наших встреч и разговоров с Александром Панкратовым-Черным. Мне почему-то показалось, что для любого умного режиссера работа с таким актером должна быть наслаждением и настоящей творческой радостью — столь сильны в нем народный характер, ум, юмор, язык — во всей их первозданности, чистоте, широте, блеске. Такой актер — подлинная находка: там, где не дотягивает сценарий, где в дефиците изобретательности, импровизация, где герои обречены говорить суконным языком — пояись Панкратов-Черный, и все заблещет, заиграет, завихрится непридуманной правдой и удалью.

И все же, не столько из вредности, сколько из желания прояснить ситуацию, я начал разговор с Александром Васильевичем Панкратовым-Черным с неприятного вопроса...

— Александр, вы сыграли в кино более 50 главных ролей, не считая эпизодических и сыгранных в юмористических киноальманахах «Фитиль» и «Ералаш». Какое ваше появление на экране — будь то фильм «Мы из джаза», «Зимний вечер в Гаграх», «Десять лет без права переписки»... — становилось событием. Но есть одна ваша роль, которую можно назвать самой неудачной и однозначно воспринятой отрицательно...

— Что вы имеете в виду?

— Ваше участие в недавних выборах в Государственную Думу в объединении с Джунгой. Полный провал говорит о том, что зритель вас не поддержал...

— Я так не считаю... Мы много лет дружим с Джунгой, она когда-то меня лечила. Как-то она сказала: «Хочу идти в Госдуму... Поддержишь?» Я, разумеется, пообещал, но совсем не предполагал, что окажусь включенным в ее список. На попятную идти было уже поздно, хотя я ни к каким партиям не принадлежу. И тогда я подумал, что в случае удачи могу профессионально помогать культуре. И не просто культуре, а конкретным людям. Ведь чтобы поддержать музей, надо в первую очередь поддержать его работников... А у нас в Думе сидели люди, либо далекие от культуры, либо безразличные к судьбе России...

— Вы, я знаю, родились не на сером столичном асфальте?

— Моя родина — Алтайский край, деревня Конёво. Родился в 1949 году. С шести лет уже работал в колхозе — помогал копны возить... Жили бедно, с дедушкой и бабушкой. Они у меня из казаков — вот откуда усы! — дед в четвертом поколении служил в государственной охране. В двадцать седьмом году их раскулачили...

— По себе знаю, какие неповто-

римые народные характеры встречаются в глубинке. Помогает ли вам знание этих людей, их своеобразных жестов, привычек, а главное — их богатейшего языка? Много ли помнится?

— Вообще-то память у меня отменная. Даже помню, как в семь месяцев начал ходить, во что был одет тогда... Хорошо помню смерть Сталина: заголосили бабы, а дед, смотрю, заковылял торопливо домой, ему уж восемьдесят три было, он с Лениным одного года... А у нас в доме, в красном углу, портрет Сталина висел, возле него частенько дед стоял молча. Снимает дед генералиссимуса и об колено его, а за портретом у него, оказывается, образ Николая Угодника — родовая наша икона...

— Хорошая школа для будущего артиста...

— Дедушка и бабушка были очень набожные, я с детства засыпал, вставал, садился за стол с молитвой. Бабушка знала уйму сказок, былин. Когда прочел Лихачева о граде Китеже, изумился — это ведь я в прежние времена слышал от бабушки... Дед считал меня бездельником, а бабушка жалела. Она меня Сашкой звала, а я ее — Аннушкой. Речь у нее певучая была, былинная, а то и частушкой запустит в тебя!.. Благодаря ей я с малых лет и стихи стал писать... Прожила она сто лет, после дня рождения легла и тихо заснула...

— Когда же кино появилось в вашей жизни?

— Это интересная история. До 1959 года у нас в деревне не было ни радио, ни электричества. Кто-нибудь привозил газету, одну на всех, и зачитывали ее до дыр вслух, слушали всей деревней. Но зато у нас была кинопередвижка. Привозили разные фильмы, но больше всего помню Чаплина. Привезут картину, а тут метель закру-

тит, занесет все дороги — ни пройти ни проехать. Вот и гоняют целую неделю — пока не распогодится — один и тот же фильм. Я наизусть знал все чаплинские трюки...

— Так что деревня Конёво и стала вашими Холмогорами, откуда вы ушли покорять Москву?

— Нет, мы еще пожили в Кузбассе. Маму в 1959 году реабилитировали, разрешили выехать, но не далее Урала. И вот бывшая кулачка подалась в Кемеровскую область, чтобы дать образование мне и сестре. Она очень хотела для меня военной профессии. А я стихи сочинял. «Пиши, пиши, Сашка, — говорили дядя, — это от ума, а не от глупости... У нас Варлам сочинял, и Георгий тоже — наш...» Дядя-то мои — все Колыму прошли, вместе с Варламом Шаламовым и Георгием Жженовым срок отбывали. Так что знали толк в умственной работе.

...В справочниках выискивал и вычитал, где учатся на артистов. А мама была против: «В артисты не иди, там сплошной разврат!..» Но однажды, когда я окончил восемь классов, ее срочно вызвали к брату. Сестра сунула мне немного денег в руки и сказала: «Шурка, пока матери нет — беги в артисты!..» И покотил я в общем вагоне в Нижний Новгород — в Горький, в театральное училище...

— И попали в провинциальное захолустье?

— Что вы!.. Я попал в старейшее, прекрасное театральное училище с богатейшими традициями, с удивительными преподавателями. Достаточно сказать, что основателем и первым директором училища был Г. А. Яворовский — дворянин, родственник Таирова, хорошо знакомый со Станиславским, Немировичем-Данченко... Многие преподаватели были замечательными актерами, такие, как Левкоев или

блестящая комедийная актриса Рождественская. На занятия к нам нередко приезжал Товстоногов... Да что там говорить, Нижний Новгород — город по-настоящему театральный. Недаром отсюда ведут свою творческую родословную такие прославленные артисты, как Евгений Евстигнеев, Михаил Зинин, Людмила Хитяева...

— Трудно ли жилось студенту Александру Панкратову, приходилось ли перебиваться с хлеба на воду?

— Стипендию получал 23 рубля, к тому же снимал угол. Но мир не без добрых людей. Вот у нас была в училище Людмила Александровна Булюбаш — преподавала постановку речи. И под видом подготовки к экзаменам она нередко заманивала к себе домой, чтобы накормить меня. Что-то вроде ситуации из «Уроков французского» Валентина Распутина... Ну, а самое главное — умереть с голоду не дала мама. Каждую неделю получал от нее посылку, в которой были картошка, кусок сала и длинное письмо с советами, как экономнее готовить пищу. Она, например, писала: «Картошку не жарь — сок уходит. Не соли, экономя соль — сало соленое...» К посылке прилагались и обязательные три рубля со строгим наставлением: «Деньги не транжиры!» Но, конечно же, я транжирил — в то время начал собирать библиотеку поэзии, покупал книги...

— Ваши поклонники — читатели и зрители — увидят когда-нибудь напечатанными ваши стихи?

— В ближайшие месяцы выходит мой первый поэтический сборник, а вслед за ним у Никиты Михалкова, в его объединении, выйдет следующая моя книга стихов. Так что этот год для меня в литературном плане удачный, грех жаловаться на судьбу...

— А как вы в Москву въезжали — на белом коне, на щите или со щитом?

— После Горьковского театрального училища я около трех лет проработал в Пензенском областном драмтеатре. Все складывалось как нельзя лучше, я играл много и с увлечением, последняя моя роль — булгаковский Лариосик. Но я буквально сбежал оттуда, чтобы поступить во ВГИК на режиссуру. Сбежал, потому что театр меня не отпускал, но главный режиссер театра Р. Вартапегов тайно благословил меня на мой побег и даже дал свой московский адрес, где бы меня приютили на первое время. Я ему очень признателен за понимание и помощь. Он поверил в меня и, помню, сказал: «Пока актер молод, голоден, холоден, пока не пресытился ничем — он имеет право выходить к зрителю!..» Всего из этого набора у меня было в переизбытке...

— У кого вы учились во ВГИКе?

— На режиссерский я поступил в 1971 году к Ефиму Львовичу Дзигану. Большой мастер. Он всегда говорил своим студентам: «Режиссуре я вас не учу. Режиссура — своя философия, свое мировоззрение, свое видение...»

— Какая была у вас дипломная работа?

— Фильм «Штрихи к портрету» по рассказу Василия Шукшина...

— Неужели все прошло как по маслу?

— Ну, как же... К этому фильму я подобрался лишь с третьего захода, дважды сценарий по Шукшину рублили, и я для курсовых работ делал другие фильмы. Дзиган обычно подолгу держал сценарии у себя, мучился, сомневался. Потом собирал синклит. «Вот, друг Панкратыч, — говорил он обо мне, — хочешь это снимать. Лично я ничего не по-

нимаю в его сценарии, но, может, кому-то это нравится, и он поддержит молодого режиссера?» И всегда поддерживал меня Сергей Аполлинариевич Герасимов...

— А Шукшин возник — как земляк?

— В 1973 году в журнале «Наш современник» появился его рассказ. Все читали взахлеб в общезнании. И я загорелся поставить фильм по рассказу. Стал искать Шукшина. И совершенно случайно наткнулся на него, заглянув в день стипендии в ресторан «Турист», что возле ВГИКа. Он удивился моей идее: «Ты не заболел?..» Но я стоял на своем. «Ну, пробуй, пробуй!..» — без энтузиазма сказал Василий Макарович...

— Вы с ним еще встречались?

— Это была единственная наша встреча, хотя потом я близко дружил с его самым верным другом Георгием Бурковым, и мы много говорили с ним о Шукшине, о его загадочной смерти, о его судьбе...

— Например...

— Например, он был совершенно уверен, что Шукшина убили, но боялся вслух об этом говорить. И уже совсем незадолго до своего ухода из жизни сказал мне, что после его смерти я могу рассказать об этой истории...

— И что, действительно есть такая история?

— Бурков иначе, чем убийством, не мог объяснить некоторые странные обстоятельства той последней ночи на теплоходе, где жила съемочная группа фильма «Они сражались за Родину». Допоздна Шукшин просидел в каюте у Буркова, был в хорошей рабочей форме (кстати, перед этим он уже более десяти лет не пил), а затем стал собираться к себе: «Надо выспаться, завтра ранние съемки...» Он был до болезненности аккурат-

ным человеком, все у него — и бумаги на столе, и вещи, и предметы — располагалось в строгом идеальном порядке. А тут, когда его наутро нашли мертвым в каюте, все оказалось в немыслимом для него разгроме: рукописи перевернуты, разбросаны, вещи сдвинуты, штаны валяются несложенными, а сам он, в солдатских кальсонах, в которых снимался в картине, лежал лицом вниз поперек кровати, коленями на полу, словно не успев дойти до нее...

— Может, сквозняком все разметало?..

— В том-то и дело, что каюты были наглухо задраены, и многие жаловались на духоту...

— Тогда что же?..

— Бурков говорил, что в съемочной группе все время крутился какой-то невзрачный, никому не знакомый человек со светлыми волосами... Никто не знал, кто он и зачем там крутится... И как будто бы его кто-то видел возле каюты Шукшина... Бурков не сомневался, что Шукшина убили пущенным в его каюту инфарктным газом. Когда я рассказал об этом Федосеевой-Шукшиной, она вспомнила, как Шукшин жаловался ей, что за ним постоянно наблюдает и следует по пятам какой-то светловолосый человек. «Они меня убьют...» — сказал он тогда. На сорок дней после смерти Буркова я спросил на поминках у Сергея Федоровича Бондарчука, помнит ли он на съемках «Они сражались за Родину» светловолосого неизвестного человека? Бондарчук вспомнил. А впрочем, что удивляться, в те поры в съемочной группе всегда находился представитель определенных органов...

— Чем же мешал Шукшин? (Хотя я сам помню, как, работая в тот период в районной газете, получал распоряжение сверху: сре-

ди других имен не упоминать имя Шукшина.)

— Они боялись его «Степана Разина». А он, по словам Буркова, собирался после «Они сражались...» сразу взяться за фильм «Степан Разин» и потом окончательно уйти из кино в литературу...

— Но вы свой фильм все-таки сняли? Кто в нем снимался?

— Фильм я делал уже после смерти Шукшина. В отсутствие ректора Дзиган уговорил Герасимова, и я, получив разрешение, за неделю снял картину. Играли у меня в фильме Лев Дуров, Майя Булгакова, Валентин Смирнитский.

Активно меня поддержал Леонид Гайдай.

— И что потом?

— Как режиссер я поставил несколько картин — «Взрослый сын», «Похождения графа Невзорова», «Салон красоты». Снялся в маленькой роли у Андрона Кончаловского в «Сибириаде»... И наступил в какой-то момент простой. Я уже собирался уходить из кино. Один чиновник даже сказал тогда: «Такие, как Панкратов, кино не нужны...» Горькую мою жизнь подсластило в те времена очень лестное предложение Анатолия Эфроса — работать в его театре. Но тут возник случай, который в нашем деле часто имеет решающее, фатальное значение. Молодой режиссер Карен Шахназаров неожиданно предложил мне роль в фильме «Мы из джаза». Я сначала отказывался: «Я же не музыкант!..» — но режиссер оказался настырным...

— И тогда начался ваш звездный час, вас стали приглашать сниматься, и теперь у вас за спиной полсотни интересных ролей... А какие фильмы последнего времени вам особенно дороги?

— «Десять лет без права пере-

писки» Вл. Наумова, «Трам-тарарам, или Бухты-барахты» Э. Урузбаева, «Перед рассветом» Я. Лапшина, «Жестокий романс» Э. Рязанова...

— А из совсем нового?

— Сейчас пошла полоса интересных комедий, которые, я надеюсь, зрители увидят в скором времени. Это легкие, развлекательные фильмы, близкие зрителю, уставшему от нашей сумасшедшей жизни, — «Устрицы из Лозанны» В. Шамшурина, «Альфонс» В. Златоустовского, практически закончены съемки комедии А. Аранджана с рабочим пока названием «Импотент» — в фильме целое созвездие блестящих актеров: Любовь Полищук, Лариса Удовиченко, Татьяна Догилева...

— Среди планов «на завтра» есть что-нибудь интересное или, как и во всей нашей жизни, полная неопределенность и борьба за существование?

— Неопределенность только в плане режиссерской работы — несколько лет уже не могу найти устраивающий меня сценарий, а то бы давно уже был на съемочной площадке. Много общественной работы — я президент культурного центра «Провинция», помогающего талантливым художникам, музыкантам, актерам из российской глубинки. Как постоянный член международного клуба «Детектив» я также достаточно загружен. Есть у меня еще и детский фонд «Наше поколение», который занимается спортивным развитием детей, причем к работе привлечены известные спортсмены, заслуженные мастера спорта...

— Говорят, вас не раз замечали и за рулеткой в респектабельных казино...

— Грешен, бывает иногда...

— Везет?..

— Какое там!.. Жена ругается, что в долги влезает!..

— *Вы часто появляетесь на телевизионном экране, у вас берут интервью, о вас много пишут, но есть все же самый главный и авторитетный критик? Кто он?*

— Конечно, мама!.. Вот недавно собрала она всех своих подружек и соседок, пожилых женщин, посмотреть в клубе фильм «Десять лет без права переписки». Так она мне потом целый семейный скандал устроила, что я ее перед всем народом опозорил. Я там Кольку-татарина играл и на экране с голой девицей в разных позах мелькал, а мать, хоть уже почти ничего не слышит, но все же видит, уж она меня крепко отчитала: «Учила, учила тебя, тянула, тянула на последние копейки и вот чему выучила!..» Да-а... А когда к ней приехал, так она меня за чуприну оттакала...

...Вот такой он — Александр Панкратов-Черный, «друг Панкратыч» — веселый, грустный, уставший, замотанный, талантливый, похожий на лицеиста пушкинского выпуска, вечно на людях, вечно в дороге — в пересадке с самолета на поезд, с поезда на машину... Мне ни разу не удалось поговорить с ним без посторонних. Ему постоянно звонили, куда-то звали. Вот и «Плейбой» дозванивается — просит получить интервью о его усах. Уж тогда точно мать Александра не за чуб оттакает, а за усы... А вообще-то, если говорить серьезно, то с уходом в последние годы Евгения Евстигнеева, Евгения Леонова, Георгия Буркова Александр Панкратов-Черный остается в нашем кинематографе наиболее заметным комедийным актером. И это при том, что лучшие роли у него еще впереди. Он столь многогранен, столь непредсказуем, что ему

под силу огромный спектр ролей — от гротесковой комедии до высокой трагедии. Ведь в этом спектре и проходят вечный путь и жизнь России.

**Беседу вел
ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ.**

**Фото
ИГОРЯ ГНЕВАШЕВА**

ЗЛЫВИРА ПОПОВА

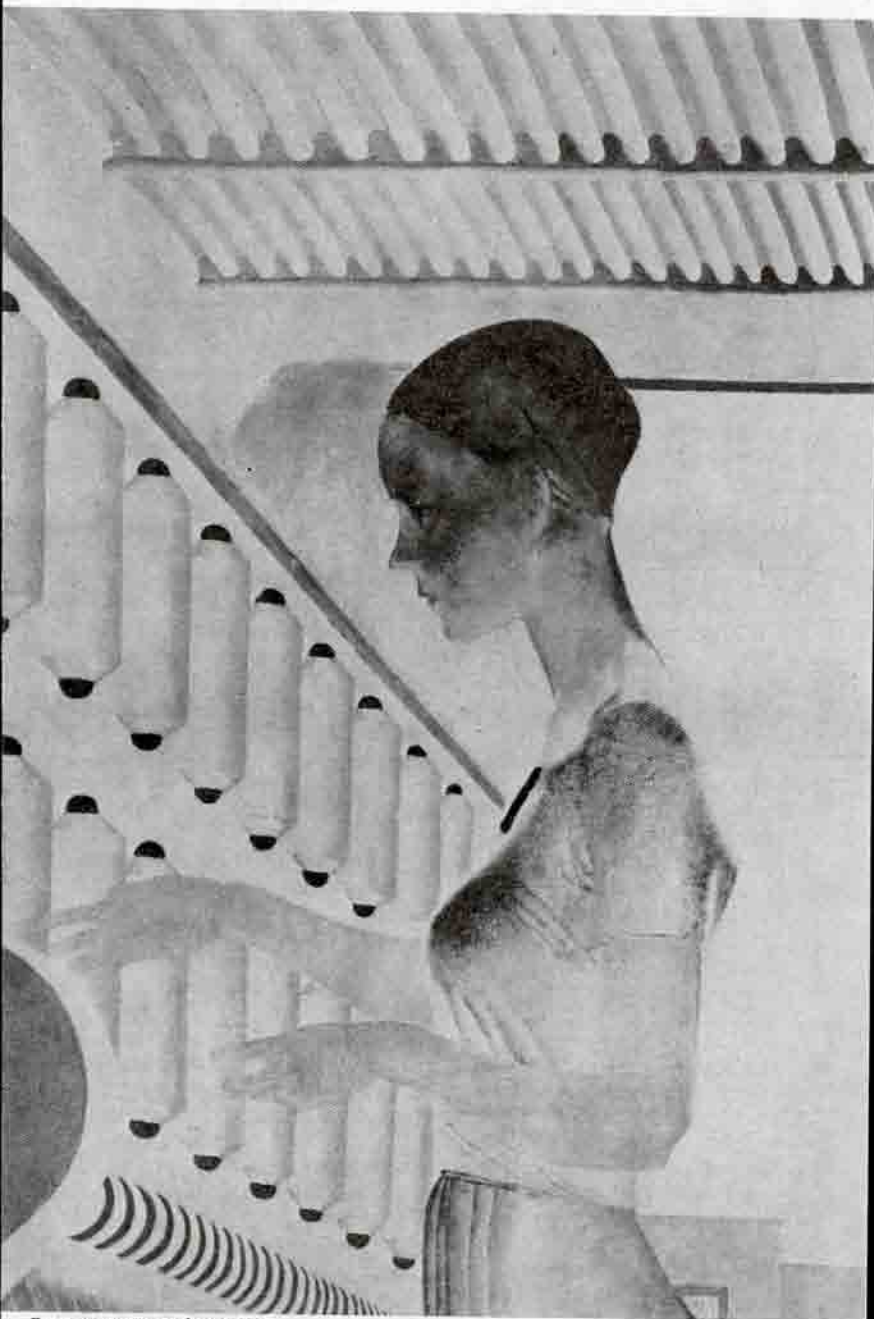
ДЕЙНЕКА

Автопортрет.

122

Этому человеку судьба дала сильную волю, крепкий характер, непомерный талант и именно в такое время, когда он смог раскрыться почти в полную меру. Двадцатые годы требовали от искусства и человека темперамента и безотчетной веры в светлое будущее, сильного, тренированного тела и негибкости духа. При этом духовность была необязательна. Главное — «...мерная поступь железных батальонов пролетариата», по ленинскому определению. В ту историческую эпоху на свалку «ненужных вещей» выбрасывались доброта, терпимость, порядочность, честность, мораль. Дейнека не вникал в подобные «мелочи». Он принял в свое искусство молодость, героический порыв, спортивный азарт и красоту... И стал **ДЕЙНЕКОЙ**. Этот великий художник России в своих громогласных, полных цвета и звучности творениях воплотил мечту, за которую умирали герои Кузьмы Петрова-Водкина. Александр Александрович Дейнека поверил в возможность социалистического рая на земле и оказался и гордостью народа, и частью ширмы, прикрывавшей погребальный ужас лагерей, каторжное бесправие колхозников, чудовищное бесправие народа...

В своем автобиографическом очерке художник писал: «Композиция — это воля и совесть творца, его партийные убеждения и общественный темперамент». А начался этот возвышенный творческий тезис ...с бабкиного и материнского сундуков, обклеенных «всевозможными картинками — лубками, открытками и даже этикетками. Мне самому хотелось сделать что-то подобное. Моя мамаша уступила моим отчаянным просьбам и дала на обклейку

Текстильщицы. Фрагмент.

моими рисунками свой сундук. Что это были за дни, какая кипучая деятельность! Появились фризы бесконечных охотничьих кавалькад, бегущие борзые с высунутыми языками, дамы под зонтиками в колясках, бабы с ведрами воды на коромыслах, марширующие солдаты, летящие на юг птицы...» Мальчику в ту пору было около шести лет... Потом Дейнека запишет: «Родился в 1899 году в Курске, рос за городом. Родным некогда было заниматься моим воспитанием — отец и мать рано ушли на работу. Детство помню — луга с цветами, ребята, набеги на сады, школа. После уроков опять река, ребята, набеги на сады, драки, быт пригорода, мастерового люда, прямые грубые нравы. Бродяжничал с ребятами по деревням, удили рыбу, охотились; в городе дрались с барчуками-гимназистами, белыми воротничками. В училище любил математику, слесарил, рисовал. Шестнадцати лет покинул домашний приют и отправился в Харьковское новое художественное училище. Там было «измов» не счесть!» Но и десятилетия спустя Дейнека запишет: «Особенно благодарен профессору Пестрикову за последовательную муштру над классическим рисунком».

В восемнадцатом году в Курске, уже в гражданскую, — «насаждаю на курских ухабах яркий кубизм и по наступлении Деникина — работа в Курском РОСТА со стихами Маяковского».

«1920—1921 годы были вообще годами напряженнейшей, бешеной гонки в работе. Работали сплошными сутками, абсолютно без собраний — этого бича художников расцвета РАПХа. В 1921 году демобилизуюсь из армии и командируюсь в Москву на учебу во Вхутемас... Учимся больше беспризорно. Учимся в музеях, на выставках, на диспутах, у Маяковского, Черемныха. Учусь у В. А. Фаворского, прекрасного мастера и последовательного методиста». Уличные драки, художественные работы на фронте... и Фаворский! Такой неожиданный скачок стал возможным только благодаря мощному уму, крепкому внутреннему стержню да еще молодости Дейнеки. «Вступил в ОСТ, утверждавший станковую картину, и когда хлынула в это молодежное общество гипертрофия станковизма, плакат, журнальный рисунок — его роль свелась на нет». В 1928 году Дейнека вышел из ОСТА. Хотя, будучи его членом, написал крупные вещи: «Шахтеры», через год «На стройке новых цехов». В 1926—1927 годах появились «Текстильщицы», «Оборона Петрограда». Позднее художник вспоминал:

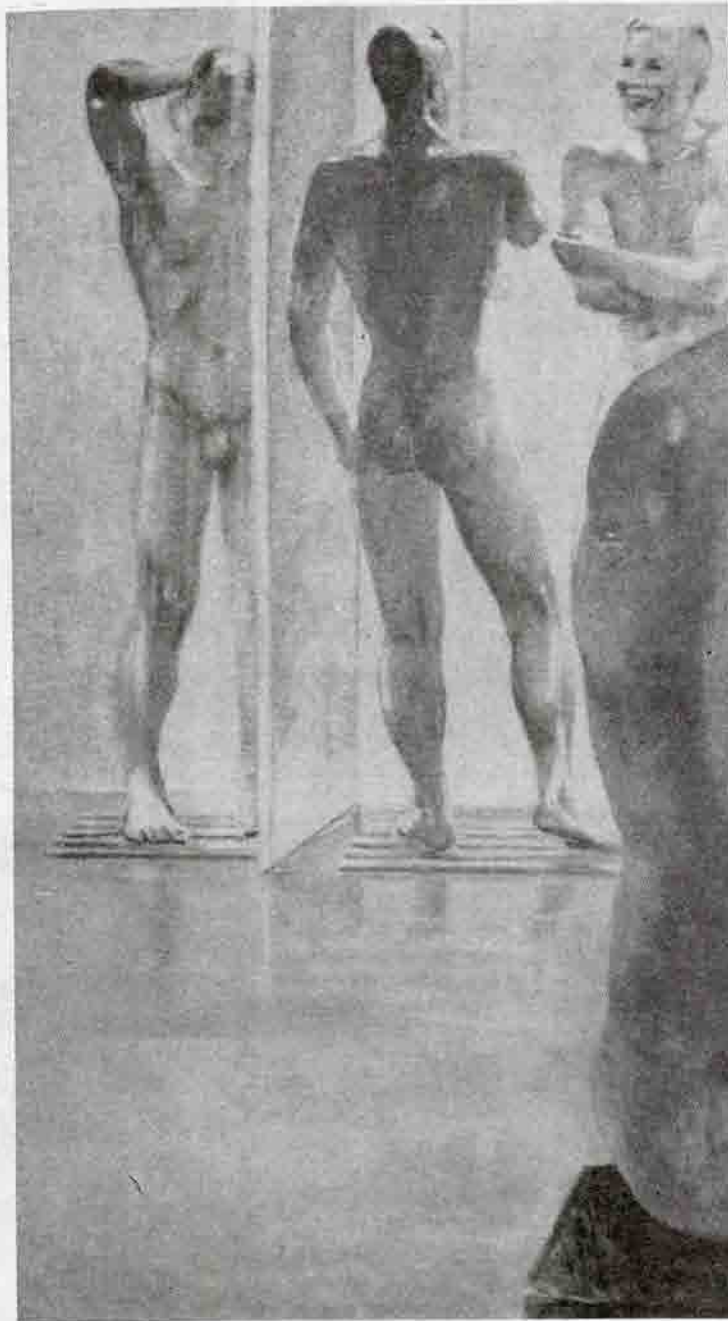
«Оборона Петрограда». Эта ставшая популярной картина (о ней много писали, она была на международных выставках, ее печатали во многих странах и журналах) и сегодня кажется мне начатающей... Она написана почти одной краской на белом фоне, живопись ее предельно проста и скупа, суха и лаконична — все эти упреки я и сегодня готов принимать как достоинство... Мне удалось (!) написать картину «Оборона Петрограда», куда я вписал несколько портретов ее участников, и я счастлив этим. Все это стало историей живой, которая дала нам всем возможность быть современниками великих строек, бороться за мир, за мирные рекорды, за крепкую семью, писать картины нашей новой жизни... Я добиваюсь для своего искусства нахождения таких

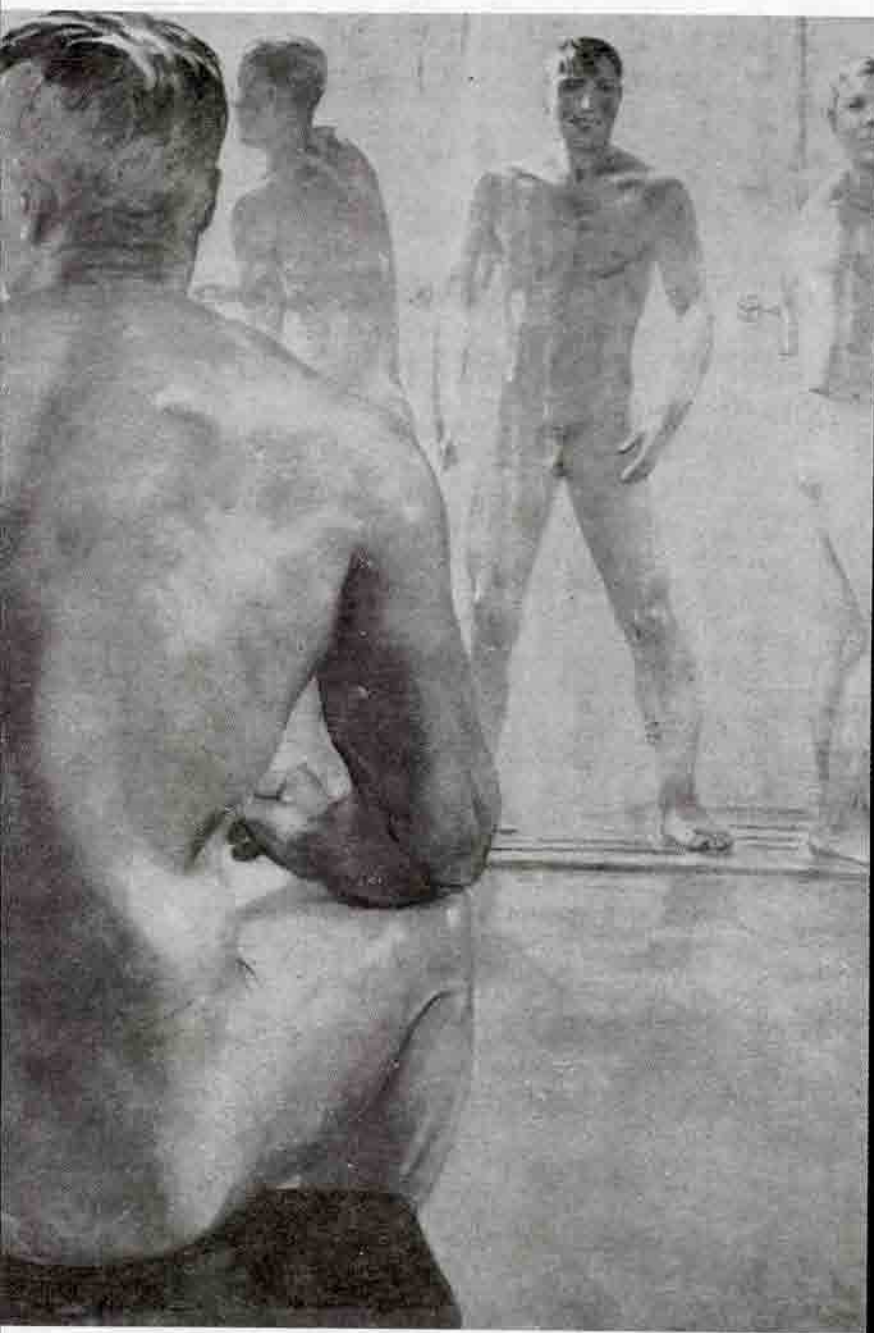
Икар.

Бейсбол.

*Душ.
(После боя.)*

форм, которые давали бы возможность переносить форму в плоскость...» И тут Дейнека говорит об эпохе Возрождения, «где не было конфликтов между скульптурой и живописью, тонкой чеканкой и монументом». И то правда: сам гениальный Рафаэль делал для папского дворца эскизы дверных ручек и писал портреты слона папы... Но это не умаляло титула Божественный и не мешало художнику водить за собою толпы восхищенных поклонников! Просто для Рафаэля не было невозможного... Он создавал красоту... А Дейнека создает монументальный холст «Душ» и работает в прессе, иллюстрирует «Огонь» Барбюса, делает ряд детских книжек: «Первое Мая», «Кутерьма», «В облаках», «Парад Красной Армии»... «С молодых лет я любил бродить по окрестным лесам и деревьям, смотреть, как живут люди, как зреют хлеба. Я много ездил, плавал на пароходах и яхтах, работал в шахтах и на заводах. Меня тянул к себе здоровый труд и отдых людей. И всегда у меня было желание все это запомнить, зарисовать. Так рождались мои картины. В гражданскую войну мне пришлось побродить и в жару, и в стужу по российским проселкам и хлебнуть много горького. Но я никогда не жалел о том, что узнал новое, пусть даже плохое. Это помогало мне есть свой хлеб и крепко стоять на ногах, а главное, накопить тот жизненный багаж, из которого я черпал и черпаю сюжеты своих картин». Кроме того, Дейнека дружил с моряками и шахтерами, метростроевцами, «дело которых требовало бесстрашия, отваги, собранности». Все это было по душе таланту Дейнеки и конкретным художественным образом, настроением вошло во все его полотна.

128

Когда грянула война, Дейнека вместе с другом Георгием Нисским уехал под небольшой городок Юхнов, к самому фронту. И хотя он не любил писать с натуры, но именно тут по натурным зарисовкам и наброскам родилась серия «По дорогам войны». А в следующий год художник создает один из шедевров времен войны — «Сбитый ас». В немыслимом ракурсе падает немецкий летчик, над ним еще шуршит шелк завихряющегося парашюта, но он, в своем последнем пике, должен неминуемо рухнуть на стоящие на земле стальные «ежи».

Тогда же появилась гуашь «Прифронтовой завод. Ремонт танков», начатая в 1941 году, а законченная только в 1946-м... В том же году собран цикл «Из фронтовых зарисовок», написан маслом холст «Сгоревшая деревня», серия «Москва военная»... Дейнека считал, что «война помогла заговорить во весь голос». Он рассказывал, как один художник, рассматривая фронтовые рисунки товарища, делал ему замечания в духе тыловых представлений о войне. А сколько подобного рода «замечаний» выслушал мастер

Парижанка.

Натюрморт.

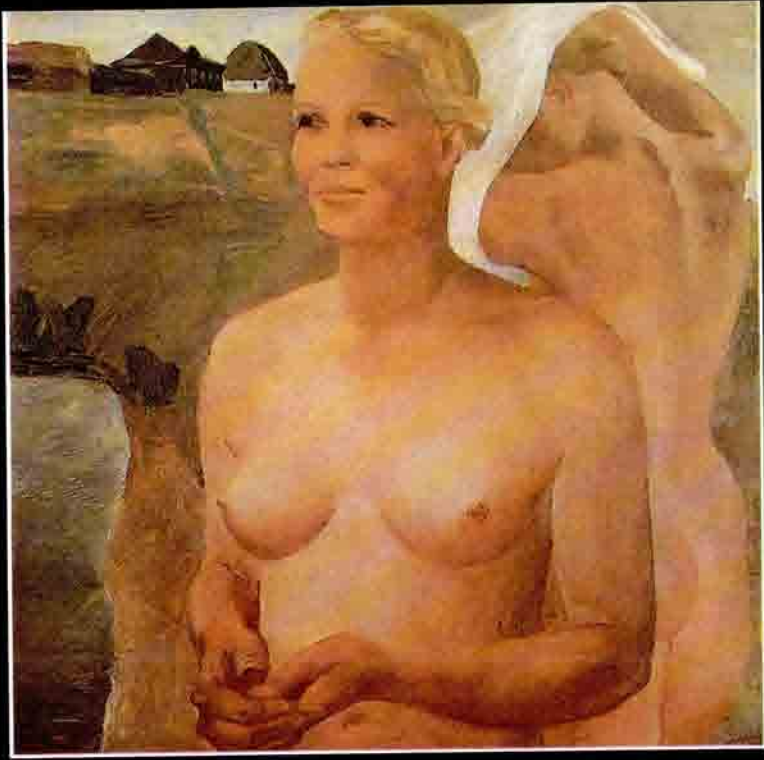
Баскетболисты. Витраж.

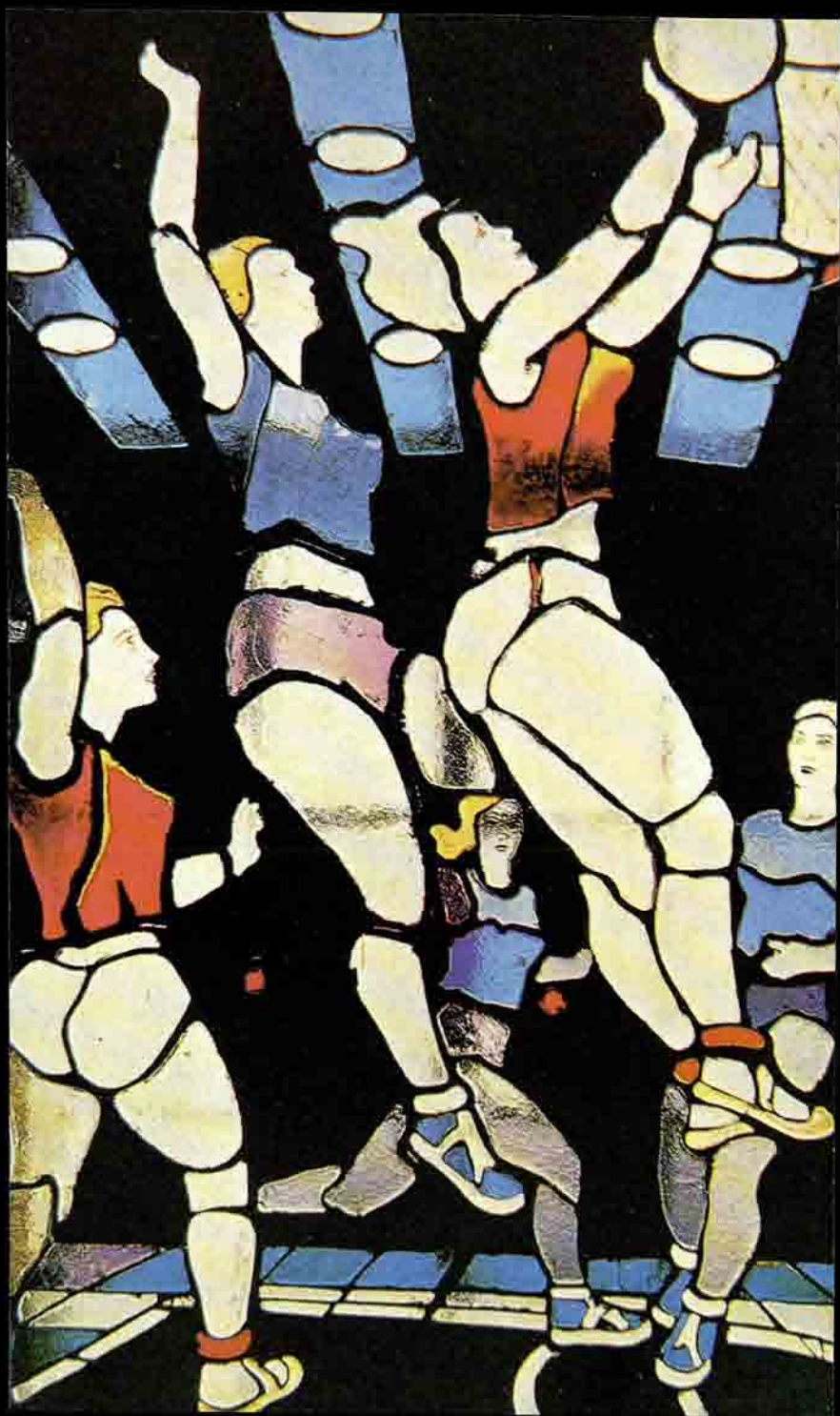
Купающиеся девушки.

Сбитый ас.

от полудилетантов, всю жизнь тиражировавших одну найденную тему, прием. Дейнека любил говорить о своих фронтовых вещах: «Я видел это сам».

Апофеозом военной темы стала «Оборона Севастополя». На пепельно-буром фоне развалин идут в атаку сплошными шеренгами фашисты. Навстречу им поднимаются моряки — наши! — в белой форме с сине-полосатыми воротниками. Можно забыть детали, но золотоволосый матрос, широко расставивший ноги для устойчивости, готовый бросить во врага связку, может, последнюю, гранат, врезается в память.

Эта картина волнует до сих пор, потому что в ней нет фальшивого пафоса, постановочности. И людям, никогда не видевшим войны, она еще долго будет рассказывать о том, какая непомерно тяжкая и кровавая работа война, сколько требует бесстрашия и самопожертвования...

Когда закончилась война, Дейнека стал выполнять правительственные заказы, в основном мозаики: о счастье, радостном человеческом бытии, как, например, «На просторах подмосковных строек». Он набирал мозаики для нового санатория Совета Министров в Сочи, витраж «Баскетбол», мозаики «Хоккеисты», «Доярка», чеканку на меди «Футболисты», статую «Боксер»; обнаженную фигуру в дереве «У моря»... Но прошлое не уходит из памяти мастера, он вновь возвращается к военной теме — создает мозаику «Красногвардеец», новую серию о временах войны. И продолжает работать над мозаикой на знаменитой московской станции метро — «Маяковской». Вот что говорит сам Дейнека о своей работе: «Многое решил свет, скрытый по краю под рамой плафона. Когда мозаику уложили в приготовленное для нее гнездо, живописное поле заблестело, заиграло под лучами солнца, света, создавая родство, единство с полировкой мраморов и богатейшим строем колонн из нержавеющей стали — стали, давшей основной тон всей станции. Отблески бегут по гофрировке колонн вверх, переходят в глубину плафонов. И задача всего этого — осветить огороженное колоннами пространство. Плафоны поднимают, делают звонкой архитектуру». И еще там «использовано золото, но не как условный глухой фон старых мозаик, а с расчетом на общее живописное пятно. Подсвечивание эффектно использует обработанные золотом или серебром места: Герб СССР на пурпурном знамени, блеск часов на Спасской башне, поблескивание серебра на самолетах». Господи! Как захламлен сегодня этот дворец, какие «не те» мы, пассажиры, разучившиеся в суете смотреть по сторонам, замечать красоту, и какое нам дело до дейнековских шедевров! А он еще написал плафон в зале Театра Красной Армии и фриз для Кремлевского Дворца съездов... Невольно думаешь, как скоро и как далеко в Историю ушло искусство Александра Дейнеки. Как, например, быть с Гербами РСФСР на здании Дворца съездов в Кремле?! Конечно, надолго сохранится «безыдейная» мозаика с рыбами, волнами, пловцами.

Дейнека страстно любил море. Синее, лазоревое! Как на холсте «Будущие летчики», написанном маслом в 1937 году. Мальчики, замерев, следят за движениями легкого самолета в полупрозрач-

Населник интервью.

ном небе, а самый младший из них пытается руками изобразить вираж небесного летуна.

И, видимо, этим подросткам пришлось годы спустя насмерть стоять, защищая родной Севастополь. Вообще, судя по многочисленным работам, этот город был наиболее любимым художником, хотя он и исколесил всю страну. Сердце было отдано Севастополю, и потому невозможно оставаться равнодушным перед полотнами: «Севастополь. Водная станция Динамо», «Севастополь. У мола», «Севастополь. Вечер»...

...Однажды Дейнека ехал на Валаам с одним из своих знакомых, каковых у великого живописца было несчетное множество. Позднее его приятель записал: «...Валдай. Полдень. Выехав на машине затемно из Москвы в Ленинград, мы решили сделать привал на поляне березовой рощи. Тишина. Огромный зеленый мир окружил нас. Много есть красивых мест в России, но никто не забудет нежную прелесть этого... И случилось то, чего я меньше всего ожидал, хотя знал Александра Александровича четверть века. Дейнека начал читать стихи — Пушкина, Тютчева, Блока. На память. Читал долго, вдохновенно.

— Меня приучил к чтению стихов Маяковский! — сказал А. А.»

У него была феноменальная память. Он знал наизусть «Евгения Онегина», «Полтаву», «Медного всадника», почти всего Лермонтова, Некрасова, Блока... Когда не писал и ничем не был занят, гуляя или просто отдыхая, бормотал стихи. Он сочинял все время. Глядя на него со стороны, человек, его не знающий, мог подумать, что этот огромный, коротко стриженный дядя не совсем

нормален. «Маяковский был со мною везде. Я носил с собою в кармане гимнастерки вырезки с его стихами из газет и журналов. Это были затрепанные, засаленные клочки бумаги. Но я сохранил их и берегу до сих пор с нежностью, как самое дорогое. Нес так в ледяную стужу и в зной, как тысячи моих двадцатилетних сверстников, протопал с боями по полям России под «Левый марш»... Сберег до получения звания Героя Социалистического Труда. Да что звания! Нужно, чтобы на одном взгорье вздымающейся площади Севастополя стоял матрос военного времени».

Дейнека, как и Маяковский, воспел и запечатлел в своих произведениях молодечески упругую сторону социализма. Недаром исследователи творчества художника говорили о нем, что «время великих свершений нашло свое яркое воплощение в талантливых работах Дейнеки». Но, несмотря на такую лестную оценку искусствоведами, не все гладко и спокойно было в жизни мастера. Бездари и завистники всегда ополчаются на истинный талант. Много крови испортили они художнику. Особенно неистовствовал агрессивный «мазила» Александр Михайлов.

«Где только меня не «крыли», говорили, что формалист, потом говорили, что без формализма далеко не уедешь, что я рационалист, что у меня ориентация на Запад и т. д. и т. п. Взяли под сомнение всю мою качественную выучку (это в Московском художественном училище живописи, ваяния и архитектуры!). Все бралось под сомнение, например, даже такая вещь, как моя тематика по спорту. Говорили, что я за спортом прячу свое *политическое* лицо. Явные благоглупости».

И тем не менее французский художник Рефрежье вспоминал: «Из живописцев России для нас самым интересным и самым близким художником был Дейнека. Мы восхищались его острыми композиционными решениями, динамикой его полотен, колоритом. Незабываемая «Оборона Петрограда», к которой кое-кто из управителей хотел красный бантик намазать, но Дейнека не дал. И поэтому встреча с ним, первым мастером страны социализма, была для нас особо значительной... Помню большое волнение, которое чувствовал я, когда разговаривал с Дейнекой — обаятельным, молодым, крепким человеком. Это было в 1935 году на выставке Дейнеки за рубежом в мастерской прогрессивного художника Уолтера Куорта...»

О своем творчестве сам Дейнека рассказывал: «Ставил себе цель найти истинную живописную работу, но мне не хотелось потерять духовную, сложную часть этой огромной работы. Работа над большими композициями, привычка к синтезу, обобщению помогли, как мне кажется, решить эту задачу. Но главное, что научило меня видеть, была сама жизнь, опыт моей личной биографии, воспоминания детства, юности». Речь шла о необычной для творчества Дейнеки картине «Мать». Он написал ее только в 1932 году. На руках у молодой женщины спит малыш. Необычно решает свой единственный посвященный материнству холст Дейнека. Мать стоит выпрямившись, чуть откинув голову, чтобы не потревожить сон ребенка...

Эта станковая вещь исполнена монументальности, как, собственно, исполнены ею все его крупные работы. Но в 1932 году

большинству было не до высокой монументальности — футуристы, имажинисты, сезаннисты все еще громоздили кубы и более небывалые формы, заваливая ими выставки. Дейнеку же в эти годы волновали, казалось, совершенно неожиданные вопросы: «Почему архитекторы не любят дополнять свои здания живописью, мозаикой, фреской? О чем я мечтаю?.. Мечтаю украшать архитектуру цветом, чтобы она была веселой, писать фрески или набирать ряд мозаик, чтобы они были эпосом наших дней. Чтобы они были ритмичнее и выразительнее, как сама природа, и человек среди них чувствовал себя смелее, полнокровнее, богаче». А молодым художникам мастер говорил: «...когда, как не в молодые годы, пробовать и искать выразительные, смелые образы, самим прочувствованные и пережитые?.. Стране нашей надо много художников, «хороших и разных», как когда-то сказал Маяковский.. Народ стоит этого. Мне, независимо ни от чего, нравится человек в широком жесте, человек в спортивном или рабочем движении, на большом дыхании... У меня всегда была тяга к большим полотнам».

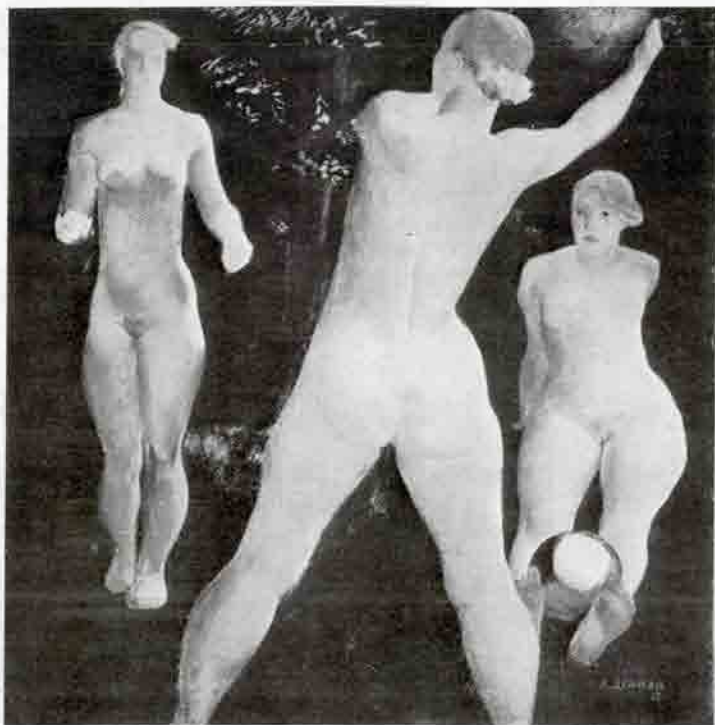
Вспоминаю, как Павел Дмитриевич Корин, с которым Дейнека очень дружил, как-то, окая, сказал мне: «Эльвира, я ведь не портретист, я кортинщик». И такая горькая печаль прозвучала в его голосе... Жизнь-то прошла. А ему так хотелось писать, писать былое, историю народа. Не дали. И они с Прасковьей Тихоновной — супругой — работали реставраторами, чтобы выкупить у Третьяковки его же этюды к «Руси уходящей», которые решено было сжечь... Дейнека может считаться счастливецом. Работы его не уничтожали, не заставляли их переделывать с учетом соцреализма... И все же... Как, видимо, трудно ему было сдерживать себя и писать не то, к чему рвется сердце! Но кто теперь может с уверенностью сказать, о чем думал, о чем мечтал художник и сумел ли реализовать свои замыслы? О себе Дейнека писал: «...я очень чувствителен к тончайшим формам ритма и удовлетворяюсь простыми цветовыми отношениями... Я люблю красивые силуэты и ясные композиционные членения, контрасты плоскостей и объемов, матовые поверхности и легкие прописки на холстах. Я люблю большие планы и жизненность образов в вещах...

Небрежная обработка холста меня раздражает так же, как перевод факсимильной звонки глины в бронзу. Я люблю чеканку...

Я люблю чистый звонкий кусок какой-нибудь краски. Иногда коснуться глазом тончайших оттенков розового или серого нюансов, перехода одного в другое, поглядеть на предметы сквозь дымку бесконечного тончайшего цветового преломления.

Я люблю вещи на своих местах, на своей родине, точнее, вещи, писанные для данного места, пусть это будет портрет в частной комнате, где его любят, знают, или фрески, витражи в храме, я иначе воспринимаю на глубоком дыхании скульптуру в парке или на площади, вышивку на платье милой украинки...»

Все искусство Дейнеки молодо и страстно. Изображает ли он отдых, спортивную тренировку, труд на полях, заводах, фабриках... Дейнека пишет натюрморты, цветастое, фруктовое изобилие. Пишет румяное и молодое «Раздолье» с бегущими от речного берега на бугор девушками, аппетитную «Клубнику», красочные

Девушки, играющие в мяч.

«Гладиолусы и яблоки», спящего ребенка... И, пожалуй, главное — плафоны и фризы из цветной мозаики в подземных и наземных дворцах. Без этого он не был бы **ДЕЙНЕКОЙ**.

Его могучей натуре хотелось охватить весь мир. Он побывал в Америке, Франции, Италии... Из каждой поездки привозил множество зарисовок, набросков. Но главное — по-своему «прочитывал» старых мастеров. Из его литературных заметок сложилась бы целая книга, так нужная молодым... А Дейнека горячо любил молодежь.

Из своих «проходов» по выставкам 60-х годов он заметил Никонова, Гаврилова, Шевандронову, Оссовского. Все они много моложе Александра Александровича.

В 1969 году состоялась персональная выставка Александра Дейнеки. Выставка грандиозная — более двухсот работ мастера было представлено на ней. Как бы своеобразный отчет, приуроченный к его юбилею. В том году ему исполнилось 70. Правительство отметило заслуги художника перед страной, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда. Увы, юбилейный год оказался последним в жизни Дейнеки. 5 июня прошло открытие выставки, 10 июня ему вручили Звезду Героя, а 12-го этого же месяца Дейнеки не стало.

Позвонила незнакомая женщина, судя по голосу, пожилая. По имени себя не назвала, сказала, что ее муж велел со мной встретиться. Я осторожно поинтересовался, а кто, собственно, ее муж. Она ответила, что скажет потом. Пригласил ее к себе, но она отказалась: лучше на улице. На другой день мы увиделись на площади Революции, возле лестницы, ведущей к ГУМу.

Была она с меня ростом, а я не маленький. Возраст неведом, лицо без краски. Из породы худощавых старух, для которых время остановилось. Под маленькими бесцветными глазами мешки: может, что-то с почками.

— Давайте отойдем в сторонку, чтобы не толкали, — предложил я.

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

ВОСПОМИНАНИЕ

ЦЕНЗУРЕ

— Нет, тут лучше, — твердо возразила она. — В толпе нас не так видно.

Глаза у нее бегали, и я подумал было, что у нее, может, не совсем в норме психика. Но она словно прочитала мою мысль.

— Не бойтесь, я в здравом уме. Очень даже в здравом.

— Не сомневаюсь. — Я старался ее успокоить. — А в чем все-таки дело?

— Муж велел передать вам вот это. — Оглянувшись, не следят ли за ней, она протянула сверток. — Конечно, лучше бы это уничтожить от греха подальше. Но он так пожелал. Я боюсь не выполнить последней его воли.

Приняв сверток, я тоже инстинктивно оглянулся.

— Да кто ваш муж-то? И сам он где?

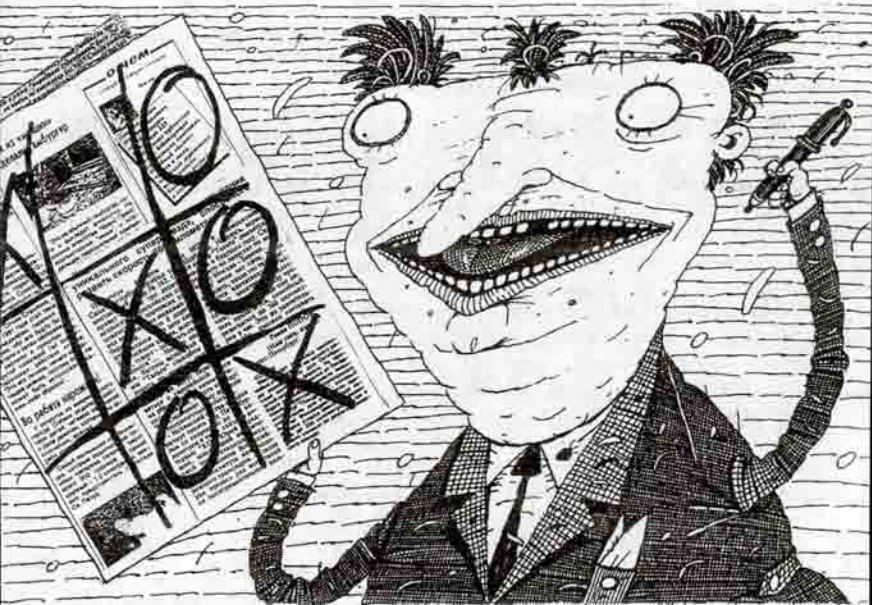
— Умер. Неделю назад.

— Извините... А я знал его?
— Он говорил, вы вместе работали.
— Не сказал, где?
— Как же — в газете. Он был у вас цензором, то есть, я хотела сказать, уполномоченным Главлита.

— Цезарь Матвеич? Боже ты мой! Замечательный, добрейший был человек, — безо всяких колебаний кривил я душой. — Все его любили.

Наверно, в голосе моем было недостаточно искренности.

— Он был абсолютно честный и порядочный, — резко сказала она. — Так получилось, что он попал в эту организацию. Не его вина.

— Конечно, — согласился я. — В общем-то мы все занимались одним делом. А что в свертке?

— Не знаю, — ответила она. — То есть что это я несу? Знаю, разумеется: это его, ну как бы сказать, записки.

— Воспоминания?

— Не совсем. Сперва это был его личный производственный дневник. Но после... После он говорил, что все стало смотреться иначе и что эти записки его реабилитируют перед...

— Реабилитируют? — переспросил я.

— В общем, чтобы внуки о нем плохо не думали. Поэтому приказал, чтобы вы делали с ними все, что захотите. Я была против, у нас ведь дети, у них все благополучно. Мало ли что? Но дети тоже решили, как он... Что вы все вертите свертки в руках? Спрячьте в портфель.

Я послушно спрятал. Нам все-таки пришлось отойти в сторону, потому что нас толкали. Она спокойно, сказал бы даже, отстраненно (что делало ей честь), поведала о том, как закончил свои дни ее муж.

— Он хорошо умер, быстро...

Я никогда до этого не слышал, чтобы так говорили о близком человеке: «Хорошо умер».

— Как это «хорошо»? — спросил я.

— Тихо. Не мучился, как другие. Сердце — и все. Всем бы так...

— Могу я вам позвонить, когда прочитаю?

— А разве у вас есть наш телефон? — опять встревожилась она.

— Нету, но...

— Ну, — заспешила она, — это ни к чему. Я вам все отдала. Желаю, чтобы у вас все получилось, как задумали.

Резко повернувшись, она ушла.

Держась за поручень в вагоне метро, я прикрыл глаза, и передо мной возник Цезарь Матвеевич Цукерман. Или Цензор Матвейч, как звала его вся редакция. Еще он был Цензор Цезарь, сокращенно Це-Це. Был также эвфемизм «Заведующий тем, чего нельзя». Некоторые звали его просто Цука. А главный фельетонист Аванесов в узком кругу величал его «наш советский Сахаров».

Цукерман был грузным, неторопливым, непременно учтивым человеком. Напоминал он главбуха. Всегда ходил в черных нарукавниках поверх коричневого пиджака. В волосатых руках держал термос, из которого наливал чай по глотку. Еще помню его раздражающую привычку то и дело подтягивать галстук под свой двойной подбородок, будто он сейчас выйдет на трибуну или готовится войти в кабинет к высокому начальству. «Это он хочет сам себя удушить за содеянное», — ворчал Аванесов, которому доставалось от цензора чаще других.

Честили его при каждом удобном случае, за глаза, конечно. Обвиняли в том, в чем лично он был виновен ничуть не больше всех нас и многих прочих. Нельзя сказать, чтобы его боялись, — он был исполнитель низшего звена. Ничего разрешить он по статусу своему не мог.

Но он мог воспрепятствовать. Как от врача-онколога, от него в любой момент можно было ждать неприятности.

С ним редко спорили, ибо шанс доказать что-либо был равен нулю. За ним стояла могучая и таинственная организация, которая называлась Комитет по охране гостайн в печати. Ведомство это знало все, чего нельзя, и даже, вероятно, знало то, что можно, и это абсолютное, неизвестно как добытое и кем узаконенное ведение, это невидимая и всесильная власть над умами пишущих и читающих вызывали к представителю данного ведомства почтение. Может, трепет. Может, страх. А скорей всего то, и другое, и третье, вместе взятые.

Все происходящее в мире на языке Цезаря Матвейча называлось сведениями. Сведения он делил на устные и письменные.

Устные он любил, включая анекдоты. Громко и заразительно смеялся, прямо-таки трясясь от смеха и вытирая слезы, что доставляло рассказчику несомненное удовольствие и побуждало вспомнить что-нибудь еще более солененькое. И панически боялся всего, что написано или набрано.

Если возникала опасность, о которой вы и не подозревали, рот его суровел, глаза холодели, становились зорче. Он шумно и долго втягивал воздух через ноздри, будто стремился запасть им аж до светлого будущего. Конечно, оно было не за горами, но все же лучше запасть. Казалось, сейчас он достанет специальный инструмент, какой-нибудь инфракрасный бинокль, чтобы разглядеть насквозь не только текст, но и вас. Он действительно вытаскивал большую лупу и, если какая-нибудь буква в самых ответственных словах вроде «Ленин», «Брежнев» или «Политбюро» отпечаталась не полностью, долго вертел набор под увеличительным стеклом, разглядывая его так и эдак, проникая в тайный смысл неясного знака.

— В каждой букве заложена опасность контрреволюции, — говорил он на совещании и, видя улыбки присутствующих, добавлял: — Каждая буква — это бомба. Это я вам говорю со всей ответственностью, я, ваш советчик и друг.

— Но как же нормально работать в такой взрывоопасной обстановке? — спрашивал кто-нибудь. — Мы же не саперы.

— Недоумевать не надо, — назидательно отвечал он. — Я скромный страж интересов государства. А поскольку у вас с государством не может быть конфликта, я защищаю от беды и вас.

В путевом очерке спецкора Шумского Цензор Цезарь велел вычеркнуть, что от Москвы до Ленинграда по шоссе 707 километров. «Чтобы американские шпионы заблудились», — прокомментировал друзьям Шумский.

Секретной была длина экватора земного шара. «Это же стратегические данные», — объяснял он. А если возразить, что эта цифра есть в учебнике для четвертого класса, он бы ответил: «Значит, там она согласована». Или: «Вчера это можно было разглашать, а сегодня уже нельзя».

По поводу каждой цифры, факта, имени, события, каждого названия Цезарь Матвееч требовал одного: визы соответствующего компетентного ведомства.

Ему говорили:

— Чего вы трясетесь?

А он в ответ:

— Лучше трястись в теплом кабинете, чем от холода на улице.

Его стыдили:

— Ну вы и трус!

— По-вашему, трус, — спокойно возражал он. — А по мнению моего руководства, я бдю.

«Бдю» в редакции стало нарицательным. Его афоризмы разносили по отделам.

— С точки зрения цензуры, — однажды высказался он, — идеальная газета — это бумага без текста.

— Может, хоть картинки? — осторожно спросили мы.

— Картинки — это уже криминал.

Обмануть цензора, подвести под монастырь считалось в редакции подвигом. Рисковали отчаянно: подделывали разрешающие подписи, клялись, что разрешение уже есть, только нет дежурной машины, чтобы съездить за визой. Уговаривали его подписать, чтобы не срывать выпуск газеты: через пять минут принесем. Вычеркнутое им переставляли в другое место той же статьи в перефразированном виде в расчете на то, что он не будет читать второй раз.

Когда ему вклеивали очередной выговор за недобдение, эта радостная весть мгновенно облетала редакционные кабинеты. Наиболее нахальные звонили ему и поздравляли, изменив голос, конечно. Он злился, грозил карами за оскорбление чести и достоинства органа, которому он принадлежит, и бросал трубку. Но обиды быстро забывал и, надо отдать ему должное, мстительным не был. А мог бы быть.

Для всякой профессии надобны природные данные, облегчающие работу. Чего у него не было в помине, так это чувства меры в бдении. Потому он никогда не расслаблялся и подвох видел во всем. Однажды, когда я дежурил по отделу, он позвонил в десятом часу вечера по внутреннему телефону:

— Вот тут в статье по вашей части я читаю о том, что завтра мы встретим на улице лошадь-робота и не отличим от настоящей. Оч-чень интересно. А кто ж такую лошадь проектирует?

— Да это фантастика.

— Понимаю. А где автор взял идею?

— Где взял? Ну, из головы...

— Отлично. А в голову ему идея эта откуда попала?

— О, мамочка! Из воздуха.

— Вот! — Он уличил меня в чем-то нехорошем. — Точно! Значит, автор мог об этой идейке услышать.

— Допустим, мог. Какое это имеет значение?

— Это имеет такое значение, — торжественно проговорил Цезарь Матвейч, — что лошадь где-нибудь проектируют, а он слышал.

— Ну, слышал. И что?

— А то, что нужна визочка НИИ, который такую лошадь разраба-ты-ва-ет.

Черт меня дернул ляпнуть «из воздуха». Дело пахло керосином. Статья вылетала из полосы перед самым ее подписанием. Надо было это предвидеть.

— Вспомнил! — бодро воскликнул я. — Автор говорил, что он сам это придумал. Абсолютно точно, сам. Он еще уточнил, что ночью его озарило, встал и записал.

— Он что, лунатик? Не пудрите мне мозги, дорогуша. Мы же с вами материалисты. Из ничего ничего не получается. Я вам гарантирую, что он как минимум где-то подхватил. А если это еще не запатентовано и заграница, извините за выражение, со-прет?

Он употребил другое слово, более грубое, которое я воспроизвести не решаюсь.

— Допустим, подхватил, — отступал я. — Что тут страшного?

— Как что?! А если он подхватил идею от людей, работающих в почтовом ящике? Если это изобретение стратегического характера? Допустим, какая-нибудь новая технология для конницы Буденного. Знаете, какой сие пунктик? Подрыв обороноспособности страны. Разглашение сведений, представляющих собой военную и государственную тайны. Чувствуете, чем это пахнет?

— Ну, и какая же вам требуется виза? — сдаваясь, спросил я. — Министерства обороны?

— Это, голуба, деловой разговор. Сейчас запросим руководство. Не вешайте трубочку, ждите.

Из трубки доносило жужжание диска городского телефона.

— Варвара Николаевна? Цукерман беспокоит. Передо мной статья, разглашающая сведения о том, что завтра выведут на улицу искусственную лошадь. Так-так... Сейчас узнаю.

Теперь Цезарь Матвейч говорил в мою трубку:

— Какая тут у вас лошадь? Электронная?

— Черт ее знает! Наверное, электронная, какая же еще?

— Электронная, Варвара Николаевна... Ага... Уловил... Я и сам точно так полагал.

— Ну, что? — нервничал я.

— То, дорогуша моя, что нужна визочка. Министерства электронной промышленности, что они эту лошадь не разрабатывают.

— Где же я возьму такую визу в десять вечера?

— И не надо сегодня. Зачем спешить, паниковать, нервничать? Гипертония этого не любит. В суете можно просмотреть еще что-нибудь важное. Сегодня мы эту лошадь спокойно снимем. Ну ее, к лешему, вашу лошадь!

— А завтра, с визой министерства, можно поставить в номер?

У меня были кое-какие связи с неглупыми людьми в министерствах, которые могли помочь. Без таких связей они бы согласовывали визы годами.

— Завтра что? — насторожился цензор.

— А то! — злился я. — Может, это делают в Министерстве приборостроения и средств автоматизации.

— Во! И меня это беспокоит. Знаете что, голуба, для подстраховки добывайте визочки обоим министерств. А тогда я снова позвоню руководству, и они укажут, куда еще обращаться.

На мое несчастье, газета печатала фантастику, и этим занимался мой отдел. Если в очередном рассказе на Землю летели представители иной цивилизации, вечером звонил внутренний телефон, и хриловатый голос Цукермана вежливо интересовался:

— Роднуля моя, а в Генштабе в курсе, что к нам летят из созвездия Андромеды?

— Не только в курсе, Цезарь Матвейч, но и ничего не имеют против этого.

— Вот и добро! Значит, никаких трудностей у вас не будет. Давайте-ка мне визочку военной цензуры с улицы Кропоткина.

Но была обширная категория сведений, по которым ни виз, ни согласований не требовалось. Цезарь Матвейч начинал хрипло мурлыкать себе под нос какую-то невнятную мелодию и под нее уходил в соседнюю комнату.

— Так я и думал! — Он появлялся в дверях и поднимал указательный палец вверх. — Все в порядке. Не надо визы, не надо согласовывать. Это, голуба, просто нельзя упоминать в открытой печати, и все. Вам же легче, меньше хлопот.

И правда, за годы работы опыт «чего нельзя» накапливался. К цензору ходили все реже.

— Жизнь не мила, когда надо идти к Его Величеству Кастратору, — жаловался Аванесов.

Возвращался он счастливый:

— Эта тема тоже обрезана. Я, ребята, становлюсь евнухом.

Фантастика захирела. Наука вымерла. Мысли зачахли. В газете становилось все меньше даже невинных новостей. Ведь на публикацию их каждый раз требовались «визочки». При этом никто не знал, в каком учреждении их взять. Вскоре появилось инструктивное письмо, требующее представлять одобрения соответствующих ведомств в цензуру за несколько дней до предполагаемого опубликования для регистрации в специальном журнале и уведомления центрального руководства.

Цезарь Матвейч с термосом в руках гулял по коридору удовлетворенный:

— Чем больше визочек, тем меньше нервочек.

В дни, когда все газеты печатали длинные речи вождя, в редакции работали только телетайпы ТАССа и корректорская. Сотрудники от безделья слонялись по коридорам, скидывались на троих. Я столкнулся с Цукерманом возле буфета. В руках у него был черный хлеб.

— Зайдем ко мне, — неожиданно предложил он. — Чайком угощу. Крепким. Настоящим индийским из заказа. Не то что в этом паршивом общепите.

Отперев английский замок, он пропустил меня вперед в комнату с дощечкой «Уполномоченный Главлита. Вход воспрещен». Бывал я здесь не раз. У окна стоял стол — пустой, но при этом грязный. Все пространство четырех стен от пола до потолка закрывали полки, занятые толстыми папками, которые, по моему, никто никогда не открывал.

— Слушай, — вдруг соскочив на «ты», с каким-то остервенением буркнул он и взял со стула оттиск со свежей речью и пока еще неотчетливым портретом генерального секретаря. — О чем этот болтун думает, а? О чем они все думают? В стране нищета, люди живут хуже скотов, все идет в тартарары, а он о торжестве передовой идеологии..

Я втянул голову в плечи, не зная, как реагировать. На всякий случай покосился на телефоны. А он с ненавистью швырнул на стул газетную полосу.

— Ведь это же... Это же все... — Он, видимо, на ходу сменил слово. — Ведь это... не так!

Не слышал я, чтобы в обычное ругательство было вложено столько мыслительной энергии. На всякий случай, я не поддерживал разговора. А Цукерман, разрядившись, раздумал углубляться. Молча насыпал в кипяток заварки. Мы попили чаю, говоря о незначительных вещах. Недопитый чай он слил в термос. Я тихо отчалил.

Положение мое в редакции было непрочным, а стало тревожным. Однажды заведующий международным отделом, которого все не без основания держали за стукача неопределенного ранга, дохнул на меня запахом виски. Алкоголь регулярно перепал ему на пресс-конференциях в иностранных посольствах.

— Насчет тебя к начальству приходили, интересовались.

— Кто?

— А из организации, которая интересуется. Между прочим, Це-Це тоже интересовались. Смешно, да? Запомни: я тебе ничего не говорил. Но за то, что я тебе ничего не говорил, с тебя бутылка.

Вскоре я ушел из редакции по собственному желанию, решившись просто писать прозу. С тех пор мы с Цезарем Матвейчем не перекрещивались. Прозу мою кромсали и запрещали в других редакциях иные уполномоченные того же Главлита.

Предавшись воспоминаниям, я чуть не проехал свою станцию. Добежав по дождичку от метро до дому, я переоделся в сухое и, пока грелся чайник, развернул сверток.

В трубку была скручена толстая ученическая тетрадь. Обложка ее, вымазанная типографской краской, в пятнах от чая и масла, свидетельствовала, что тетрадь служила долго. Была она в линейку. По линейкам струился крупный, почти без помарок, почерк. Название сочинения гласило: «Дневник бывалого цензора».

Сочинению Цезаря Матвейча предшествовал эпитаф: «Цензор — строгий блюститель стыдливости и скромности» (Марк Цицерон).

Я заварил чаю и стал читать доставшийся мне «Дневник».

Данная работа, писал в предисловии Цезарь Матвейч, представляет собой первую в истории мировой печати попытку дать начинающим цензорам возможность познакомиться с ошибками, допущенными их старшими товарищами. И сделать это не по слухам и сплетням, а путем прямой передачи опыта от их более опытных и уже набивших шишки коллег.

Здесь собраны ошибки, своевременно обнаруженные мною лично, промахи, за которые я пострадал, а также ошибки моих коллег, уполномоченных Главлита в различных органах печати, радио и телевидения.

Со слов моих наставников, которых уже нет в живых, я записывал для потомков также промахи цензоров прошлых лет. Молодые цензоры смогут учиться на выговорах, полученных старшими товарищами, и, таким образом, избегать неприятностей, поджидающих их буквально в каждой букве. Ибо, как сказал большой друг цензуры А. С. Пушкин, наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни.

Итак, вот о чем я прочитал в дневнике.

Слово «цензор» латинского происхождения. Цензура существует две тысячи четыреста лет, а своего расцвета достигла у нас. Полномочия цензора в Древнем Риме были гораздо шире, престиж выше, а материальное положение гораздо лучше. В Риме цензоров торжественно избирали из почетных граждан сроком на пять лет. Даже в царской России цензору было, как пишет Даль,

«доверено от правительства цензуровать сочинения, одобрять или запрещать». Слово «нецензурный» означает «непристойный, неприличный». Значит, все бесцензурное аморально и неэтично. Это должно вдохновлять уполномоченных Главлита на борьбу за самоцензуру мыслей журналистов и писателей, дабы они не расчитывали, что их всегда и вовремя поправят.

Важная мысль: мелкая глазная ошибка может превратиться в ошибку политическую. Сегодня в заголовке «Редакционная точка зрения» чуть не пропустили букву «д». Своевременно сигнализировал.

Поступила инструкция, запрещающая публиковать что-либо отрицательное об охране природы. Можно только о том, как хорошо ее охраняют у нас. Причина в том, что президент Никсон обратился к Конгрессу с призывом: деньги, оставшиеся от программы «Аполлон», истратить на охрану природы. Он сказал: «Америка должна показать пример русским, как мы заботимся о будущем». У нас денег от космической программы пока не осталось, но в газетах должно быть видно, как много делается.

Только что поймал в подписной полосе: «пролетарский интернационализм». Не злоумышленник ли работает наборщиком? Ограничился предупреждением по телефону по поводу замены буквы «у» на «и» без уведомления Варвары Николаевны.

Какой ужас! В докладе Леонида Ильича по радио сам слышал: «Мы горды тем, что на нашем знамени золотом написаны пять букв — СССР». Трижды перечитал доклад в полосе. ТАСС своевременно исправил пять на четыре.

142
Рассказала на оперативке Варвара Николаевна. Руководству Главлита позвонили из ЦК и спросили, почему так странно написано в «Правде»: «На строительство не завозят бетон, сварочные аппараты и нижнее белье». Стали проверять. Оказалось, в тексте было «сварочные аппараты и консоли». Машинистка решила, что это ошибка и напечатала «кальсоны». А корректоры решили, что слово «кальсоны» неэстетично и заменили на «нижнее белье». Масштаба наказания не знаю, но при чем здесь цензура?

Московский кинотеатр «Знамя» переименован в «Иллюзион», что может вызвать усмешку читателя. Лучше старое название не сообщать, а сообщить так: один из кинотеатров теперь называется «Иллюзион».

Заголовок «Девственность выступлений газеты» без напоминаний с моей стороны корректорская исправила на «Действенность».

В коридоре Главлита встретил коллегу Щ. Он ездил с комиссией в Курск разбираться. Там строится новое здание цирка. Курская газета информацию о ходе строительства закончила фразой: «Завершим цирк к столетию Ленина!» Товарищи не подумали, в результате пострадал цензор.

Трагические устные воспоминания ветерана Главлита пенсионера К-ва. Вместо «Ленинград», рассказал он мне шепотом, было опубликовано «Ленинград». В слове «Сталин» букву «т» заменили на «р». Этот же впоследствии реабилитированный цензор вспомнил, как на Колыме встретил товарища по несчастью. В статье о Средней Азии тот пропустил, что в городе Сталинабаде устано-

влен памятник Сталину, а Сталин еще был жив. Товарищ тоже еще был жив, но до послесталинской амнистии не дотянул.

Потребовал снять фразу в статье про зоопарки в США: «Раньше звери жили в клетках, а теперь живут в вольерах». Этих намеков на права животных нам не надо.

Тяжело с кадрами квалифицированных цензоров на периферии. На летучке в управлении Варвара Николаевна аж покраснела. В районной газете была напечатана заметка о плохой работе станции искусственного осеменения животных. В конце написано: «Сидят колхозники на станции и ждут, пока появится сперма».

Читатели прислали в ЦК партии другую районную газету, которую переправили в Главлит. Там статья о грубой продавщице продмага, которая прячет дефицитные продукты. Если покупатель ей не нравится, продавать отказывается. Статья называется: «Иванова не дает».

Че-пе! Снова обнаружил корректорскую ошибку в подписной полосе. «Советская космическая техника» — в слове «космическая» пропущена первая буква «с». Провел в корректорской совещание совместно с руководством газеты на тему о бдительности.

На Центральном телевидении и радио указание лично тов. Лапина не выпускать на экран людей с бородами, а также без галстуков. Всех заставлять бриться и иметь в студиях дежурные галстуки. Интересно, как они будут выполнять этот приказ на радио? Возможно, однако, что то же правило введут у нас для газетных иллюстраций. Взять на заметку, проконсультироваться заранее как насчет бород, так и насчет галстуков.

А по радио сейчас передают арию из оперы «Демон». Шаляпин, как ни странно, поет: «Проклятый мир!» Возможно, их уполномоченный Главлита просто не был на инструктаже.

Я опять недобдел и получил выговор из-за халатности дежурного по отделу иллюстраций. Изображение маршала Гречко при пересъемке тассовской фотографии на цинк оказалось зеркально перевернутым: ордена на правой стороне груди. Обнаружили, когда утром позвонили из Министерства обороны.

Из интервью с директором института стоматологии: «Каждая страна вносит свой большой вклад в развитие стоматологии. США идут впереди нас в лечении зубов, мы — впереди в теории изготовления протезов». Политически здесь все правильно, но субъективно я страдаю от того, что у нас теория так далеко ушла вперед.

Внимание! Сокращения в тексте таят опасность. Написано в статье: «Благодаря проведенным мероприятиям, КГБ-2 обслуживает в месяц на 1200 человек больше». Выяснил, что КГБ-2 — это Криворожская городская баня № 2...

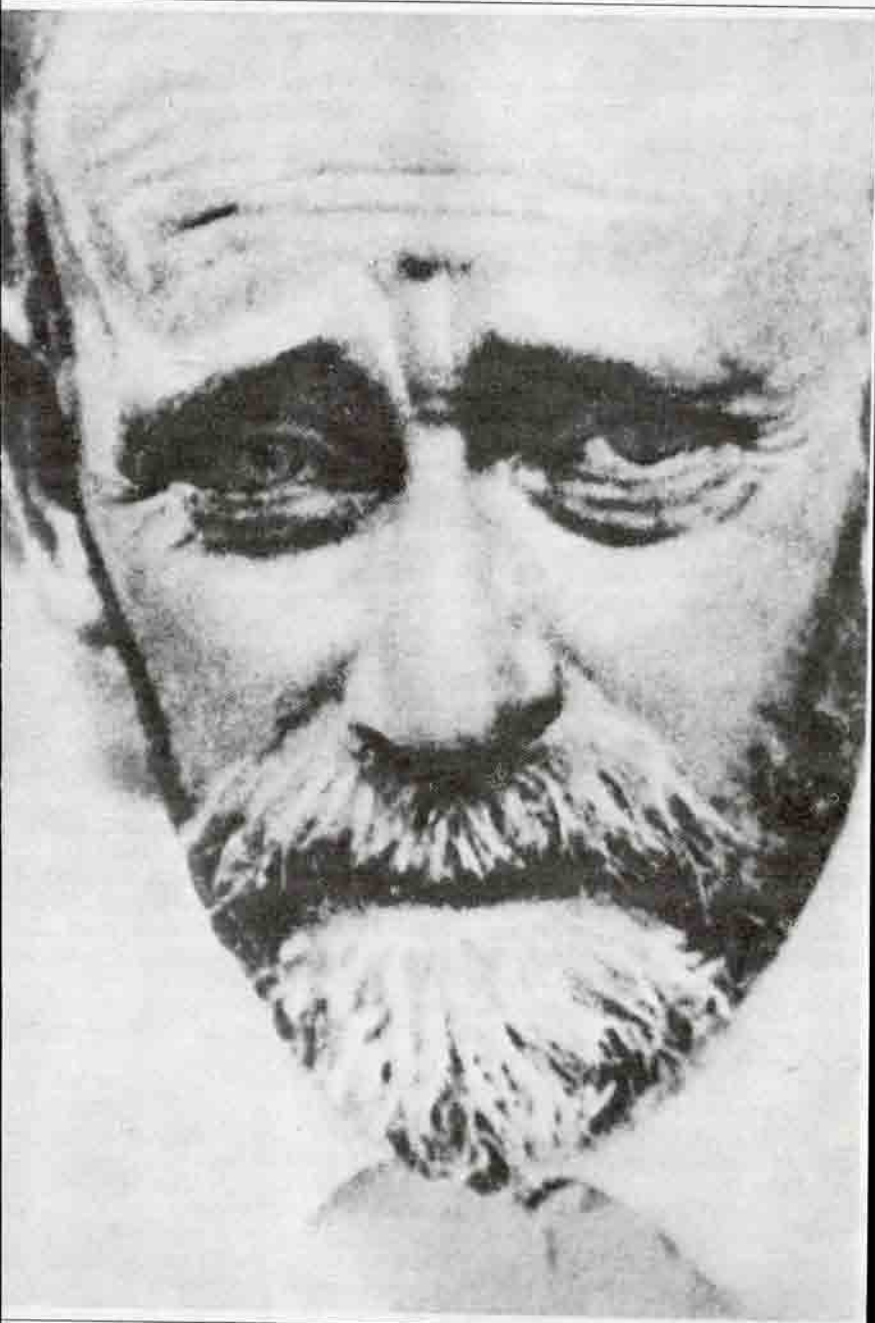
На этом дневник обрывался.

ИВАН ЗЮЗЮКИН

Под знаменем цвета надежды

Сказка
с печальным концом

Генрику Гольдшмитцу (родился в 1878 году) родители дают христианское имя, поскольку они, люди далекие от ортодоксального иудаизма, считают себя поляками, в своем поведении и образе жизни придерживаются польских обычаев и традиций польской культуры... Раннее детство у Генрика складывается вполне благополучно. Его отец, известный варшавский адвокат, имеет богатую клиентуру, обеспечивает семье высокий уровень жизни. Мальчик растет, окруженный заботой и вниманием родителей. Правда, его матери иногда кажется, что Генрик несколько приотстает в своем развитии от сверстников. Сам он потом напишет: «Я был ребенком, который может играть один и которого дома не видно. Кубиками (кирпичиками) я начал играть с шести лет, а перестал в четырнадцать...»

Всласть наигравшись с кубиками, Генрик с той же одержимостью набрасывается на книги. И читает запоем, благо что в доме книг предостаточно.

Но сказка благополучного детства внезапно обрывается: умирает отец. Прежде зажиточная семья начинает испытывать материальные затруднения. Как же на первый вызов судьбы отвечает не по годам инфантильный, вечно на чем-то сосредоточенный Генрик? Он понимает, что теперь ему надо надеяться лишь на самого себя. Сам еще школьник, он становится репетитором. И безо всяких колебаний избирает профессию медика, в своих мечтах уже видит себя врачом где-нибудь в глубинке. Словно заканчивая какой-то давний спор с самим собой, подросток Генрик однажды заявляет своим родным: «Итак, буду не писателем, а врачом. Литература — это слова, а медицина — дело...»

На рубеже прошлого и нынешнего столетий усилиями польской интеллигенции, борющейся за национальное возрождение, в Варшаве открываются бесплатные библиотеки, услугами которых в числе других пользуются и дети из бедных семей. Одна из энтузиасток библиотечного дела тех лет вспоминает:

«Зимой 1902 года по субботам и воскресеньям я выдавала книги в бесплатной библиотеке на Теплой улице. Вместе со мной выдавал книги студент-медик Генрик Гольдшмит, блондин с рыжеватой бородкой и умным взглядом синих глаз. В субботу вечером читальня буквально ходуном ходила, столько в нее набивалось детворы.

Генрик Гольдшмит, не повышая голоса, умел подчинить себе эту стихию. Казалось, он знает давно не только каждого из этих мальчуганов, но и знает все о них. Гениальны, неповторимы были его беседы с этими варшавскими гаврошами...

В 1904 году в журнале «Голос» («Глос») стала печататься повесть Януша Корчака «Дитя гостиной». Мы с нетерпением ждали ее продолжения...»

Нет сведений, как именно проходили чтение и обсуждение прочитанных глав этой повести в библиотеке на Теплой улице. Но нетрудно представить, каково было изумление взрослых и юных посетителей библиотеки, когда они узнали, что автор повести «Дитя гостиной» и студент-медик Гольдшмит — одно и то же лицо!.. Оказалось, что Генрик, избрав профессию врача, все-таки не расстался с детской мечтой стать писателем...

Теперь лишь историки педагогики да знатоки польской литературы помнят, кто такой Генрик Гольдшмит. Януша Корчака же знает весь мир...

За свои шестьдесят четыре года он написал много повестей (запомним название еще одной из них — «Банкротство юного Джека»), пьес, статей. Почти все они — про детей или для детей. Однако из всего им написанного самой детской вещью, наверное, можно считать его замечательную сказку «Король Матиуш Первый». При всей необычности (даже для сказок) сюжета — король-мальчик, стремясь уравнивать в правах детей со взрослыми, решил в своем королевстве провести реформы, за что в конце концов был свергнут с престола и приговорен к расстрелу — это произведение Корчака во многом автобиографично. Начать с того, что автор

сказки и ее герой рано лишились отцов. Да и судьбы у них сложились одинаково трагично. Но все же истинная автобиографичность кроется не в этих совпадениях, а в сокровенной сути сказки. Короля-мальчика Корчак создает как бы из самого себя, из своей давно лелеяемой мечты создать на земле детский рай. Оба они, автор и герой сказки, ни о чем в жизни так не заботятся, как о добре и справедливости для детей. Но взамен получают лишь зло и крушение всех надежд.

«Карьера... сомнительна»

Способный от природы, дважды стажировавшийся за границей, доктор Гольдшмит успешно начинает карьеру столичного врача-педиатра. Его услугами, не скупясь на гонорары, год от года все охотнее пользуются богатые и влиятельные люди Варшавы: графы, адвокаты, прокуроры, генеральши... Еще немного — и сдержанный, с угрюмоватой добротой глядящий из-под густых бровей доктор Гольдшмит станет важным, степенным «паном профессором».

Но мешает молодому доктору остепениться вот что. В Польше все люди с таким положением и такими доходами, как у него, лето проводят обычно на загородных виллах или на берегу южного лазурного моря. А доктор Гольдшмит — подумать только! — уже несколько лет подряд проводит свои отпуска за городом в обществе польской и еврейской детворы...

Короче, когда восходящее медицинское светило доктор Гольдшмит подает в отставку и уходит из больницы, этому уже никто не удивляется: каждому свое! Хотя кто-то, наверное, при этом весело посмеивается в кулак. Еще бы! Ведь, выражаясь языком шахматистов, доктор Гольдшмит произвел размен фигур, похожий на катастрофический просчет и уж никак не на обдуманную жертву: из преуспевающего врача в одночасье превратился в директора захудалого детского приюта с соответствующим названием — Дом сирот.

Самого доктора Гольдшмита (правда, теперь он все чаще подписывается Янушем Корчаком, немного позднее — еще далеко не старый — Старым доктором) долго будет мучить совесть за то, что, уйдя из больницы, он как бы предал медицину. Какое-то время пытается совместить профессию воспитателя с профессией врача. Но нет, эта раздвоенность ему не по душе. Или — или! Приходит время, когда педагогика (и параллельно с ней писательство) станет альфой и омегой его жизни, а медицина — лишь чем-то прикладным.

Что же случилось с доктором Гольдшмитом? А то, что произошло (и происходит в наше время) с некоторыми людьми. Истинное призвание рано или поздно даст о себе знать, властно потребует подчиниться его зову. И вот французский священник и врач Франсуа Рабле вдруг ударяется в безудержное сочинительство, русский морской офицер Римский-Корсаков весь предается музыке, парижский биржевой посредник Гоген — живописи, баварский король Людвиг, увлекшись искусством, напрочь забывает о своих монаршьих обязанностях, из-за чего и теряет

корону... С варшавским педиатром Гольдшмитом происходит примерно та же история. Отныне не сам он, а незаурядная энергия, всепоглощающая любовь к детям начнут управлять его поступками.

Жалел ли когда-нибудь Корчак, что не стал богатым, уважаемым господином? Насколько известно — никогда. В «Дневнике», который он начнет писать уже на склоне жизни, есть такие строчки: «...Кто-то где-то сказал, что мир — это капля грязи, висящей в беспредельности, а человек — это зверь, который сделал карьеру. Может быть, и так. Но дополнение: эта капля грязи чувствует страдание, умеет любить и плакать и полна тоски. А карьера человека, если рассуждать по совести... сомнительна».

Да и захоти Корчак сделать карьеру в общепринятом смысле, он бы достиг немногого. Потому что он не только родился, но и умер с душой ребенка. Образно говоря, Старый доктор так никогда и не переставал играть кубиками. Так же, как и дети, он был предельно искренен, выражая свои чувства, как они, доверчив и раним, как они — бескорыстен и прямодушен. А с такими качествами в мире взрослых, как показывает опыт, шишек получишь намного больше, чем пышек...

Да и о чем жалеть Корчаку, если, находясь среди детей, он чувствует себя точно рыба в воде. Это видно по сохранившимся фотографиям, на которых он разговаривает, играет, работает со своими воспитанниками. Несмотря на раннюю лысину и седину, Старый доктор выглядит куда моложе своих лет. Но вот в кадре он один — и перед нами потерянный, неприютный человек. Что поделаешь, ему младенческий лепет, немудреные суждения детей о жизни куда интереснее, чем повседневные разговоры взрослых. От тех только и слышишь: золотые, золотые, золотые... Сладкое чувство духовного родства и приобщенности к детству многократно возрастает, если дети — сироты. Для каждого из них ты — отец. И отчасти даже мать. Всемирно известный теоретик и практик воспитания Корчак не считает зазорным заниматься и такой практикой: когда надо, сажает малыша на горшок, часами разбирается в детских, с точки зрения многих взрослых, пустячных ссорах...

В течение тридцати лет (с 1911-го по 1941 год) Дом сирот на Крохмальной улице является не только главным делом его жизни, но и постоянным местом обитания. В комнатке под чердаком с видом на крону старого каштана он отдыхает, пишет свои повести и статьи, спит. Правда, иногда (и не по своей воле) ему приходится покидать этот дом. Так, в 1914 году он был призван на войну. Но Корчак и там остается самим собой. Волей судеб оказавшись в Киеве и не собираясь в нем оставаться насовсем, он здесь знакомится с польской социалисткой Марией Фальской (запомним это имя) и вместе с ней создает приют для украинских сирот войны. По возвращении в Варшаву с Фальской же открывает «Наш дом» — приют для детей политзаключенных и вынужденных эмигрантов. Почти в то же самое время Корчак в другом месте Варшавы создает еще один приют — для младенцев-подкидышей. А чтобы его воспитанники летом могли жить на природе, радоваться солнцу, речке, получать навыки к труду, с

помощью одного богатого варшавянина он открывает «Виллу «Ружичка» — что-то вроде летнего пионерского лагеря, если говорить на понятном для нас языке. Он много ездит по стране, способствуя открытию новых школ, приютов, детских оздоровительных лагерей. Порой так и кажется, что он, будь его воля, взял бы под свое крыло всех обездоленных детей, а мир, эту «каплю грязи, висящую в беспредельности», превратил бы в огромный детский сад с игровыми площадками...

Поразительно, но чем Корчак становится старше, тем больше он успевает. Так, в 1926 году, когда ему уже было под пятьдесят, он создает первую в мире газету, выпускаемую детьми для детей. — «Малое обозрение». (Конечно, ее главным редактором является, как сообщается в первом номере газеты, «некто лысый и в очках», зато остальные сотрудники — мальчишки и девочки.) Кроме того, Корчак читает лекции в студенческих аудиториях, заседает в разного рода филантропических обществах. Были годы, когда миллионы поляков откладывали в сторону свои дела и слушали, как Старый доктор по радио беседует с подростками — по этим передачам родители учились разговаривать со своими детьми... Можно сказать, во многом благодаря Корчаку довоенная Польша, не самая развитая в промышленном отношении страна, по уровню развития педагогической мысли становится одной из передовых стран мира...

А ведь он был еще и писателем. И каким плодовитым! Так, только с 1920-го по 1930 год у него выходит 10 книг. Но, полностью поглощенный идеей служения ребенку, Корчак и свой литературный дар обращает на пользу педагогики, многие свои произведения адресует сразу и детям, и взрослым — чтобы они больше любили и лучше понимали друг друга...

А своей семьи и своих детей, читатель, наверное, уже догадался, у Старого доктора не было. Верно, в молодости, по его собственным признаниям, он отведал плотских утех, испытал серьезное чувство к какой-то девушке, но оно было мимолетным и почему-то оставило в его душе неприятный осадок. Своим сыном он будет считать Дом сирот... Конечно же, холостяцкий образ жизни накладывает отпечаток на его внешний вид. Одет он, правда, чисто, аккуратно, но довольно бедно и уж совсем не по моде. В каком-то смысле он и сам выглядит, как сирота. И питается скромно, из общего котла, никаких тебе кулинарных изысков.

Для Старого доктора внешнее вообще мало что значит. Душа ребенка — вот его религия...

И при всем при том он был сложной, неоднородной личностью. Временами бывал неуживчивым. Перед войной по каким-то причинам прекратил сотрудничество с Фальской. Почему-то оставил свое кровное детище «Малое обозрение». Что же, Старый доктор, как все незаурядные люди, совмещал в себе, казалось бы, несовместимые начала. Доброта и щедрость в нем мирно уживались с железной напористостью, широкая образованность — с категоричностью, постоянная сосредоточенность — с анекдотической рассеянностью. (Рассказывают, он мог десятки раз за день поздороваться с одним и тем же человеком.) И его литературный дар, в

свое время не оцененный по достоинству, тоже был своеобразен. Корчак почти всегда старался писать с улыбкой. Но почему-то от всех его произведений веет неизбывной грустью. Возможно, именно это одному польскому критику дало основание утверждать, что Корчак — это юморист, который видит мир глазами отчаяния. Да, чувством юмора Старый доктор был, очевидно, наделен от природы. А отчаянием был обязан своей эпохе. На его век выпало четыре войны (в двух он лично участвовал), две революции, словом, он жил в мире, переполненном насилием и ненавистью. Быть может, оттого он и тянулся к сиротам, что лучше многих понимал, до чего человеку трудно быть в этом мире одному...

Детское королевство на Крохмальной улице

Существует много определений, кто такой педагог. Одно из них: человек, который принимает детей всерьез. Про Януша Корчака можно сказать: серьезнее всего на свете он относился к детям...

Всей своей жизнью, всеми написанными книгами, произнесенными речами он проповедовал абсолютную, безусловную самоценность детства. «Ребенок не будет, ребенок уже есть человек». «Нет детей — есть люди, но с другими масштабами понятий, другими источниками опыта, другой игрой чувств». Эти и другие высказывания Корчака, само собой разумеется, не следует понимать так, будто он отождествлял детей со взрослыми. Как раз наоборот: на земле, по его мысли, параллельно существуют два равноправных мира, одновременно развиваются две — и каждая по-своему — цивилизации: взрослая и детская. Еще ни один педагог в мире не настаивал на духовном суверенитете детства столь решительно и последовательно, как Корчак...

Конечно, он прекрасно понимал, до какой степени дети зависимы от взрослых. Но вслед за высокочтимым им Л. Н. Толстым (его «Дневником школы в Ясной Поляне» он зачитывался) Корчак без устали призывал взрослых не только учить, но и учиться у детей, до конца жизни сохранять детскость своей натуры.

Возможно, Старый доктор в какой-то степени был ослеплен красотой и чистотой души ребенка. Но это не мешало ему видеть, что дети, как и взрослые, бывают разные. «Наивные и лукавые, покорные и заносчивые, добрые и мстительные... они умеют так прикидываться до поры до времени, что только морочат нас и используют». «Среди детей столько же злых людей, сколько среди взрослых...» Словом, он и не слишком-то очаровывался ими. Но в отличие от многих людей никогда в них не разочаровывался, а любил каждого из них таким, какой он есть... Своим последователям он никогда не говорил: мы можем перевоспитать ребенка. Нет, убеждал он их, не надо его делать другим, но сделать лучше — обязаны. «...не заставишь живого задиристого ребенка, чтобы он стал сосредоточенным и тихим, недоверчивый и хмурый не станет откровенным и чистосердечным, — писал он. — Не что должно быть, а что может быть... Не прикажешь василькам, чтобы они были зерновыми. Мы — не чудотворцы...»

В своей книге «Как любить ребенка» (написанной, кстати говоря, в перерывах между боями в первую мировую войну) Корчак излагает, можно сказать, стержневую идею своей педагогики:

«Ты вспыльчивый, — говорю мальчику. — Ладно, дерись, только не слишком сильно, злись, но только раз в день... Если хотите, в этом предложении я изложил весь метод воспитания, которым пользуюсь...»

Фантастическую мечту Матиуша Первого о детском государстве Старый доктор постарался воплотить в жизни, по крайней мере в стенах Дома сирот. Здесь наряду с педагогическим советом действуют Совет детского самоуправления (что-то вроде детского правительства), разного рода Комиссии (министерства), выходит в свет своя газета, избран и время от времени собирается на свои заседания Товарищеский суд, несколько раз в году собирается Сейм. В этом микрогосударстве на Крохмальной улице есть свои сословия: «товарищи», «квартиранты», «равнодушные квартиранты» и т. п., — работает своя почта (почтовые ящики для переписки застенчивых воспитанников со своими товарищами и воспитателями), учреждены свои праздники — «день грязнуль» и пр. Было и свое знамя — знамя зеленого цвета. (Оно сюда тоже пришло из сказки о Матиуше. Однажды, увидев рабочих, которые шли под красным знаменем, мальчик-король задумался: «А может, сделать так, чтобы и у детей всего мира — у белых, черных, желтых — тоже было знамя одного цвета? Нельзя ли сделать так, чтобы оно было зеленым — цвета надежды?») И летом, когда Дом сирот выезжал на «Виллу «Ружичка», дети шли стройной колонной по улицам Варшавы, и все варшавяне благодаря зеленому знамени знали: это идут дети Корчака!..

Изменить мир — это...

Из крупных педагогов Корчак, пожалуй, первым дал детям право критиковать взрослых. За это ему, случалось, доставалось даже от друзей, не говоря уж о противниках. Конечно, проблема отношений между детьми и взрослыми не проста. Но Старый доктор ничего и не упрощал. Он позволял своим воспитанникам критиковать взрослых, когда те были явно неправы, еще и потому, что его дети были сиротами. Кому еще они могли пожаловаться на взрослых, как не тем самым взрослым, которые их обидели? И существенно другое. В число тех, кого можно критиковать и осуждать, Корчак, не задумываясь, включает и самого себя. Больше того, в Доме сирот каждый воспитанник и каждый взрослый (читай: воспитатель) может подать в Товарищеский суд... на самого себя. И дети, стремясь осознать свою вину, часто пользовались этой возможностью открыто исповедаться в плохих мыслях и недостойных поступках. А Старый доктор? Он не отставал от них! Подавал на самого себя в суд за то, что однажды в пылу гнева надрал уши воспитаннику-сорванцу, что необоснованно заподозрил одну девочку в воровстве и т. д. В одних случаях он был оправдан, в других — получил порицание... Его,

бывало, спрашивали: если вы и ваши помощники любите детей, зачем вы столько развели демократии? Корчак отвечал примерно в том духе, что любовь как величина непостоянная сама по себе не может оградить ребенка от произвола воспитателя, для этого нужна «конституция», некий механизм, который бы охранял права детей и в том случае, если воспитатель, фигурально выражаясь, встал не с той ноги...

Поразительно рано сложились взгляды Корчака на историческую миссию педагогики. Еще будучи школьником, он написал: «Изменить мир — это изменить систему воспитания». Сказано с чисто возрастной безоглядностью. Но, надо заметить, в дальнейшем его взгляд на роль воспитателя претерпит не столь существенные изменения. Корчак слабо верил — и действительность довоенной Европы мало его в этом обнадеживала, — что мир взрослых скоро станет совершенным. Ставку Старый доктор делал на мир детей. Для Корчака и его последователей будущее — это не другой, более совершенный мир, а другие, более совершенные люди. Утопичность такого взгляда на прогресс очевидна. Но, думается, она была очевидна и для самого Корчака и его единомышленников. А что им оставалось делать? Жизнь одна, к тому же коротка, счастливая жизнь на земле наступит лишь когда-то, если вообще когда-нибудь наступит, а вот воспитать детей в соответствии со своими идеалами и через них увидеть прекрасные черты грядущих дней — так отраднo и заманчиво, что ради этого стоит жить и работать, не жалея сил...

152
Еще не так давно в педагогических изданиях довольно часто можно было встретить выражение «абстрактный гуманизм». Оно, как правило, использовалось, когда речь заходила о корчаковской педагогике и политических взглядах Старого доктора... Да, строго говоря, он не был ни правым, ни левым. Если бы его, как в известном анекдоте, спросили: за красных он или за белых, — он бы наверняка ответил: я — за детей. И в самом деле: сирот он подбирал по обе стороны политических и социальных баррикад. Они поступали в его приюты несчастными, голодными, больными, завшивевшими. И Старый доктор, засучив рукава, выхаживал, лечил их и согревал дружеским словом. Да, это был гуманизм. Но почему абстрактный? Абстрактным он был у тех, кто шумно возмущался социальной несправедливостью, метал воображаемые громы и молнии в богатых и ничего не делал, чтобы на лице хоть одного конкретного ребенка появилась робкая, но счастливая улыбка...

Где бы ни бывал Корчак — а он объездил и повидал мир от Маньчжурии до Лондона, — всюду увиденные им картины людского горя щемили душу. «...Не могу удобно жить, — тоскливо признается он в письме одному из своих друзей. — Стыжусь, что имею, что есть, зная, что дети голодают, и питаю отвращение к моей улыбке, когда кругом молодые измученные лица. Требую уважения к ребенку. Но правильно кто-то меня спросил: «А кто сегодня уважает человека?» К чувству стыда за все, что происходит вокруг, примешивается чувство недовольства самим собой: «Если б я был молодым, у меня было бы больше инициативы, меньше сомнений. Ничего не поделаешь, старею, я устал, полон

забот. Столько работы. Все это запоздало. Все в то время, когда люди думают об отдыхе. Не жалею. Никто в этом не виноват, так должно быть. Но больно...» Эти строки написаны, когда ему было сорок девять лет. Впереди у него еще пятнадцать лет жизни. Устоит ли Януш Корчак перед волнами накатывавшего на него отчаяния?

Еще в начале тридцатых годов он предчувствует, что на Европу надвигается новая страшная война. Год от года усиливается еврейская — и не только еврейская — эмиграция в США, Канаду, Австралию. Сам Корчак в эти годы дважды посещает Палестину. Ему предлагают остаться там и продолжить свое дело на земле предков. Удобный случай, чтобы резко изменить свою жизнь, немного перевести дух!.. Но нет, он отказывается. Видимо, как и его родители, он в большей мере ощущает себя поляком, чем евреем. Да и кто сказал, что он может по доброй воле оставить свои приюты, бросить своих детей?

Смертельный марш

Когда германские войска вторглись в Польшу, Корчак, готовый тотчас отправиться на фронт, надевает мундир майора Войска Польского. Нет, его, старика, не пускают на войну. И тогда он идет на радио, призывает поляков сопротивляться до последнего, а детей успокаивает, дает им советы, как вести себя в условиях войны... Увы, вскоре немцы вошли в Варшаву. Но и тогда он, великий и смешной старик, ходит по городу в мундире майора, рискуя в любую минуту быть расстрелянным на месте. А в день, назначенный для переезда Дома сирот в гетто, он бросается с кулаком на солдат, пытавшихся отнять у сирот грузовик с картошкой. И за это угодает в тюрьму.

Еще до этого случая один из поляков, сельский староста, питая огромное уважение к Старому доктору, предлагает ему бежать из Варшавы в укромное место. Поблагодарив старосту за предложение, Корчак сказал, что не имеет морального права принять его: «Я должен на деле подтвердить то, чему я был верен и что проповедовал всю жизнь...» А когда он за стычку с мародерами попадает в тюрьму, его бывшие воспитанники собирают деньги, чтобы подкупить кого-то из представителей «нового порядка» и освободить своего учителя. В то же самое время упоминавшаяся выше Мария Фальская, забыв обиды прошлых лет, готовит все необходимое, чтобы Корчака после освобождения переправить в одну из нейтральных стран. Все напрасно! Выйдя на свободу, он прямым ходом направляется в гетто, где теперь живут его воспитанники.

Живут?.. Нет, это слово здесь явно не подходит. В гетто, небольшой район Варшавы, окруженный высокой стеной с колючей проволокой, согнано почти 400 тысяч человек. Все они обречены на смерть — от нищеты, голода, болезней, крутых расправ карателей... Надо ли говорить, что в самом страшном положении оказались дети. Многие из них не могут понять, почему, за какие провинности они должны жить в этой гигантской тюрьме под

открытым небом. Чтобы добыть для себя (и для своих родителей тоже) кусок хлеба, а иногда и просто из желания подразнить полицаев, они перелезают через стену. Их ловят и расстреливают на месте. И такой исход, как это ни прозвучит дико, еще в лучшем случае. В худшем — мальчишку могут попросить вновь взобраться на стену и расстрелять его прямо на ней.

Нетрудно представить, каково было душевное состояние Старого доктора в дни, которые он провел в гетто. Всю жизнь проповедовавший коленопреклоненное отношение к ребенку, он видит из окна Дома сирот, как дети бегают и играют на улице среди замороженных трупиков своих сверстников. Более изощренного издевательства над его мечтой превратить мир в игровую детскую площадку нельзя было придумать. Фашизм с точностью до наоборот показал ему, как можно глубоко и страстно ненавидеть детей, преподавал всему человечеству последовательную педагогику истребления и планомерного превращения их в удобрения для полей.

Но Старый доктор, несмотря ни на что, не сдается. В первый год оккупации ему еще каким-то чудом удается вывезти своих воспитанников на лето за город. В Доме сирот до последнего дня царят чистота, порядок и дисциплина. В нем время от времени устраиваются детские праздники, ставятся спектакли. (Вот в каких экстремальных условиях проявились сила и стойкость детского самоуправления, которое Старый доктор развивал и поощрял еще на Крохмальной улице!) По выражению одного из биографов Корчака, Дом сирот среди ужасов гетто напоминает оазис, перенесенный туда из другого мира.

154

А между тем Старый доктор из-за душевных переживаний и полуголодной жизни еле держится на ногах. «И нет во мне здорового кусочка», — невесело признает он в своем «Дневнике». У него плохо работает сердце, отекли ноги, резко ухудшилось зрение... «Еда — это труд, а я так устал... — поверяет он «Дневнику» свои печали. — Не сил не хватает, а воли...» Но своей предельной усталости он не показывает никому. Да и некогда показывать. Хоть из-под земли, но надо доставать деньги и кормить воспитанников Дома сирот, которых день ото дня становится все больше.

Увы, не все взрослые в гетто вели себя одинаково мужественно (хотя и осуждать кого-то за это трудно). Были случаи, когда родители бежали из гетто, бросив на произвол судьбы своих детей. Обыденным явлением здесь стали подкидыши. Специально для них был создан приют, но в нем заправляли люди, для которых свой карман был дороже жизни малышей: они обкрадывали их как могли. «У входа в нос бил запах кала и мочи, — свидетельствует один из очевидцев. — Младенцы лежали в грязи, моча замерзала, и на этом льду лежали окоченевшие трупики...» Зная, что там творится, Корчак (мало ему своего Дома!) просит отдать этот приют под его начало. Сохранилось его заявление в управу, написанное по этому поводу. В том, что Старый доктор написал в нем, как говорится, весь он.

«Как организатор я не умею быть начальником. И здесь, и во многих других местах мне мешали близорукость и полное отсутствие зрительной памяти. Старческая дальнорукость компенси-

рвала первый порок, второй усилился. Это имеет хорошую сторону: я не узнаю людей и весь концентрируюсь на деле, не настраиваюсь заранее против, не помню обид...

Испытательный срок — четыре недели, начиная, ввиду срочности задания, со среды, самое позднее с четверга.

Прошу предоставить мне служебную квартиру и двухразовое питание... впрочем, могу обойтись и без этого».

Написать такое заявление мог лишь человек, который боялся, что ему откажут. Но, как и следовало ожидать, ему пошли навстречу. И Старый доктор с яростью и упорством матери, борющейся за жизнь ребенка, наводит в приюте для подкидышей относительный порядок за короткий срок. А ночевать он приходит в свой родной Дом сирот...

Летом 1942 года начинается ликвидация гетто. Вернее сказать, ликвидация тех, кто в нем находится. Гитлеровцы отводят в Варшаве специальное место около Гданьского вокзала — так называемый Умшлагплац, куда они пригоняют людей, подлежащих уничтожению. Здесь их прикладами загоняют в грузовые вагоны и везут в Трешлинку, где уже начала свою адскую работу фабрика смерти с газовыми камерами и крематориями.

Последняя запись в «Дневнике» Корчака:

«Поливаю цветы. Моя лысина в окне — такая хорошая цель. У него винтовка. Почему он стоит и спокойно смотрит? Нет приказа. А может, штатский, был учителем в деревне?.. Что сделал бы, если бы я кивнул ему головой? Дружески приветствовал рукой?..»

До последнего Корчаку хотелось верить, что доброе начало в человеке победит.

Эту запись он сделал 4 августа. А на следующий день Варшава была потрясена невиданным по тем временам зрелищем: из гетто по направлению к Гданьскому вокзалу колонной по четыре человека в ряд шли воспитанники корчаковского Дома сирот. По обе стороны улиц стояли полицейские. Колонну сопровождали конвоиры с автоматами. Один шаг в сторону — и это будет твой последний шаг в жизни... Но что всех прохожих удивляло: дети были одеты в воскресную форму, настроение у всех было приподнятое — они пели и старались идти в ногу. И уж что совсем было необычно: над колонной развевалось зеленое знамя — знамя цвета надежды. Дежурные полицейские, не понимая причины такой торжественности, на всякий случай вытягивались и отдавали колонне честь. Впереди нее шел Старый доктор. Он был спокоен, сосредоточен, на солнце нестерпимо ярко поблескивали стекла его очков. Колонну вместе с другими воспитателями замыкала его ближайшая помощница Стефания Вильчинская, женщина, которая, как и он, еще в молодости обменяла успешную карьеру в науке на скромную должность воспитателя сирот...

Говорят, что Старый доктор в числе других узников гетто питал в отношении гитлеровцев некоторые иллюзии, полагая, что их зверствам все-таки есть какой-то предел, и верил утверждениям немецкой пропаганды, будто вывозимые из гетто люди переселяются куда-то на восток... Кто знает, может, Корчак в самом деле питал какие-то иллюзии, а вернее, хранил в душе ту самую наде-

жду, которая умирает последней. А не будь этих иллюзий и этой надежды спасти детей во что бы то ни стало, он бы, наверное, и дня не прожил в аду гетто...

Но что совершенно точно: 5 августа 1942 года у него никаких иллюзий уже не осталось. Многие дети еще не успели позавтракать, как ворвавшимися в Дом сирот карателями им было приказано строиться и следовать на Умплагплац. Старый доктор, конечно же, все понял. Но виду не подал...

Для чего же тогда понадобился этот трагически торжественный марш по улицам оккупированной Варшавы? И почему ни дети, ни Старый доктор не проявляли признаков беспокойства?

На этот счет есть несколько версий. Самая убедительная из них гласит: Старый доктор сказал детям неправду — за всю свою жизнь первую неправду! Он сказал им, что они едут, как в былые времена, на загородную прогулку. А поэтому, дети, наденьте воскресную форму! И выше, как можно выше поднимите зеленое знамя!

«По мнению некоторых, дети знали, куда ведет их любимый доктор, — пишет польская публицистка, лично знавшая Корчака. — Не знаю, как было на самом деле, но мне кажется это невероятным. Такое презрение к смерти несвойственно детям. Более вероятным и гораздо более возвышенным кажется мне обман, обман до последнего вздоха, обман, на который способны только родители умирающего ребенка. Этим обманом наперекор действительности, этим полным самоотречением, героической режиссурой марша к смерти Корчак поднялся на нечеловеческую высоту, придав глубочайший смысл всей своей жизни... К несчастью, он был наделен богатым воображением и мысленно видел их смерть. О своей он, конечно, не думал. Но еще час, еще пятнадцать минут, еще минуту он мог поддерживать в детях веру в завтрашний день, дарить им радость. Еще пятнадцать минут, еще минуту... Может ли сделать больше бессильный человек?»

Рассказывают, что появление колонны Дома сирот на привокзальной площади вызвало среди карателей легкую панику. Так, стройными рядами, с песней, сюда не приходила еще ни одна партия обреченных на смерть людей. Что это такое? — по свидетельству одного из очевидцев, закричал немецкий офицер, комендант Умплагплаца. Корчак с детьми, объяснили ему. Он на мгновение задумался, стал вспоминать. Но когда вспомнил, дети были уже в вагонах. Спросил доктора, он ли автор «Банкротства юного Джека». Тот подтвердил, спросив, какое это имеет отношение к отправке детей. Нет, никакого, поспешил заверить его офицер, читал в детстве, хорошая книга, можете остаться, доктор. А дети? — спросил доктор. Нет, дети должны ехать... Вы ошибаетесь! — крикнул доктор. — Дети прежде всего! И задвинул за собой двери вагона.

Через несколько минут поезд тронется по направлению к Треблинке...

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

СВЕТЛАНА БЕСТУЖЕВА

У каждой медали, как известно, две стороны. Совсем недавно, каких-нибудь полвека назад, лишь одна женщина из десяти перешагивала 50-летний рубеж и сталкивалась со всеми «прелестями» климакса. Теперь, живя в среднем до 80 лет, женщины даже не подозревают о том, что подавляющее большинство их недугов — вплоть до самых серьезных — связано с нехваткой определенных гормонов. Нашими врачами разра-

Будьте здоровы!

ботана уникальная система помощи женщинам климактерического возраста. Она не только уникальна, но и доступна абсолютно всем.

Сейчас модно ругать нашу медицину; и бедная она, и хороших специалистов там все меньше и меньше, и лекарства «кусаются», и в больницу надо приходиться чуть ли не со своим скальпелем. На этом фоне приятным контрастом выглядела встреча с Галиной Афанасьевной Мельниченко, профессором, доктором медицинских наук, председателем Московского научного общества эндокринологов, и Антоном Константиновичем Рагозиным, ведущим специалистом кафедры эндокринологии Московской медицинской академии имени И. М. Сеченова. Разработанная в их клинике система действенной помощи женщинам «третьего возраста», то есть тем, кто переживает малоприятный период климакса, опирается на последние достижения современной медицины. Она не копирует аналогичные программы Запада, а полностью приспособлена к нашим, российским условиям. И предлагает такое простое и эффективное решение многих проблем, что первоначально поверить в такую панацею невозможно. Тем не менее судите сами. И делайте для себя выводы.

— Почему интерес к проблеме климакса возник именно у вас, эндокринологов? Ведь на этом этапе своей жизни женщины, как правило, страдают целым букетом заболеваний. А к эндокринологу обращаются не так уж часто, да и то по направлению терапевта.

— И сами себя обрекают на сильные, а главное, бесполезные мучения, — говорит Галина Афанасьевна Мельниченко. — В нашей стране, например, каждая третья женщина после семидесяти лет имеет перелом одного позвонка. В

просторечье — «вдовый горб». И все эти сторбленные бабушки, которых мы видим на улице и в очередях, как правило, даже не подозревают о своей травме. Зато другая травма, ничуть не менее распространенная, — перелом шейки бедра — ночной кошмар любой пожилой женщины. Причина же обеих травм одна и та же: болезнь под названием остеопороз. Дело в том, что при наступлении менопаузы начинается уменьшение костной массы у женщин. Кости становятся хрупкими, ломкими — этаким «швейцарский сыр» с самыми настоящими дырками. Сломать такую кость — пара пустяков, зато срываются они медленно и ненадежно. А ведь все это можно было бы если не предотвратить, то хотя бы свести опасность до минимума, если бы женщина принимала гормональные препараты и восстанавливала тем самым дефицит нужных гормонов.

— Но ведь большинство врачей утверждает, что гормональные препараты — это очень опасно, они могут, например, спровоцировать возникновение раковых опухолей...

— А передозировка анальгетиков может вызвать заболевание сердца. А увлечение аспирином — язву желудка. В конце концов и суп можно пересолить! Но в чем-то вы правы. Первые гормональные препараты, изобретенные сразу после войны, действительно имели массу побочных и не всегда приятных последствий, хотя и вылечивали болезни, до того считавшиеся неизлечимыми. Например, ревматоидный артрит, который обрекал человека на неподвижность, сопровождающуюся при этом мучительными болями. Французский художник Ренуар, например, страдавший этим заболеванием, к концу жизни писал картины... локтем. Ему привязывали кисть к локтевому суста-

ву: ниже сустава рука была неподвижна. И вот когда стали применять гормональные препараты, люди, страдающие этим страшным недугом, встали и... пошли! Однако побочные действия лекарства — осложнения других болезней от лечения одной — заслонили успех. Заслонили от общественности, да и самих больных тот факт, что люди остались живы. Они двигались они не испытывали мучительных болей в суставах. А сейчас созданы гормональные средства уже без всяких побочных эффектов, к тому же их прописывают после соответствующего обследования. Что же касается влияния гормональных препаратов на появление злокачественных опухолей, то десять лет назад английские врачи доказали, что от рака шейки матки умирает в десять раз меньше женщин, чем от последствий перелома шейки бедра. Ну а право выбора, естественно, остается за самой женщиной. Только она должна знать при этом, что большинство ее проблем может быть решено быстро и эффективно. Нужно только обратиться за консультацией к специалисту, когда начинается климакс.

— Вы забываете, что климакс большинством воспринимается как нечто не вполне приличное, а большинство женщин вообще убеждено, что это — так называемые «приливы» и отсутствие месячных. А все остальное — возрастные заболевания.

— Разумеется, возрастные! Но только сплошь и рядом ищут заболевания... которых нет, хотя все симптомы вроде бы налицо. У женщины повышенная потливость по ночам и слабость? Ее отправляют на обследование в туберкулезный диспансер. Она жалуется на учащенное мочеиспускание, жжение? Еще одно малоприятное обследование. Тахикардия, боли в сердце?

К кардиологу! Женщина ходит по врачам, нервничает, тратит немалые деньги на лекарства, а результаты — на нуле. Недавно к нам пришла женщина, которая в результате всевозможных обследований получила несколько неприятных диагнозов: ишемическая болезнь сердца, гипертоническая болезнь, хроническая депрессия. Она ежедневно принимала по семь (!) таблеток три раза в день плюс снотворное и успокоительное. И чувствовала себя все хуже и хуже. После нашего обследования ей прописали одно-единственное лекарство — овестин. И через какое-то время женщина почувствовала себя почти здоровой, обрела вкус к жизни, даже похудела, о чем уже и не мечтала.

— Просто «живая вода» какая-то!

— Да нет, просто правильно подобраный гормон, которого не хватало организму. К тому же мало кто знает, что женские гормоны спасают женщин от атеросклероза и инфаркта, но только до тех пор, пока сохраняется нормальный менструальный цикл. Прекратились месячные — и риск двух этих заболеваний немедленно и многократно возрастает. А если прибавить к этому перечню ухудшение состояния кожи, появление избыточного веса и — как следствие — потерю интереса к жизни («Кому я нужна, расплывшаяся жаба?»), то следует предложить женщине научиться правильно ориентироваться в собственном состоянии и справляться с некоторыми проблемами самостоятельно.

— То есть заняться самолечением?

— Ни в коем случае! Нужны квалифицированная консультация и подробные инструкции, когда и как следует поступать. Сама женщина не может решить, какой из

гормональных препаратов — прогинова, ливиал или климен — ей следует принимать. Если вообще что-нибудь следует принимать.

— ???

— Видите ли, к каждой женщине, даже без выраженной патологии, должен быть строго индивидуальный подход, потому что менопауза проявляется по-разному у женщин с разными заболеваниями. И иногда лекарства оказываются не нужны. Например, одна женщина несколько лет страдала от чрезмерной сухости кожи. Ходила к дерматологам, косметологам, покупала всевозможные дорогие препараты — безрезультатно. А после обследования у нас выяснилось, что нужно было... поставить под кровать банку с водой. Кожа этой женщины воспринимала влагу только в виде испарений. А еще у одной пациентки были проблемы с сексуальной жизнью: после наступления менопаузы каждый контакт был болезненным, почти невозможным. А они с мужем любили друг друга и очень страдали от невозможности вести нормальную половую жизнь. Прописали этой женщине специальный крем — проблема исчезла. Хорошо еще, что эта пациентка не постеснялась пожаловаться на свои трудности, хотя обратилась к нам по совершенно иной причине. Ведь многие почему-то считают, что после 50 лет о сексе стыдно беспокоиться, ставят на себе крест, как на женщине. Так что важно найти индивидуальный подход, деликатно спросить обо всех проблемах...

— *Далеко не все врачи так внимательны к своим пациентам.*

— Увы, с врачами нужно работать так же, как и с больными. И прежде всего преодолевать сложившееся негативное отношение врачей к гормональным препаратам. В принципе это возможно: есть

опыт работы с решением проблемы сахарного диабета. Когда в свое время были разработаны специальные методики и препараты, позволяющие пациентам самостоятельно определять уровень сахара в крови, многие врачи приняли это новшество «в штыки». И наотрез отказывались прописывать больным специальные полоски для теста на сахар. А полоски эти тем временем лежали в аптеках и теряли срок годности. Казалось невероятным, чтобы больной мог сам определять и оценивать свое состояние — ведь это дело врача! Потом, когда наконец создали специальные школы для больных сахарным диабетом, где они получали максимум информации о своем заболевании и учились обходиться без постоянной — подчеркиваю, постоянной! — врачебной помощи, ограничиваясь необходимыми контрольными посещениями, результаты ошеломили всех. В Германии, в Дюссельдорфе, где был начат эксперимент, с тех пор не было зарегистрировано ни одного случая высокой ампутации ног — этого страшного бича диабетиков! А все потому, что больных научили квалифицированно ухаживать за своими ногами. Раньше больные сахарным диабетом крайне редко доживали до 50 лет, а теперь «планка жизни» постепенно поднимается. У нас, кстати, тоже существует школа для таких больных. Это и подтолкнуло нас к идее создать «Школу женщин в менопаузе». Первая такая школа под названием «Третий возраст женщины» действует в Центре охраны здоровья матери и ребенка. Наша — вторая.

— *Помимо больных и врачей есть общественное мнение, которое тоже шарахается от гормональных препаратов. Самый расхожий аргумент: «Да у тебя же усы вырастут!»*

— Да, наше российское общество вообще относится к врачам, к медицине традиционно недоверчиво. Если раньше врачей обвиняли в том, что они «нарочно» распространяют холеру, то теперь в том, что они лечат людей гормонами, от которых-де происходят всякие напасти. Например, эти самые усы у женщин. Иногда, конечно, возможен и такой результат, но только в том случае, когда лекарство принимают неправильно. И потом, мало ли мы видим пожилых женщин и старушек с усиками, которые в жизни не принимали никаких гормональных препаратов? Более того, иногда приходится назначать именно гормоны, чтобы волосы не росли там, где не надо! Подводя итог, можно сказать: не каждый препарат, не у каждой женщины, не всегда и не при всех обстоятельствах вызывает избыточный рост волос. Но окончательный выбор, разумеется, остается за пациенткой, которая к нам обращается: гипотетический риск появления небольшого пушка над губой или почти стопроцентная вероятность «вдовьего горба» или перелома шейки бедра.

— *Как теперь модно говорить, «при всем богатстве выбора альтернативы нет».*

— Вот, кстати, о богатстве. Наша заместительная терапия — то есть прием пациентом именно тех гормонов, которых недостает его организму, — экономит колоссальные средства. Она обходится примерно в 20 раз дешевле, чем традиционные обследования. Прямая выгода для государства, прямая выгода для пациентов. К тому же на сегодняшний день уровень развития эндокринологии в нашей стране достаточно высок, и уж в том, чтобы справиться с проблемами климакса, мы можем помочь практически каждой женщине.

Если, конечно, она вовремя к нам обратится.

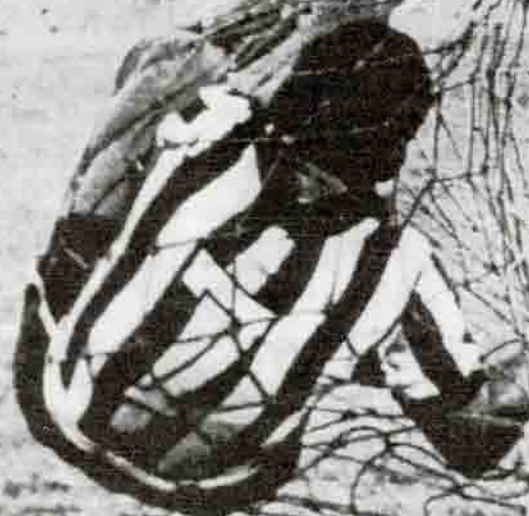
— *И сколько стоит, например, консультация?*

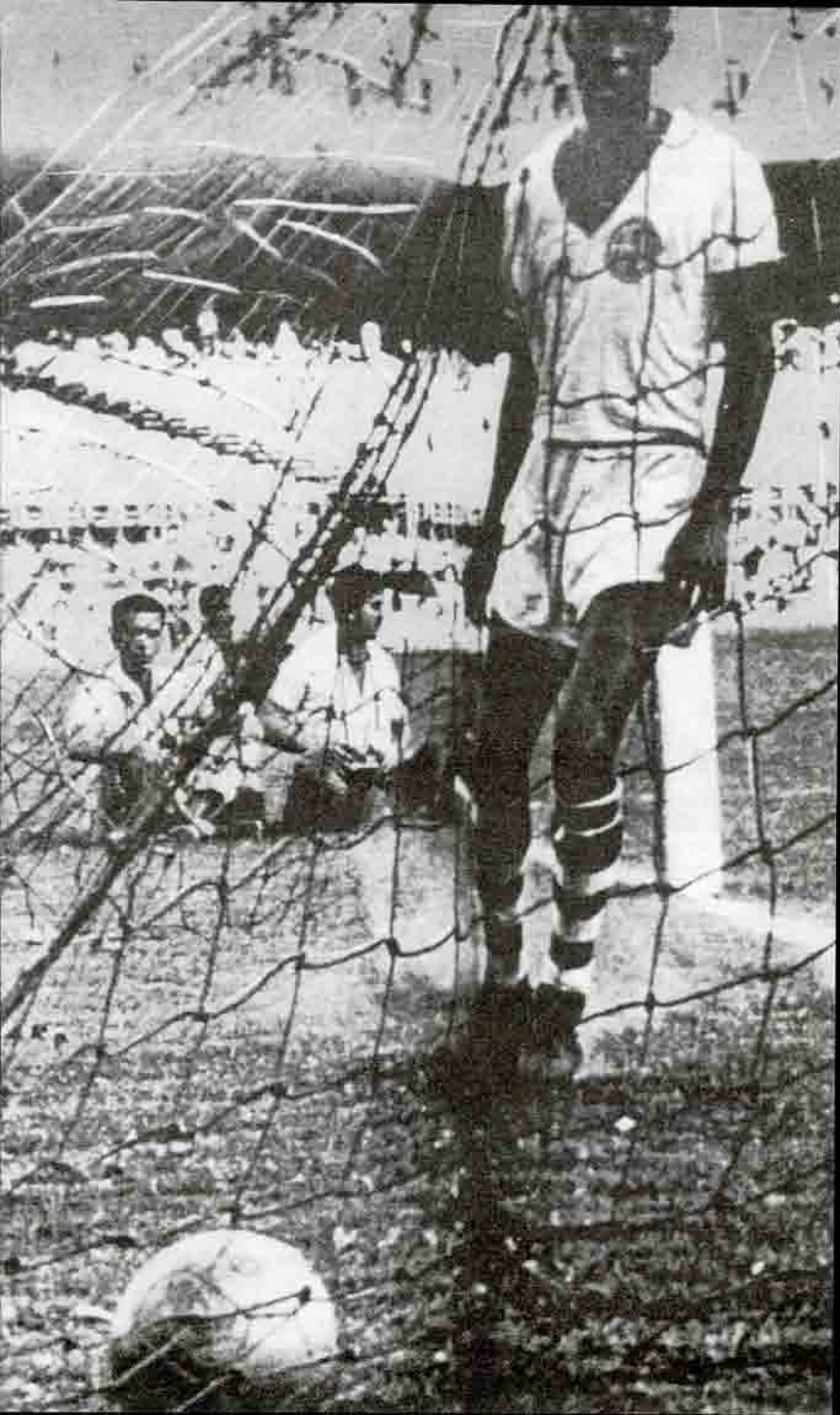
— Консультация и лечение у нас бесплатные. К нам может обратиться любая жительница России, предъявить страховую медицинскую полис и пользоваться нашими услугами. У жителей Москвы вообще нет проблем — обследование и лечение в большинстве случаев производится амбулаторно. Иногородных мы госпитализируем, но им, конечно, какое-то время приходится ждать своей очереди. Однако очень многие недуги наших пациентов лечатся практически мгновенно, а иногда это даже, если можно так сказать, «поиски лучшего от хорошей жизни». Чтобы женщины были не только здоровыми, но и красивыми, и счастливыми. Собственно, для этого мы все и заехали.

* * *

Мне осталось только назвать адрес «Школы женщины в климаксе»: Москва, Погодинская улица, дом 5, Московская медицинская академия имени И. Сеченова, кафедра эндокринологии. Позвонить можно по телефонам 248-38-67 или 248-37-22. И постараться решить хотя бы часть проблем, которые наваливаются на женщин в «третьем возрасте». В котором, кстати, многим из нас предстоит провести не менее четверти века. Так что нужно прожить эти годы хотя бы так, чтобы не было мучительно. А еще лучше — полноценно.

турни **БОТАФОГО**
ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО

Эта повесть рассказывает об одном турне по странам латиноамериканского континента популярнейшего бразильского клуба «Ботафого» (кстати, он стал чемпионом Бразилии в 1995 году). Написана она от лица удивительного человека, крупнейшего футбольного журналиста этой страны и моего большого друга Жоана Салданьи. Он дважды в своей жизни, и оба раза на короткое время, становился тренером. Именно Салданья вывел футболистов «Ботафого» в чемпионы страны. А позже, в 1970 году, сборная Бразилии во многом благодаря его усилиям стала чемпионом мира.

Жоан знал футбол, как никто, и был талантливейшим и остроумным человеком. Долгая дружба с ним не только доставила мне огромное наслаждение, но и стала для меня профессиональной школой...

Чемпионат Рио закончился нашей победой за три дня до Рождества. Но и эти три дня не стали для нас праздником: уже вечером двадцать пятого, когда все нормальные люди раскупоривали бутылки и усаживались за праздничные столы, мы рассаживались по самолетным креслам. Импресарио Касильдо Озес отправлял нас в большое турне...

«ЗУБЧАТКА» ОТ МАДАМ АВЫ

В Сан-Хосе нас поместили в Гранд-Отеле. Самый лучший отель города. Швейцар у дверей — с позолоченной цепью на шее. В ресторане — хрусталь и саксонский фарфор. Публика — самая уютная. Слово на приеме в президентском дворце.

Расселили мы наших ребят по двое, и я сразу же дал команду всем спускаться к обеду и ужину в ресторан только в костюмах и галстуках. Так вот, спускаемся мы к ужину, любо-дорого поглядеть: все — в униформе, скюртук — темно-синий, почти черный, брюки — беж, галстуки — красные. Расселись. Запорхали официанты. Смотрю, одного из наших нет: Лукаса. Что такое? Гарринча за соседним столом сказал мне, что Лукас решил поужинать «у себя». Ладно. Иду к нему. Подымаюсь, вхожу в номер. Гляжу: сидит он, голубчик, склонившись над крохотным столиком орехового дерева, и ложкой хлебает супчик.

— Ну что, — спрашиваю, — решил из себя британского лорда изобразить?

— Да ни в коем случае, — вскакивает он. — Несчастье ведь у меня, сеу Жоан. Забыл я в Рио свою зубчатку.

— Какую еще «зубчатку»?

— Да челюсть мою. Не забыл, а не успел взять. Почти готова она была, доктор уже примерял ее, обещал отдать как раз к Новому году, да мы быстро уехали, вот и осталась она у него.

Посмотрел я на Лукаса: жалкое зрелище. И обычное для нас: в фавелах дети вырастают без витаминов, с плохим питанием. Вот у них зубы и выпадают. Иногда уже к двадцати годам. Ну, и в драках выбивают остальное, что еще во рту осталось.

...На следующее утро наш главный администратор Ренато Эстелита узнал у портье, где тут поблизости найдется хороший зубной техник. Нам сказали, что есть один. Рядом с отелем. И знаменитый на всю Америку: самой Аве Гарднер однажды челюсть делал. Ну, не челюсть, конечно... Она как-то раз снималась тут в Сан-Хосе, и на съемке ей чем-то врезали. Нечаянно, но два зуба разбили. И он ей с блеском реставрировал знаменитую улыбку. И с тех пор стал известен как «мастер Авы Гарднер». К нему мы и отвели нашего Лукаса...

Через два дня Лукас уже сидел с нами в ресторане и уписывал биф. И нужно было видеть его сияющую черную физиономию!

Это было днем за обедом. А вечером Лукаса опять не оказалось в ресторане. Что такое? Оказывается, «зубчатка» исчезла!

— Да кому она нужна?! — рассвирепел я. — Это же не часы и не башмаки. Это вещь сугубо индивидуальная! Ты наверняка ее куда-то сам засунул. Поищи получше!

Тут пришли уже и доктор Карвальо Лейте, и наш завхоз Алоизио. И Ренато Эстелита, и еще несколько парней из команды: Томе, Памполини, Эдсон. Гарринча появился весь такой озабоченный, выражающий всем лицом своим горячее сочувствие товарищу.

Я спросил у них, что они думают обо всем этом. Доктор развел руками. Гарринча начал громко сокрушаться: Лукас прав, кричал Мане, конечно, это нечистая сила! Алоизио сощурился, огляделся. Этот старый мулат знал про наших ребят все. Еще бы! Он ездил с «Ботафого» уже четвертый десяток лет. Так он огляделся, потрогал столик, с которого исчезла «зубчатка». Заглянул даже под него. Потом подошел к окну, выглянул и сказал:

— Ясно: через окно увели. Здесь четвертый этаж. Стало быть, либо снизу поднялись, но скорее всего с крыши спустились.

— Какое окно? — крикнул я. — Кому нужна эта «зубчатка»?

Мы плюнули на это дело и пошли доканчивать ужин. И все еще всхлипывающего Лукаса взяли с собой. Я пообещал, что закажу ему бульон, заварной крем и мороженое. Для них зубов не надо.

Когда мы допивали кофе, по залу разнесся мелодичный звук колокольчика. Это шел мальчик-грум в красной ливрее, расшитой золотом, и в синей шапочке. Он шел не спеша, одной рукой звонил в колокольчик, в другой руке у него был маленький серебряный поднос. Мальчик шел, оглядываясь по сторонам и нежным голоском приговаривал: «Сеньор Лукас Фернандо Лопес Сьете Бохас! Сеньор Лукас Фернандо Лопес Сьете Бохас!» Вдруг до меня дошло, что он-то произносит полное имя нашего Лукаса. И еще перевернутую на испанский манер кличку добавляет: вместо «Сате Бойа» — «Сьете Бохас».

Я подскочил к нему, схватил крохотный сверток с подноса. Развернул. Там была эта проклятая «зубчатка». На обертке было написано: «С приветом от мадам Авы». И приписка: «Не клади зубы рядом с окном». И подпись: «Фантомас».

Я тут же попросил Алоизио провести дознание. Он взял с меня слово, что я не буду никого наказывать, и утром сообщил, что главным организатором и исполнителем этой акции был, разумеется, Гарринча.

— А кто же, как не он? — сказал мне Ренато Эстелита, глава нашей делегации. — Привыкай, Жоан. Ты еще заплачешься с этим парнем!

ТАИНСТВЕННЫЙ ПЕРЕЦ

Первую игру с «Алахуэлой» (это название — от коста-риканской провинции, соседней с Сан-Хосе) мы, как и предполагалось, не выиграли. Хотя команда эта больше напоминала компанию чиновников, выехавших в воскресенье на лоно природы порезвиться с мячом, а потом зажарить «шураско» из баранины и распить пару-тройку бутылок. Но двадцать восемь часов перелета сыграли свою роль, и мы тупо пробегали оба тайма, так и не забив им ни одного мяча. Игра была просто кошмарная. Диди со своей точки бил четыре штрафных и ни разу не попал. Какой там «сухой лист»! На сей раз у него даже близко к воротам мяч не ходил.. А ведь это — Диди! Наш бомбардир Куарентинья, у которого вместо ног две пушки, вообще отличился: оказавшись перед воротами, ударил так слабо, что вратарю пришлось чуть ли не идти самому навстречу мячу, чтобы он докатился до него. Правда, и они нам не забили. Но это была команда, которая, по моему, вообще никому забить не может.

Словом, сыграли мы по нулям. Гарринча один должен был бы обыграть эту «Алахуэлу». Но и он был неузнаваем в этот вечер...

Все это мне показалось странным, и я поделился своими сомнениями с доктором Карвальо Лейте. Возник вопрос, не подложили ли нам чего-нибудь в еду в ресторане? Такое в принципе возможно. Еще спросил доктора, что за таблетки давали ребятам перед финальным матчем против «Флуминенсе» 22 декабря? Доктор сказал, что это были витамины. «Ты же помнишь, Жоан, — сказал доктор, — какая стояла тогда жара. И мы решили подпитать их «хлоретом соды». Это не только безвредно, но даже помогает бороться с усталостью».

Он помолчал, закурил, походил по комнате, потом задумался и, размышляя вслух, сказал: «И все-таки это странно: мы здесь уже три дня, а они все сидят по комнатам, ничего не происходит, если не считать этого озорства Гарринчи. Вся команда целый день в отеле при нашем свободном режиме, Жоан! А ведь «зона» с женщинами совсем недалеко...»

Через два дня мы играли с аргентинским «Ураканом» и... проиграли. Три сухих мяча. Тут уже пришлось бить тревогу. И я снова прибег к помощи Алоизио.

— Дайте мне два дня, — сказал он, — и я все вам выясню.

Два дня не понадобились. Тем же вечером он пришел ко мне и снова потребовал от меня слово, что я никого не стану наказывать. Я опять пообещал, кляня себя, и Алоизио рассказал мне все, потому что знал, — слово я держать умею: оказалось, почти всей

команде перед матчем с «Флу», помимо таблеток доктора Карвальо Лейте, дали и другие таблетки.

— Чего? — вскричал я.

— Да какое-то средство, которое зовется «Эзеврин». Это что-то немецкое. Говорят, немецким солдатам давали его на фронте, чтобы они подольше не спали и выдерживали любые атаки русских, — сказал Алоизио. И добавил: — Правда, принимали его не все. Нильтон не принимал «перец». Амаури тоже: он вратарь, ему это и не нужно. Да они и не настаивали.

— Да кто это «они»? — вскричал я. — Кто кормил ребят этой дрянью?

Алоизио пожал плечами: ребята отказались сказать, кто им давал «перец». Но это не так уж важно. Вальдо сообщил ему, что парням из «Флу» его тоже давали. Потому и игра была такой жесткой и быстрой.

Когда я рассказал все это доктору, он наметил целую программу по выведению команды из плачевного состояния. Во-первых, он собрал всех и провел беседу о вреде «перца». Потом распорядился об отдыхе, начал делать инъекции глюкозы и, вызвав шеф-повара ресторана, велел тому, чтобы в меню предусмотрели как можно больше витаминов.

А на следующий день мы получили телеграмму из Рио от вице-президента клуба Сержио Дарси: «Торсида недовольна последними результатами тчк вперед чемпионы тчк». Ренато отправил ему в ответ такое послание: «Осторожно перец рию тчк команда сыграет лучше тчк».

ПОБОИЩЕ В САН-ХОСЕ

16

После тех двух несчастливых матчей с «Алахуэлой» и «Ураканом» нам оставалось сыграть в Сан-Хосе еще одну игру с командой «Саприса», местным чемпионом и, как утверждали, чемпионом Центральной Америки. В коста-риканской лиге был еще один приличный клуб «Эредиа», но он почему-то не участвовал в этом турнире. И мы слышали, что хозяева «Эредии» очень недовольны этим.

Касильдо Озес, импресарио, привезший нас в Коста-Рику и сорвавший нам все праздники, озабоченно потирал руки и говорил: «Надо бы как следует выиграть у «Саприсы». Побольше ей забить. У нее тут, в Центральной Америке, хороший имидж. И если мы ей навалием штук пять сухих, это поможет погасить плохое впечатление от предыдущих матчей... Он и заметочку сочинил для местной прессы: мол, у «Саприсы» мы наверняка выиграем крупно, и вопрос стоит только о количестве голов. «Бразильский футбол, — вдохновенно витийствовал Касильдо, — хорошо известен во всем мире тем, что нам наши противники забивают лишь столько голов, сколько смогут. Обычно — мало. А мы им забиваем, сколько захотим».

После этой самоуверенной декларации, прозвучавшей объявлением войны, атмосфера накалилась. Местная публика рванула к кассам стадиона, Озес довольно потирал руки.

Началась игра. Атака туда, атака сюда. Трибуны заполнены, торсида ревет и требует нашей крови. От «немецкого перца»

ребята уже оправились, бегают, делают все как надо. Диди в порядке. Гарринча творит свои художества. Вратарь Амаури — как стена. Куарентинья уже дважды попадал в штангу. И к середине первого тайма мы забили первый гол. Правда, «Саприса» вскоре отквитала этот мяч, но я видел, что мы контролируем игру и все будет как надо.

Короче говоря, в перерыве все говорили, что «Саприса» обречена. Мы начали второй тайм уверенно. Пауло Валентин уже на второй минуте вошел в штрафную, обыграл защитников и послал мяч точно в нижний угол ворот. Два-один в нашу пользу. Оркестрик на трибунах, как это и было положено, отыграл, хотя и кисло, какую-то там бравурную мелодию по случаю гола. Вратарь «Саприсы» поднялся с земли, отправился за мячом, но, поскольку позади сетка ворот была не очень хорошо закреплена, мяч после удара Пауло Валентина выкатился наружу, и вратарь, обойдя штангу, поднял его, размахнулся и кинул в поле.

Мяч был поставлен на центр, но судья — маленький рыжий англичанин Маккенна — вдруг яростно засвистел, замахал руками над головой. Никто ничего не понимает. «Саприса» смотрит на него удивленно, а этот британец верещит по-своему, на английском, которого тут никто не знает. Потом он подбегает к мячу, хватает его и сам несет к воротам «Саприсы», ставит на угол вратарской и показывает вратарю: «Пробивай!»

В чем дело, черт побери?! Наш капитан Памполини подбегает к нему, спрашивает, что случилось, тот машет руками, и становится ясно, что он решил: гола не было, мяч прошел рядом со штангой!

Атмосфера сразу же накалилась: Томе, Лукас и Бето побежали к судье, и по их лицам было видно, что этому мозгляку не одобровать.

Я тоже кинулся к судье, он уже успел получить несколько толчков, когда я закричал своим: «Оставьте его в покое! Эта команда — пустое место. Вы сейчас забьете им еще штук пять! С этим ветром они и через середину поля ни разу не перейдут!»

Наши продолжали качать права, «Саприса» равнодушно наблюдала за выяснением отношений, торсида ликовала: трибуны всегда любят драки. А я выхватил судью из образовавшейся толкучки, обнял его за плечи и отвел к боковой линии от греха, как говорится, подальше. Игроки уже начали успокаиваться, я решил, что все в порядке, сейчас игра будет продолжена, и мы начнем забивать этой «Саприсе», как вдруг судейка этот, оказавшись с моей помощью в безопасной зоне, превратился в бешеного зверька. Он заверещал дурным голосом и стал яростно жестикулировать. Я ничего не мог понять, а он размахивает руками, потом тащит меня за рукав за пределы поля и показывает на трибуны. И только тут я сообразил, что он выгоняет меня с поля. Меня, того, кто спас его от расправы!

Кровь бросилась мне в голову, я врезал ему по физиономии... Тут на поле ринулась полиция, за ней — болельщики. Большой драки, правда, не получилось. Так, суматоха. Вскоре страсти стали успокаиваться, полиция, решив очистить поле и от торсиды, и от игроков, завопила: «С поля! С поля!»

Мы начали постепенно выходить. Но один из полицейских,

низенький и толстый, стал проявлять особое усердие: толкать в спину наших. Томе это не понравилось. Он обернулся и рявкнул: «Я же выхожу! Чего ты толкаешься?» Тогда этот коротышка ударил его ногой по заднице. И сильно ударил!

Я подбежал и вмазал обидчику. Тот полетел на гаревую дорожку. Потом вскочил на ноги, выхватил пистолет, схватил его за ствол и обрушил на мою голову рукояткой. Слава богу, наш тренер по физподготовке Пауло Амарал, здоровенный детина, штангист и боксер, вместе с пилотом Лео из «Крузейро ду Сул» кинулись между нами, успели слегка отвести его руку, и рукоятка пистолета лишь по касательной задела мой висок, но и этого было достаточно, чтобы рассечь бровь и щеку. Хлынула кровь. Наши увидели это и совсем разошлись. Образовалась гигантская куча-мала. Мы были в подавляющем меньшинстве, но поработали ногами и руками от души. Нам, конечно, тоже досталось. Особенно мне. Голова разбита, бровь рассечена, синяки по всему телу. В конце потасовки человек десять схватили меня за руки и ноги, бросили в машину и повезли куда-то. Минут через пятнадцать я очутился в местной тюрьме, в камере за решеткой от пола до потолка, которые мы видели в фильмах об американском Диком Западе. Минут через двадцать за мной пришел надзиратель и отвел меня в чай-то кабинет к телефону. Звонил Ренато Эстелита. Он сказал: «Жоан, ты сейчас выйдешь... Мы тут сказали, что не продолжим игру, пока тебя не освободят».

Минут через пять меня действительно посадили в джип, отвезли в Гранд-Отель. Он был рядом с тюрьмой. И когда отпустили, предупредили, что будут завтра судить. И велели, чтобы я никуда из отеля не выходил. Я поднялся в номер, включил радио и слушал репортаж о возобновившейся игре. Пауло Валентин тут же забил гол, потом мы еще забили, словом, матч был выигран.

Когда команда вернулась в отель, доктор Карвальо Лейте начал обрабатывать мои раны, а Ренато Эстелита сообщил, что полиция сразу же после окончания матча повязала Пауло Амарала и отправила его в тюрьму. Нужно было срочно отнести ему воды и бутербродов. Определили группу добровольцев. Пошел и сам Ренато. А мне велели остаться в отеле, чтобы меня не засадили снова рядом с Пауло.

В Коста-Рике скандалы, подобные этому, решаются обычным судом по месту происшествия. Утром, когда мы отоспались, выпили кофе и перевязали свои боевые раны, нас с Пауло отправили на джипе в ближайшее к стадиону судебное заведение. Следом за нами на нескольких такси поехали доктор, Ренато, Гарринча и еще с полкоманды.

ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ФЕМИДА

Скажу прямо, это было зрелище весьма любопытное: домишко старый, полуразвалившийся. Скорее похожий на сарай. За столом сидел дряхлый старикан в старенькой рубашке цвета хаки, полотняных брюках, сандалиях на босу ногу. На его носу чудом держались металлические очки с проржавевшей дужкой и треснутыми стеклами. Он что-то тюкал одним пальцем на допотопном

«ундervуде». По всей вероятности, это был писарь или кто-то в этом роде. Мы сели на стулья и стали ждать команды «Встать, суд идет!». Вместо этого в комнате вдруг раздалось громкое куриное квохтанье. Оказалось, за столом в картонной коробке сидела на яйцах курица-несушка.

Тут подбежали три джипа, битком заполненные полицейскими во главе с майором Сото, начальником полиции, тем самым, с кем я вчера подрался. У них было все: пистолеты, автоматы, винтовки, гранаты и легкие пулеметы. Можно было подумать, они прибыли на кровопролитное сражение. Старик писарь вдруг поднял голову и, строго глянув на нас, сказал: «Ну, хорошо, давайте начнем. И начнем с вас!» И посмотрел на меня. Я встал со стула, заправил рубашку в брюки для порядка и рассказал все, как было. Признал, что не сдержался, когда врезал футбольному арбитру, и заметил, что ввязался в драку с майором Сото только после того, как он сам ударил ногой нашего игрока, мирно выходявшего с поля, то есть выполнявшего команду полиции.

Потом старик повелел Пауло Амаралу дать свою версию. Пауло не дурак. Он долго и красиво говорил о панамериканской дружбе, которая связывает в единую семью все народы нашего континента. И заключил здравой мыслью, что все футбольные драки обычно ограничиваются рамками поля, а после окончания драки и игры футболисты обычно мирятся и уходят в раздевалки в обнимку. Поэтому, заключил Пауло, негоже вмешиваться со стороны в футбольные конфликты.

Дед поднял голову, посмотрел на майора Сото, все также стоявшего у дверей, и сказал ему строго: «Теперь — вы!»

Майор вышел к этому единственному в комнате столику, облокотился на гранатомет и заговорил о задачах полиции по охране общественного порядка и о необходимости самым решительным образом пресекать нарушения со стороны хулиганов и бандитов. Здесь майор сурово посмотрел на меня, чтобы сразу же было понятно, кого он имеет в виду.

Он говорил долго. Минут двадцать. И накалялся все больше и больше, до крика. Как Муссолини в старой хронике.

Старик писарь посмотрел на него, потом опустил голову и потюкал на машинке. Строчки три. Затем сдвинул очки на самый кончик носа, посмотрел вверх них и сказал, как выстрелил:

— La sentencia! (Приговор!)

Я так и подпрыгнул на стуле. Ничего себе: мы думали, что это всего лишь дознание. А это, оказывается, был суд!

Итак, старик начал произносить приговор. Он ткнул пальцем в сторону майора Сото и раздраженно сказал:

— Эти из «Саприсы» всегда выигрывают только с помощью своего судьи. Без купленного судьи они ни на что не способны. А я из «Эредни!» Вы, — он посмотрел на нас с Пауло, — вы не знаете, что такое «Эредиа»! Это лучшая команда в Коста-Рике! Но эти, — он снова ткнул костлявым пальцем в сторону майора, — эти нас не пригласили на турнир! Они командуют в футбольной лиге. И, когда у них не получается что-то, они всегда устраивают заваруху... Итак, приговор: вы оба должны заплатить штраф. Максимальный размер — сорок колонов, минимальный — пять. Вы платите пять.

Мы тут же согласились заплатить. Тем более что штраф-то был как два билета на футбол. А майор Сото начал протестовать. Но старик ударил кулаком по столу и строго сказал: «Заседание закрыто!» Майор сверкнул глазами из-под бинтов, шелкнул каблуками и исчез. Вместе со всей своей бандой на трех джипах.

КЮРАСАО: «СЛИШКОМ МНОГО ГАРРИНЧИ!»

Мы приземлились в Кюрасао, на острове неподалеку от Венесуэлы в Антильском море. Порт там шикарный, как и город, построенный голландцами. Естественно, кипит торговля, бурлит контрабанда.

А футбол на острове весьма странный. Восемь команд, и у всех один тренер: аргентинец, который когда-то играл в «Эстудиантес де ла Плата», потом был привлечен сюда хорошим контрактом, что дал ему сеньор Мордмадура — президент местной лиги, член ФИФА и вообще главный и единственный хозяин футбола на этом острове, собственник всех восьми команд. Вот он-то и повелел тому аргентинцу сделать местный футбол более или менее презентабельным. У них там, конечно, не было чемпионата в нашем понимании этого слова. Какой может быть чемпионат, когда у всех восьми команд один хозяин и один тренер? Но они устраивали какие-то свои турниры и периодически играли с гостями, вроде нас, когда хозяин раскошеливался и приглашал приличный клуб.

Играть с ними было довольно интересно: там много негров и мулатов, а где черные, там всегда неплохой футбол. Но класс у них был, конечно, не очень высокий, скажем так, чтобы никого не обидеть.

Мы сыграли две игры с местной сборной: одну в субботу, другую в воскресенье. Выиграли четыре-ноль и четыре-один.

В понедельник местная газетка опубликовала счет. Репортер светской хроники сочинил хвалебную оду Мане Гарринче. Что-то вроде белых стихов: «...И самый правый из форвардов наших гостей, бегавший словно сумасшедший по самому краю поля, вчера показал изумленной публике скорость и приемы, никогда ранее не виданные на нашем острове. Он прошел легко через четверых наших защитников и вратаря и забил гол в пустые ворота. И нам показалось, что было на поле слишком много этого Гарринчи!»

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ИГРЫ

В последний наш вечер в Виллемстаде, прогулявшись на прощание по городку, я возвратился в отель и, решив не пользоваться лифтом, пошел на третий этаж пешком. Иногда бывает полезно размять мышцы хотя бы таким способом.

Когда я шел по второму этажу этого почти пустого постоялого двора, через дверь одного из номеров вдруг послышалась родная речь: «Играю по маленькой, надеюсь, что сыграет мой валет, а ты, тупица, раскрой рот и все прозевал!»

Я остановился и прислушался. Кроме нас, ни одного бразильца

в гостинице не было. Да и сомневаюсь, чтобы во всем этом городе был, кроме нас, хотя бы один бразилец. И на этом этаже никто из наших не жил...

«Не зевай, дубина, сдавай побыстрее!» — вновь донеслось через дверь. Все ясно: это был голос нашего Пауло Валентина, хрипловатый, протяжный. Его ни с кем не спутаешь.

Еще секунда, и я бы вошел в комнату, чтобы схватить моих героев на месте преступления, но в этот момент в конце коридора показался наш каптенармус Алоизио. Он шагал в мою сторону целеустремленно, как человек, который знает, куда и зачем направляется. Весело посвистывая самбинью «Я пират с деревянной ногой», он уже прошел половину коридора, но, завидев меня, тормознул, словно герой мультфильма — знаете, как это бывает: тормоз с визгом и тучей пыли до небес.

Но деваться ему было некуда. Он подошел поближе, пожал плечами, покачал головой.

— Так ты тоже заодно с ним, мерзавец! — громким шепотом, чтобы не услышали те, за дверью, прошипел я.

— Видите ли, сеу Жоан, я... это... решил прогуляться. Лифт что-то плохо работает...

Я посмотрел на замасленный пакет. В нем было десятка три бутербродов. Ясное дело: они предназначались игрокам.

В этот момент позади Алоизио появился гарсон из бара. Он нес бутылку десять пива и две — рома. Проследовав с учтивым полупоклоном мимо меня и Алоизио, словно дело происходило в лондонском «Хилтоне», а мы — арабские шейхи, он подошел к двери, за которой слышались голоса, постучал, громким голосом провозгласил: «Сеньоры! Ваши напитки!», и вошел.

Прекрасно! Мало того, что они вопреки строжайшему запрету играют в карты, они еще и пьют! Я рассвирепел и вошел следом за гарсоном.

В комнате было накурено, как в солдатском туалете. Вокруг маленького столика, выдвинутого в центр, сидело полкоманды.

«Поставь на комод!» — крикнул кто-то, не поднимая головы. Гарсон начал расставлять бутылки на большом комодe.

Чей-то голос в дыму спросил: «А где же Алоизио с бутербродами? Есть хочется...» «Раздавай и не скули!» — рявкнул в ответ ему Пауло Валентин.

На банке был сидящий спиной ко мне Диди. У него между пальцами цвело радугой множество банкнот. Как у рыночного менялы. Я видел там и зеленые доллары, и желто-голубые песо, и наши родные крузейро.

Первым меня увидел Мане Гарринча. У него в руках были карты, но не меняя позы и не изменившись в лице, он вдруг оказался с газетой в руках. Куда делись карты, я не понял. Это была какая-то магия! Аморозо, который стоял рядом с Мане лицом к двери, тоже сразу же увидел меня, раскрыл рот и пулей бросился наутек. Шмыгнул в туалет и захлопнул за собой дверь. Диди вообще ничего не заметил, он продолжал бубнить размеренно, как автобусный билетер, объявляющий остановки где-нибудь на Риашуэло.

— Ну, кто еще? «Банкир платит и получает с улыбкой на губах», — цитировал он известного в те годы киногероя. —

Делайте ваши ставки, уважаемые сеньоры! Король — мой, а ваша дама бита!..

— И для меня, пожалуйста, десятку! — сказал я.

Тут все увидели меня и застыли в немой сцене, а Диди, все еще ничего не замечающий и не понявший, кто это сзади говорит о десятке, небрежно кинул через плечо:

— Деньги на кон! Иначе мы не разговариваем. Курочка кушает клювиком к земле... Кто женился, спит в обнимку. Девочки любят мальчиков, а денежки любят счет...

И тут Куарентинья, словно очнувшись, завопил: «Полиция!»

Все бросились врассыпную.словно тайфун прошелся по комнате. Диди вскочил, развернулся, уткнулся носом прямо мне в грудь, сообразил, что происходит, и завопил:

— Мы не на деньги играли, сеу Жоан! Не на деньги!

Он кричал это, потрясая руками, полными банкнот. А в углу комнаты, съезжившись и испуганно глядя на меня, сидел ее хозяин, приютивший моих парней, певец-испанец. Я плюнул на пол, погрозил ему кулаком и вышел, хлопнув дверью.

Да, очень трудно иметь дело с двумя десятками парней, которых нечем занять. Особенно если среди них такие хитрецы, как Гарринча или Пауло Валентин...

«ПАЯЦЫ»

В Сальвадоре нас вместе с Озесом встретил сам Чрезвычайный и Полномочный Посол Бразилии в этой республике Лауро Мюллер. Делегация наша приветствовала его овацией и криками «Вива!» Еще бы! Это был наш старый и верный друг. Когда «Ботафого» играл в Барселоне (Лауро был тогда генеральным консулом в этом испанском городе), там к концу матча случилась колоссальная драка, и местная полиция — они ведь тоже часть торсиды и за своих стоят горой! — отправила всю нашу команду за решетку. «Доктор Лауро», как его прозвали ребята, явился в полицейский участок, объявил себя под арестом вместе с командой и сказал, что «не выйдет на свободу», пока не освободят всех игроков... Теперь мы приветствовали «доктора Лауро» как самого родного человека.

Он обнял каждого из нас, смахнул скупую мужскую слезу, пожаловался на местные нравы, на отсутствие «фейжоады» в местных ресторанах, на тоску по карнавалу. Потом засмеялся и сказал, что надеется: у нас тут не случится ничего подобного тому, что произошло тогда в Барселоне. И сообщил, что у нас будут две встречи. Одна с местной сборной, другая с аргентинским «Индепендьенте». «Аргентинцев вы сами знаете лучше меня, — добавил он, — а с местными вам напрягаться не придется. Очень слабы...»

Но футбольная жизнь тем и прекрасна, что иногда готовит сюрпризы. Эта местная команда была действительно слаба: на уровне дворовой команды в какой-нибудь Жаботикабе или Гуарапуаве. Мы начали играть снисходительно, словно давая урок противникам, но они вдруг ощетинились. Им удалось на первых же минутах забить нам какой-то дурацкий мяч, трибуны взревели, и сальвадорцы начали бессовестно тянуть время.

В перерыве я напомнил парням, что премия за победу под угрозой. И на трибуне «доктор Лауро», которому больно видеть издевательство над национальным стягом Великой Бразилии и поругание Традиций Лучшего в Мире Бразильского Футбола...

Ребята завелись. И во втором тайме голы в те ворота посыпались, как перезревшие манго на влажную землю после хорошего тайфуна...

На следующий день местная пресса, удрученная разгромом, писала, что «Индепендьенте» отомстит бразильскому «Ботафого».

СПОР ПО-МУЖСКИ

Игра с «Индепендьенте» началась при полном аншлаге. Трибуны буквально ломились. Было такое ощущение, что они в любую минуту могут рухнуть под тяжестью толпы. Мы с аргентинцами хорошо знали друг друга, уже неоднократно играли в разных турнирах, а здесь, в Сальвадоре, жили в одном отеле, потому отношения у нас были ровные, дружеские, как и должно быть у профессионалов, зарабатывающих хлеб свой футболом. Но возбуждение местной прессы и радио, все эти вопли, что, мол, «аргентинцы отомстят за нас», и истерика на трибунах внесли-таки в игру заметную напряженность.

74 Наши соперники вдруг и впрямь возомнили себя «мстителями», игра обострилась. Кроме того, мои защитники не могли выходить вперед, потому что для здешних судей «офсайд» применительно к нашей команде перестал существовать. Я это обнаружил в первые же пять минут, когда ни судья, ни помощник на линии дважды подряд не остановили игру при явных офсайдах аргентинцев. И только чудо спасло наши ворота от двух мячей.

Пришлось мне, выйдя к бровке, крикнуть защитникам Нильтону и Томе, чтобы не рисковали, не ходили вперед.

Торсида на трибунах требовала нашей крови, и аргентинцы, увы, начали откликаться на эти вопли. Ситуация становилась все более напряженной, я чувствовал, что она может выйти из-под контроля. Гигант Варака, их «центрхаф», вдруг без всякого мотива врзал по ногам нашему Эдсону. Тут же сзади подлетел Томе и дал по ногам Вараке.

Торсида взревела, как, наверное, ревели древние римляне в своем Колизее, глядя на обреченных гладиаторов, в ту минуту, когда из клеток появляются львы. Я понял, что большой драки не избежать, но в этот момент судья дал свисток на перерыв.

Уже по дороге в раздевалку Варака пытался сцепиться с Томе, но их растащили. Варака продолжал кричать, что он «этого так не оставит», но тут к нему подошел Пауло Амарал и предложил:

— Доиграйте спокойно, а после матча в отеле, если очень хочется, мы с тобой разрешим этот спор по-мужски, о'кей?..

Варака дал согласие. Страсти слегка охладились. Тем более когда их капитан Крус, левый край своего клуба и сборной, крикнул нашим и своим: «Ребята, хватит валять дурака! Зачем это мы будем убивать друг друга ради этих недоумков на трибунах?! Давайте доиграем спокойно!..»

Мудрый голос был услышан. Второй тайм, несмотря на подзу-

живание торсиды и безобразное судейство, прошел нормально. Мы сыграли вничью, забив по голу. Учитывая условия, это был даже неплохой результат. Хотя премия автоматически сокращалась вдвое. Но что поделаешь...

Вернувшись в отель, я начал упаковывать вещи, когда мне в дверь постучал Алоизио:

— Сеу Жоан, идите посмотрите: на втором этаже Пауло Амарал будет драться с Варакой!

Я отправился в номер к Пауло, надеясь отговорить его от этой дурацкой затеи. Но там все уже было подготовлено к схватке: мебель вынесена в коридор, все, что может разбиться или разломаться, спрятано подальше. Когда я подошел, Эдсон и Куаренти-нья вытаскивали в коридор последнее кресло.

Алоизио спросил у Пауло:

— Ковер скатывать с пола или оставить?

— Оставь, — ответил Пауло. — С ним этому парню будет помягче падать...

Вокруг нас собралось несколько аргентинских игроков. Я попросил их поговорить с Варакой. «Передайте ему, — сказал я, — что наш Пауло, во-первых, чемпион по штанге, во-вторых, всю жизнь занимался боксом, а сейчас, кроме того, что он тренер «Ботафого» по физподготовке, он подрабатывает еще и тренером по вольной борьбе. Драки не будет. Будет тяжелое избиение одного из бойцов. И гарантирую, что избитым будет не Пауло».

Кто-то из аргентинцев, почувствовав ситуацию, объяснил своим:

— Ребята, да вы обратили внимание, что он за тип, этот Амарал? Это же гора мышц! Наш Варака, конечно, храбрый мальчик, но тут ему не сдобровать. Давайте уладим это дело...

Я добавил:

— Пауло согласен помириться. Нажмите вы на своего.

Тут как раз прибыли в отель, чтобы попрощаться с нами, оба посла: наш и аргентинский. Какая уж при послах драка?.. Все собрались в холле, наш Лауро Мюллер подмигнул кому надо, и сразу же появились гарсоны с шампанским. Ренато предложил тост за дружбу двух великих южноамериканских народов, потом были речи и здравницы: «Вива Аргентина!» и «Вива Бразилия!». Дело кончилось тем, что оба бойца трогательно обнялись и похлопали друг друга по плечам под аплодисменты всех присутствовавших.

ПРАЗДНИК МАРИИ-АНТУАNETы

Итак, мы прибыли в Мехико — конечный пункт нашего долгого турне. Здесь мы должны были провести еще месяц, сыграть пять матчей: четыре — с местными командами и один — с аргентинским «Ривер-Плейтом». Было просто прекрасно, что все встречи должны были пройти на одном и том же «Эстадио Университарио» в университетском городке. И слава богу, закончились наши бесконечные перелеты, это утомительное чередование: «аэропорт — стадион — аэропорт — отель...» и так далее.

Первую игру против местной «Гвадалахары» мы должны были проиграть: все-таки две тысячи четыреста метров дают на орга-

низм. В горле постоянная сухость, ноги наливаются свинцом, когда начинаешь подниматься по лестнице. Ну а как тут бегать, можете представить себе сами... Дней пятнадцать нужно, чтобы человек привык.

Итак, первую игру мы фактически без боя сдали. И оставались нам четыре матча. Три из них против местных команд — верные победы с вытекающими отсюда премиями, а насчет четвертого было пока неясно: все-таки знаменитый аргентинский «Ривер». Но до него еще было далеко.

Сразу же после проигрыша «Гвадалахаре» мы начали подготовку к остальным играм. Для начала я позвонил в местную футбольную Лигу и попросил, чтобы нам предоставили на завтрашнее утро какое-нибудь поле для тренировки. Некий голос, назвавшийся «Эскопета», сообщил, что мы можем ехать на тот самый Университетский стадион, где проходят наши матчи. Прекрасно!

Наутро я дал команду, и через полчаса наши парни спускались в холл, готовясь к выезду на стадион. Там, в холле, мы столкнулись с ребятами из «Ривера», которые прилетели вчера вечером и тоже выходили, чтобы ехать на тренировку. «Немного разогреться и позагорать на солнышке», — сказал мой приятель тренера аргентинцев Минелла.

Я поинтересовался, какое поле им дали. Выяснилось, что им определили на этот же самый час тот же «Эстадио Университарио». Очевидно, произошло недоразумение. Мы с ним подошли к телефону, и я набрал номер Лиги, чтобы разобраться.

Мне сообщили нежным девичьим голосом, что стадион отдан аргентинским футболистам.

Я попытался протестовать, потребовал к телефону «сеньора Эскопету». Его нашли, и этот Эскопета, вчера вечером благословивший меня на тренировку, сегодня утром невозмутимо заявил, что «Университарио» отдан на этот час «Риверу»! И положил трубку.

Я снова набрал номер. Девушка ответила, что она ничем не может помочь. Я потребовал кого-нибудь из руководителей. Но их никого не оказалось.

Тогда я дал команду ребятам обуть кеды и спуститься вниз. Мы вышли на мостовую и начали тренировку прямо у входа в отель, перекрыв уличное движение.

Это надо было видеть! Вокруг собралась ликующая толпа. К нам сразу же присоединились несколько местных мальчишек и парни из «Ривера», которых Минелла, как человек, еще раз повторю, глубоко порядочный, не хотел увозить на тренировку до развязки.

Движение на улице застопорилось. Некоторые машины отправились в объезд, водители и пассажиры застывших автобусов с изумлением гладели на нас. Вокруг стала собираться толпа. Она радостно гудела и рукоплескала кружевам, которые плел ногами и мячом Мане Гарринча. Куарентинья врезал мячом в стену отеля с такой силой, что показалось, будто здание зашаталось.

Хозяин отеля позвонил в Лигу, и буквально через несколько минут все проблемы были решены — выяснилось, что на Универ-

ситетском стадионе два поля и мы отлично можем там работать вместе с «Ривером».

Вернувшись в отель и пообедав, мы начали готовиться к выезду на важное «социальное мероприятие»: вечеринку у постоянно живущей в Мехико нашей соотечественницы Марии-Антуанеты Понс. Эта дама — «королева самбы», знаменитая певица, танцовщица и «звезда» стриптиза, работавшая в ночных кабаках мексиканской столицы, — считала своим долгом при каждом приезде соотечественников устраивать приемы на своей вилле. Слава о них давно уже дошла до Рио, и именно поэтому многие ребята отказывались участвовать в этих вечеринках.

Добропорядочный и уравновешенный Нильтон Сантос был категоричен:

— Не пойду ни за какие деньги! Там всегда снимают массу фотографий, потом они попадают в газеты, газеты приходят в Рио, и ты оказываешься в дураках: ничего «такого» не сделал, а жена психует. В прошлом году тут побывал «Васко». Так там дело даже дошло до развода!..

Диди поддержал его:

— Это опасный номер. Я тоже не пойду.

Помимо приглашения к тезке французской королевы, мы имели еще и просьбу посла навестить в больнице местную певицу Нинон Севилью, которая только что вернулась из большой гастрольной поездки по Бразилии и заболела.

Поскольку Диди категорически отказался идти на вечеринку к Марии-Антуанете, я попросил его отправиться к Нинон вместе с кем-нибудь.

В то время письма из Рио в Мехико или наоборот шли около десяти дней. Но известие о вылазке «Ботафого к знаменитой соотечественнице и «звезде» эстрады прибыло по каким-то экстренным каналам. Может быть, даже кто-то послал нашим женам фототелеграммы с изображением улыбающейся хозяйки и наших умильных физиономий.

Потому что уже через два дня мы были буквально раздавлены потоком телеграмм...

Пауло Амарал, который изображал на снимке коленопреклоненного перед хозяйкой дома «скрипача», получил такое послание: «Такая туша на коленях отвратительна зпт встречу аэропорту не приеду зпт подробности письмом».

Была телеграмма еще более категоричная: «Можешь остаться там зпт знать тебя не хочу тчк».

Самое поразительное, что подруга Диди узнала о том, что он отправился навестить Нинон Севилью. В телеграмме, которую он получил, гремели громы и сверкали молнии: «Грязный тип зпт наврняка она попала в госпиталь для аборта от тебя зпт можешь не возвращаться зпт твою одежду выкинула зпт следует письмо зпт Гиомар».

Вечером в ресторане стояла тишина. Все уткнулись в тарелки. Кто-то из нашего посольства, зашедший к ужину, удивленно поинтересовался: «Что случилось? Умер, что ли, кто-нибудь?»

Грустный Нильтон отозвался:

— Лучше бы умереть...

КАК РОДИЛОСЬ «ОЛЕ!»

Нам оставалось сыграть два матча: с аргентинским «Ривером» и чемпионом Мексики «Закатепеком». Очень хотелось выиграть у «Ривера». В тот год это была команда высшего класса: в ней играли знаменитый вратарь Каррисо, Перес, Менендес, Вайро, Прадо, Лабрунья, Росси. Не команда, а ослепительная россыпь «звезд»!

В мексиканской столице давно существовала ассоциация спортивных журналистов и знаменитых торседорес «Пинья Депортива». Еще когда наш «Ботафого» впервые приехал в эту страну в 1935 году, эта «Пинья» уже существовала: всеми уважаемые мэтры собирались в кафе «Тупинамба» в центре Мехико и обсуждали футбольные проблемы. Так вот эта «Пинья» даже учредила специальный приз для лучшего игрока нашего матча с «Ривером». И как красиво он был назван — «Харрито де oro» («Золотой кубок»). Это была чудесная, редкой красоты позолоченная вазочка. Очень хотелось ее выиграть. Но мы понимали, что это будет страшно трудно.

И на беду, в «Ботафого» появились проблемы. У Сервилио — вывих лодыжки. Да и Диди приболел. Его свалил с ног сильный грипп, и доктор Карвальо Лейте буквально пичкал его таблетками и инъекциями.

...Когда мы выходили на поле, я увидел, что «Эстадио Университарио» заполнен до отказа. Сто тысяч! Величественное зрелище, вполне достойное «Мараканы». Вообще-то мне очень нравится играть или наблюдать за игрой в Мексике. Их торсида своим темпераментом и поведением похожа на нашу. И поэтому там, как у нас, в Рио, хороший матч может превратиться в потрясающее зрелище. Торседорес внимательнейшим образом следят за ходом игры, живо реагируют не только на голы, но и на все достойные внимания моменты: на удачные финты, броски вратаря, рывки, передачи. Это стимулирует, вдохновляет игроков, придает им силы. Так актер любит играть перед публикой, живущей спектаклем, вздыхающей, смеющейся, плачущей и аплодирующей.

Наш матч с «Ривером» был очень упорным, но интересным. Честно говоря, мы решили играть от обороны. Мы понимали, с кем имеем дело, и если бы попытались рвануться в атаку, то сразу же получили бы несколько голов. Но при всем напряжении игра была чистой. И не потому, что мы целый месяц жили с аргентинцами в одном отеле и как-то сдружились. Нет, она была такой просто потому, что на поле вышли большие мастера, знающие свое дело и уважающие друг друга и зрителя. Еще бы: с одной стороны были Росси, Лабрунья, Менендес, Каррисо. А с другой — Нильтон Сантос, которого уже тогда звали «Энциклопедия футбола», «Черный принц» Диди, блестящий бомбардир Куарентинья и, конечно, Мане Гарринча.

И именно Мане устроил тогда свой особый спектакль внутри нашего общего спектакля. Это было что-то потрясающее. Я не помню в своей жизни ничего подобного.

Мане держал лучший защитник аргентинцев Вайро. То есть как раз не «держал». Пытался держать.

Каждый раз, когда Гарринча получал мяч на своем правом краю и, как всегда, останавливался с ним в ногах, а навстречу ему выбегал Вайро, трибуны затихали. Все замирали напрочь: и публика, и марьячес. Страшная это вещь — тишина стотысячной торсиды! У меня прямо холодок пробежал по коже.

И вот представьте себе: они стоят, замерев, друг против друга, потом Гарринча делает свой знаменитый финт, и стадион отзывается этим мощным единым вздохом: «Ооооо-ле!..» Именно таким «Оле!», какое сопровождает корриду и какое слышишь в тот момент, когда с быком работает большой мастер. Классик. Кордобес или, скажем, Домингин.

У мексиканцев этот крик звучит иначе, чем у нас, бразильцев. Мы кричим: «Оле-еее!», делая ударение на протяжном последнем слоге. А они вытягивают и продлевают первое «о»: «Ооооо-ле!..»

И под этот стотысячный стон Мане уходит от Вайро, оставляя его позади. И так — раз, другой, третий, десятый. И этот бек, знаменитый мастер из сборной страны, ничего, абсолютно ничего не может сделать с нашим Мане! Но надо отдать ему должное, он всё равно играет чисто, он не пытается подкосить Мане сзади, не бьет по ногам.

И вот в один из моментов, когда стадион снова замолк, ибо Вайро в очередной раз замер перед Мане... и за мгновение до того, как Мане пустил в дело свой финт... в это самое мгновение в абсолютной, я бы сказал, в страшной тишине какой-то пронзительный пистон на весь стадион вдруг выдал кусочек из оперы «Кармен». Тот самый, знаменитый: несколько нот, с которых начинается ария: «Тореадор, смелее в бой!»

И надо было слышать и видеть, как весь стадион чуть не рухнул в преисподнюю. Это было что-то, неопишное словами. Какой-то атомный взрыв хохота. А Гарринча, даже не обратив на него внимания, снова посадил Вайро задницей на траву, и опять ушел по краю, и снова прострелил, сея панику в их штрафной площадке.

В один из таких моментов, после очередного «Оооо-ле!», Мане оторвался от Вайро, сделал точную передачу в центр (он тем и отличался, что, помимо гениального финта, у него еще была исключительно точная передача!), и набежавший Куарентинья словно гвоздь вколотил гол в угол ворот. Мы повели в счете.

Но это был «Ривер», он тут же пошел в атаку, и вскоре они сравняли счет. Потом Диди забил второй мяч. Издали, метров с тридцати. Но судья не засчитал его: он решил, что наш Пауло Валентин был в офсайде, хотя мне показалось, что офсайд был пассивный: Пауло стоял с другой стороны, и вратарь Каррисо, пожалуй, даже не видел его. Но решение судьи — закон! Короче говоря, игра так и закончилась вничью.

...Сразу же после финального свистка торсида хлынула на поле и буквально затопила его. «Золотой кувшинчик» (предполагалось, что его обладателя футбольные мэтры определяют на следующий день после матча тайным голосованием в кафе «Тупинамба») был тут же вручен Гарринче. Мане подняли на плечи и понесли вокруг поля. Те, кто еще оставался на трибунах, исходили стоном

восторга и бурей оваций. «Марьячес» продолжали выдавать свои пронзающие небо тирады.

А на следующий день все газеты признали, что судья ошибся, не засчитав наш гол, и «присудили» победу нам. Но главным образом в рецензиях речь шла о спектакле Гарринчи. И, естественно, об этом «Оле!», которое он устроил для мексиканской торсиды.

«АХ, ЭТИ АМЕРИКАНКИ!...»

За три дня до последней игры с «Закатепоком» и за четыре до возвращения в Рио мы решили съездить в Акапулько. Настроение у меня было паршивое: ближайшее будущее моей команды сильно осложнилось. Нам уже сообщили телеграммой, что трое наших — Гарринча, Диди и Нильтон Сантос — призваны в сборную, которая поедет на чемпионат мира в Швецию.

Последние дни у команды был самый легкий режим, мы практически не мешали ребятам отдыхать и развлекаться. Оно и понятно: к концу трехмесячного турне надевать узду и держать команду взаперти, на строгом режиме было безумием. Поэтому, когда кто-то высказал желание прокатиться в Акапулько, я не только не стал возражать, но и поехал вместе с командой.

Мы бродили по симпатичному курортному поселку, который в это мартовское межсезонье был уныл и безлюден, с интересом разглядывали витрины лавок и с еще большим интересом — фигуры продавщиц. Но больше всего заинтересовало нас, впрочем, не женское общество, а парни, прыгающие в океан с той высоченной скалы, о которой слава идет по всему миру.

Мы позвали одного из них за столик. Он сел, с удовольствием угостился нашим пивом. Его загорелое, с бронзовым отливом тело, казалось, зазвенит, ударь только пальцем! В глазах были усталость и равнодушие.

Поинтересовавшись, кто мы такие, он оживился и немедленно спросил, нет ли среди нас Гарринчи. Мане скромно сидел к краю, словно дальний родственник. А прыгун сразу же подсел к нему, начал восхищаться его финтами в матче с «Ривером». Сказал, что специально ездил в Мехико, чтобы посмотреть эту игру.

Мы, в свою очередь, стали расспрашивать парня о секретах его ремесла. «Все-таки, — сказал я, — прыгать с тридцатиметровой скалы — это дело хитрое, требует не только отваги, но и умения».

— Подумаешь, «умения», — возразил Томе. — Дайте мне полсотни долларов, и я сигану в тот же момент!

И мы, приняв этот вызов, собрали деньги и все отправились по узкой тропке, на самый верх скалы.

Даже подниматься было страшновато. Ветер крепчал и свистел в ушах. Редкие туристы смотрели на нас с таким же интересом, с каким посетители зоопарка разглядывают мартышек, скачущих вниз головой по металлическим прутьям вольеры.

Там, на самом верху, парень подвел Томе к краю маленькой площадки, откуда надо было прыгать. Томе глянул вниз, побелел, покачнулся и бросился назад, к нам.

— Нет! Нет! Нет!.. — Он кричал, как ребенок, которому хотят

насиленно влить стакан касторки. — Да вы что, с ума посходили?! Да если я прыгну, эти деньги останутся только моим наследникам! Можете смеяться, дразнить меня сколько угодно... Ни за какие деньги! Ни за тысячу «зеленых»!

— А за миллион? — спросил Мане не без ехидства.

— Ни за миллион! Зачем мне нужен этот миллион, если я даже не услышу шелест этих бумажек!

Мы посмеялись и отправились обратно вниз допивать пиво.

Я поинтересовался у парня, хорошо ли они зарабатывают? Оказалось, что не очень. Префект установил для них нечто вроде зарплаты. Маленькой, конечно. Ну, и иногда сами «гринго» — богатые туристы подбрасывают.

— Ну а чем же вы живете? Где же ваша главная «золотая жила»? — спросил Томе, уворачивающийся от насмешек Мане.

Парень ответил, что гораздо больше в разгар сезона удается заработать на престарелых американках, обычно вдовых или разведенных, которые приезжают сюда в одиночку или парами.

— А как вы с ними сговариваетесь? — спросил Сервилио.

Мексиканец ответил, что тут сложностей никаких нет: американки сами их выбирают. Сначала приглашают за столик выпить. Потом с ними надо потанцевать, погулять по окрестностям. Потом, договорившись о цене, нужно идти с ней в номер. «И все такое прочее». Некоторые — те, кому, видать, не попадались там, в Америке, хорошие мужья, — могут оставить при отъезде большие деньги. Был случай: какая-то «гринга» тысячу монет отвалила за две недели такого «романа».

— Хорошее дело, — заметил Томе. — Не то, что мы тут: мяч гоняем и ноги друг другу ломаем! Эх, жалко, времени нет...

Но мексиканец сказал, что обольщаться не стоит, это «негосно» тоже становится все более трудным. Дело в том, что в последнее время рынок перенасыщается: спрос на парней начинает отставать от предложения. Слишком уж много появляется конкурентов, которые приезжают из столицы и других провинций.

На обратном пути в Мехико мы подремывали, откинувшись в мягких автобусных креслах, а Томе бурчал вполголоса за моей спиной:

— Мир так устроен, что легких денег не бывает...

— А ты найди американку в Мехико, — ухмыльнулся с заднего сиденья Мане. — Может, у тебя с ней получится не хуже, чем у этих ребят из Акапулько. И она оставит тебе пару тысяч. До следующего нашего приезда сюда.

— И правда, Томе, — отозвался Амаури. — Только, когда будешь договариваться, спроси, нет ли у нее подруги для меня?

— И для меня тоже, — сверкнул «зубчаткой» Лукас.

— Для тебя американки не найдется, — сказал Алоизио. — Никто из них не захочет жить с обезьяной.

Парни весело заржали. А водитель нажал кнопку магнитофона, залив салон звуками «Голубки».

ВОЗВРАЩЕНИЕ И СТРАШНАЯ «ДОНА ГИОМАР»

Как и предполагалось, «Закатепек» мы обыграли с разгромным счетом, после чего выдали ребятам последнюю премию, не очень,

правда, крупную. И уже на следующий день вылетели в Рио.

До прилета в Бразилию наш рейс имел три или четыре, не помню уж точно, промежуточных посадки, и после последней — в Лиме — ко мне подсел заметно охваченный смятением Диди и, запинаясь, спросил:

— Сеу Жоан, наш самолет, кажется, до Рио должен сесть еще в Сан-Паулу?

— Вроде бы так, а что?

— Да я все думаю: может, мне лучше сойти там, в Сан-Паулу. А уже оттуда на автобусе приехать в Рио.

— Чего ради? — удивился я.

— Дона Гиомар... Вы разве не помните ее телеграмму из-за этой несчастной Нинон Севильи?.. Она ведь такое мне устроит в Рио, если я там сойду! И при журналистах, при всех ребятах.

— Ну, как знаешь, — сказал я. И пошел пообщаться с командиром корабля, который давно приглашал меня в рубку к экипажу. Там я узнал, что посадки в Сан-Паулу не будет.

Оказывается, кроме нас, в самолете было еще всего шесть пассажиров, и все они, как и мы, летели в Рио. Поэтому командир запросил диспетчерские службы, и ему разрешили не садиться в Сан-Паулу, а следовать прямо в Рио.

Узнав от меня об этом, Диди пожелтел:

— Все, теперь мне конец! Она меня уничтожит прямо там, в зале встреч. Я даже не дойду до автобуса!

— А хочешь, мы тебя загипсуем? — предложил я. — Упакуем тебя в гипс, и твоя Гиомар, как все женщины, проникнется жалостью.

— Как же, как же! «Проникнется жалостью!», — горько возразил он. — Она, наоборот, врежет мне еще сильнее, и я с вашим гипсом не смогу даже удрать от нее!..

— А может, дадим ей прямо отсюда, с борта самолета, телеграмму, в которой скажем, что самолет приходит в аэропорт Сантон Дюмон? Она поедет туда. И Диди сможет в Галеоне выйти без проблем, уехать к друзьям, ко мне, например, и пожить там пару дней, пока мы не обработаем и не смирим Гиомар? — предложил Алоизио.

— Вы не знаете ее! — воскликнул Диди. — Она уже давно сидит в Галеоне и ждет меня там. И никакие ваши телеграммы до нее не дойдут.

...Встреча в аэропорту получилась довольно холодной. Почти все жены и подруги смотрели на нас враждебно и недоверчиво. И все из-за этой проклятой Марии-Антуанеты! Но постепенно обстановка начала оттаивать. Пока мы ждали багаж, многие подруги уже повеселели. Начались объятия, поцелуи.

Все-таки три месяца разлуки сыграли свою роль, и только Гиомар была похожа на разъяренную тигрицу. Она металась по салону в поисках Диди, который прятался в кабинете начальника пассажирской службы...

Так закончилась наша трехмесячная эпопея жарких битв в разных странах Америки. Завтра во второй половине дня мы должны были собраться в клубе, чтобы обдумать, как нам сыграть в турнире Рио — Сан-Паулу без Мане, Диди и Нильтона.

СТРАСТИ ПО КАМПУ

Когда я шла на встречу с руководителем группы «Леди в черном» Юрием Другановым, то ожидала увидеть такого самоуверенного, преуспевающего, довольного собой шоумена. Но встретила очень скромного, милого худощавого молодого человека невысокого роста, который и оказался автором текстов и руководителем ансамбля «Леди в черном». И все же, вспомнив броскую обложку их аудиоальбома «О, Каир!», не удержалась и невольно спросила:

— Юра, вы хорошо отдохнули в Каире?

— Да что вы, какой там Каир! Пока — только в мечтах.

— Тогда откуда же такая любовь к экзотике? На обложке вы с вашим партнером Валерием Мирошниченко, словно два мусульманина в накидках, охраняете прелестную блондинку от возможных посягательств...

— Могу рассказать, как было на самом деле. Как-то я приболел, дома — тоска... За окном — слякоть, дождик моросит, обычная российская непогода. Лег на диван, закурил и машинально стал вертеть в руках пачку сигарет «Кэмэл» — по-русски «верблюд», знаете? Гляжу на эти сигареты, и так вдруг захотелось побывать в Египте! Представил себе бескрайнюю Аравийскую пустыню, барханы, раскаленное солнце, а на горизонте медленно-медленно ползет караван: гордая поступь верблюдов, усталые, изможденные погонщики и долгий-долгий, мучительный путь домой. А дома, в Каире, кого-нибудь из них ждет верная жена, тоскует...

— А почему — «Леди в черном»? Наверное, название возникло под впечатлением от какого-нибудь фильма ужасов с главной героиней — призрак?

— Все гораздо проще. Когда записывали свой первый альбом, то любили забегать после записей в Макдональдс на Пушкинской. И смешно сказать, но только там я впервые заметил, что наша солистка Елена Лебедевич почти всегда ходит в черном. Кстати, это ее любимый цвет. Я в шутку и сказал: «Лен, да ты у нас настоящая леди в черном!»

— И теперь ваша леди обречена пожизненно ходить только в черном.

— Что делать, имидж требует жертв...

— Леди ездит в черном лимузине, у нее богатые поклонники?

— Честно говоря, до лимузинов пока далековато, предпочитает обычное метро. А что касается поклонников, то главный Ленин любимец — ее роскошный персидский кот Женька, она его действительно обожает. Кстати, их и по телевизору вместе показывали. Правда, Женя во время съемок иголку проглотил. К счастью, все обошлось. Иголка с ниткой оказалась...

— Вы с детства мечтали о карьере рок-певица?

— Да нет, в школе даже на гитаре не играл. Родители у меня люди простые, хотя отец всегда рисовать любил, до сих пор по вечерам корпит над какими-то картинками. После армии я на заводе работал. Писал стихи, пытался музыку к ним сочинять. А тут такое время удивительное началось: кругом создаются новые группы — возникают десятки новых имен, какое-то всеобщее бурление. Я и загорелся. Подумал: «У меня идей, проектов хоть отбавляй, сам пишу тексты к песням, нужны только хорошие партнеры».

— И где же вы их взяли?

— Была такая посредническая фирма «Эстрада Рос» — что-то вроде электронной свахи с банком данных, она помогала музыкантам знакомиться. Я обратился в эту фирму и спустя какое-то время нашел партнера, композитора Валерия Мирошниченко. Он — из Николаева. Работал в разных местах, менял профессии, а в свободное время писал музыку.

Мы оба мечтали создать свою собственную группу. И мне, и Валере очень нравились простые красивые мелодии, красивые голоса, фальцетные подпевки. Нужно было найти только подходящего

солиста. И опять обратились в фирму «Эстрада Рос». Приходили безголосые восемнадцатилетние мальчишки, едва умевшие играть на гитаре, но с огромным желанием побыстрее и побольше урвать. Брать их в компанию не хотелось.

И тут появилась одна претендентка. Красивая эффектная девушка с роскошными длинными волосами. Представилась — Лена Лебедевич. (Она закончила Саратовское музыкальное училище, готовилась стать оперной певицей. У нее, кстати, колоратурное сопрано. Приехала в Москву за счастьем, а одной пробиваться на эстраду трудно.) Когда совершенно неожиданно запела она алябьевского «Соловья», мы с Валерой так и ахнули. Голос у нее оказался чистый, глубокий, ей и микрофонов-то никаких не надо. Вот так в феврале 93-го и родилась наша группа.

— *С чего же вы начали?*

— С записи кассеты «Не в моем вкусе, бой» на студии «Красная роза». Кстати, мы с Валерой за два года нашего вынужденного простоя столько песен написали, что их на десяток альбомов хватит.

Через неделю после того, как наша кассета появилась в киосках, я как-то возвращался домой на автобусе. Слышу, у водителя в кабине что-то играет, прислушался: баянчики, да это же наши песни! Так растрогался, не поверите, прямо до слез. А потом стал смотреть по киоскам, гляжу: нашу кассету раскупают, люди слушают, очевидно, нравится.

— *Вас с Валерием объединяет не только работа?*

— Летом вместе ездим на море — к Валериным родителям. Там красота: степь, приволье, тишина, можно отдышаться. Валера любит рыбачить, ловить бычков руками, когда они пригреются на солнышке и засыпают. Мечтает обжа-

вестись собственной яхтой и отправиться в дальнее путешествие. Я же предпочитаю парашютный спорт. Года три назад, когда жизнь казалась слишком пресной, захотелось сильных ощущений. Пошел в ближайший аэроклуб, немного подучился и начал прыгать. Пробовал затащить Валеру, но он уже после первого прыжка заявил, что ему таких впечатлений на всю жизнь хватит.

— *Что в планах?*

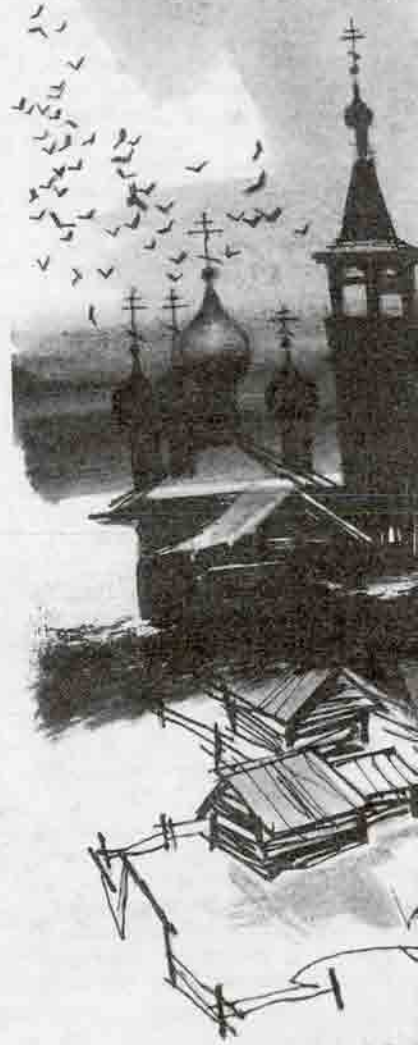
— Проектов много, были бы деньги и спонсоры. Я, например, хочу записать альбом классической музыки в исполнении Лены, у нее же прекрасные данные! Кроме того, готовим с Валерой новые песни на социальные темы, о нашем российском житье-бытье, о наших бедах, неустроенности, о том, как российский человек приспосабливается к рыночной экономике, но — решенных в ироническом ключе.

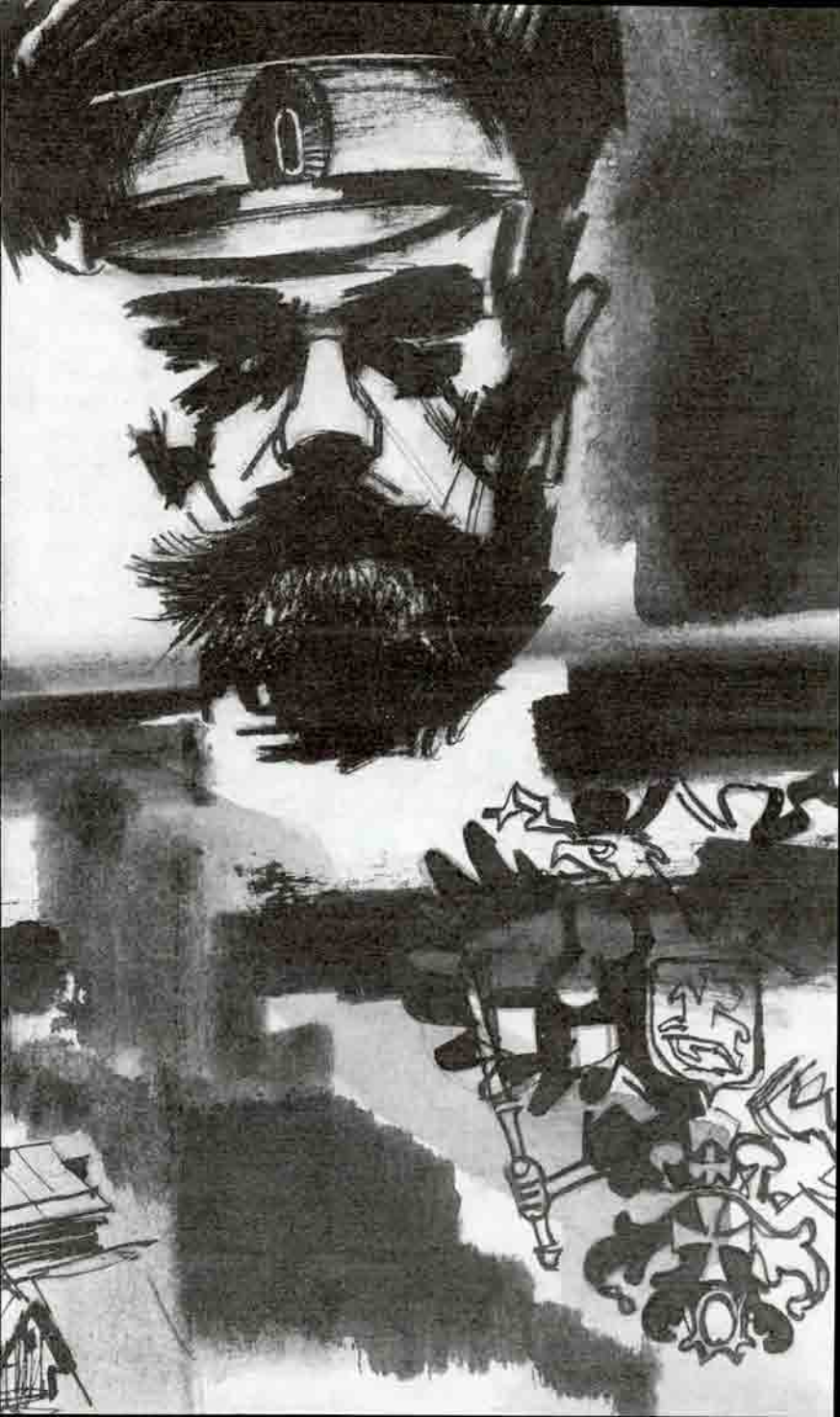
Беседовала ВЕРА КОШЕЛЕВА.

СЕРГЕЙ МИНЦЛОВ

ДОБРА ЖИЗНЯ

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Уж, кажется, столько открытий было сделано за последнее десятилетие в области российской словесности! И вот еще один: писатель, которого только-только начинают узнавать читатели на родине, хотя библиофилам, людям, соприкасающимся со старой книгой, это имя хорошо известно. Сергей Рудольфович Минцов (1870—1933) — один из крупнейших русских библиографов, коллекционеров книги.

Отец писателя был известным юристом и общественным деятелем, а мать, дочь богатого помещика, музыкантшей. По окончании кадетского корпуса в Нижнем Новгороде, а затем военного училища в Москве Сергей Минцов стал офицером. Однако страсть к археологии, к книге победила и, выйдя в отставку, со второй половины девяностых годов Минцов полностью отдается путешествиям, раскопкам, разысканиям. Он избездил всю Россию в поисках редких, старинных книг, издал несколько ученых библиографических трудов. Различные научные организации высоко оценили исследовательские достижения Минцова: он был избран действительным членом нескольких научных обществ. Успел побывать и на государственной службе, а в мировую войну пошел добровольцем в чине подпоручика и выполнял специальные важные задания командующих различными участками фронтов. С 1919 года он оказался в эмиграции и здесь развернулся как исторический романист.

Но, быть может, самым ценным для сегодняшнего читателя представляются изданные им книги дневников, охватывающих период с 1903-го по 1918 год. Достоинство их в том именно, что это не воспоминания (в которых авторы порой подправляют историю), а свидетельства очевидца, который еще не знает, чем обернутся события, как поведут себя люди в следующем акте исторической драмы.

Страницы из книги-дневника «Дебри жизни» (1910—1915), впервые публикуемые на родине писателя, — яркое тому подтверждение. Автор — не мыслитель, намечающий пути преобразования России, он просто живет в определенную эпоху и всматривается в окружающее. Пусть выводы делает читатель. И обобщения сделать вовсе не трудно, поскольку факты слишком ярки, слишком нам знакомы и по дням нынешним, и по дням минувшим — повсеместное пьянство, казнокрадство, показуха, утопические проекты, пустопорожняя болтовня, самодурство чиновников, преклонение перед властью имущими — такова российская действительность и век назад, и два, и в наши дни так называемой демократии...

Меняется наше отношение к прошлому. Но само оно остается неизменным. Нам же нужно думать о настоящем и будущем. И стараться, чтобы в нем становилось меньше того худого, чем была богата Россия...

2 апреля. Так сложилась личная жизнь, что бросил Петербург, научную и педагогическую деятельность и взял первое предложенное место — в Уфимскую губернию.

Вчера около полуночи приехал в Уфу; извозчик-татарин долго вез на своих разбитых дрожках-таратайке. Улицы казались вымершими: только кое-где светились окна. Рано ложится спать матушка-провинция!

Сегодня отправился представляться губернатору. Ключарев принял меня чрезвычайно любезно и высказал удовольствие по поводу «совместной службы».

Дома в Уфе за редкими исключениями сплошь деревянные. Зелени в городе мало, но есть парк; грязь в избытке; снег с улиц, конечно, не счищают, и потому одна сторона их до сих пор покрыта грязным слоем толстого льда, а другая — солнечная — суха и пылит во всю ивановскую. Особенно изумительно грязна Губернская улица — она залита жидкою грязью, и перейти через нее нечего и думать. Во дворах горы навоза и мусора; из каждого ворот текут болота. Город дорогой — цены на все выше питерских по причине отсутствия местных производств.

7 апреля. Утром пошел к губернатору. В кабинете его, весьма уютно и по-ученому обставленном, были уже полицмейстер, правитель канцелярии, советники. Губернатор был в ударе — рассказывал анекдоты, от которых сам помирал со смеху, а все остальные выжимали из себя улыбки и делали игривые глаза. Сейчас же началось чтение не то статьи, не то воззвания, которое он намеревался разослать во все газеты для напечатания. Касается оно постройки в Уфе Аксаковского народного дома, затеянного по «счастливой мысли господина губернатора Ключарева». Требуется ему на это дело полмиллиона рублей, а он собрал пока только в Уфе двести тысяч и остальные надеется получить с России.

Не знаю, о чем больше говорится в этом произведении: о доме Аксакова или о самом Ключареве; даже проект дома принят комиссией Ключарева; три академических хотя и премированы, но... забракованы. Генерал читал и захлебывался от удовольствия. В газеты будет послан для напечатания портрет губернатора и фотографии будущего фасада дома. Стиль его занятный: с одной стороны ренессанс, а с другой — восточноазиатский. Что из такого строительного флюса выйдет — Аллах знает!

Усладив нас чтением о самом себе, генерал опять начал подтрунивать над военными губернаторами (сам он штатский), к военным знакам отличия он относится очень пренебрежительно.

— Вот если рука или нога оторваны или ранен был — ну, такого я признаю, это действительно храбрый человек! — заявил его превосходительство.

Полицмейстер вернул что-то о местном жандармском полковнике.

Генерал махнул рукой.

— А, что вы говорите: это исключение! Ну, что ж, хромает он, и голова раскроена! Ранен, да. Но как ранен? Я-то ведь знаю: хро-

мает оттого, что собака за сухожилие укусила, а голову разбил — это он подгулял и с лестницы свалился!

Слушатели почтительно пофыркали. Наслушавшись всего вволю, я обратился к губернатору с просьбой разрешить мне брать к себе дела из архива и производить раскопки в уезде.

Генерал пришел в восторг и заявил, что меня послал ему сам Бог. Что он наговорил, всего не запишешь, но общий смысл был таков: он, Ключарев, великий человек и творил без конца, одно за другим, великие дела, но историка у него еще не было, он искал его, жаждал. Все архивы, все секретные дела, переписки — все будет к моим услугам!

— Самое интереснейшее, самое любопытное время — история Уфы со дня моего приезда сюда! — с ажитацией говорил генерал.

11 апреля. Перед отъездом в Табынское приехал проститься с губернатором. Опять был отменно приятен и опять толковал об Аксаковском доме и показывал планы его. — «Все это мое, все мое! — повторял он при этом. — Рисуя я прескверно, и потому архитектор только начертил, все по моим указаниям!»

Затягивая грандиозная, и, разумеется, очень было бы желательно, чтоб он довел ее до конца: для Уфы это будет огромное приобретение. Но где он возьмет еще 300 000, с кем он будет устраивать то, что должно находиться внутри дома?!

Расставаясь, обеими руками жал мою, говорил, что уверен, что я так же горячо и с такой же охотой помогу в устройстве дома — размещении коллекций археологических, нумизматической и т. п.

12 апреля. Сегодня в три часа утра приехал в Табынское. Пристаней здесь нет и в помине; пароход просто подваливает к берегу, выбрасывает сходни и начинает выгружаться. Ни навесов, ни даже шалашей нет на этих импровизированных пристанях. Единственное, что имеется в изобилии, — навоз: его здесь на поля не возят, а валят прямо в реку, так что все берега Белой у деревень представляют отвесы из навоза.

16 апреля. Видел я всякие дыры и трущобы в России, но хуже Стерлитамака еще не встречал! Мостовых нет и в помине; колдобины и грязница страшные; где просохло — там седею тучею висит пыль. Городишко деревянный, но около центра, вокруг торговой площади, довольно много каменных домов; площадь вся застроена рядами деревянных лавчонок, в которых продается все — начиная от конского мяса и кончая ведрами и галантереей. Вокруг площади широкая канава, вся заросшая вонючей грязью; ни улицы, ни площадь не метутся, и чего-чего не валяется на них! О грязных бумагах и говорить нечего — их ветер взметает, как листья в осень; дохлые мыши, крысы, словом, всякая мерзость и дрянь — все вываливается на улицы. Тротуары кое-где деревянные, но с такими дырами, что зевать не следует.

Велел везти себя к какой-нибудь гостинице; возница мой оборачивается и говорит:

— Не в гостиницу надо, а в номера. В гостиницах не останавливаются, останавливаются в номерах!

— Что же в гостинице делают?

— В гостиницах пьют, едят тоже.

Я не поверил ему, но, подъехав к одной гостинице и зайдя в нее, убедился, что он был прав, — вывеска гласит: «гостиница», а кроме буфетной стойки со снедью и столиков, ничего иного в ней нет. Отправился по номерам. Пакость изумительная; какие-то узкие норы с забрызганными и рваными обоями трактирного типа; некрашенные полы, грязные кровати. Едва разыскал за рубль более сносную каморку...

В четверть десятого город спал. Во всем городе имеется с десятков фонарей, но и те, несмотря на темную ночь, не горели. Темень была эфиопская. Серединой улицы, осторожно, словно слепой, добрался я до своего паскудного логова, потребовал пива и долго сидел у окна, размышляя, сколько дней я мог бы выдержать в этом городе, не подумав о крючке и веревке?

14-го утром, покончив дела и узнав, что днем отходит на Уфу пароход «Внучек», решил ехать водюю.

Берег Стерлитамака таков, что ехать мимо него надо, крепко зажавши нос: весь он усеян кожевенными заводами, и длинная линия плотов и мостиков вся была покрыта бабами, мывшими в реке грязную шерсть; здесь же моют и отчищают от загнившего мяса кожи. Если прибавить к этому, что кожи зачастую снимаются с палых животных, то настойка из всего этого добра, посылаемая Стерлитамаком вниз по течению, вне конкурса.

На пароходе познакомился с пассажирами нашего первого класса. Особенно заинтересовал меня старый высокий купец в серой поддевке — Алексей Васильевич Кузнецов: говорит по-простонародному, ходит в смазных сапогах, на серых шароварах черная заплатка, и вместе с тем умница, настоящий целостный, здравый, чисто русский ум. Местный старожил; знает все и про всех; поездил по свету, много читал и слышал, так что беседовать с ним можно обо всем, начиная с Маркса и кончая губернатором.

У Кузнецова в Уфе дом, он ведет большую, выше чем на полмиллиона, торговлю хлебом.

— Да, — сказал между прочим Кузнецов, — дом этот Аксаковский вот где у нас сидит! — и показал на шею. — Всякому безобразию должны быть границы, а ведь это что-то беспредельное!

— В чем дело? — спрашиваю.

— Да помилуйте, ведь идет сплошное вымогательство! Я подписался на дом около тридцати раз! — сказал Кузнецов.

— Быть не может! Как так?

— А вот как. Сперва губернатор лично приезжал; за честь этот визит мы, конечно, должны считать. А за честь, известно, купец платить должен; и чем честь больше, тем и цена ей выше. Потом полицмейстер с листом — и этому нельзя отказать: человек нужный; потом пристав пришел, потом околоточный. Околоточного хотел пугнуть — плачет. «Помилуйте, — говорит, — вам пятерку подписать ничего не составляет, а меня, коли лист не заполню, выгонят за нерадение, так и сказано всем». Ну, что ж человека губить — и ему подписал. В Стерлитамаке опять все заново. Вот каким манером тридцать раз и пожертвовал «добровольно» на дом!

— А как вообще губернатором у вас довольны? — спрашиваю.

— Ничего... — отвечает Кузнецов, — так-то он человек добрый, помешался только вот на Аксаковском доме — им одним и занимается. А губернией за него управляют другие! И ведь налетал несколько раз на неприятности с этим домом, а все нипочем ему!

— ?

— Крадут ведь деньги-то собранные. Про одного, кто заведовал ими, и говорили ему, и писали — нет, не верил! А потом как хватились, ан — 14 тысяч и нет. Заведовавшего выгнать надо было, а он его к награждению представил!

— Что ж это он, по доброте, что ли?

Кузнецов махнул рукой.

— Мазурку тот танцевал очень уж хорошо! Угодник большой был всем, вот и сошло с рук. Их ведь там шайка!.. Все-то рассказать, что у нас творится, — книгу до потолка напишешь!

27 апреля. Радоница. Сейчас вернулся с кладбища, туда прошел крестный ход, и я отправился вместе с ним. Толпа большая, исключительно из женщин; мужчин было всего человека три, не более; у каждой в руках узелочки с яйцами и кутьею. На кладбище причт отслужил литию; бабы расселись по могилам; кое-где завели плачи; станет, обхватив перекладину креста, припадет к ней и начнет причитать — нараспев, монотонно. Вокруг собираются кучки, слушают, вздыхают; если плачет хорошо — многие бабы начинают утирать глаза концами головных платков. Последние почти на всех — белые или черные; было несколько желтых и только один красный. Яйца и пряники здесь раздают детям или старым «убогим»; иногда кладут их на могилы, но результат тот же: все забирают ребята, в изобилии шныряющие по кладбищу.

Кладбище убогое, как и вообще все крестьянские; могилы почти сровнялись с землей, осыпались; много крестов сгнило и валяется около них. Слышал толки: несколько парней забрались на кладбище, посрубили с десятка крестов и развели из них костер, греться; видел и сам торчавшие из земли остатки этих крестов.

12 мая. Ездил в Табынское — в самое богатое и пьяное село моего участка. Без водки там ничего не делается, а за водку сход творит все, что угодно! Самоуправство тоже без конца.

8 июня. Рабочие Пашковского стекольного завода бастуют опять; часть, вернее огромное большинство, хочет работать, но более энергичная кучка грозит им поджогами и убийствами, и все боятся. К директору являлась депутация от жен с просьбой не останавливать завода, так как они надеются, что мужья их станут на работу.

Часов около 11 ночи на улице хлопнул выстрел, и пуля ударила в железную крышу веранды; мы выскочили на улицу, но никого кругом не видно было; вдали орали пьяные песни.

Пьянство идет пребезобразное по селу; рабочие и мастера ходят толпами и горланят песни; везде видишь одинокие фигуры, прислонившиеся к заборам.

12 августа. В гости к нам пожаловала холера: в Табынском было уже 12 заболеваний и 8 смертей и одна смерть у нас, в Божоявленском.

20 августа. Третьего дня бабы опахивали ночью Табынское. Делается это в глубокой тайне и, если кто встретится им в это время — дай ему Бог унести ноги: убьют палками и камнями. В соху запрягается тройка совсем голых вдов и в сопровождении вереницы женщин в одних рубахах, с распущенными волосами, обводят село заколдованною для холеры чертой. Никто не смеет в это время высунуть носа из своей избы. Рассказывали мне об этом наш священник и табынский земский доктор, бывшие вчера у меня. Последний не знает, что ему делать с прививками: прислали ему несколько ящиков, между тем делать их никто не идет. В народе начинают бродить глухие толки, что лечиться от холеры не надо, так как доктора морят нарочно, прививку стали звать «печатью антихриста». Крестьяне обвиняют и духовенство, им, мол, выгодно, чтобы мер народ — похоронил человека, глядишь, рублевка и есть.

2 октября. Этой ночью, кроме разного рода драк и буйств, вроде разгрома окон и дверей в нескольких избах, угнали семь лошадей; у моих соседей убили и увезли свинью. К священнику, к доктору и фельдшеру ломились пьяные компании с требованием водки, ругали их при этом по всему лексикону Бодуэн де Куртенэ и грозили поджечь в случае отказа. Дьякон в полночь должен был принимать и угощать этих гостей. Фельдшер не впустил их, и за это у него высадили рамы; священник успел дать знать уряднику, тот прискакал со стражниками, и пущены были в ход нагайки. Слышал все это от самих священника и доктора; удивительное дело: ничего подобного, по общим отзывам, не было до 1905 года! Свобода у нас мужиками и полунинтеллигентами понята весьма своеобразно — как право на всякое и всяческое безобразие.

13 ноября. Сегодня дошли до нас вести о смерти Толстого на станции Астапово... Ушел последний из больших людей... Все петербургские газеты полны бюллетенями о его болезни, а в местных органах уже зловеще чернеют телеграммы о его смерти. Как-то вывернется теперь синод, отлучивший его от церкви?

29 ноября. Все заседаем! Начинаем не позже половины десятого и кончаем к пяти или шести часам вечера, рассматривая до 50 дел. Уголовные проходят быстрее — часам к двум или трем. Черт знает, какую белиберду приходится выслушивать! Думаю, ни один народ в мире не разбивает такого количества морд, как наш, российский! Один в драке прокусывает губу другому, второй в тринадцати местах прогрызает спину, третий отрывает зубами палец...

4 декабря. Исколесил ровно сто верст по башкирским деревням. Лошадей в сани здесь запрягают гуськом, ямщик садится на облучок боком, на руку цепляет волочащийся по снегу длинный пастушеский бич. Татары и башкиры большие мастера в езде, лошади мчатся у них во весь дух, невзирая ни на какую дорогу, сани накрениются то на один бок, то на другой, рушатся в ухабы, боком летят по раскатам, ямщик соскакивает с облучка, на бегу поддерживает их несколько секунд, снова вспрыгивает на свое место и с гиком начинает опять хлопать бичом. Гиканье их — какой-то дико-жалобный вскрик,

похожий скорее на крик загнанного зверя. Гиканье это переняли у татар и русские ямщики.

14 декабря. Рассказали мне о днях «свободы» в Стерлитамаке. Шло здесь все спокойно, но напряжение у всех было страшное; наконец местные революционные силы, не умея как следует шевелить ни языком, ни мозгами, выписали сюда «товарища» из Москвы. Тот немедленно принялся за устройство митингов, говорил речи, устраивал хождения с красными флагами. Председателя земской управы Осипова заставили выступить тоже, довели его до такого перепуга, что тот заболел медвежьей болезнью, ускакал к себе в имение и, сказав там — «продавайте все, за что ни попало!» — немедленно помчался дальше, за границу, и не возвращается и по сие время.

В имение к одному из ярких черносотенцев были посланы люди, чтобы убить его. Караульчики видели, как ночью трое на тройке с подвязанными колокольчиками подъехали к березовой роще, находящейся вблизи дома. Покушение не удалось, так как на хуторе много народа, и неизвестные успели только сжечь надворные постройки.

24 декабря. С богоявленцами и табынцами веду упорную борьбу. Распущены оба эти села до невозможности, и слова «надо» и «полагается» для них китайская грамота. Теперь полиция усиленно собирает разные недоборы, старосты и писаря сбили с ног, составляя описи имущества неплательщиков и протоколы о недостатлении на торги имущества.

По этим протоколам на днях опять посадил под арест, с отправкой в Стерлитамак, около двухсот человек на сроки от двух недель до месяца. Поверит ли кто-нибудь, что суммы этих взысканий, по которым по десятку раз должны были обегать старосты, писаря и старшины, ездить из села в село, составлять описи и затем моя канцелярия заводить дела, а я судить и разбирать — состояли в огромном большинстве из сумм от гривенника до полутора рублей?.. Большинство пошло отсиживать из-за семнадцати копеек; свыше рубля взыскания были редкостью! И все это проделывалось не по неимению денег, а по уверенности в полной безнаказанности по примеру прошлых лет. В селе на каждом шагу граммофоны, цветы на окнах, кисейные занавески, а пропивает наше село по 100 рублей в год на двор, Табынское — 84 рубля. Платежи здесь пустячные. Табынское платит всего по полтора рубля в год с души, остальное все покрывается доходом с разных арендных земель. И, несмотря на такую ничтожность сборов, оба села самые задолженные в уезде.

Ко мне в Усолку приезжал земский врач, просил, чтобы я запретил табынцам валить навоз в реки; весной он ждет холеру. Разъяснял мужикам на сходе, что воду заражать нельзя и что они же первые пострадают от этого — село и ухом не повело: валит себе навоз в Усолку и в Белую.

— Да вы заявите об этом приставу, — сказал я, — это его дело смотреть за чистотой!

— Обращался я! — он запрещал, да его не слушают. Ведь вы его знаете — размазня он, какой он пристав!

В тот же день является ко мне и «размазня» с тою же жалобой.

— Поделатъ ничего не могу! Говорил им несколько раз, приказывал — ничего не слушают!

Пришлось везде расклеивать объявления, что всякий, замеченный в свалке у реки навоза, будет привлечен по статье и посажен на три месяца, а так как здесь уже знают, что я слов зря на ветер не пускаю, то теперь безобразничание с навозом прекратилось. Думаю, однако, что ненадолго и что придется посадить еще порядочное число человек прежде, чем все поймут столь простое слово — «нельзя».

1911 год

18 января. Сейчас ушел от меня директор стекольного завода, побывавший в Ясной Поляне, делился со мной впечатлениями и новостями.

На могиле Льва Толстого нет ни креста, ни насыпи: последнюю всю растащили по горстям паломники. Деревья вокруг могилы покрыты надписями, среди которых попадаетея много интересных. Некоторое время после похорон в Ясной Поляне в сторожке у ворот жил урядник, командированный губернатором специально затем, чтобы следить за этими надписями и уничтожать наиболее «вредные». Урядник выполнял свою миссию добросовестно и каждое утро являлся производить осмотр и выскабливать разные ядовитости. Тем не менее за «пределами досягаемости» для него оказалась доска, прибитая к самой верхушке дерева, на которой чернеет крупная надпись: «Лев Толстой — первый после Господа Бога!»

Знакомый мой беседовал с местными крестьянами, среди них твердо держится убеждение, что Лев Толстой жив, и что Софья Андреевна выгнала его и он ушел искать правды и возврата земли яснополянским крестьянам.

Один высокий старик утверждал, что Софья Андреевна привезла и похоронила неизвестного «чужого» старика, и говорил, что Толстого он знал хорошо, часто беседовал с ним, а между тем в гробу лежал совсем другой человек, неизвестный ему. Его слова подтверждали и другие мужики.

11 февраля. Семнадцать дней пролежал в постели: была жесточайшая инфлуэнция, и сердце совсем переставало работать... В жару все вспоминал эту книгу свою: вот, думал, на какой странице судьба решила оборвать мои записки! Не хотелось лечь на Усольском кладбище... Теперь начинаю выходить, но все еще очень слаб.

Вчера вышел на улицу — навстречу валит целая толпа поющих и пляшущих баб, на головах у некоторых на платках были приколоты красные бантики, некоторые шли в вывороченных тулупах, другие в каких-то смешных уборах и шляпах; в руках у них были веники из калины с красневшими ягодами и палки; одна несла пук соломы. На перекрестках эту солому жгли, прыгали через нее, затем растапывали и шли дальше.

Встречных мужчин закидывали снегом и старались повалить на землю; все было, разумеется, распыняхоньки, толкали друг

друга, падали, с визгом катались целыми кучами по дороге и так задирали при этом ноги, что пейзаж получался самый поразительный. Песня же была уснащена словечками из тех, что не включают в словари: это бабы возвращались с пирушки, устраиваемой на другой день после «благополучной» свадьбы.

27 февраля. Ключарев переведен в Симбирск. На его место назначен Новгородский губернатор, говорят, презлющий старичишко. Будем ожидать дальнейших событий. Как известно, у нас все, начиная со столоначальников, великие люди, а губернаторы в особенности. Поэтому и не замедлят новые фантазии.

29 марта. Являлись сейчас крестьяне-ташлинцы, кто с проломленной головой, перевязанной грязной кровавой тряпичей, кто с разбитой рожой, и жаловались, что не стало житья в их деревне от драк и безобразий. Эти депутации от них являются не впервые; бьют ташлинцы друг друга смертным боем с большой регулярностью: избитые сегодня через неделю расколачивают с десятков голов следующей очереди, и так продолжается, пока не обзаведется фонарями и повязками вся деревня. Тогда сказка про белого бычка начинается сначала.

19 апреля. Вчера заезжал Сторожев, наш исправник, и просил оказать содействие станovým моего участка. 5 мая ожидается в наши края губернатор, и теперь полиция порет горячку, чинит дороги и мосты. Мне придется выехать на границу своих владений и давать по пути всякие объяснения его превосходительству.

Толстяк Сторожев насмешил меня: «Отец родной, — убеждал он меня, — вы археолог, а губернатор тоже. Будете с ним ехать, как увидите рытвину на дороге или другой какой непорядок — сейчас пальчиком на гору ему и указывайте. Тут, мол, ваше превосходительство, вон там, на самой маковке, битва была! Ямку-то он, глядишь, и не заметит!»

Аксаковский дом, конечно, не движется: выведен вчерне первый этаж и замер в таком виде. Новый губернатор (слова исправника) заявил, что никакого касательства к достройке его иметь не желает и погонит со службы всех, кто занимался вымогательствами на Дом. Вот тут и служи в государстве российском!

23 апреля. Вчера председательствовал на экзаменах в мужской и женской школах у себя в Богоявленском. Девочки куда развитее и тоньше духом, чем будущие мужья их!

Мужское училище тесное и грязное. Земство не отремонтировало его одиннадцать лет, и трудно себе представить, насколько облуплено, измазано и потрескалось все внутри его. Чуть пороли мальчишки неистовую!

На предложении священника рассказать историю Давида и Голиафа вызванный «выпускной» уверенно, звонким голосом начал: «Вот напали на царя Давида филистины. Вот Давид и говорит Голиафу, царю филистинскому: отдай за меня дочь замуж, не то выходи драться...»

— Постой, — перебил я его, — это ты, брат, из Бовы королевича рассказываешь!

Учителя все в лоск легли от смеха.

Другой отличился лучше.

— Пропали, — отвечает, — у одного человека ослицы, он и

пошел их разыскивать. Вдруг, глядит, Иисус Христос верхом на одной из них в Иерусалим едет.

— Что же ты, — говорю ему, — полагаешь, что Христос на краденых ослах ездил?

Опять смех.

И не только по Закону Божьему — по всем предметам были подобные ответы. Единственное, что дают наши начальные школы (у меня их в участке на 51 селение 9, и все их приходится посещать), — умение читать и писать. Больше и не могут дать: учителя получают гроши — по 20 и 25 рублей в месяц, и мужчины-учителя опять-таки неизмеримо ниже и нерадивее учительниц. И решительно ни одна душа из них не подумала о том, что не об этих ослах важно знать детям, а нужно прежде всего научить их распознавать дурное от хорошего, научить, что такое родина, долг. Ничего подобного нет и в помине!

...Этой ночью шестеро всадников подъехало к дому лесника Долгова. Открыли ставни и дубинами вдребезги разбили рамы. Перепугался Долгов до того, что даже не выстрелил, и гости, разгромив окна и крикнув обещание прикончить и его самого, ускакали неопознанные.

Произошло это потому, что крестьяне пришли к управляющему просить дубовых кольев для ихней городьбы из барского леса. Бывший там же Долгов заявил: «Не давайте им кольев, Иван Степанович: пусть они сперва свои мосты починят, а то никуда проехать нельзя! Лес у них и свой есть!»

На вулкане живем мы, надо сознаться, и пиры наши — пиры во время чумы!

28 апреля. У Пашковых опять забастовка: ушли с работы все плотники. Причина — близкий конец ремонта завода, и они поэтому вдруг подняли цену ни мало ни много как втрое на все сделанные работы. Директор, конечно, не пошел на такое увеличение и предложил всем перейти на поденщину. Плотники согласились, но вместо работы стали заниматься сидением и покуриванием папирос; заводской старшой сделал им несколько замечаний и затем пожаловался директору. Один из плотников — главный заводчик смуты изругал за это старшого по всему российскому лексикону и был рассчитан. Тогда весь табун плотников ушел с завода.

30 апреля. 2 часа ночи. Сейчас вернулся с пожара: горит барский дом. К нему только что сделали пристройку и приготовлялись к приему губернатора. Сторож заметил из своей избушки у ворот огонь в комнатах, побежал к церкви и ударил в набат. Сундуки и шкафы в доме оказались взломанными и раскрытыми, но украдено ли что-нибудь из них — определять было поздно: стены и полы в нескольких комнатах были политы керосином и полыхали вовсю. Большую часть вещей успели выносить и выкидать из окон. Шел дождь, в саду, освещенные багровым огнем, лежали груды перекаленной дорогой мебели, кровати, подушек, гардин. Так благодарят в наше время тех людей, от которых, кроме добра, в течение нескольких десятков лет ничего не видали...

6 сентября. По всей Руси идут панихиды: вчера скончался

раненный в Киеве Столыпин. Что про него ни говори, а человек он был крупный, определенный и знавший, что делать!

Сейчас был на панихиде в соборе; присутствовал губернатор и весь служащий Новгород. Служил сам архиепископ Арсений с двадцатью четырьмя священниками.

Панихида была чересчур торжественна и потому не трогательна: она сильна, когда ее служит один попик с немудреным хором в полутемной и пустой церковке. Все суета в мире!..

Густой отдаленный звук колокола доносился откуда-то изда-лека сверху, из-под темных сводов св. Софии, и гул сообщал городу о событии. А внизу копошились мелкие людишки; военные генералы, увидав, что статские генералы стали впереди, принялись с ними местничать, перешли и встали впереди них; то же проделывали и барыни, сообразуясь с рангом мужей.

Уже почти три недели, как я переехал в Новгород, а назначения моего нет до сих пор — все еще не причислен к министерству, без чего губернатор Лопухин не может назначить меня на новую должность.

3 декабря. Губернаторша наша — красивая, но весьма несимпатичная особа, бывшая супруга киевского банкира Ландау. Прозвище в городе дано ей «мадам Лопуховер». Слышит она плохо, кричит, вмешивается во все и поминутно меняет свои распоряжения. Теперь она устраивает благотворительный базар в Дворянском собрании и тормозится вовсю. Не стесняясь заходит в магазины и требует присылки даром, в качестве «пожертвован-ний», всевозможных вещей и вообще ведет себя поразительно нагло.

Слово «попросить» в ее лексиконе отсутствует; она только тре-бует, и, по ее искреннейшему убеждению, все обязаны исполнять все ее затеи.

7 декабря. Прочел в Правительственном вестнике, что Сим-бирский губернатор Ключарев за «выдающиеся заслуги» произве-ден в тайные советники. Если он признан выдающимся, то пора вызывать немцев княжить и владеть нами!

16 декабря. Вызвали по телефону к губернатору. В воскрес-ные прибывает из Крыма государь, и губернатор выезжает се-годня вечером в Бологое для встречи и осмотра охраны. Мне пору-чено заготовить всеподданнейший рапорт и привезти его в Бо-логое.

Выборгский пехотный полк выступил на охрану с неделю назад; полиция должна осмотреть весь район, прилегающий к полотну, проверить у жителей паспорта, помещения и т. п. Стражники присланы ко мне из всех соседних губерний.

Проезд государя стоит только одной нашей губернии, без расхо-дов на войска, около 2000 р., стоимость же охраны во время про-езда от Севастополя до Петербурга равняется 100 000 рублей...

Мне приказано быть в треуголке и при шпаге; треуха этого у меня не было отроду и пришлось разослать сторожей по городу искать его.

19 декабря. В половине восьмого утра вернулся сегодня в Нов-город.

Заготовка моего рапорта была прекурьезная: весь он в три

строчки, но Воронцов с озабоченным видом прочел его раз восемь вслух, затем усомнился в необходимости какой-то запятой, и когда я заявил, что это вздор и что ее можно ставить или не ставить, он неодобрительно взглянул на меня.

— Нет, это не вздор! — сказал он. — Я вообще враг запятых — из-за них иногда черт знает что может выйти!

Наконец мы собрали необходимые сведения, одолели все запятые, и я выехал 17-го в шесть часов вечера через Старую Руссу на Бологое. Маршрут этот мне назначил сам губернатор.

В пять с половиной утра я попал в Бологое; губернаторский вагон первого класса стоял на запасном пути, в нем все еще спали. Я вымылся, облачился в сюртук и пошел пить кофе.

Вокзал был полон военными; на каждом шагу торчали жандармы и солдаты. Пока я сделал полсотни шагов по разукрашенному елками и флагами перрону, меня останавливали раз пять и осматривали особый «желтый» билет, выданный мне жандармами. Хорошенький цвет придумали! Линия охраны тянулась и позади вокзала.

В 9 часов утра я явился к начальству, сдал ему «документы», цена которым выеденная скорлупа, и мы стали ожидать проезда; у меня было отдельное купе, у губернатора — салон.

Публики на перрон было допущено самое минимальное количество и притом профильтрованной трижды.

В пять минут первого тихо-тихо подошел царский поезд и остановился.

Все на перроне вытянулись и застыли. Вышел из вагона лейб-медик Боткин, затем дворцовый комендант, косопалый Дедюлин... Государь не показывался.

Восемь минут стоянки показались часом. Наконец поезд незаметно, словно сдвинутый не двумя паровозами, а мягким дыханием, поплыл мимо. У одного из окон группой стояли девочки — великие княжны, у следующего стоял государь. Странное лицо у него: лоб раздвоен, как круп у битюга! Раздалось жиденькое «ура», государь поклонился нам, и синие вагоны замелькали один за другим.

Губернатора он не принял. Не особенный, вероятно, интерес имеют для него рапорты со сведениями о количестве мельниц и о состоянии скотоводства в губернии. Так и погибла для потомства творческая импровизация из цифр, запятых и хороших слов!

Через час после проезда государя покатили вслед за ним и мы, но не с особенным шиком: за отсутствием пассажирских, нас прицепили к скотскому поезду и ровно двенадцать часов волочили до Чудова...

**Публикация и предисловие
СТАНИСЛАВА НИКОНЕНКО.**

Ну-ка, ЧАЙКА, отвечай-ка

Когда в резвую школьную пору он взял в руки фотоаппарат «Чайка-2» и нажал на спуск, то ведать не ведал, что его ждет...

Птичка вылетела... и под ее белым крылом жизнь Сережи круто изменилась. Хотя сначала ни он, ни его родители об этом не догадывались. Сергей Самохин благополучно отучился в школе, в ПТУ, стал радиомонтажником и сотрудником одного из столичных НИИ.

И все же телерадиомастера из него не вышло — «птичка» виновата. Она прочертила ему путь в фотолаборанты, а затем в фотокорреспонденты Агентства печати «Новости». Далее — газеты «Коммерсант», «Федерация» и, наконец, журнал «Крестьянка». Здесь нынче и вьется гнездо...

С первой публикации в газете «Журналист АПН» прошло четверть века. Срок серьезный. «Чайку» заменил «Ни-

кон»; Самохин обзавелся женой и двумя сыновьями. Жена преподает математику, сыновья, попрактиковавшись на «мыльнице», уже осваивают камеру «Зенит».

А Самохин снимает... И вот перед вами некоторые из его работ. Что объединяет их, кроме фамилии автора? Безусловно, особый взгляд человека, смотрящего на житейские ситуации остро и улыбочиво. Увидеть и улыбнуться — нынче это дорогого стоит. И, увы, не каждому удастся — чаще рождающаяся улыбка оборачивается вдруг гримасой то ли боли, то ли недоумения...

Сергей не разучился улыбаться, чему подтверждение нынешний фотовернисаж.

P.S. За все, что случилось и еще случится с Самохиным, ответственность несет, на наш взгляд, «Чайка».

Да-да, та самая...

ЕКАТЕРИНА СЛЮСАРЕВА

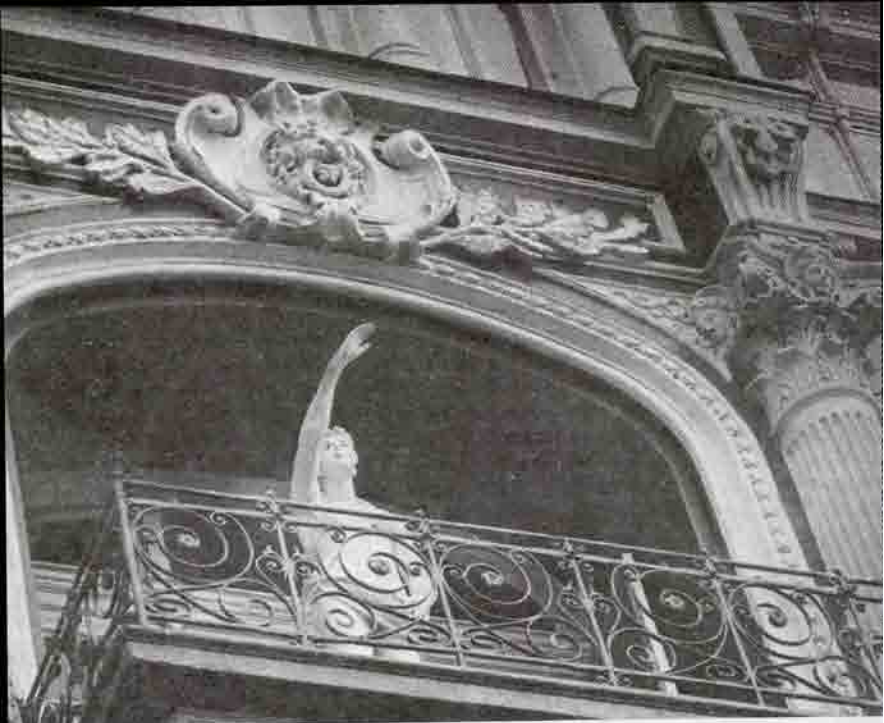
Российские горки.

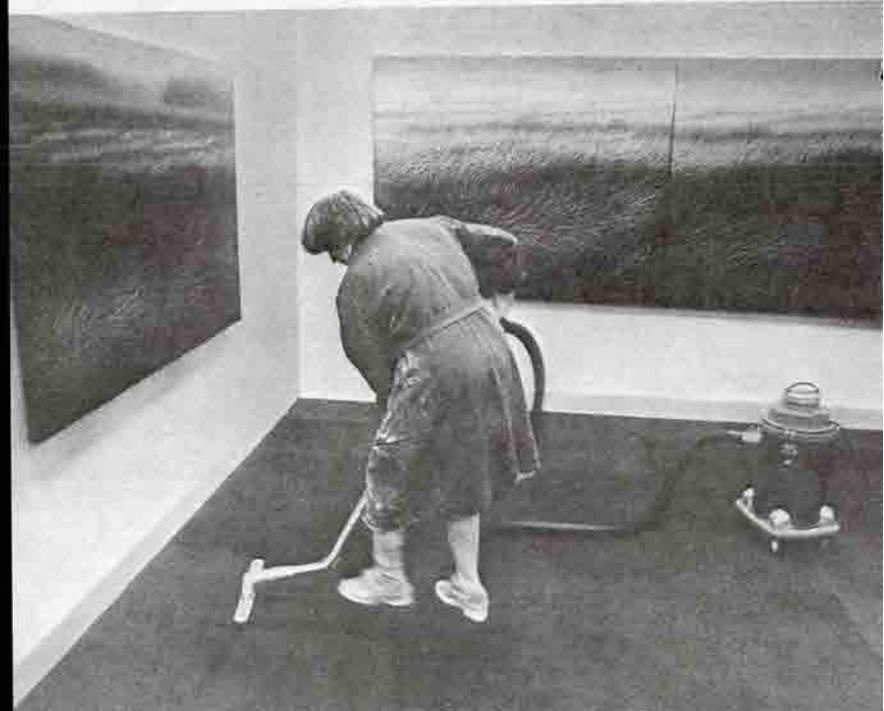
Связь одновременного звонка.

Вечный зов.

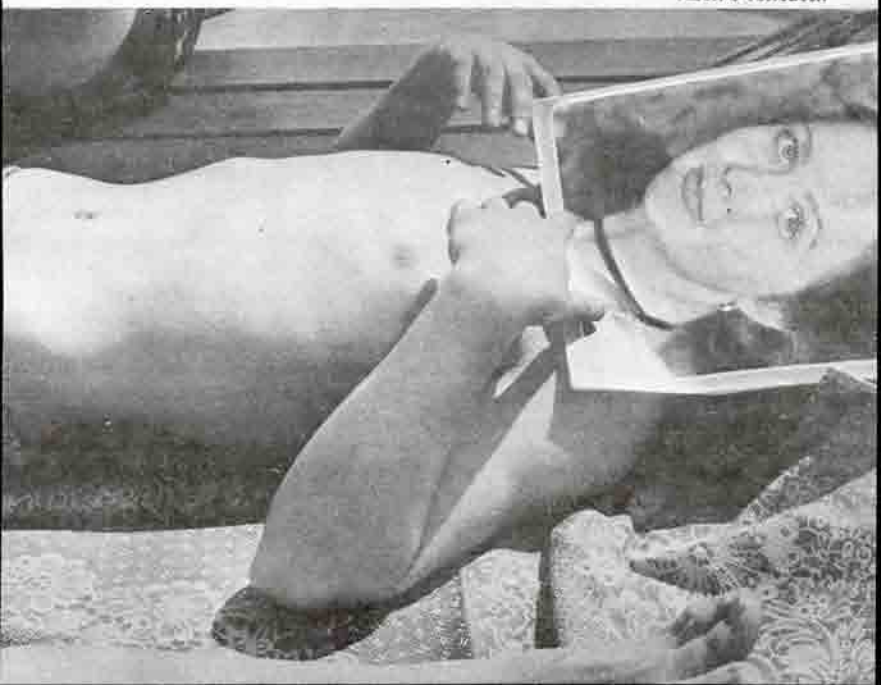
Чистое искусство.

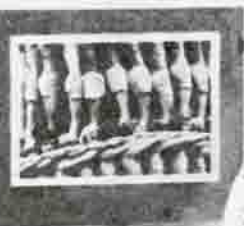
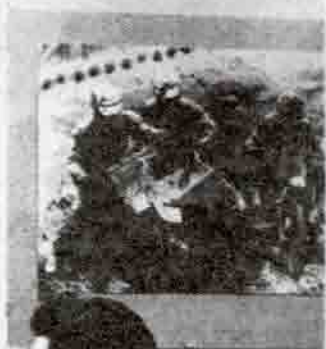

Не те снимаешь!

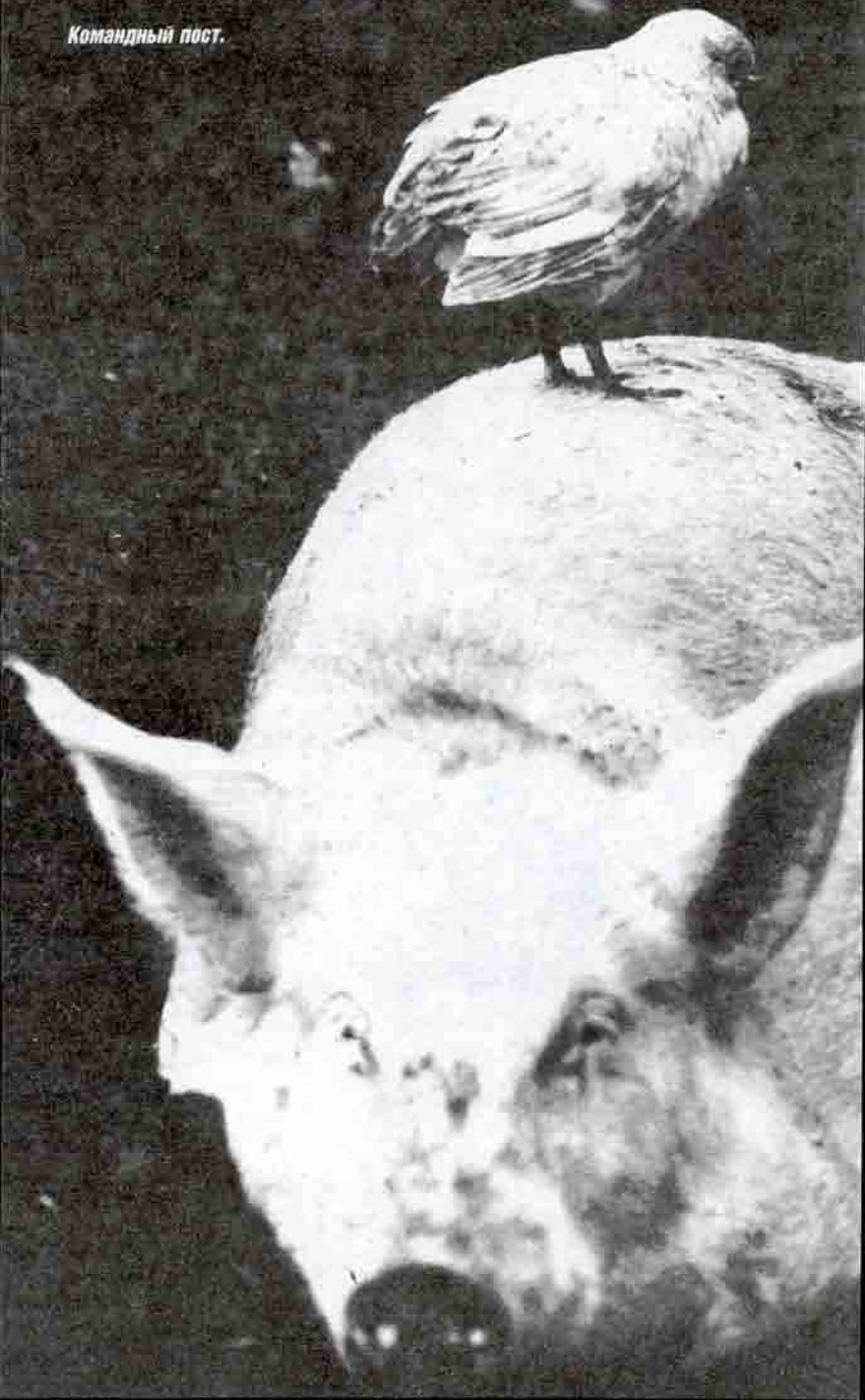
Ушел с головой.

Были когда-то и мы...

Командный пост.

Лихой экипаж.

А ВОРЫ НОСЯТ

«МЛИНСКИ ПРАМЕН»

— Как долетели, Серафим Александрович?

Молодой, подтянутый парень в темно-сером костюме, приветливо улыбаясь, кинулся навстречу пассажиру, прилетевшему из Праги.

— Отлично! Только задремал, объявляют: Москва.

Высокий, чуть сутулый мужчина, с длинным бабьим лицом и седыми волосами, поздоровался с парнем за руку и передал ему портфель, который держал в руках.

— Осторожно, Алексей, там бутылки.

— «Бехеровку» везете, Серафим Александрович?

Серафим Александрович не посчитал нужным ответить. Он ласково кивнул молодой брюнетке в аэрофлотской форме, поздоровался за руку с дежурным, по-хозяйски оглядел небольшой, уютно обставленный зал ожидания для именитых пассажиров Шереметьева-2. Раньше этот зал назывался депутатским. Теперь через него проходили чиновники высокого ранга из президентской администрации и правительства, бизнесмены и мафиози, способные уплатить пятьдесят долларов. Таможенники не совали нос в их багаж. Пограничники знали каждого в лицо. А простых пассажиров отпугивала непонятная табличка с тремя латинскими буквами «vip», что означает по-русски «особо важная персона».

— Где Николай? У меня есть еще вещички.

— Сейчас подойдет. Пошел проверить машину.— Алексей, охранник Серафима Александровича, посмотрел на дверь, ведущую на привокзальную площадь.— А вот и он! Легок на помине!

РАК

Рисунок АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНЦКОГО

Вошедший на первый взгляд был похож на Алексея. Ростом, простоватым лицом, приветливой улыбкой, в которой, если внимательнее приглядеться, можно почувствовать легкий наигрыш. Натренированный наблюдатель смог бы определить, что под его мешковатым пиджаком скрыто тренированное тело. И оружие в специальной кобуре.

— Как долетели? — Николай, шофер Серафима Александровича, прямо-таки лучился доброжелательством.

— Хорошо, Коля! Очень хорошо. Дома все в порядке? Никаких новостей?

— Полный ажур, Серафим Александрович! Ваши на даче. Ждут.

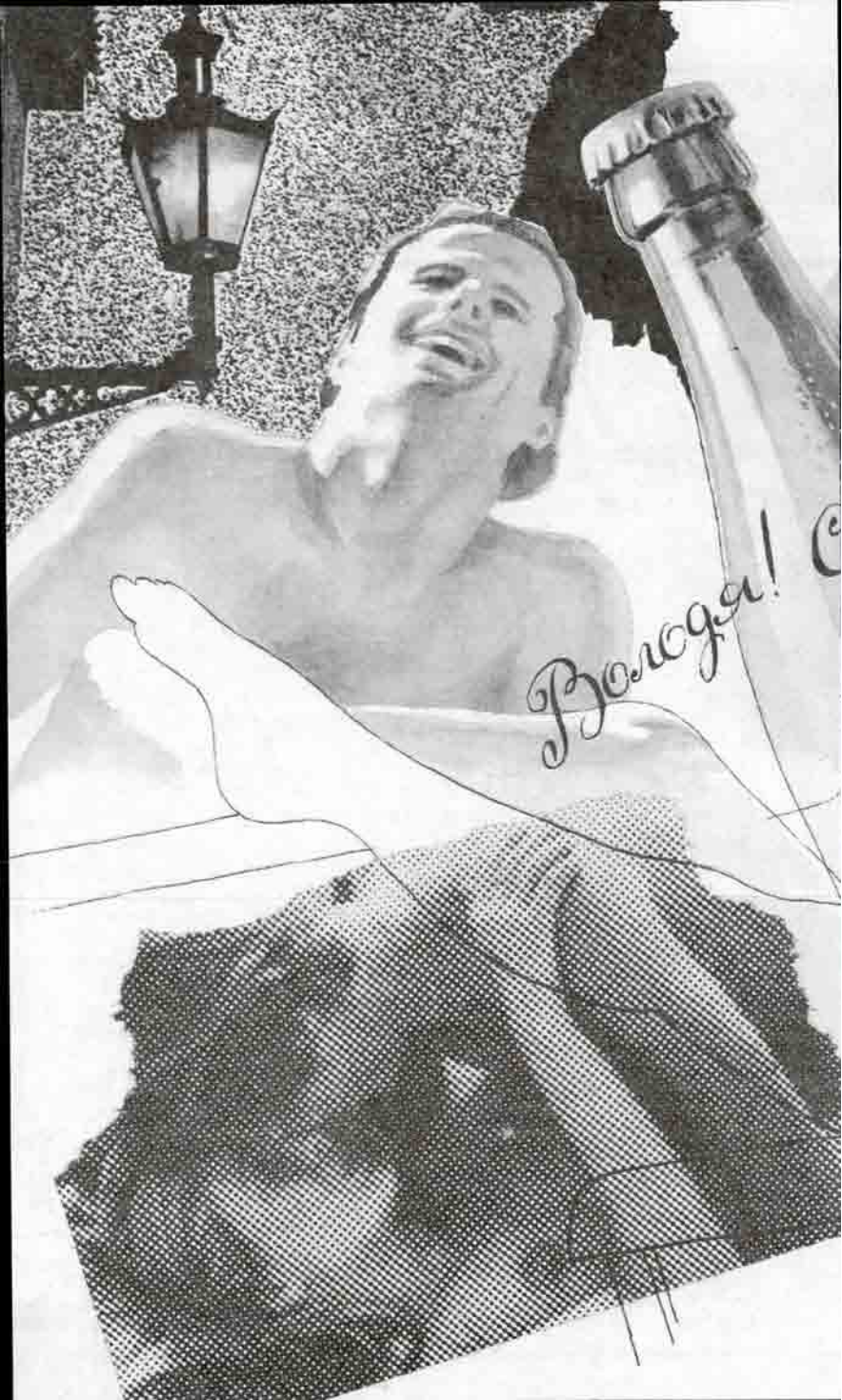
— Здоровы? — Седой улыбнулся, махнул рукой. — Да ведь я сегодня разговаривал с Анной Петровной. Завезем чемоданы домой и махнем на дачу. Как, Николай, махнем?

— Махнем. Пока вы в Карловых Варах водичку пили, я тут застоялся. Анна Петровна только пару раз вызывала. В Москву ездила.

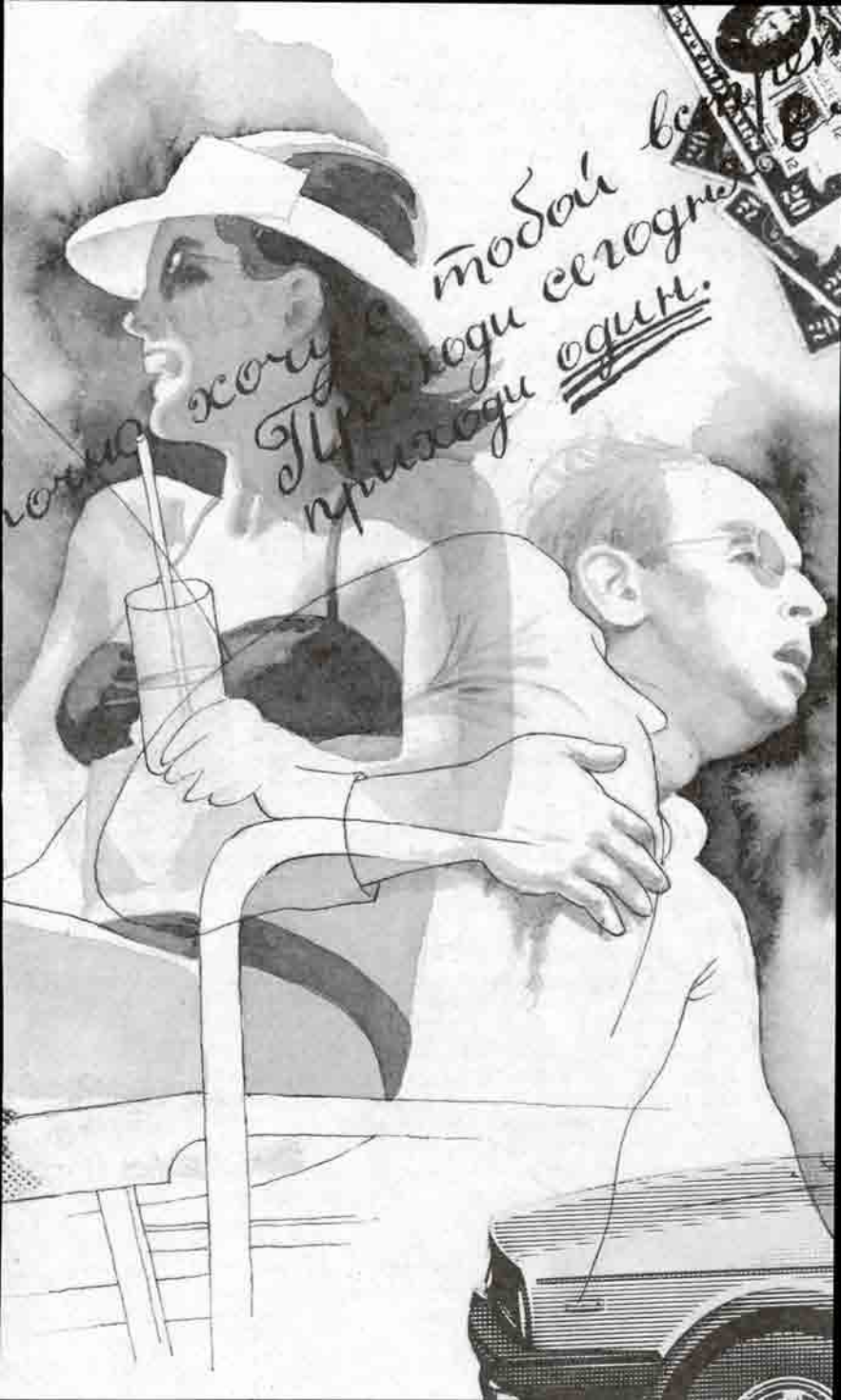
— Ну и отлично. В приемную позвону из машины. Чтобы время не терять. Доложусь. И больше никаких звонков.

В это время принесли багаж. Один чемодан, поменьше, взял сам Серафим Александрович. Громоздкий кожаный чемодан и портфель понес шофер. А большой пакет в нарядной упаковочной бумаге известной французской фирмы подхватил охранник. Служба обязывала одну руку всегда иметь свободной.

Они сели в «БМВ» глубокого темно-синего цвета. С затемнен-

Pilsener!

коричневая
Татьяна
приходи
тобой
сегодня
сегодня
одни.

ными стеклами и парой антенн на крыше. В салоне, у заднего стекла, торчал синий фонарь. Когда такой автомобиль летит по городу и проблески синего фонаря мечутся по лакированному корпусу автомобиля, рука инспектора ГАИ невольно тянется к козырьку. И сейчас милиционер, прохаживающийся поблизости от машины, завидев Серафима Александровича, взял под козырек. За что удостоился ласковой улыбки.

Через полчаса «БМВ» мягко притормозил у подъезда жилого дома на тихой московской улице. Высокий, облицованный розовым кирпичом, дом этот не лишен был привлекательности и заметно выделялся среди своих унылых соседей. Таких новых домов в городе немало. И живут в них только большие начальники, число которых в столице неуклонно растет.

Открылись передние дверцы. Почти синхронно из машины выскочили шофер и охранник. Охранник привычно огляделся: взгляд вдоль улицы, на окна соседнего дома. На несколько секунд задержался на целующейся у подворотни соседнего дома парочке. Не обнаружив ничего подозрительного, охранник открыл заднюю дверцу и помог выйти шефу.

Шофер в это время открыл багажник и достал чемодан.

— Алексей, помоги! — окликнул он охранника.

— Зря поторопился! — упрекнул шофера хозяин. — Портфель оставь на месте.

Когда шофер ставил портфель в багажник, бутылки звякнули.

— Поосторожней, Николай! — предупредил хозяин. В его голосе промелькнуло раздражение, и шофер поспешил успокоить шефа.

— Не волнуйтесь, Серафим Александрович. Я его так пристроил — не шелохнется.

Он закрыл багажник и взял чемоданы. Охранник подхватил пакет.

— Только до лифта, Николай, — предупредил шофера хозяин. — Там мы сами управимся. Закинем в квартиру и вернемся. А ты не оставляй машину без присмотра.

Он как в воду глядел. Не успела захлопнуться дверь подъезда, как парочка, целовавшаяся неподалеку, разомкнула объятия. Девушка скрылась в подворотне, а парень быстро зашагал по тротуару. У шикарного дома он сбавил шаг, оглянулся и скользнул за руль «БМВ». Через считанные секунды машина бесшумно покатилась в сторону Бульварного кольца. Чтобы не насторожить хозяев, угонщик даже не захлопнул дверцу. Просто придерживал ее рукой до тех пор, пока не свернул за угол. И только там закрыл.

Шофер отсутствовал не больше двух минут. Обнаружив пропажу, он бегом вернулся в подъезд дома.

Серафим Александрович и Алексей еще ждали лифта.

— Что случилось? — спросил шеф. Встревоженный вид шофера вызвал у него дурное предчувствие.

— Машину угнали!

Николай скрылся в комнате охраны, день и ночь сторожившей сановных жильцов. Там имелось несколько телефонов, в том числе и прямая связь с милицией.

Алексей никогда не видел шефа таким растерянным. Лицо Серафима Александровича, и в обычное время бледное, стало блее листа бумаги. Он оглянулся вокруг, и охранник понял, что шеф ищет, куда бы сесть. Похоже, от волнения у него ослабли ноги. Метнувшись в комнату дежурного, Алексей схватил первый попавшийся стул. Он слышал, как шофер диктует в телефонную трубку данные угнанного автомобиля. Номер, модель, фамилию хозяина. Значит, ГАИ уже предупреждена.

Не обращая внимания на протесты дежурного, Алексей вынес стул в вестибюль. Поставил перед шефом. Серафим Александрович тяжело опустился на него. Сказал хриплым голосом, показав на дежурку:

— Останови. Не надо ГАИ!

— Уже, Серафим Александрович! Николай дозвонился. Они вмиг перехватят. — Парень не придал значения словам шефа. Подумал, что тот просто оговорился.

— Подонок! — Закатов добавил крепкое ругательство. — Алексей! Гаишников надо опередить!

— Опередить?

— Да, черт возьми! Ты перестал меня понимать? — Серафим Александрович понизил голос. — Опередить! Найди своих друзей. Поезжай к ним. В портфеле бутылки. Ни одна не должна пропасть. Или попасть в руки милиции. Делайте, что хотите! Понял? И возьми с собой этого дурака.

УГОНЩИКИ

— Не нравится мне эта лайта, мужики. — Тощий парень лет двадцати двух — двадцати пяти, на бледном, почти белом лице которого неприятно вырисовывались красные, с капризным изломом губы, с сомнением разглядывал только что угнанный автомобиль. Звали парня Олег Маслов. А среди своих сообщников по угону автомашин имел кличку Пьеро, кстати сказать, вполне соответствующую его облику.

Машина стояла в просторном гараже, и пятеро участников банды решали, что с нею делать. Пускать на запчасти или, перебрав номера, искать покупателя.

— Да, покупка локшова^{*}, — согласился с Масловым блондин с большим животом. Толстопузый был в банде главным. Он один держал связь со сбытчиками запчастей, принимал заказы на «тачки», вел финансовые дела. И вел успешно. Поэтому имел кличку Фин. Звали Фина Борис Шулейкин. — Локшова покупка! — повторил он, и парень по кличке Свист, угнавший автомобиль от подъезда чиновничьего дома, обиженно сморщился.

— Не заводись! — успокоил угонщика Шулейкин. — Дело ты провернул классно! Но представь, какой сейчас шмон по городу!

— Нам это без разницы! Пускай шмонают. «Тачка» — во!

— Ее же не толкнуть!

* Покупка локшова — неудачная кража (жаргон).

— На ней, небось, Чубайс ездит. Одних телефонов три. — Маслов устроился на сиденье машины и внимательно изучал один из сотовых телефонов.

— Они нас по этим говорилкам и засекут, — сердито проворчал Шулейкин. — А если поискать, где-нибудь в кузове радиомаячок найдется. Сука буду, засекут нас менты!

— Не засекут. — Свист вытащил ключи из замка. Подошел к багажнику и собрался открыть его, но секунду помедлил. Сказал, обращаясь к главарю: — Как только я на Садовое вылетел, все телефоны заскворчали. Я их заткнул. Повыдергивал провода. Так что «гуляй, Вася»! Не засекут. Надо поскорее разобрать, а запчасти распахать куда подальше. В Минск, например.

— Может, в Германию? — с ехидцей поинтересовался красногубый. Он внимательно разглядывал содержимое бардачка.

— Может, и в Германию! — согласился Свист и открыл багажник. — Пустовато! — В голосе парня сквозило разочарование. — Один заваливающий портфелишко.

— Вдруг с «капустой»?! — подал голос парень в джинсовом костюме, все это время молча сидевший на сложенных одно на другое колесах. Звали парня Гришей. Он был самым молодым в группе. Неделю назад всей компанией отпраздновали его семнадцатилетие.

— Тоже мне кролик! — проворчал Свист и поднял портфель. Звякнули бутылки.

— О! Какая музыка! — Маслов выбрался из машины и подошел к приятелю. — Чую, баул с «ускорителем».

Свист щелкнул замком. Красивый, коричневой толстой кожи портфель раскрылся. Маслов выхватил одну из бутылок, и его красные губы скривились еще больше:

— Газировка!

— Минералка, — поправил Свист и прочитал: — «Млински прамен». А может, это заморская водяра?

— Читать не умеешь? Написано — Карловы Вары. Курорт такой. Вроде Минвод.

— С паршивой собаки хоть шерсти клок. — Маслов, зажмурившись, зубами сорвал крышку. — Пахнет противно. — Он хотел бросить бутылку в угол гаража, где был свален всякий хлам — ветошь, пустые банки из-под пива и пепси, скомканные промасленные газеты. Но Гриша протянул руку:

— Не швыряй. Пить хочу. — Взял бутылку и сделал глоток. — Ну и дрянь. Наша водопроводная и та вкуснее!

Он осторожно поставил бутылку возле ног, неожиданно покачнулся и съехал со своего шаткого сиденья на бетонный пол.

— Кирюха, с минералки отяжелел? — спросил Маслов.

Парень сидел, прислонившись к колесам, и глупо улыбался. Маслов покачал головой, нагнувшись, поднял бутылку. Понюхал:

— Вода как вода. Чуть кисленьким пахнет. — Он приложился к горлышку, но пить не стал, а только облизал губы. — Что-то на минералку не похоже.

— Пьеро, дай сюда! — скомандовал Шулейкин. — Нам в сидушку один раз дурь передали в грелке. Разведенную в водяре. Убойная штука.

— Убойная, — заплетающимся языком подтвердил Гриша. Похоже, он находился на вершине блаженства. Улыбка не сходила с его лица.

Шулейкин осторожно приложился к горлышку и так же, как и Маслов, облизал губы.

— Дурь! — вынес он свой вердикт. За три года пребывания в казенном доме Фин перепробовал немало разных наркотиков. Но, выйдя на свободу, «торчать по кайфу» — употреблять наркотики — перестал. И запретил баловаться своим товарищам. Фин справедливо считал, что, когда у человека в запасе лишь несколько секунд на то, чтобы найти и отключить сигнализацию, вставить в замок ключ зажигания или соединить на ощупь пару тонких проводков, дрожащие руки — прямой путь в зону.

— Чем заткнуть? — Он поискал глазами на полу.

— Пальцем! — отозвался забалдевший парень и расхохотался, довольный собственной шуткой. Лицо его стало белым, лоб покрылся бисеринками пота, но улыбался он по-прежнему блаженно.

— Сам заткнись пальцем, пенек! — шикнул Фин и посмотрел на приятеля с тревогой. — Как бы он у нас «кони» не откинул.

Пьеро отыскал в куче мусора железную пробку. Шулейкин закрыл бутылку. Потом тщательно вытер ее и поставил в портфель. Рядом с девятью остальными. Так же тщательно протер и портфель, спрятал его в багажник.

Пока он проделывал все эти манипуляции, остальные со скучными лицами молча следили за вожаком. Только глотнувший наркоты хихикал и отпускал незамысловатые шуточки.

— Держи, Олжжа! — Шулейкин кинул платок Пьеро. — Полапал багажник, телефоны ломал. Протри получше.

— Ты чего, Боря! — с обидой сказал Свист, угнавший машину. — Решил вернуть лайту? Разберем ее на запчасти... — Он не закончил фразу и с тревогой уставился на шефа.

Шулейкин стоял как вкопанный и невидящими глазами смотрел на автомобиль. Он вдруг почувствовал, как похолодела спина — словно кто-то ледышку за воротник положил. Мгновением позже его бросило в жар. Тело покрылось потом. Ощущение смертельной опасности, обреченности сковало Шулейкина. В первый момент он даже не отдавал себе отчета, откуда это ощущение появилось. Ему казалось, что, сопровождаемое легкой тошнотой, оно возникло в области живота и поднимается к сердцу.

— Ты чего, Боря? — повторил Свист, теперь уже с испугом.

— Сука безголовая! Решил нам всем жмурки устроить? — заорал Фин, багровея, возбуждаясь от собственного крика и преодолевая минутную панику. — Из-за этой тачки менты весь город перетряхнут. А за портфельчик хозяин пришлет к нам парочку полпотов. Сечешь, в какое дерьмо вляпался?

Свист уже не оправдывался. Смотрел в сторону. Все остальные тоже молчали. И лишь парень, хлебнувший из бутылки, не унимался. Он продолжал улыбаться и твердил:

— Правильно, Фин, правильно!

Но никто его не одергивал. На него вообще перестали обращать внимание.

— Когда у такого крутого хозяина из сфер, да еще дури на пару миллиардов, можете представить, какими делами он ворочает? — Не слыша возражений, Шулейкин сбавил тон, краска медленно сходила с его круглого лица.

— Откатим куда подальше, — подал голос Пьеро.

— Откатим! — хмыкнул Шулейкин. — Тут же стопарнут. Толкую вам: менты сейчас каждый переулочек проверяют, бабам под подошвы заглядывают. — Он сел на скамейку у стены. Задумался. Товарищи смотрели на Фина с надеждой. Голова у толстяка была светлая. Все операции по угону машин разрабатывал он. И проколов никогда не было. А вот Олег проявил инициативу и, похоже, подставил всю команду. Он еще ничего не сказал о том, что рядом с домом, от которого угнал «БМВ», жила его девчонка.

— Избавиться от машины надо поскорее, — сказал Шулейкин. — И не откатывать подальше, а вернуть, откуда взяли.

— Ну... — хотел возразить Олег, понимая, что заниматься этим придется ему. Шеф так глянул на него, что Свист тут же заткнулся.

— Не сделаем этого — всю оставшуюся жизнь будем кровью мочиться. Не думайте, что я про миллиарды загнул.

Еле слышным ручейком зажурчал телефон, спрятанный в одном из карманов необъятного пиджака Шулейкина. Он вздрогнул и поспешно сунул руку в боковой карман. Достал сотовый аппарат. Рука у Шулейкина заметно дрожала.

— Слушаю.

— Слушай хорошенько, Олежа.

Голос абонента узнали все. Участковый инспектор Макаров год назад помог Шулейкину заполучить этот большой теплый гараж и не тревожил расспросами и проверками. Нередко и «отмазывал» при неожиданных наездах гостей с Петровки или с Садово-Самотечной. Раз в месяц он встречался с Финном — всегда в новом месте — и получал «абиссинский налог». Пять лимонов. Но это — по словам Фина. А сколько главарь отстегивал участковому на самом деле, никого не интересовало.

— Сегодня в городе ЧП. У большого человека жену сосед увел. Темно-синюю немку. Буксы горят. — Участковый звонил с улицы из автомата. — Ты все понял?

— Понял. Только у нас шесть футов под килем. С чужими женами не балуемся.

— О'кей! — бросил опер. — В моей работе главное — предупредить. Профилактика. — И положил трубку.

Шулейкин убрал телефон. Подумал: «Почему он про соседа упомянул?» И тут же вспомнил о том, что на улице, откуда Свист угнал «БМВ», у него живет любовница. Уж не стояла ли девка на шухере, когда тот нацелился на темно-синюю лайту?

Он повернулся к виновнику переполоха. Свист стоял набыгчившись и кусал ногти.

«Потом разберемся», — решил Шулейкин. Скомандовал:

— Мужики! По-быстроу! Свист и Маслов, отгоняйте лайту. Оставьте, где потемнее, но подальше от берлоги. Мы с Пьеро идем за вами на джипе. Подбираем — и в Тверь. Там отсиживаемся недельку.

— А этот? — Маслов кивнул на парня, глотнувшего наркоты. Тот уже не улыбался, а сидел, тяжело дыша. Глаза его были прикрыты.

— Сейчас грузим в тачку. Оставлять его здесь нельзя.

Шулейкин снял со стены адидасовскую сумку, сгреб в нее с полки консервные банки, пиво. Пошел к дверям. Крикнул, не оборачиваясь:

— Пьеро, двинулись!

Они вышли из гаража, осторожно прикрыв ворота. Через минуту с улицы послышался ровный негромкий шум двигателя.

Свист сел за руль «БМВ» и тоже включил мотор. Маслов пошел открывать ворота.

На улице уже светало. Маслов погасил в гараже свет. Незачем привлекать внимание. Как только свет погас, Гриша, казалось, мирно дремавший в своем углу, стремительно поднялся и, пригнувшись, в два шага оказался у багажника машины. Открыл его, на ощупь отыскал портфель и выдернул из него первую попавшуюся бутылку.

Не услышав, а скорее почувствовав щелчок закрываемого багажника, Свист взглянул в зеркало заднего обзора. В тусклом свете, проникавшем с улицы, он увидел своего товарища, судорожно заталкивающего за пазуху бутылку.

— Вот кретин! — выругался Свист и выскочил из машины. — Ты, стebанутый! — Он уже протянул руку, чтобы вытащить бутылку, но увидел на Гришином лице выражение ужаса.

«Забалдел, дешевка! Меня за черта принял», — ухмыльнулся Свист, но тут же понял, что Гриша смотрит не на него, а на что-то у него за спиной. Он обернулся и увидел невысокого, плотного мужчину в красной шапочке, на которой было написано «Калифорния». Свисту показалось, что мужчина улыбается. Он собрался сказать: «Чего надо, дядя?» — но получил две пули. Одну в сердце, другую в голову.

Гриша бросился бежать. И тут же наткнулся на стену. Первая пуля попала ему в затылок, вторая — под левую лопатку.

Убийца даже не стал делать контрольные выстрелы. Он оттащил в сторону труп Маслова, лежавший на пороге, сел за руль и выехал из гаража. Сообщник, дожидавшийся в серой «девятке», махнул ему рукой, пропуская «БМВ» вперед, а потом пристроился следом.

Мотор сверкающего хромом малинового джипа «Гранд-Чероки» продолжал работать. В салоне автомобиля находились три трупа. Еще один убитый — в форме капитана милиции — лежал рядом.

«КОШМАР В МАРКСИСТСКОМ ПЕРЕУЛКЕ»

Так называлась небольшая — строк на шестьдесят — заметка в одной из московских газет.

В ней говорилось, что рано утром сотрудники муниципальной милиции, проезжавшие по Марксистскому переулку на патрульной машине, заметили джип «Гранд-Чероки» с открытой дверцей и работающим мотором. В салоне милиционеры обнаружили трупы молодых людей. Машина стояла рядом с незапертым гара-

жом. В гараже стражи порядка нашли еще несколько трупов. Один из убитых — участковый инспектор Макаров.

Ссылаясь на информацию пресс-службы ГУВД на Петровке 38, корреспондент писал, что пятеро убитых — по оперативным данным — участники преступной группы, занимавшейся угонами автомобилей. В гараже найден целый склад почти новых запчастей от машин различных марок. И отечественных, и иностранных. Главарь группы Борис Шулейкин — известный авторитет.

Участковый инспектор Макаров был убит ударом ножа в спину. Преступники, найденные в гараже, по-видимому, застрелены участковым. Его табельное оружие — пистолет марки «ПМ» — валялось рядом. Вся обойма расстреляна.

Представитель пресс-службы заявил, что окончательные выводы делать пока рано — следствие только началось, но можно предположить, что капитан Макаров проводил контрольный обход территории своего участка и стал свидетелем кровавой разборки двух преступных группировок. Вероятно, Макаров пытался остановить кровопролитие, но, встреченный огнем, открыл стрельбу на поражение. Скорее всего участковый убит преступниками из соперничающей группировки.

Руководство ГУВД представило мужественного стража порядка к награждению боевым орденом.

А заканчивал корреспондент свою заметку так:

«Кровавым разборкам в столице нет конца. И что самое печальное — не чувствуется большой заинтересованности правоохранительных органов в полном выяснении истины. Может быть, расследование кровавой бойни в Марксистском будет проведено более тщательно? Посмотрим. Пока жестораживают два факта, скрытые от общественности представителями пресс-службы. «ПМ» участкового инспектора был с глушителем. Зачем официальному представителю закона оружие с глушителем? Им пользуются преступники и работники спецслужб. И второе — как нам стало известно из источника, заслуживающего доверия, убит Макаров скорее всего в другом месте. Характер ранения предполагает большую потерю крови. А рядом с трупом ее не обнаружено. Что заставляет представителей власти скрывать факты? Только ли «интересы следствия»? Или какие-то другие интересы?»

Журналист, написавший информацию об убийстве в Марксистском переулке, был не совсем точен, когда сослался на «представителей власти», скрывающих факты. И о глушителе на пистолете, принадлежащем участковому инспектору, и об отсутствии крови рядом с его трупом он узнал от следователя прокуратуры Евгения Пугачева.

Следователь умолчал лишь о том, что обнаружил в гараже под трупом Григория Ивашева намертво зажатую в руке бутылку чешской минеральной воды «Млински прамен». Ему показалось странным, что в такой экстремальной ситуации парень оказался с бутылкой в руке. Пугачев предположил, что в ней залита зажигательная смесь. С бутылки сняли отпечатки пальцев и отправили на экспертизу. Определить состав жидкости.

И тут начались сюрпризы. Об этих сюрпризах Пугачев не мог пока сообщить журналисту. Но поставить в известность следователя с Петровки 38, участвовавшего в расследовании, был обязан.

Майор милиции носил малоподходящую для своей службы фамилию — Мертваго. Борис Константинович Мертваго. Хороший повод для дружеских шуточек и дремучего зубоскальства. В глубине души Борис Константинович таил обиду на судьбу и считал, что фамилия тормозит его продвижение по служебной лестнице. Майор в сорок — явная несправедливость. Пугачеву только тридцать четыре, а он уже следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры.

— Вот познакомься, коллега. — Пугачев положил перед майором несколько машинописных страниц с данными экспертизы. — Водичка оказалась не простая, а золотая. Даже платиновая. «Капли датского короля».

«Каплями датского короля» окрестили новый, очень сильный синтетический наркотик. Эти «капли» получил недавно кандидат химических наук из небольшого научно-исследовательского института. Его сотрудникам уже полгода не платили зарплату, и кандидат решил поэкспериментировать в поисках побочных доходов.

Эксперимент увенчался полным успехом. Достаточно было капнуть «капли» на кусок сахара, как это делают больные с некоторыми лекарствами, и положить его в рот. Эффективность была выше, чем у всех известных наркотиков.

А заказчиков даже не пришлось искать. Они появились, как только экспериментатор получил первые граммы вещества.

Мертваго внимательно прочитал заключение экспертов. Сказал с легким укором:

— Что же о своих подозрениях мне не сообщил?

— Забыл ты, Борис. Сказал, как только нашел бутылку.

— Ты же про зажигательную смесь говорил.

— О чем речь, коллега?! В деле новый поворот наметился, а мы о каких-то обидах толкуем. Представляешь, сколько стоит такой пузырек?

— Не вижу нового поворота. В каждой банде, если поскрести, наркотик найдешь.

— Такая бутылка — это вам не пять граммов анаши. Ее всем московским наркоманам на неделю хватит.

— Ну, загнул!

— Сам посчитай! — Пугачев начал сердиться. Вместо того, чтобы подумать о том, какие дополнения внести в план розыскных мероприятий, кого из специалистов привлечь к следствию, они препираются из-за мелочей.

— Дело даже не в количестве доз, а в том, что обнаружился новый канал доставки наркотика. И почему из Чехии? Ведь «Капли датского короля» получены в России.

— Нашел проблему! Да попалась им бутылка из-под этого «прамена» и залили в нее «дурь».

— Нет, господин майор! — Когда Пугачев бывал недоволен собеседником, он называл его «господином». — Ты дочитал заклю-

чение экспертизы? Или голова у тебя занята чем-то посторонним? Там сказано: большая вероятность, что бутылка упакована в фабричных или близких к фабричным условиях.

— Ха, наши умельцы... — начал майор и раздраженно махнул рукой. — Извини. Я действительно не в своей тарелке. Хотел тебе сразу выложить свои проблемы, да все думал, как бы половчее это сделать. А зачем — половчее? Зачем чужой глупости буфером служить?

Пугачеву было досадно, что майор никак не может оценить новые обстоятельства. Но он постарался скрыть свою досаду. Понимал: коллегу что-то мучит, и пока он не выговорится, толку не будет.

— Сегодня утром вызвал шеф и предупредил: историю с глушителем не будируй. — Мертвого усмехнулся. — Ничего словечко? Вполне правовое. Иначе говоря, не разматывать это дело с глушителем на пистолете участкового. И с отсутствием крови там, где нашли труп Макарова. Уж генерал пощипел по поводу статьи в газете! Решил, что «источник, заслуживающий доверия», — это я. Кстати, а не ты?

— Нет.

— Понял. Значит, корреспонденту лукавый нащептал. А что будем делать с указанием «не будировать»?

— Это указание тебе.

— Будет и тебе, дай только срок, — уверенно сказал Мертвого.

— Значит, твердо решили покойного капитана самоотверженным борцом с бандитами представить? Героем?

Мертвого промолчал. Его красивое, без единой морщинки лицо приобрело задумчивое выражение. Большие серые глаза смотрели печально.

— Прикидываешь, не сплавить ли это дельце кому-нибудь из приятелей? — с ехидцей поинтересовался Пугачев. А сам подумал сочувственно: «Да уж, Боре не позавидуешь! Когда начальство требует «не будировать», впору подыскивать новое место службы. Если ты человек честный». В честности Бориса Константиновича следователь не сомневался.

— «Капли датского короля»... — Майор тяжело вздохнул, как будто возвращение к действительности доставило ему физические страдания. — Если я не ошибаюсь, в Москве они обнаружены лишь однажды.

— Не ошибаешься.

— А порошок, близкий по составу, гуляет по городу полгода. Так?

— Так. Не тяни! Чего сказать хочешь?

— Как они добиваются такой концентрации? И почему порошок не выпадает в осадок?

— Борис, давай оставим теоретические вопросы. В институте закончат исследования и доложат. А пока эксперты и сами удивляются. Не оскудел «талантами» народ!

— Пока эксперты разбираются, надо тряхнуть как следует создателя «капель». Он сидит в «Матросской тишине» уже три месяца.

— Господина Зарайского мы «тряхнуть» не сможем. Отец

«Капель датского короля» покинул «Матросскую тишину» месяц назад. По представлению исполняющего обязанности Генерального прокурора суд изменил меру пресечения. На подписку о невыезде.

— Вызови в прокуратуру. Здесь потрясем.

— Оставь свои милицейские привычки. Во-первых, в стенах нашего учреждения не трясут.

Мертвого саркастически усмехнулся:

— Ах да! Я забыл!

— Во-вторых, Зарайский слинял. По некоторым данным — в Чехию. И бутылка «Млинского прамена» — хорошее подтверждение.

— Евгений! — загорелся майор. — Пробивай командировку в Чехию! Поедем вместе искать создателя «капель».

— И там его «тряхнем»? Или будем трясти, когда привезем в Россию?

— Ладно. — Мертвого опять помрачнел. — Я вижу, ты времени даром не терял. Выстроил приличную версию.

— Да, выстроил, — согласился Пугачев. — Но Зарайским будут заниматься другие люди. Специалисты по наркотикам. А у нас с тобой убийство в Марксистском переулке.

Он решил не говорить коллеге о том, что на освобождении Зарайского настаивали сразу несколько высокопоставленных чиновников из администрации Президента. И даже один зампред кабинета министров. Их волю и выполнил руководитель прокуратуры, когда внес представление об изменении меры пресечения изобретателю нового наркотика.

Евгений чувствовал, что майор стоит перед выбором: спускать дело о массовом побоище «на тормозах» или идти на открытый конфликт с руководством. И быть отстраненным от дела. В обоих случаях он уже не помощник.

— Не думай обо мне плохо, — сказал майор. — Кое-что я все-таки выяснил. Прежде всего пальчики. В нашем дактилоскопическом хранилище обнаружены отпечатки только двух человек. Первый — Шулейкин. Это и понятно. Сиделец. И еще отпечатки одного бывшего зэка. — Мертвого вынул из кармана крошечную записную книжку яркого алого цвета. Сколько знал Евгений майора, тот всегда использовал записные книжки с такими яркими корочками. Говорил, что, если куда-нибудь ненароком засунешь, легче найти. Сразу бросается в глаза.

— Значит так... Николай Федосеевич Лузин. Судили его в 1991 году. Огнестрельное оружие. Отбарабанил только год. Амнистировали. Почему — не знаю.

— Наверное, по случаю ликвидации Советского Союза.

— Не отвлекайся на политику. Слушай дальше. Нынче Лузин шоферит. Возит бо-о-льшое начальство. Из администрации. — Майор хитро сощурился и продолжил шепотом: — Из администрации Президента.

— А на чем были его отпечатки? — волнуясь, спросил Пугачев.

— На глушителе.

— А на бутылке?

— На бутылке, братец, пальчики убитого парнишки. И еще

чь-то. Много отпечатков. Но в нашей коллекции они не зафиксированы. А у тебя есть какие-то виды на этого Лузина?

— Нет. Его фамилию я слышу впервые.

ВОПРОСЫ НА ЗАСЫПКУ

Некоторое время следователи молчали. Мертваго с преувеличенным вниманием листал свою алую записную книжку, как будто потерял необходимую запись и старается побыстрее найти, чтобы продолжить свой рассказ. На самом деле он лихорадочно соображал, быть ли до конца откровенным с коллегой из прокуратуры. Казалось бы, какие могут быть сомнения — вместе раскручивают розыск убийц, совершивших одно из самых кровавых преступлений в городе. Пугачев руководит следственной бригадой. Какие от него секреты? Но шеф предупредил: «Не будируй». А его любимое словечко в данном случае означало: никакого компромата на погибшего участкового инспектора.

Легко приказывать. Выполнять приказы куда труднее. Факты, которые с помощью экспертов собрал майор, бросали на геройскую смерть Макарова бо-о-ольшую тень!

Нет. Утаивать факты от Пугачева он не будет. Это равносильно предательству.

Пугачев ждал. Откинулся на высокую спинку кресла, расслабился. Пускал по комнате колечки сизого сигаретного дыма.

— Да! Чуть не забыл о самом главном. — Деловито, чересчур деловито, сказал наконец Мертваго. И спрятал свою записную книжку в карман. — Мы с тобой удивлялись, что у парней из группы Шулейкина не было оружия. Я еще подумал, что напавшие забрали его с собой.

— Я так не думал.

— Ты же у нас советник юстиции! А я простой следователь из ментовки. От ошибок не застрахован. И, зная об этой своей слабости, обратился к экспертам. Их вывод однозначен: никто из пятерых из огнестрельного оружия не стрелял. Уносить напавшим было нечего.

— Если бы они хотели унести оружие, не оставили бы пистолет участкового инспектора.

— Догадка — не факт. Пистолет могли специально подкинуть. Я решил проверить. И не жалею.

— Борис Константинович, дорогой! — с шутливой восторженностью воскликнул Пугачев. — Что бы я без вас делал! Да здравствует разумный педантизм — ключ к успеху в раскрытии любого преступления.

— Во болтун! — Мертваго покачал головой. Но улыбка у него была довольная. Он давно раскусил коллегу, с которым расследовал немало серьезных преступлений. Пугачев даже самую высокую похвалу облакал в шутливую форму.

— Теперь о самом главном.

— Что?! Еще одно «самое главное»?

— Это, братец, может оказаться самым главным в нашей карьере, — почти торжественно изрек майор. — Я запросил ГАИ.

Не было ли в ту ночь каких-нибудь заметных происшествий в городе? Не задерживали ли подозрительные машины?

— Ну, конечно!— В голосе Пугачева сквозила досада.— Как я не подумал об этом! Чего ради банда Шулейкина оказалась ночью в гараже? Они же угонщики, а угнанной машины мы не обнаружили.

— Это еще ничего не означает!— Майор был недоволен, что его перебили.— Могли готовиться к краже. Мало ли? И не в этом дело! В ту ночь, около двенадцати, от элитного дома на Бронной угнали «БМВ». Водитель только что привез из Шереметьева хозяина. Крупную шишку. Шишка эта промывала кишки в Карловых Варах. Сечешь? Шофер на минуту оставил «карету» без присмотра. Помога шефу донести чемоданы в вестибюль. Вышел — а машина тю-тю. Все ГАИ тут же подняли по тревоге. Правительственная тачка! Начинена телефонами.

Пугачев, волнуясь, обдумывал, какие же действия следует немедленно предпринять? Он уже знал — чего уж тут не догадаться — и фамилию шофера, и высокий пост его хозяина. Такой высокий, что исполняющий обязанности Генерального прокурора вряд ли решится на самостоятельные действия. Пойдет «наверх», там его не примут. Или примут очень не скоро. Дело зависнет. Остается одно — на свой страх и риск арестовать Лузина, а там будь что будет!

— Ну! Чего ты тянешь!— подогнал Евгений майора, наслаждавшегося произведенным впечатлением.— Выкладывай свои судьбоносные факты. Где гаишники обнаружили «БМВ»?

— На Яузе.

Пугачев прикинул: пять минут езды от Марксистского переулка.

— Фамилия водилы — Лузин. Николай Федосеевич. Я тебе только что о нем доложил.— Майор поднялся. Достал из старенького, потрепанного кейса тоненькую желтую папку. Бросил на письменный стол. Ее содержимое — несколько страниц машинописного текста — веером высыпалось наружу.— Экспертизы. Копии. Когда шел к тебе, сомневался — рассказывать ли все? Но, как видишь, документы захватил.— Он наклонился, затолкнул листки назад в папку.— Одна просьба — поднимется шум, скажи, что получил документы вчера вечером. В то время еще никто мне пальчиком не грозил.

— Договорились.

— Вот и хорошо. Зла на меня не держи.

Уже взявшись за ручку двери, Мертвого не удержался, спросил:

— Сам будешь брать Лузина? Или нашим поручишь?

Пугачев вместо ответа лишь помахал ему рукой.

— Чао, гипертоник!

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ

Генеральный прокурор с утра был не в духе. Строго говоря, его следовало бы назвать «исполняющий обязанности Генерального прокурора». Утверждение в Верхней палате еще не состоялось. И

в этом тоже заключалась одна из причин плохого настроения. Постоянный раздражающий фактор присутствовал в его жизни уже больше года, но Глеб Федорович порой забывал о досадной приставке «И. о.». Он знал, что в аппарате Прокуратуры его величают коротко — «Генеральный». Даже в официальных бумагах, подготовленных сотрудниками, Глебу Федоровичу частенько приходилось своей рукой подставлять к титулу «Генеральный» две буквы: «И. о.».

Но были люди «наверху», в аппарате Президента, которые нет-нет да и намекали: не забывай, Глебушка, две букочки — «И. о.» всегда можно заменить на одну букву — «Б». Бывший. Стоит только сделать на самом верху пару расплывчатых намеков на некомпетентность, на коррупцию.

Глеб Федорович был уверен, что затянувшаяся история с утверждением в должности — хорошо разыгранный спектакль между президентским окружением и Верхней палатой. Желание в смутное время иметь карманного прокурора. «Делай, что велят, и тогда назначение состоится!»

Вот и вчерашний ночной звонок... Он узнал голос одного из руководителей Администрации и удивился, что тот звонит по обычному городскому телефону.

— Привет, дорогой! Ты телевизор хотя бы иногда смотришь?

— Смотрю только твои интервью, Серафим Александрович!

На самом деле прокурор и сейчас смотрел острую информационную передачу по частному каналу. Услышав телефонный звонок, не выключил телевизор, а только приглушил звук.

— От остальных передач у меня изжога.

— И правильно, что изжога, — одобрил собеседник. — Сейчас передали обзор завтрашних газет. «Молодежка» опять отличилась. Такую бочку грязи на шефа вылили! Нейдется им, дуракам. — Серафим Александрович хихикнул. Смешок у него получился натужный. Неестественный. — Взяли еще новую моду — дадут какую-нибудь жареную информацию и тут же присовокупят: «Как нам стало известно из заслуживающего доверия источника». Или «сотрудник, пожелавший остаться неназванным». Наше тупое население верит «неназванным»! Скажи мне, можно за такие штучки за ушко да на солнышко?

— Ты и сам юрист! — схитрил Глеб Федорович. — Не хуже меня знаешь, за что можно, за что нельзя.

— Но ты же у нас исполняющий обязанности Генерального! — Собеседник сделал такое ударение на «исполняющем обязанности», что у Глеба Федоровича не осталось сомнений: сейчас последует какая-нибудь просьба. И не ошибся. — Да, чуть не запомнил — это убийство в Марксистском... Жуткое дело, правда? Опять погиб офицер милиции. А целкоперы, вместо того чтобы петь гимны его храбрости, подлые намеки делают. И опять ссылка на анонимный источник, заслуживающий доверия! Не из твоего ведомства утечка?

— Нет. Наши ребята умеют держать язык за зубами.

— Это еще вопрос. В уголовном розыске тоже так говорят.

«Чего «белая ворона» хочет? — лихорадочно соображал Глеб Федорович. — Журналистов поприветать?»

— Я бы на твоём месте подумал, не заменить ли следователя на этом деле? Пугачев слишком часто мелькает на страницах газет. На телевидении. Не он ли тот самый «источник»?

— Ты, Серафим Александрович, полностью в курсе дела. Даже фамилию следователя знаешь!

— Приходится во все вникать. Работа такая. «Сам» ведь тоже газеты читает. В любую минуту может спросить. Так как?

«Исполняющий обязанности» прикинулся, что не услышал последнего вопроса. С преувеличенной заинтересованностью спросил:

— Ты ведь только из отпуска? Я слышал, посетил Карловы Вары? Как там Вржидло? Бьет?

— Еще как!

— А «Млински прамен»? Не иссяк?

— Наживешь себе язву, узнаешь, — проворчал после секундной паузы Серафим Александрович и положил трубку.

Половину ночи прокурор не спал. Сначала никак не мог успокоиться — сердился на Серафима Александровича: «Мало того, что жулик — какие хоромы в Барвихе отгрохал! Это на его-то зарплату! Так еще и пытается лезть в прокурорские дела. Чем ему Пугачев не понравился? Один из самых толковых следователей!»

И тут прокурор вспомнил, что сутки тому назад у Серафима Александровича угнали от подъезда дома служебную машину. А в Марксистском переулке расстреляна банда угонщиков. Завязывается? А, пропади он пропадом, голубой Серафим! Сволочь!

НА ПЕРЕДАЧУ ДЕЛА — 10 МИНУТ

Пугачев собирался уходить домой, когда позвонил помощник Генерального и попросил срочно заглянуть к нему.

— По какому делу докладывать? — поинтересовался следователь.

— Указаний не дано, — сказал помощник. — Приходи налегке.

Помощник работал в Генеральной прокуратуре давно, пересидел четырех «полновесных» — без приставок «И. о.» — начальников и теперь досиживал до пенсии при Исполняющем обязанности. Когда-то давно от одного из своих бывших шефов помощник услышал словечко «дано» и первое время щеголял им, высмеивая ушедшего в отставку прокурора. А потом так привык к нему, что начисто позабыл хорошее русское слово «дано».

Когда Пугачев вошел в просторный кабинет, шеф поднялся из-за стола, протянул широкую мягкую ладонь. Это был ритуал. Он всегда вставал с кресла, крепко пожимал руку даже тем, кому собирался через минуту объявить об увольнении. Большое, круглое лицо прокурора, чуть окантованное редкими темными волосиками, излучало доброжелательность.

— Садись, Евгений Витальевич.

Память у него была прекрасная. Он знал имена и отчества всех работников прокуратуры.

Пугачев сел. Пять минут назад, поговорив с помощником Генерального, он сразу же подумал о том, что разговор пойдет о преступлении в Марксистском переулке. Пугачев даже прикинул вероятность своей гипотезы. И остановился на 99 из 100. Теперь он, не задумываясь о возможных последствиях разговора, испытывал лишь непривычное чувство азарта, ожидая подтверждения своего прогноза.

— Евгений Витальевич, — начал Генеральный. — Знаю, что дел невпроворот, но придется их на время оставить.

«Вот оно!» — внутренне усмехнулся Пугачев и опустил глаза, испугавшись, что визави сможет уловить его скептицизм.

— Через три часа с аэродрома в Чкаловском вылетает в Грозный самолет. Летит объединенная группа ФСБ, МВД, военной прокуратуры расследовать последний теракт. Вы знаете? — Он зачем-то подровнял ладонями стопку бумаги, лежащую на столе. Положил сверху потрепанный кожаный футляр от очков. — Возглавить эту группу поручается вам. Контрразведчики настаивали, чтобы расследование возглавлял их человек. Дошли до администрации Президента. А там сказали — Пугачев. Ответственность, я тебе скажу! — Он снова перешел на «ты».

— Есть проблемы с последним делом, — возразил Пугачев, но Генеральный протестующе поднял руку:

— В любом деле проблемы. Но, сам понимаешь, взрывы в Чечне слышны даже в Патагонии. Передай все самое срочное Бодрейко. И последнее дело тоже. Он проконтролирует, как ребята из ГУВД управляют. Вернешься, доведешь все до ума.

Бодрейко пришел в прокуратуру вместе с Глебом Федоровичем и прослыл «особой, приближенной к шефу». И, как и шеф, был человеком сависимым — ждал уже несколько месяцев звания «старший советник юстиции».

— Десять минут на передачу дел. Бодрейко я пригласил, ждет в приемной. В Чкаловское ты должен прибыть за час до отлета. Позвонишь по телефону, чтобы машину пропустили на летное поле. — Прокурор протянул Пугачеву квадратик бумаги с номером.

Пугачев испугался, что сейчас, когда он будет брать этот клочок бумаги, у него дрогнет рука. Он внутренне собрался и думал только о том, чтобы ни жестом, ни взглядом не показать овладевшее им чувство брезгливости. И презрения к этому, обладающему колоссальной законной властью и в то же время служащему темной, дурной силе человеку. Он вспомнил растерянного майора Мертваго.

«Что за время паршивое! Никто не уверен в том, что с ним будет завтра. А этот боровок уверен в своем будущем меньше других. И от этого — зло». И еще мелькнула мысль о том, что с Чечней шеф сделал беспроигрышный ход. Попробуй откажись — прослывешь трусом.

Он взял листок с телефоном. Неторопливым движением засунул в нагрудный карман. Рука не дрогнула.

— Сообщишь номер машины, на которой поедешь. В гараже знают. Небось, уже прогревают мотор. — Прокурор поднялся. Улыбнулся ободряюще. Протянул руку. — Надеюсь, все прове-

дешь на уровне. Таких, как ты, следователей у нас раз-два и обчелся.

— Спасибо за доверие, — спокойно сказал Пугачев и, пожав протянутую руку, вышел из кабинета.

По дороге в Чкаловское машина все время попадала в пробки. Шофер, пожилой тщедушный мужчина, нервничал. Все время норовил всунуться между рядами. Водители иномарок грозили кулаками, и только опасение за свои роскошные лимузины оставляло их от искушения прижать «Волгу» настырного водителя к борту первого попавшегося МАЗа.

— Василий Николаевич, не психуй, — попробовал урезонить шофера Пугачев. Ему не раз приходилось ездить с этим водителем, и он всегда удивлялся, как нервно ведет Василий Николаевич автомобиль. Один из старожилков прокуратуры рассказал Пугачеву, что раньше «старик» возил самого Генерального, привык к спецсигналам и сопровождению. И молодые мафиози за рулем «мерседесов» и модных джипов, не привыкшие никому уступать дорогу, были для него хуже, чем красная тряпка для быка.

— Опоздаем! — проворчал водитель. — А я буду крайним.

— Без меня не улетят.

Москва выглядела серой и неприбранной. И абсолютно чужой. От паров бензина невозможно было дышать.

«Нет худа без добра, — подумал Пугачев. — В Чечне все-таки воздух почище. — Эта мысль показалась следователю нелепой. — Все нелепо, все. Пока меня нет, дело об убийстве в Марксистском развалит. А ведь оно почти раскрыто».

Телефонная будка, возле которой они пережидали очередной затор, направила мысли Пугачева в определенное русло.

— Василий Николаевич, жетончика нет?

— Есть. Нам, водителям, без жетонов нельзя. Забыли жене заветное слово сказать? — Шофер протянул Пугачеву два жетона. — Управитесь по-быстрому? Стоять здесь несподручно.

«Только бы Фризе оказался дома!» — подумал следователь, лихорадочно листая записную книжку. Бывшего следователя районной прокуратуры, а ныне частного детектива Владимира Фризе Пугачев знал по нескольким совместным делам. Знал о том, что одна из приятельниц Фризе — известная журналистка из молодежной газеты, смело пишет на криминальные темы.

После второго гудка Фризе снял трубку.

— Володя, это Пугачев. Не удивляйся. Мне нужна твоя помощь.

— Привет, «важняк»! Как поживаешь?

— Потом, потом. Ты слышал об убийстве в Марксистском?

— Слышал звон...

— Это я раскрутил дело. И схлопотал срочную командировку в Чечню. В нем замешаны такие персоны! А без меня дело развалит. — Он опустил второй жетон.

— Старик, ты на пути в Чечню, а я в Карловы Вары. Сегодня поздно вечером отбываю.

— В Карловы Вары?

— Ты чего удивляешься? Премия за хорошую работу. А какая помощь нужна от частного детектива? Поработать за Генеральную прокуратуру?

Поток автомобилей наконец сдвинулся. Какой-то обалдуй на «вольво», стоящем позади «Волги», отчаянно давил на клаксон и грозил кулаком. Василий Николаевич не растерялся — принял вправо и заехал на тротуар, открыв путь беснующемуся частнику.

— У тебя есть подружка из молодежной газеты. Лихая журналистка.

— Света?

— Можешь ее натравить на это дело? Я скажу, с кем связаться. Майор Мертваго...

— Только по возвращении из Карловых Вар. Светка сейчас и сама в командировке. В Хабаровске. Позвони ей из Чечни.

— Елки-палки! Нескладно получается. — Пугачев вздохнул.

— Что?

— Зарайский...

— Кто, кто?

— Химик. Изобрел новый наркотик. Он тоже в Карловых Варах. И связан с этим делом...

Связь отключилась. Больше жетонов не было. Да и говорить стало не о чем. Фризе уезжает, журналистка Светка в командировке.

Не судьба.

Василий Николаевич смотрел из машины на Пугачева с укором.

ТАТЬЯНА

Часы на неуклюжем здании Брестского вокзала показывали двенадцать минут второго. Отправление поезда Москва — Прага задерживалось уже на две минуты. Проводники замерли в дверях тамбуров, выставив желтые флажки, и с ленивым интересом поглядывали на небольшую группу пограничников, стоявших неподалеку от входа в таможеню. Около шестого вагона, в котором ехал Фризе, сиротливо горбились два чемодана, вынесенных проводником из купе. Один из пассажиров опаздывал.

Начальник пограничного караула, представив, наверное, грозившие отставшему от поезда мытарства, задерживал отправление. Но терпения у него хватило только на две минуты. Да и не имел он такого права — откладывать отправление из-за одного разини. Капитан взмахнул рукой, по пустынному перрону пронеслась резкая трель свистка, и в эту минуту из дверей таможенни выскочил взъерошенный раскрасневшийся мужчина в голубом спортивном костюме, с квадратным пузатым портфелем в руке. Наверное, он не раздумывал над тем, кому принадлежат чемоданы, потому что стремительно припустил к ним по перрону. Следом за бегуном трусили два плотных таможенника и солдат-пограничник. Начальник караула жестом остановил преследователей, что-то крикнул опоздавшему и на бегу передал ему пас-

порт, словно эстафетную палочку. Какой-то сердобольный пассажир, выскочив из вагона, закинул чемоданы в тамбур и втянул «бегуна» за руку в набирающий скорость поезд.

Все, кто следил из окна за этой сценой, с облегчением вздохнули.

Фризе, наблюдавшему за событиями из окна вагона, лицо опоздавшего показалось знакомым. «Где же я видел этого мужика? — подумал Владимир. — И совсем недавно. По телевидению?»

Ему пришлось посторониться, когда мужчина с чемоданами в руках протискивался по узкому коридору к своему чуть было не осиротевшему купе. Фризе почувствовал едва уловимый пряный аромат одеколона. «Одеколончик-то французский, «Маскулин», — определил Владимир. Точно такой же ему подарила в дорогу знакомая девушка. Но он предпочитал «Дракар» и оставил подарок дома.

— Лев Прокопьевич, где же вы бегаєте? — обратилась к опоздавшему соседка по купе. — Мы все переволновались.

— Махнул на рынок за клубникой, да не рассчитал! — буркнул пассажир.

— А клубника? — Соседка, плоская дама неопределенного возраста, с мужской стрижкой, оглядела его с ног до головы проворными глазами.

— Какая клубника, мадам? Какая клубника?! Я с рынка пулей летел.

«В такую жаркую погоду! Пулей? — усомнился Фризе. — От тебя, милый, не французским одеколоном, а потом бы несло. Просидел, небось, в парикмахерской да в ресторане».

Поезд, ритмично постукивая на стыках, шел по мосту через Буг.

Вчера, когда Фризе вошел в купе, то застал там пару: крупного молодого парня с большим животом и стриженной под ноль головой и женщину лет двадцати трех — двадцати пяти с роскошной копной золотистых — не рыжих! — волос. Они сидели как два попугая-неразлучника, прижавшись друг к другу. Парень ласково гладил руку подруги.

— Я ошибся купе? — Фризе поставил чемодан и полез за билетом.

— Наверное, нет, — сказал парень. — Один из нас провожающий.

Владимир проверил билет. Да, он не ошибся. Его место было пятым, нижним. Пристроив чемодан под вешалкой, Фризе вышел на перрон. «Кто же мой попутчик? — подумал он. — Наверное, этот мафиози? А хорошо бы наоборот».

Попутчицей оказалась женщина. За несколько минут до отправления поезда «неразлучники» вышли на перрон и еще минуту стояли, крепко обнявшись и слившись в поцелуе. Стояли, пока молодая энергичная проводница не скомандовала:

— В вагон, девушка! А то уедем без вас! — И, посмотрев на Фризе, многозначительно подмигнула ему. Владимир улыбнулся. «Значит, златовласка...» Перспектива ехать до Праги в таком соседстве настроила его на лирический лад.

Когда поезд набрал скорость и за окном замелькали названия

знакомых пригородных станций, Фризе посчитал, что пора знакомиться.

— Ну вот, и поехали. Утром будем в Бресте.

— Да-а?— не отрывая взгляда от мелькавших за окном дачных участков, сказала спутница. Женщина произнесла слово так холодно и отчужденно, как будто утром прибудет в Брест только Фризе, а к ней это не относится. Она даже не повернула голову в его сторону.

Желание знакомиться у Владимира сразу пропало.

За всю дорогу от Москвы до Бреста они не сказали друг другу ни слова. Фризе даже не предложил «златовласке» нижнюю полку, что сделал бы непременно в любом другом случае. И вот теперь соседка заговорила сама.

— Вы не смогли бы принести мне чайку? А я тем временем приберу постели.

— Вызовите проводницу.— Фризе встал, очутившись лицом к лицу с попутчицей. Несмотря на ночь, проведенную в душном купе, от нее пахло хорошим шампунем и свежестью.— Вот кнопка.— Он показал на крошечный пульт в стене, хотя был уверен, что это не более чем декорация.

Открывая дверь, Владимир увидел в зеркале, что девушка, состроив обиженную гримасу, показала ему в спину язык.

Через несколько минут поезд остановился.

Казалось, ничего не изменилось: то же белесое плоское небо, худосочный пейзаж. Но на здании вокзала название станции — Тересполь — написано латинскими буквами. И по перрону ходит полицейский в чужой форме.

— Девонька!— Из соседнего купе высунулся пассажир, чуть не отставший от поезда в Бресте.— Почему нет электричества?

Что ответила ему проводница, спешившая навстречу появившемуся в вагоне польскому пограничнику, Фризе не расслышал.

Он опять подумал о том, что лицо «бегуна» ему знакомо. Но напрягаться, вспоминать было лень. С того момента, как Фризе сел в вагон, он старался расслабиться, настроиться на отдых. А для этого следовало забыть криминальные дела, которые он распутывал по поручению не всегда симпатичных ему клиентов. Забыть преступников, за которыми охотился, и даже случайных знакомых, с которыми приходилось общаться при расследованиях.

— Прошу пана зайти в купе.

Перед Владимиром остановился высокий молодцеватый пограничник. Голос у него звучал снисходительно-вежливо.

Фризе постучал в купе, и дверь моментально открылась. Девушка стояла в проходе со щеткой для волос в руках. Волосы падали на правое плечо золотым водопадом.

— О! Целуем ручки, пани!— Поляк расплылся в улыбке, а масляные его глаза так и прильнули к глубокому вырезу на платье пассажирки. Фризе тоже скользнул взглядом по прекрасной фигуре спутницы.

— Пограничный контроль!— представился поляк.— Просим паспорт.

Девушка взяла со столика паспорт и протянула пограничнику.

Не спуская с пассажирки восхищенных глаз, поляк раскрыл книжицу, изящным взмахом руки вlepил в нее свекольного цвета штамп и галантно откланялся, совсем позабыв о Фризе.

— Э... э! Пан!— бросился вслед за ним Владимир и тут же был удостоен пограничной отметки.

Вслед за пограничником заглянула красивая дама в красивой форме. Дама спросила о чем-то по-польски. Фризе не понял, пожал плечами.

— О чем она спрашивает?— поинтересовалась соседка, внимательно разглядывая штамп в своем паспорте.

— Не знаю.

Неопределенный жест Владимира вполне удовлетворил даму, и, улыбувшись, она исчезла.

Когда поезд тронулся, Фризе узнал у проводницы, что дама проводила санитарный контроль.

— Чай будете пить?— спросила проводница.— Принесу от соседей. У нас опять ЧП. Электрооборудование из строя вышло. Еле уговорила поляков пропустить. Хотели вагон отцепить. Уже не первый раз, как граница — короткое замыкание, и не найти, где. Так принести чайку?

— Принесите.— Владимир вспомнил, что соседка еще полчаса назад просила заказать чай. И еще он вспомнил, как холодно оборвала молодая женщина его попытку завести разговор вчера вечером, и с трудом удержался от того, чтобы не сказать: «Один стакан».

Проводница ушла.

«Интересные дела!— думал Фризе.— Граница, досмотры. А в вагоне выходит из строя электрооборудование. Нет света. Без фонарика не заглянуть в укромные места. В холодильнике, небось, все потекло. Кому охота там рыться? Поляки, естественно, поняли — дело нечистое. Хотели отцепить вагон. А наши пограничники? Таможенники? Смотрят на все сквозь пальцы?— Тут его мысли опять перескочили на «бегуна».— Как его назвала плоская дама? Лев Прокопьевич? Разве не странно, что отправление поезда задержалось из-за него на две минуты? Пограничники на бегу передали ему паспорт. А таможенники? Заглянули в его увесистый портфель? Вряд ли».

Владимир сердито вздохнул. Сколько еще понадобится времени, чтобы хоть на время забыть о своей профессии?

Вот если бы «златовласка» не ответила вчера так холодно и высокомерно на его порыв к знакомству, и они провели время в доброй беседе, он перестал бы обращать внимание на все эти доступные лишь взгляду профессионала подробности.

Купе опять было закрыто. Фризе постучал.

— Минутку!— раздалось из-за двери.

«Опять переодевается?»

Владимир откинул от стены маленькое сиденье и сел, разглядывая пейзаж за окном.

— А вот и чай.— Приятный низкий голос проводницы отвлек Фризе от созерцания придорожного пейзажа. Подхватив стаканы, он постучал носком ботинка в дверь.

— Открываю, открываю!— Дверь наконец раздвинулась.

Фризе показалось, что его соседка взволнована. Ее зеленые глаза смотрели тревожно. А в купе, смешанный с хорошими духами, витал легкий запах женского пота.

— Ой, какой вы внимательный, про чай не забыли, — сладеньким голосом пропела она. — Я мигом стол сервирую.

Владимир поставил стаканы на столик и собрался было выйти в коридор, чтобы не мешать женщине завтракать, но она загородила ему дорогу, закрыла дверь и, легонько нажав красивой ладонью в грудь, заставила сесть. Фризе с удивлением отметил, что ему было приятно подчиниться. И еще он обратил внимание, что край одеяла на его постели зажат между полкой и багажным ящиком. Когда он уходил из купе, все было в полном порядке. Зачем соседке понадобилось залезать туда, где лежат чужие чемоданы?

— Как вас зовут?

— Владимир Петрович.

— О! — Ей хорошо удалось выразить свои чувства интонацией. В этом почтительном «О!» сквозила издевка. — А меня всего лишь Татьяной.

Владимир подумал запальчиво: «Берегись, Татьяна, я тоже шутник».

Он с удовольствием наблюдал, как спутница достает из сумки белые корбочки, картонные тарелки.

— Деликатесы из «Праги»?

— Да. Вы тоже пользуетесь их кулинарией?

— Паштет, «завитки из ветчины», мясо «Штефания»...

— А вам жена нарезала на дорогу бутербродов?

Фризе не собирался откровенничать и докладывать о своем семейном положении.

— Все обошлось упаковкой пива. — Еще вчера он попросил проводницу поставить пиво в холодильник.

— Как я люблю ездить в поезде! — сказала Татьяна. Она откинулась на спинку сиденья и смотрела на Фризе с мягкой доброжелательной улыбкой. — Так бы ехала, ехала и ехала... С хорошим попутчиком. Ты в Карловы Вары?

— Да.

— Я так и подумала.

Когда поезд остановился на станции «Варшава-Западная», Фризе поднялся.

— Взгляну, что делается на перроне.

— Только дверь замни, — попросила Татьяна. — А я заберусь на полку, подремлю.

Короткое словечко «замни» о многом поведало Владимиру. Знакомясь с людьми, он всегда пытался по случайно вырвавшейся у собеседника фразе, по характерному словечку уяснить, что же он из себя представляет: его профессию, социальную группу, интеллектуальный уровень.

«Нарезала бутерброды», «сервирую стол» — это из лексикона официантки. Нечаянно вырвавшееся «замни» неопровержимо свидетельствовало о том, что по крайней мере детство «златовласки» прошло в деревне. А еще Фризе отметил, что с ним уже перешли на «ты».

Платформы «Варшавы-Западной» похожи на рынок в воскресный день. У многочисленных киосков толпился приезжий люд, торговали прямо на перроне. Крупный веселый поляк, ехавший в соседнем вагоне, выгрузил свой громоздкий багаж и болтал с молоденькой проводницей. Всю дорогу от Москвы он увивался вокруг нее. И Фризе показалось, что небезуспешно. Похоже, что парень не очень-то торопился домой.

Франтоватый пожилой господин остановился рядом с ним. Минутный, быстрый разговор, и фронт продолжил свой неспешный путь по перрону, а с парнем заговорил уже другой мужчина. Этот был поплоче — одет в мятый неопрятный костюм, глаза настороженные, бегающие.

— Неприятно наблюдать такие сцены, — обратилась к Фризе немолодая полячка, стоявшая у соседнего окна. Владимир знал, что она едет до Лодзи. — Спекулянты не стесняются, торгуют прямо у вагона.

И правда — симпатичный поляк развязал одну из картонных коробок, вытащил на свет Божий бензиновую российскую пилу и стал демонстрировать «мятому костюму». Казалось, еще немного, и он запустит моторчик.

— У вас теперь тоже много спекулянтов, — сердито сказала полячка. Наверное, ей стало обидно, что русский стал свидетелем того, как жестоко торгуются ее соотечественники.

Фризе промолчал.

— Мы с мужем проработали в Москве три года, но на такие дорогие вещи, как японский телевизор и русская бензопила, не заработали.

Фризе так и подмывало сказать полячке, что они с мужем, наверное, разменивались на мелочи. Купе, в котором ехала эта женщина, было завалено чемоданами и коробками. Владимир помогал грузить их на Белорусском вокзале. Ну к чему, например, супругам три электрокамина с уютным названием «Дружок»?

Торг на бензопилу вступил в завершающую стадию. «Мятый костюм» закончил изучать гарантийный паспорт и достал из внутреннего кармана бумажник. Ах, что это был за бумажник! Яркой желтой лайки, новенький, респектабельный! Не раздутый старыми, потрепанными купюрами, не сморщившийся из-за отсутствия денег. Респектабельный и тугой, каким и полагается быть бумажнику с начинкой из новеньких ассигнаций самого крупного достоинства. Но самих ассигнаций Фризе не увидел — состав медленно двинулся в путь.

В купе было сумрачно и тихо. Татьяна спала на своей полке, время от времени тихо постанывая. Владимир осторожно, чтобы не разбудить ее, достал свой чемодан, положил на полку и раскрыл. Не требовалось никакой особой наблюдательности, ни следственного опыта, чтобы понять — в чемодан залезали. Рубашки были помяты и сдвинуты в одну сторону, шерстяной пуловер скомкан. Беглый осмотр показал, что ничего не пропало. Даже доллары, которые вместе с записной книжкой Фризе засунул в карманчик чемодана.

«Чего же ей тут понадобилось? Может быть, девица работает на

таможню?» Он убрал чемодан, лег не раздеваясь на постель и мгновенно уснул. Проснулся Фризе от того, что чешский пограничник нетерпеливо стучал в дверь.

Когда он, поставив в паспортах очередной штамп, покинул купе, Татьяна спросила:

- Вольдемар, у тебя осталось пиво?
- Не зови меня так!
- А мне нравится.
- Если нравится, зови Вольдемаром своего мужа!
- Грубишь хорошей девушке. Мужа зовут Ленья.
- Дай ему прозвище — Вольдемар.

Фризе встал, натянул джинсы. Голова Татьяны была прямо перед ним. Девушка улыбалась. Золотые волосы лежали на подушке. Даже запах алкоголя не мог перебить аромат свежести, исходивший от ее тела.

— У Ленчика уже есть прозвище. «Лимон».

Владимира так и подмывало сказать: «А я думал «Арбуз». Но он решил больше не обижать «златовласку».

— Давай не трогать моего мужа и твою жену.

— У меня нет жены. Я мальчик холостой.

— Ой, ей-ей! — не поверила Татьяна. — На курорте все мужики холостые. Пиво-то принесешь?

Когда он вернулся в купе с пивом, Татьяна, подобрав ноги, сидела на его постели. Из одежды на ней была только легкая и совсем короткая пижамная куртка.

— Володя, какой ты молодец! — прошептала она, беря в руку запотевшую бутылку. А когда утолила жажду, бросила пустую бутылку в кресло и притянула Владимира к себе...

Ночь прошла без сна. Уже под утро, когда до Праги оставалось не больше часа езды, они, крепко обнявшись, задремали на узкой полке. Но тут же были разбужены проводницей.

— Молодежь, просыпайтесь! Подъезжаем к Праге.

Чай они пили в полном молчании. Только время от времени обменивались улыбками.

Вагон был пражский. Пришлось пересаживаться. До отхода поезда Прага — Карловы Вары оставалось не так много времени. В суете Фризе даже не обратил внимания на то, остался ли мужчина, бежавший по платформе Брестского вокзала, в Праге или пересел в поезд до Карловых Вар. Да, впрочем, теперь его интересовала только золотоволосая попутчица.

МЕЛЬНИК

На платформе перед зданием вокзала в Карловых Варах стоял плотный средних лет мужчина в белых брюках, в белой рубашке с короткими рукавами. В руках мужчина держал транспарант с надписью «Империа».

Фризе и не предполагал, что вместе с ним едет столько курортников из России. Через десять минут после прибытия поезда под знаменами «Империа» собралось больше двадцати мужчин и женщин с чемоданами и сумками. Кое-кто пытался задавать

представителю санатория вопросы, но он только улыбался и просил подождать.

Наконец, убедившись, что пополнения больше не будет, мужчина пригласил всех в автобус.

Город прятался справа от извилистого шоссе за густыми кронами деревьев. Лишь на мгновение вдруг открывалась то высокая башня нового отеля, то улица, застроенная похожими на бисквиты старинными зданиями.

— Володя! Красота-то какая! — шептала Татьяна и прижималась к нему крепче на крутых виражах. Еще на вокзале Фризе заметил, как липнут глазами к его новой приятельнице курортники-мужчины. А взгляды женщин, которыми они время от времени одаривали Татьяну, казались нарочито-безразличными.

Через несколько минут автобус свернул с шоссе и остановился у огромного серого здания санатория.

В первый момент «Империл» показался Владимиру мрачноватым. Густая зелень вокруг. С одной стороны запущенный сад с каменной полуразрушенной беседкой. За беседкой — крутой каменистый обрыв. Густой лес и кустарник на склоне так разрослись, что даже в полдень там стояли полумрак и прохлада. Еще заметная тропа змеилась от беседки вниз и исчезала в густой тени.

За административной стойкой в вестибюле санатория симпатичная молодая чешка, сверяясь с записями на листе бумаги, выдавала ключи от номеров.

Первой она назвала фамилию Соловьевой.

Татьяна подошла к дежурной и, оглянувшись на Владимира, что-то шепнула ей. Чешка проследила за ее взглядом, улыбнулась и громко сказала:

— Нет, нет! Мы задерживаем остальных гостей. — Она протянула Татьяне ключ и, заглянув в свой список, назвала следующую фамилию:

— Мельник!

Только сейчас Фризе заметил мужчину, чуть было не отставшего от поезда в Бресте. «Как это я не углядел Мельника ни на вокзале, ни в автобусе?» — посетовал Владимир, но даже сейчас, узнав фамилию, не вспомнил, откуда ему знакомо лицо этого человека.

На Мельнике была прекрасная шелковая безрукавка в мелкую серо-голубую клеточку, бутылочного цвета вельветовые джинсы и темные мокасины.

— Пижон, — неодобрительно бросил стоящий рядом с Фризе пожилой мужчина, наблюдая, как Мельнику вручили ключ от номера. — Такая рубашечка больше ста долларов стоит. Сам видел на Арбате.

— Если имеешь гроши на «люкс», чего их жалеть на прикид?! — прокомментировал другой мужчина, помоложе.

— Откуда вы знаете, что у него «люкс»?

— Я тут уже не первый раз. Заметил, что сначала вручают ключи от «люксов». Та рыжая пчелка тоже в «люксе». Наверное, в трехкомнатном.

— Небось заработала... — Мужчина не договорил, как, по его

мнению, заработала деньги на трехкомнатный «люкс» «рыжая пчелка». Встретившись взглядом с Фризе, он счел за благо смолчать.

Получив ключ от комнаты, Владимир с удовольствием попле-скался в ванной, наслаждаясь не только ощущением комфорта и чистоты, но и созерцанием видневшегося в узком окне голубого неба, расчерченного легкими перистыми облаками, ощущением простора, которое создавала ванная комната. После узкого пенала поездного купе эта комната казалась ему громадной.

До обеда оставалось полтора часа, и Фризе решил совершить блицпрогулку по городу. Ему не терпелось пройтись по улочкам и паркам курорта, о котором он столько читал и слышал.

Он спустился вниз на фуникулере и сразу очутился в центре города. Нарядная толпа курортников, красивые старинные дома, красные зонты летних кафе на берегу Теплы. Эта Тепла, теплая по-русски, сразу протянула ниточку взаимопонимания между ним и городом. В ее названии было свое, родное. Как будто незна-комый человек в толпе вдруг подмигнул дружески и улыбнулся.

«Удивительно,— думал Фризе, шагая по набережной,— как точно совпали мои ожидания с тем, что я вижу. Или это востор-женное настроение по случаю хорошей погоды?»

Но восторженность никогда не числилась среди его недо-статков.

Когда Владимир вернулся в «Империа» и попросил у дежур-ной ключ от 521 номера, та, улыбнувшись, протянула ему ключ от 201.

— Ваша прелестная супруга все уладила. Вы будете жить вме-сте. В трехкомнатном «люксе».

«Так вот о чем шептала ей Татьяна, когда получала ключ! Дура!» — Фризе не на шутку рассердился.

В это время к стойке подошли две женщины и пожилой муж-чина.

Владимиру не хотелось, чтобы его разговор с дежурной стал достоянием посторонних. Он спросил:

— Вы говорите по-немецки?

— Да.— Девушка все еще держала ключ в руке.

— Так вот! У меня нет жены! Я вполне дееспособен и самостоя-тельно решаю все свои проблемы. И буду жить в том номере, который записан в моей путевке. Понимаете?

— Понимаю.— В глазах дежурной прыгали веселые огоньки. Резкая отповедь, похоже, ее вовсе не смутила.

— Я хочу, чтобы мои вещи вернулись в мой номер,— уже мягче продолжил Владимир.— Мой номер мне очень понравился. Вы его не заселили?

Вместо ответа дежурная протянула Владимиру ключ от его старого номера. И сказала с восхищением:

— Самостоятельные мужчины — как жемчужное зерно. Желаю вам, господин Фризе, приятного отдыха. Вещи сейчас пе-ренесут.

— Спасибо. И простите за резкость.

— Ну что вы, что вы! Приятно было познакомиться. Меня зовут Иркина.

Когда Фризе отошел от стойки, Иржина бросила ему вдогонку: — А Танечка — прелестная девушка.

Два дня они не разговаривали. В ресторане Фризе нашел себе место за другим столиком. Соседом его стал пожилой загорелый мужчина, в присутствии которого он отчитал Иржину в день приезда.

Третьим за столиком оказался крупный, средних лет шахтер из Воркуты. Почему-то знакомые величали его Бориком. Хотя ему больше подошло бы имя Добрыня Никитич. На завтрак, обед и ужин Борик приходил, изрядно хвативши спиртного.

Пожилой сотрапезник в разговоры не вступал. «Здрасьте», «До свиданья», «Прекрасная погода», «Рогалик опять черствый». — Он вполне обходился этим джентльменским набором. Но Фризе чувствовал, что сосед внимательно к нему приглядывается.

Шахтер величал его «Пармезаном». Владимир однажды поинтересовался у Борика — почему?

— Да он мне все уши прожужжал про какой-то пармезан. Бродит бы очень хороший сыр. Французский деликатес. Сунулся бы он с этим деликатесом к нам в Воркуту!

Когда Фризе спустился к завтраку на третий день своего пребывания в санатории, на месте шахтера Борика сидела Татьяна. Она была так хороша и свежа, что у Владимира заняло сердце.

— Доброе утро, Володя. Ты на меня больше не сердись?

— А ты как думаешь? — Ему хотелось сказать девушке что-нибудь приятное, но против воли вырвалась эта ворчливая фраза.

— Я думаю, что не сердись. Нальешь мне кофе?

О том, почему Владимир не переселился в ее трехкомнатный «люкс», Татьяна даже не спросила.

«Не такая уж она простушка, — решил он. — Просто слегка зарвалась. И немудрено, если у нее муж — крутой бизнесмен. А может быть, и мафиози».

КУРОРТНЫЕ БУДНИ

— Владимир Петро-о-ович! Владимир Петро-о-ович! Пора на водопой. «Шпрудель» ждет! — раздавалось из-за двери.

«Опять этот чертов «Пармезан»! Сказал же ему вчера, чтобы не будил так рано».

Фризе покосился на часы, лежащие на тумбочке. Шесть! Он что, сумасшедший?! Даже фуникулер еще не работает. К пешему спуску по влажной от утреннего тумана брусчатке Владимир испытывал физическое отвращение. Почти такое же, как к протертому супу, который дают в столовой на обед.

— Владимир Петрович! — «Пармезан» перешел на шепот. — Кое-кто из ваших знакомых уже ушел на водопой.

Этого еще не хватало! Новоявленный приятель решил расширить свое стадо. Мало ему пасти Фризе, он собирается взять под свое потрепанное годами крыло еще и Татьяну. Сообщение Петра Григорьевича означает, что он уже постучал в номер, где живет Татьяна, и, не дождавшись ответа, решил, что девушка отправилась пить «Шпрудель».

От вскриков и топтания за дверью просыпается Татьяна. Даже не взглянув на часы, она говорит хриплым ленивым голосом:

— Ой, да как рано-то! — И повернувшись к Владимиру лицом, крепко обнимает и прижимается к нему. Татьяна такая теплая и нежная, что Фризе не испытывает никакого раскаяния при мысли о том, что пропускает священный утренний водопой. Отшив «Пармезана», он сосредоточивает все свое внимание на Татьяне.

В девять часов, спустившись порознь в ресторан — благо существует два входа, — они еле успевают к завтраку.

«Пармезан» смотрит на Фризе с подозрением. Он уже давно съел свой завтрак и по капельке отпивает холодный безвкусный кофе. Тянет время с единственной целью не упустить Фризе. Настоящая фамилия у него Сигуранец, а «Пармезаном», с легкой руки Борика, Владимир называет его за глаза.

Петру Григорьевичу за пятьдесят. Голова у него седая, а лицо, очень загорелое и морщинистое, напоминает Фризе равнобедренный треугольник из пемзы.

— Проспали? — спрашивает он сочувственно, обращаясь к Владимиру, а его доброжелательные глаза внимательно оглядывают Татьяну.

— Проспал.

— А я так хорошо прогулялась на дальний источник, — говорит Татьяна, не моргнув глазом.

— Вы, Танечка, молодец! — неискренне хвалит «Пармезан». — Движение — это жизнь. Зато вы такая стройная и цветущая. А Владимир Петрович...

— Что Владимир Петрович!

— Проспал! А ведь смысл лечения в ре-гу-ляр-ности.

— Я и пью регулярно! — Фризе удивился сам себе: и чего оправдывается? Надо послать его подальше, и баста! Но вместо этого говорит: — Вот позавтракаю и пойду на колоннаду.

— Да ведь надо пить за сорок минут до еды! За сорок! Только тогда есть смысл во всех процедурах. Вы знаете, какие соли содержит эта вода? По своему составу карловарская вода является щелочно-натриево-каменно-солевой кислой минеральной водой, — выпаливает он без запинки. — Она легко вступает в реакцию с другими веществами. Ее формула...

— Вы что, химик? — спрашивает Татьяна.

— Физик! — неожиданно сердито огрызается Сигуранец. — При чем тут профессия? Химик, физик?! Я опытный курортник. В Карловых Варах не первый раз. И нынче живу уже второй месяц. Так неужели я не поинтересовался, что за воду тут пью? Это же очевидно! Вы согласны, Владимир Петрович?

— Согласен.

— Вот видите? А вы, Танечка, еще очень молоды. Вас интересуют совсем другие материи.

— Какие же материи меня интересуют? — спрашивает Татьяна с подозрением.

«Пармезан» не отвечает. Фризе уже заметил, что Петр Григорьевич обладает завидным качеством пропускать мимо ушей вопросы, на которые ему не хочется отвечать. Он их не замечает.

— Мы с Владимиром Петровичем преподаем в вузах, каждый — специалист в своей области. Он историк. Я физик. Нам положено ко всему подходить вдумчиво.

— А по мне, так лучше не знать, какую гадость пьешь. — Татьяна строит кислую мину. — От ваших формул у меня пропало желание ходить на источник. Раньше пила не задумываясь. Знала — полезно. А теперь буду прикидываться, что за химия?

Пока Татьяна бранила Сигуранца, Фризе терялся в догадках. Когда он успел рассказать Петру Григорьевичу о том, что преподает историю? Выходило, что никогда. Значит, «Пармезан» выудил эти сведения у Татьяны, которой он представился историком.

— Я опытный курортник, — в который раз повторяет «Пармезан». — И знаю, как сберець здоровье. Регулярность...

— Петр Григорьевич, на днях с вами произойдет несчастный случай. Упадете с утеса, — вмешивается Фризе. — И на вас, и на вашей регулярности поставят крест.

— Куда пойдем сегодня на прогулку? — Петр Григорьевич круто меняет тему.

Владимир еле удерживается, чтобы не сказать «на кудыкину гору» и раз и навсегда прекратить его навязчивые попытки завести дружбу. Но не хочется обижать пожилого человека. Да и не улыбается ему сидеть потом целый месяц за столом, чувствуя на себе неодобрительные взгляды. Может, через день-два Сигуранец и сам поймет, что его навязчивость не дает результатов. Или найдет себе в конце концов благодарную слушательницу, поклонницу ре-гу-ляр-ного лечения.

«Может быть, сосватать ему Анну Павловну, что живет рядом с Татьяниним номером?»

— Пойдемте сегодня загорать! — предлагает Фризе.

— Прекрасно, прекрасно! — «Пармезан» доволен. — Вы сейчас идете пить воду, быстро возвращаетесь. На фуникулере. И будем загорать.

— Владимир Петрович, займитесь ландшафтотерапией, — закричал «Пармезан», издали завидев Фризе. — Такое благолепие вокруг! — Он положил цейсовский бинокль на траву и подвинулся, жестом пригласив Фризе садиться рядом.

— По-моему, такой достойный пейзаж можно разглядеть и без бинокля, — проворчал Владимир. — Не знаю, как он с точки зрения этой вашей терапии...

Уловив нотки раздражения в его голосе, Татьяна повернулась на живот, подставив солнцу спину. Бросила вполголоса:

— Те, которые с предрассудками, — направо по косогору.

«Пармезан» внимательно посмотрел на Татьяну, потом на Владимира и никак не прокомментировал «обмен любезностями».

В это время подошла Анна Павловна, бросила на траву махровую простыню.

— А вот и я! — Она распустила узелок на платье, и оно эффектно упало на землю.

— Королева! — Реакция Петра Григорьевича была такой, что почти все загорающие подняли головы и уставились на вновь прибывшую. Почувствовав себя в центре внимания, Анна

Павловна развела руки в стороны, как будто собралась полетать, и оглядела окрестности.

Фризе взял лежавший на траве бинокль и подстроил под свои глаза. «Чего он там высматривал?»

Он навел окуляры на белоснежный Гранд-отель. Увеличивал бинокль очень сильно. Казалось, протяни руку — и можно дотронуться до шикарных машин на стоянке перед отелем. В один из таких лимузинов в этот момент садились доктор Костя Пименов, отдыхающий из Москвы, и какая-то женщина. Пименов жил на этаж ниже Фризе и уже не раз приглашал Владимира поиграть в преферанс. Но Фризе карточную игру не любил.

«А Костя времени даром не теряет! — подумал Фризе. — И ведь, наверное, при деньгах, коль на лимузинах раскатывает».

— Владимир Петрович, мой аппарат! — «Пармезан» тянул руку за биноклем. — Я должен показать окрестности Анне Павловне.

Он забрал у Фризе бинокль, но не передал его женщине, а стал глазеть сам. Владимир мог бы поклясться, что Сигуранец тоже рассматривал стоянку перед отелем.

СИРОТА

Фризе наслаждался покоем. На крыше отеля «Термаль» — современного высотного здания, не очень-то украшающего город, располагался уютный бар с несколькими столиками под открытым небом. Владимир забрел в него случайно, в день своего приезда в Карловы Вары, и теперь частенько поднимался сюда перед обедом.

На колоннаде Мюльбрунна играл оркестр. Это был сигнал курортникам. Пора двигаться к источникам, чтобы выпить свою порцию минералки. Приглушенные расстоянием звуки музыки смешивались с веселыми криками купальщиков — на крыше отеля «Термаль» находился чудесный бассейн.

В баре появился еще один посетитель. Молодой мужчина, приблизительно одних лет с Фризе. Владимир встречал его несколько раз в «Имперiale».

Даже не взглянув на Фризе, мужчина сел у дальнего столика. Сел спиной к ограждению, словно открывавшийся с высоты вид на город ничуть его не интересовал.

Официантка тут же возникла рядом с его столиком.

— Стакан водки, — потребовал прибывший и оглядел девушку хмурым пристальным взглядом. Причем начал он осмотр с ног, едва прикрытых сверху узкой полоской замши, лишь символически напоминающей юбку.

— У нас крепкие напитки подают рюмками. — Официантка ответила по-чешски, хотя Фризе уже знал, что она может прекрасно говорить и по-русски.

— Стакан! — Мужчина попытался изобразить стакан рукой. Получилось очень наглядно. Но девица стояла на своем:

— У нас подают рюмками.

Клиент начал сердиться. Фризе понял это, заметив, как захо-

дили у него желваки и налился кровью глубокий шрам около уха.

Меньше всего Фризе хотелось стать свидетелем скандала. Он поспешил на помощь.

— Мария! Принесите рюмок шесть водки и стакан со льдом. Какая вам разница? — Фризе говорил по-немецки, и мужчина недоверчиво и хмуро прислушивался, не спуская с Владимира глаз.

На предложение Владимира девушка скептически усмехнулась. Всем своим видом она показывала, что может, конечно, сделать одолжение своему постоянному клиенту, но так ли уж это необходимо.

Уловив, что дело решилось, мужчина произнес:

— Скажи этой... чтобы пару бутербродов принесла.

Фризе не выносил, когда незнакомые люди пытались обратиться к нему на «ты». Всегда обрывал резко. Но сейчас это выглядело бы смешно. Погасить один конфликт и самому начинать новый? Он сдержался.

— С чем бутерброды?

— Любые.

— Мария! И два бутерброда с анчоусом и ветчиной.

Официантка удалилась, покачивая бедрами.

— Я вас видел в «Имперiale», — буркнул мужчина. Наверное, обращение на «ты» вырвалось у него непроизвольно. В запале. И Фризе похвалил себя за то, что не сделал замечания. — Думал, земляк. А вы из Германии?

— Из Москвы.

— Понятно. Значит, переводчик. — Наверное, в его представлении все, владеющие иностранными языками, были переводчиками. Фризе обратил внимание, что сам мужчина произносит фразы в каком-то замедленном темпе, словно тщательно подбирая слова.

— А вы тоже из Москвы?

— Оттуда.

Официантка принесла на подносе шесть рюмок с водкой, стакан со льдом и бутерброды.

— Не выпьете со мной?

Фризе кивнул.

— Только я уж не буду мешать коньяк с водкой. Мария! — обратился он к девушке. — Еще одну «Метаксу».

Владимир сел за столик нового знакомого. Теперь он мог разглядеть его получше. Худое, маловыразительное лицо, прямые, хорошо подстриженные волосы. Тонкие, плотно сжатые губы почему-то вызвали тревожное чувство. И белесые, почти бесцветные глаза... Мимо таких людей обычно проходят, не обращая внимания.

— Владислав, — представился мужчина, но руки не протянул.

— Владислав...

— Отчества еще не заработал.

— Владимир. — Фризе не оставалось ничего иного, как последовать примеру нового знакомого и назвать только имя.

Мария принесла коньяк.

Фризе поднял рюмку:

— За хороший отдых!

Владислав с неодобрением оглядел свой «арсенал» спиртного. Потом резким движением вышвырнул лед из стакана. Прямо туда, где прогуливались курортники. Опрокинул водку из рюмок в стакан и чокнулся с Владимиром:

— Будем!

На его широкой загорелой ладони Фризе заметил татуировку. Но сумел разглядеть только наколку на одном из пальцев: в виде перстня. В кругу — овал, и в овале одна над другой две буквы «д», словно дробное число. Фризе знал этот воровской знак. Его накалывали в «зоне» воспитанникам детского дома.

Поставив пустой стакан на стол, Владислав откинулся на спинку стула, свесил руки и расслабился. Рукава пиджака скрыли татуировку. То ли рукава были чуть длинноваты, то ли он приспустил их намеренно, уловив быстрый взгляд Владимира.

— Отдыхаем, значит?

— Ага! — Фризе улыбнулся. Прищурился, посмотрел на безоблачное небо, где лениво парил планер. Фюзеляж у него был красный, а крылья розовые. — Такая благодать вокруг.

— А синоптики к вечеру дождь обещали.

— Тоже хорошо, — сказал Фризе. После третьей рюмки «Метаксы» его благодное настроение поколебать было невозможно. Даже сообщением о дожде. «А, собственно, откуда этот «сирота» знает прогноз? — подумал он отстраненно. — Не смог с официанткой объясниться, а радиопрогноз понял».

— Я угадал, вы переводчик? — После стакана водки лицо Владислава разгладилось и порозовело. Он уже не выглядел таким мрачным. Но все равно что-то в нем оставалось злое и тревожное. Теперь, разглядев наколотый на пальце перстень, Фризе не сомневался, что перед ним бывалый урка. А может быть, настоящий авторитет.

— Нет, не переводчик.

Новый знакомый внимательно, не таясь, разглядывал Фризе.

— Если вам интересно, я преподаю историю. Зарубежную. А немецкий изучал в школе и институте. И вот калякаю понемножку.

У него не было привычки объяснять каждому встречному, что немецкий — его второй родной язык. Отец научил Владимира свободно разговаривать по-немецки с трех лет.

— Большое дело, — сказал Владислав. Но в том, как он произнес эти слова, не чувствовалось одобрения. Только равнодушие. — А я вот не доучился. Моей арифметики хватает на то, чтобы выручку считать.

— Бизнесмен?

— Вроде того.

Подошла официантка. Положила перед каждым счет на тарелочке.

Владислав достал из кармана стодолларовую бумажку и, не заглядывая в счет, небрежно кинул поверх его на тарелочку.

— Нет сдачи. — Мария не притронулась к деньгам.

— Чего ей опять надо? — Владислав сердито посмотрел на Фризе, как будто тот был виноват в его неприятностях.

— Нет сдачи. Мы с вами ее первые клиенты.
— Пускай разменяет у бармена!
— Не ссорьтесь! Я заплачу, а при случае отдадите. Она может заупрямиться и поднять шум. Вообще-то полагается расплачиваться кронами.— Он заглянул в счет Владислава и протянул деньги Марии. И опять увидел в ее глазах укор.

— Вы слишком добрый,— сказала она по-немецки очень тихо.

— Мария! Не сердись. Лучше расскажи, как тебе удалось отрастить такие длинные ноги?

— Как-нибудь расскажу.

Девушка фыркнула и гордо удалилась.

— Чего она наболтала? — поинтересовался Владислав, когда они спускались по лестнице. И Фризе подумал, что его чуть замедленная, словно на ощупь, речь — попытка ненароком не скатиться на блатную скороговорку. А на это способен только человек умный и осторожный. Какими бы ни были причины, побудившие его так поступать.

— Сердилась.

— Это я заметил. На вас-то почему сердилась?

— По-моему, она хотела пообщаться с вами, а я нарушил ее планы.

— Это я тоже заметил. — Недобрый огонек зажегся и погас в бесцветных глазах Владислава. Он посмотрел на часы.— Пора водички похлебать. Вы какую пьете?

— Днем на колоннаде «Мюльбрунн».

— Ну, ладненько! А я горячим «Шпруделем» кишки промываю. Три раза в сутки.— Он махнул рукой и пошел по дорожке неторопливой разболтанной походкой. Владимиру такая походка была хорошо знакома. Во время работы в прокуратуре большинство его клиентов вышагивало таким же образом.

«Что ж, бывшим экам тоже надо лечить свои желудки,— подумал он, глядя вслед удаляющемуся Владиславу,— может быть, больше, чем другим».

ВЕСТОЧКА

— Фризе? — Крупная молодая шатенка, даже не удостоив Владимира взгляда, положила курортную карту в карман белоснежного коротенького халата и посторонилась, пропуская его в процедурную.

— Раздевайтесь и в сауну. Потом массаж.

— Обойдусь без сауны.— Фризе не любил парилки, а если и бывал в них, то очень редко и в хорошей компании.

— Как пан пожелает,— равнодушно отозвалась шатенка.— Тогда в душ, а потом ко мне.

Через несколько минут Владимир предстал перед массажисткой.

— Раздевайтесь совсем.— Девушка показала на плавки и оценивающим взглядом скользнула по фигуре Фризе. Он заметил, что глаза у нее карие и умеют улыбаться.

Владимир чуть было не сказал: «Только после вас». Но вовремя удержался. У чешских девушек могли быть свои, особые представления о шутках.

А вскоре у него и вовсе пропало желание шутить и даже думать о чем-либо. Он перестал обращать внимание на то, что у девушки под халатом ничего не надето, что время от времени он ощущает случайное прикосновение ее тугой груди. Он полностью был во власти сильных — и вместе с тем мягких — рук, творивших с ним чудо. Сначала точечный массаж, потом классический... Когда девушка закончила колдовать над его телом, Фризе испытал такое острое разочарование, что даже рассердился. Ему показалось, что массажистка недодала ему порцию своего чудесного искусства.

— Все. — Девушка легонько шлепнула Владимира по спине и накрыла простыней. — Пять минут — отдых!

Она тщательно вымыла руки, потом села за маленький столик у окна. Вынула из кармана курортную книжку и что-то записала в нее.

— Как вас зовут? — преодолевая нестерпимое желание уснуть, спросил он.

— Пани Грахова.

— Ого! Как официально.

Девушка улыбнулась.

— Можете звать Элен.

Когда Фризе пришел к себе в номер и заглянул в курортную книжку, из нее выпал маленький листок бумаги. Он подобрал его. На листке округлым, почти детским почерком было написано: «Володя! Срочно хочу с тобой встретиться. Приходи сегодня в четыре к санаторию «Ричмонд». Буду ждать у моста. Приходи один. Ленский».

Слово «один» было трижды подчеркнуто.

«Франтишек! — обрадовался Фризе. — Он тоже здесь?!»

С чехом по фамилии Ленский Фризе учился в Московском университете. На юридическом факультете. Нельзя сказать, что они были закадычными друзьями, но любитель изящно выражаться вполне мог бы назвать их симпатизантами. Оба специализировались в уголовном праве, увлекались криминалистикой. По воскресеньям проводили по несколько часов в чешском пивном баре в парке Горького. «Пльзеньское» помогало Ленскому набирать вес, а Фризе, хотя и держал первенство по числу выпитых кружек, только тянулся вверх. Раз или два Ленский приезжал к Фризе на дачу на Николину Гору, и Анна Сергеевна, мама Владимира, с особым удовольствием кормила Ленского домашними разносолами.

После окончания университета Ленский время от времени появлялся в Москве. То на краткосрочные курсы, то на юридический симпозиум. Потом его поездки прекратились — Фризе узнал, что его взяли на работу в министерство внутренних дел. Только к Новому году Владимир неизменно получал от Ленского красочные поздравительные открытки. И вот теперь эта записка, переданная таким странным способом.

Фризе подумал о том, не спуститься ли ему вниз в процедурное

отделение и не расспросить ли массажистку о своем старом товарище? Но он тут же отверг эту мысль. Если Ленский прибег к такому способу общения, значит, у него есть на это свои причины.

У Владимира было правило — перед встречей в малознакомом месте пройтись там и осмотреться. Около санатория «Ричмонд», утопавшего в зелени, немало укромных уголков и аллей. Знать, какая из них куда ведет, совсем излишне. До санатория всего десять минут ходу. Это если спуститься по узкой крутой дорожке, петляющей сквозь парк, к набережной Теплы. А если шагать по улице «У Империаля» — на пять минут дольше.

Фризе выбрал крутой спуск по парку. Здесь, в густой тени раскидистых вязов, каштанов и незнакомых Владимиру деревьев, совсем не ощущалась жара. Казалось, все вокруг дышало покоем и ленивым благодушием. Но чем ближе подходил он к месту встречи с Ленским, тем больше его одолевало беспокойство. Не радостное предчувствие встречи, а внезапная немотивированная тревога. Что могло случиться у Ленского, если он придумал такой странный способ вызвать Фризе на свидание? Не заглянул к нему в «Империяль», не подошел на улице, узнав в толпе курортников, не пригласил, наконец, к себе. Или у приятеля появилась страсть к мистификациям?

Он вышел из-под зеленого благоухающего шатра на набережную. Впереди красовался мост через Теплу. За мостом — аллеи из темно-зеленого кустарника, потемневшие от времени скульптуры. И полное безлюдье. Время от двух до четырех — священные часы для курортников. Послеобеденный отдых. Курортная сиеста.

И «Ричмонд» выглядел обезлюдившим. Только открытые кое-где окна свидетельствовали, что санаторий обитаем.

Фризе прошел вдоль фасада санатория, пытаясь разглядеть, как выглядят номера. Но открытые окна были занавешены. И только на одном из подоконников сидела молодая брюнетка в ярко-желтом халате и курила, отрешенно глядя на сад. Фризе показалось, что брюнетка даже не заметила его.

Он посмотрел на часы. Без двух минут четыре. Владимир остановился на мосту и стал ждать. Ровно в четыре он услышал негромкий призывный свист. В притормозившем на шоссе новом «фольксвагене» открылась дверца, и крупный мужчина в темных очках махнул рукой. Фризе узнал Ленского, но, прежде чем подойти к машине, почти неосознанно огляделся. Вокруг по-прежнему царили покой и безлюдье. Только брюнетка, курившая с отрешенным видом пять минут назад на подоконнике, шла неспеша от «Ричмонда» к мосту. На груди у нее была надета узкая полоска пестрой ткани, на бедрах короткая — короче не бывает — лиловая юбочка. Десятая доля секунды потребовалась Фризе, чтобы зафиксировать экстравагантный наряд женщины и сделать вывод — хороша! Столько же времени, наверное, потребовалось Владимиру и на то, чтобы отметить, как на шоссе, метрах в семидесяти от «фольксвагена», лениво притормозил «опель». За рулем «опеля» сидел Мельник. Они встретились глазами, и Фризе заметил, что Мельник бросил на него хмурый, недовольный

взгляд. Ленский снова призывно свистнул, и Фризе приветственно помахал рукой, а сам обернулся. Ему хотелось узнать, не к Мельнику ли спешит «лиловая юбочка»? Он не ошибся. Но встреча прошла как-то чересчур обыденно. Мельник даже не вышел из машины навстречу брюнетке. Открыл дверцу, знакомая села рядом, и «опель» умчался, стремительно набирая скорость.

— Ты, Володька, все тот же! — Ленский обнял Фризе. — Все на женщин заглядываешься!

А Фризе показалось, что его университетский товарищ изменился — у рта залегли еле заметные складки. Не то горькие, не то иронические. Владимиру эти складки не понравились. Он привык видеть Ленского оптимистом.

— Если женщины того стоят! И встречаются с земляками.

— Ты знаешь этого франта из России? — Приятель посмотрел на Владимира заинтересованно. — Брюнетка села к нему.

— Тоже заметил, толстяк?! А куда мы едем? Съесть хороший бифштекс?

— Вовка, на меня свалилось срочное дело. Заехал на минуту. Предупредить. Чтобы ты зря не ждал. Давай завтра сходим в ресторан. Гранд-отель «Пупп» знаешь?

— Знаю.

— В шесть перед входом. На набережной.

— Заметано. А ты что ж, по службе здесь? Я думал, лечишь свою печеньку.

— Завтра все расскажу. А сейчас нет времени даже подвезти тебя к отелю.

— Ты же знаешь, я пешеход.

Ленский легонько ткнул приятеля ладонью в плечо.

— Володька! Как я рад тебя видеть! — Его круглое добродушное лицо расплылось в улыбке. Такой Ленский был более привычен для Фризе. — До встречи!

И умчался в ту же сторону, куда минутой раньше уехал Мельник со своей спутницей.

ТУМАН

Фризе подошел к Гранд-отелю «Пупп» на десять минут раньше условленного срока. Постоял с минуту у входа в ресторан, проверяя, не последовал ли Ленский его примеру. Чеха не было видно, и Владимир сел на скамейку на берегу Теплы. Здесь уже скучал крупный усатый мужчина в светлом костюме и в галстук. На голове у него красовалась зеленая шляпа с пером и желтой эмблемой — двумя скрещивающимися ветками. «Наверное, лесник, — решил Фризе и подумал с легкой завистью: — В лесу всегда прохладно». Но прекрасный светлый костюм мужчины мало подходил для того, чтобы продираться по зарослям и подсекать сосны для сбора живицы. И совсем не гармонировал со странной шляпой.

— Ну и как наш «Шпрудель»? Нравится? — резким гортанным голосом спросил мужчина.

— «Пльзеньское» нравится больше, — ответил Фризе и подумал

о том, не слишком ли много он пьет здесь пива. И тут же реабилитировал себя — в России теперь море разлитое немецкого и датского пива, а чешское бывает редко. Да и не такое свежее, как здесь.

— О, «Пльзеньское»! Русские понимают толк в пиве! Наверное, в 68-м году ради «Пльзеньского» и «Будвара» на оккупацию пошли? — Мужчина разговаривал лениво, не поворачивая лица, рассеянно разглядывая белое нарядное здание отеля.

— Зачем прошлое вспоминать! — Фризе не хотелось вести сейчас серьезный разговор. Не хотелось отвлекаться от мыслей о предстоящем через несколько минут свидании с Ленским. — Ваши ученые эту тему закрыли.

— Наши ученые? — Чех очень удивился, и Фризе заметил, что из голоса у него исчезла характерная гортанность. Он сделался мягким и певучим. Как и полагается человеку, если он настоящий чех.

Владимир посмотрел на часы. Было десять минут восьмого. Ленский опаздывал.

— Извините, меня ждут. — Владимир поднялся и двинулся к входу в ресторан.

— Володя! — окликнули его сзади. — Не думай плохо. Я не опоздал!

Фризе обернулся. «Лесник» шел за ним следом. Теперь, когда они встретились глазами, Владимир узнал Ленского.

— Ну и маскарад!

Ленский едва заметно подмигнул и, словно бы невзначай, прикоснулся пальцем к губам:

— А ты почему без галстука? Вечером в «Пупп» без галстука не пускают.

Все еще восхищенно качая головой, Фризе достал из кармана темно-бордовую «бабочку» и ловко посадил ее на положенное место.

— Блестяще! Да не тарачи на меня глаза! Сыграй встречу с коллегой-лесником. Так надо.

Столик в ресторане был заказан. Молодой темноволосый официант, очень похожий на Карела Гота — Фризе казалось, что половина чехов чем-то похожи на этого знаменитого певца, — очень приветливый, но без намека на халдейство, проводил их на место и, положив перед каждым меню, удалился.

— Что будем пить? — спросил Ленский.

— Все, что захочешь. Кроме...

— Кроме «Шпруделя». Я тебя понял. Значит, «Бехеровку». А что будем есть?

— Только не заказывай кнедлики и протертый суп.

Ленский улыбнулся и, растопырив ладони, изобразил нечто крупное овальной формы. Это «нечто» не могло быть ничем иным, как приличным бифштексом.

Как только программа была согласована, появился официант. Ленский диктовал ему заказ, а сам словно бы лениво, незаметно для постороннего глаза разглядывал посетителей. В этот час их было еще немного.

Фризе обратил внимание на двух девиц, сидевших за соседним

столиком. Официант только что поставил перед ними замысловатые башни из мороженого, фруктов и печения; девушки с восхищением рассматривали их, прежде чем приступить к уничтожению. Не красавицы, но очень милые и свежие. Даже холеные. Одна из них была шатенкой с меланхоличным лицом, а вторая — энергичная, подвижная, с темными пронзительными глазами и выразительной мимикой — брюнеткой.

— Лизавета, чего ты пялишься на мужика? — спросила вдруг шатенка, в то время как брюнетка пристально разглядывала Фризе.

— Володя, а они ничего, правда? — Ленский наконец покончил с заказом и обратил внимание на соседок. — Только немки.

— А что ты имеешь против немок?

— Не знаю немецкого языка. По-моему, она тебе помахала. Знакомая? — Ленский сразу же посерьезнел.

— Первый раз вижу.

— Чего же ты с ней перемигиваешься? Я не слепой — она тебя узнала. С незнакомыми так себя не ведут.

— Ладно, оставь их в покое. Девушки уже уходят.

— Ты, правда, не знаком с брюнеткой?

Владимир щелкнул ногтем большого пальца о зуб и провел рукой поперек горла:

— Спи спокойно, жандарм.

— Я не жандарм! — зашипел Ленский. — И не кричи на весь ресторан. Кстати, у нас нет жандармов.

Официант принес закуски, а вскоре и прекрасную свиную вырезку. Фризе наслаждался. После пресной, безвкусной еды в «Империале» мясо показалось ему великолепным.

Ленский расспрашивал о жизни в Москве, о судьбе сокурсников. Усиленно подливал «Бехеровку» и ни словом пока не обмолвился о деле, ради которого пригласил Владимира в ресторан. Фризе чувствовал, что приятель неспокоен и напряжен. По тому, какие быстрые и цепкие взгляды бросал он на каждого вновь прибывшего, как время от времени, словно бы рассеянно, а на самом деле очень внимательно поглядывал в окно, можно было догадаться, что Ленский кого-то ждет.

На улице потемнело. Небеса прорвало, и на город хлынул дождь. Первый для Фризе дождь в Карловых Варах. Прямые, упругие потоки воды с такой силой били об асфальт, что над землей парила водяная пыль, и, застигнутые врасплох, редкие прохожие выныривали из этого слоя, как из густого тумана.

Ресторан постепенно заполнялся. Почти все столики были заказаны. Многие посетители раскланивались с метрдотелем как со старым знакомым. Здесь явно преобладала немецкая речь. Как, впрочем, и в других ресторанах Карловых Вар.

Девицы с соседнего столика ушли. Брюнетка одарила Фризе на прощание долгим взглядом и показала пальцем на столик, за которым только что сидела.

— Завтра! — довольно громко сказала она по-русски.

— Володя, почему ты сказал, что наши ученые закрыли тему о событиях 68-го года? — неожиданно спросил Ленский.

— Это я сказал не тебе, а усатому леснику.

— Скажи теперь мне.

— Да ведь ученый совет Пражского университета присудил в прошлом году степень почетного доктора наук Александру Яковлеву.

— Кто такой Яковлев? И что это означает?

— Яковлев руководит у нас телевидением. Не помню точно, какой программой. А в 1968 году был вторым человеком после Мазурова в Праге и обеспечивал от ЦК партии всю пропагандистскую работу.

— Вот как?! — Ленский произнес фразу словно бы по инерции. Он сосредоточил все свое внимание на вновь прибывших посетителях. Их было трое. Двое мужчин и дама. Лицо одного из мужчин часто мелькало на экранах российских телевизоров. Рыжие, зачесанные на пробор волосы, замкнутое, если не сказать высокомерное, лицо и совсем мальчишеские веснушки. Когда Фризе видел этого человека, у него всегда возникал вопрос — смотрит ли тот в зеркало? А если да, то неужели не понимает, что люди не терпят зазнаек. Особенно если это качество так ярко читается на лице.

Фамилия его была Минутко. Он занимал высокий пост в правительстве.

Минутко без улыбки оглядел зал и что-то тихо сказал своему спутнику. Одетому во фрак Мельнику.

Фризе почувствовал раздражение. Куда ни сунься — всюду этот тип.

Гостей встречал не только метрдотель, но еще какой-то сухой подтянутый чех с седой головой, стриженной бобриком. Наверное, хозяин ресторана.

— Франти! Почему ему можно без галстука, а мне нельзя?

— А?! — вздрогнул Ленский. — Ты о чем?

— О галстуке! Вот сейчас устрою скандал. Почему этот тип без галстука? Ты же мне сказал: без галстуков не пускают. Буду скандалить.

— Даже не думай! Это же...

— Знаю. А как же с демократией?

— Умоляю, пан! Сиди тихо. Сейчас принесут кофе. Я закажу коньяк. Ты же любишь коньяк? Я знаю: пьешь «Бехеровку» только из любезности.

— Из уважения к Чехии.

— Принесут кофе и коньяк, — продолжал приятель, — и я тебе кое-что расскажу об этих пожилых мальчишках. Поймешь, зачем мы сюда пришли.

— Да? А я думал, ты решил меня немножко подпитать, чтобы я не зачах от санаторской диеты.

После того, как почетный эскорт доставил вновь прибывших к уставленному закусками столу и сразу два официанта застыли рядом в ожидании распоряжений, Ленский утратил к ним всякий интерес. Расслабился, перестал оглядываться. И рассказал Фризе занимательную историю о нескольких тоннах золота, спрятанных немцами в конце войны в отеле «Империял». В «Империяле», как и в большинстве карлсбадских санаториев, проходили курс долечивания раненые офицеры вермахта.

— Поищем? — легкомысленно предложил Фризе.

— Зря иронизируешь. Я не буду вдаваться в подробности, не имею права. Да тебе подробности и ни к чему...

— Ты, старик, не прав! Помнишь, что говорил нам Марвихер* о подробностях? — Марвихером они прозвали в шутку преподавателя криминалистики, после того как тот познакомил студентов с классификацией воров. — Подробности при поиске клада — первое дело!

Ленский отмахнулся.

— Недавно в архивах госбезопасности в Праге нашли немецкие документы, подтверждающие, что золото осталось в «Империале». Документы, правда, косвенные.

— На косвенных уликах не может быть выстроено обвинение в суде. Помнишь?

— Длинный, неужели «Бехеровка» тебя достала? Не можешь сосредоточиться и дослушать!

— Я на отдыхе!

— А я на службе.

— Тогда валяй!

— Это документы о том, что командир конвоя полковник Брунге был отдан под трибунал и расстрелян за то, что не сумел вывезти золото из Карлсбада. «Груз Альфа». У них не оказалось ни одного литра бензина и солиarki.

— Ну и?

— В апреле «Империа́л» закрыли на двое суток. Саперы и группа наших экспертов простучали каждый камень. И ничего не нашли.

— А ванны проверили? — спросил Фризе, вспомнив, что пропустил процедуры и не полежал в роскошной ванне с минеральной водой.

— Ванны тут при чем?

— Пустили золото на ванны, потом покрыли эмалью. Ты поковырай эмаль ножичком.

Ленский минуту сосредоточенно размышлял.

— Глупости.

Фризе почувствовал, что заронил в его душу сомнение, и внутренне усмехнулся.

Он представил, как Ленский лежит в ванне и пытается подпилить ее напильником.

— После фиаско с поисками мы еще раз тщательно изучили каждый листик в архиве. Можешь себе представить — с тех пор, как эти документы попали в архив, к ним не притрагивалась рука исследователя. Поэтому и не искали золото раньше. Только однажды несколько папок просмотрел советский историк.

Ленский достал авторучку, записную книжку и написал в ней несколько слов. Потом показал Фризе. Это было имя «Борис Минутко».

Ленский тут же вырвал листок и сжег над пепельницей.

— Ничего себе!

— Да-с-с! Проверка установила, что из папки изъято семь стра-

*Марвихер — вор в поездах дальнего следования.

ниц. Нетрудно догадаться, что на них-то и были подробности о том, где спрятан груз.

— И теперь имярек прибыл за золотишком? — Фризе посмотрел на стол, за которым расположился Минутко. В этот момент лысый чех стоял с бокалом в руке и что-то говорил. Наверное, очень смешное, потому что улыбался, а дама громко смеялась. Улыбался и Минутко. Но вид у него все равно был заносчивым.

— Не пялься ты на них! — одернул Ленский. — Смотри лучше на меня. Какие усы! Модный мужик, который пришел с Минутко, — Мельник Лев Прокопьевич. Крупный бизнесмен. Наверное, субсидирует всю операцию.

Фризе насторожился. Это становилось интересным. Еще вчера, заметив Мельника в «опеле», приятель поинтересовался, знает ли его Владимир.

— Значит, обратил внимание. — От Ленского не укрылась реакция собеседника.

— Мельник ехал со мной в одном вагоне, — сказал Фризе. — Поэтому я и обратил на него внимание. По-моему, нормальный мужик. Пижон. Но ведь за это не судят.

— Не судят. Он ехал от Москвы?

— Да.

— Ничего подозрительного?

— Много спал. Это тебе не кажется подозрительным?

— Мне многое кажется подозрительным. — Ленский многозначительно посмотрел на Владимира. — Но я не могу разорваться. Сейчас занимаюсь «грузом Альфа». И уверен — оба эти мужика занимаются тем же.

— Кроме уверенности, у тебя, наверное, есть и факты?

— Есть. Но понимаешь... — Ленский развел ладони. — Когда-то между нами не было секретов, а нынче другие времена.

— Меня твои секреты не кольшут. Я частный детектив на отдыхе.

— Не кольшут? Что это значит? Я стал забывать русский.

— Волны лодочку кольшат...

— А-а! — Ленский кивнул. Но как-то не очень уверенно. Наверное, все-таки не понял.

— Чего ты хочешь от меня?

— Ты живешь вместе с Мельником в «Империале». Постарайся войти с ним в контакт. Дружба, выпивки и все такое. Понимаешь?

— Нет, не понимаю. Особенно «все такое».

— Володя, я хочу, чтобы ты понаблюдал за отдыхающими.

— За всеми сразу?

Ленский начал сердиться. Раньше это выражалось в том, что он принимался шумно вдыхать и выдыхать воздух своими широкими ноздрями. А сейчас Фризе заметил, как сузились и потемнели его карие глаза. Стали почти черными. Служба в полиции, похоже, ожесточила добрейшего парня.

— Ты можешь говорить серьезно?

— Еще как могу!

— Тебе это просто сделать, Володька! Ты такой же отдыхающий, как и все остальные. Тебе не надо напрягаться! Ходи и

смотри. Особенно за тем, есть ли у отдыхающих особые контакты с медицинским персоналом.

— А кто будет следить за мной? Массажистка Элен?

— Это моя старая приятельница. Я попросил ее временно поработать в санатории.

Официант принес счет на изящной тарелочке. Поставил ее перед Фризе. Ленский перехватил бумажку, положил перед собой и внимательно проверил. Достал бумажник. Сосредоточенно отсчитал несколько крупных купюр и положил на блюдце, а счет отправил в карман. Так же тщательно пересчитал поданную официантом сдачу и одну из ассигнаций оставил на тарелочке. Фризе не заметил ее достоинства. Зато разглядел солидную сумму в счете. «Нет, дружище Ленский, подкупить меня ужином тебе не удастся,— подумал он.— Я нынче платежеспособен». И когда они вышли из ресторана, засунул в нагрудный карманчик пиджака приятеля две зелененькие двадцатки.

— Ты мой гость! — возмутился Ленский.— Забирай свои деньги.

— У нас говорят: стол поставят, так и работать заставят. А я работаю не собираюсь. Следи за Мельником сам.

Ленский посмотрел на Фризе с укоризной.

— Я так и думал, что ты не согласишься. Ты ведь и сам, Володька, приехал по тому же делу. Я тебя не спрашиваю, я констатирую. И не жду ответа. Но послушай, здесь, в Карловых Варах, твои земляки наладили производство наркотиков, очень сильного синтетического зелья. Оно расходуется по всей Европе. И в Россию идет. Уже несколько месяцев мы ищем этих людей и место, где находится лаборатория. Пока безрезультатно.

Фризе хотел возмутиться и упрекнуть приятеля за сказочку о золоте, но Ленский выглядел таким подавленным, что он смолчал.

— Мы ведем учет всех русских, которые приезжают в Карловы Вары.

— Так ты и узнал обо мне?

— Да. Недавно мы получили данные, что в Россию наркотик провозят высокопоставленные чиновники. Их не досматривают. Они вне подозрения. И получают большие комиссионные.

— Такие, как Минутко?

— О нем пока данных нет,— не очень уверенно произнес Ленский. Наверное, даже сейчас его «прилив откровенности» был строго дозирован.

— Когда я узнал, что ты в «Империале», то сразу подумал: Володька занялся наркотой. Неужели ошибся?

— Ошибся. Честное слово, я приехал отдохнуть. Но в день моего отъезда позвонил знакомый следователь. Позвонил по другому поводу. Но одна его фраза тебя заинтересует. Узнав, куда я еду, следователь сказал: «Зарайский... Химик. Он сейчас в Карловых Варах. И связан с этим делом...»

— Что еще он сказал?

— Ничего. Связь отключилась. Наверное, у знакомого больше не было жетонов. Он звонил из автомата.

— Ты ничего не упустил? Имя, отчество этого Зарайского? Приметы?

— Я повторил все слово в слово.

— Как фамилия следователя?

— Не скажу. Разговор был приватный. Похоже, у него нелады с начальством.

Ленский оживился.

— Зарайский, Зарайский... Это уже кое-что. Но о человеке с такой фамилией сведений у нас нет. Значит, живет по поддельному паспорту. Ладно, Володя, пей водичку! Отдыхай. Завтра вторая половина дня у меня свободная. Поедем в замок Кинжварт. Тебе понравится.

— А приятельницу можно взять с собой?

— Приходи с подругой. Я приеду к двум часам на то же место, что вчера. Договорились?

— Договорились!

— Володенька, у тебя появились новые друзья? — спросила Татьяна на следующее утро за завтраком. Фризе чувствовал, что девушку просто распирает от любопытства. Но пока не вышел из-за стола «Пармезан», она не решалась на расспросы.

Вопрос Татьяны удивил Владимира. Ведь он ни слова не говорил ни о записке Ленского, ни о предстоящей встрече в ресторане Гранд-отеля. Откуда она узнала? Женская интуиция? Доложил кто-то из отдыхающих?

— Новых друзей у меня не появилось. А почему ты спрашиваешь?

— Появились! — капризно сказала Татьяна. — Ты иногда бываешь таким молчуном! Просто бука.

— Татьяна! Кончай придуриваться.

— Мне стало известно, — заговорщицки прошептала девушка, — что вы тусовались с каким-то мордатым чехом в дорогом ресторане.

— Тусовался?

— Что, милый? Слово не нравится?

Фризе хотел сказать, что «милый» ему не нравится еще больше, чем «тусовался», но побоялся обидеть Татьяну.

— Да, не нравится. Ты хоть знаешь, что это означает? На жаргоне?

— Обожаю жаргон! — В ее тоне слышался вызов. — Такие яркие словечки!

— Все от бедности. Когда в голове маловато мыслей, заменяют их «яркими словечками». Тоже мне мадам «тусовка»! — Фризе обнял девушку, притянул к себе и поцеловал в щеку. Впервые на людях.

— Ты мне зубы не заговаривай! — Голос у Татьяны смягчился. Больше одной минуты она сердиться не умела. — Что за толстяк?

— Откуда узнала?

— Откуда, откуда? Пошла прошвырнуться. Смотрю — знакомая фигура. Со мной в этот ресторан пойти отказался!

— Это мой старый приятель с университетских времен. Пригласил нас с тобой съездить сегодня в старинный замок Кинж-

варт. Будет ждать в два у отеля «Ричмонд». Может быть, поедем?
— Какие разговоры! Конечно, поедем,— обрадовалась девушка.

Но Ленский к назначенному времени не приехал. Они прождали почти час и разочарованные пошли бродить по городу.

Не объявился Ленский ни завтра, ни в последующие дни.

А когда Фризе спросил после массажа у Элен Граховой, не знает ли она, куда пропал Франтишек Ленский, массажистка посмотрела на него с удивлением.

— Ленский? Кто это?

— Наш общий знакомый. Вы передали мне его записку.

— Вы что-то напутали! Я никаких записок вам не передавала.

МЫ ГДЕ-ТО ВСТРЕЧАЛИСЬ?

Пока Владимир бродил в одиночестве по окрестностям города — то по аллее Шопена, то по Высоте Петра,— Татьяна побывала в кафе «У Императора». И теперь горела желанием сводить туда Фризе.

— Володя, уютное местечко! Музыка, твое любимое пиво. Полумрак.

— А это хорошо?

— Очень. И народу мало.

— А еда? Наверное, залежалые кнедлики из нашего ресторана?

— Мы же не обедать туда пойдем!

Две-три разноцветные лампочки под потолком, подсвеченный бар с небогатым выбором напитков... Фризе подумал о том, что, если бы не полумрак, кафе стало бы похоже на затрапезный красный уголок, какие раньше можно было увидеть при каждом московском жэке.

Здесь хозяйничал крупный улыбчивый чех, бармен Павел. Ему было не больше сорока, но большие почки или любовь к выпивке — а может быть, и обе эти причины — сделали лицо бармена отечным и старообразным, правда, глаза смотрели живо и насмешливо.

— О, пани Таня! — расплылся он в улыбке, увидев девушку. — Для вас я привез из дома «Сиреневый туман». — Бармен с интересом взглянул на Фризе и слегка поклонился: — Меня зовут Павел. Таня обещала, что приведет к нам своего друга.

Они сели за столик у окна. Павел тут же поставил перед Татьяной джин с апельсиновым соком. Спросил у Фризе:

— Ваших вкусов я еще не знаю.

— Холодное пиво. Если есть, «Пльзеньское».

— Вот это правильно! — Лицо Павла расплылось в улыбке. — Лучше «Пльзеньского» есть только «Пльзеньское», сделанное специально для англичан. Я вам сейчас его принесу.

Кроме них, в кафе сидела компания молодых немцев. Судя по черным кожаным костюмам, обшитым блестящими железками, это были мотоциклисты-рокеры. Фризе уже видел однажды, как они с гиканьем носились по шоссе.

— Вижу, ты пользуешься здесь успехом.— Владимир посмотрел, с каким удовольствием потягивает девушка свой напиток, и позавидовал ее способности получать радость даже от таких пустяков.— Бармен не удивился, что ты вчера пришла одна?

— Мы пришли с Петром Григорьевичем.

— Да-а? Он тебя пригласил?

— Ну... Как тебе сказать?! В общем-то я его пригласила. Встретила недалеко от кафе и сказала, что одной заходить неудобно, а ты ушел на прогулку.

— Потанцевали?

— Разок. Он такой неуклюжий. Потом я танцевала с немцами. Фризе показал глазами на компанию рокеров.

— Вчера были другие. Но тоже неинтересно. Они в этой дурацкой коже, как в броне. И железки в тело впиваются.

В это время в кафе вошли двое мужчин. Мельник и какой-то тип постарше. Оба веселые, возбужденные. Мельник легким кивком головы поздоровался с барменом, оглядел зал. Его спутник показал на дальний столик.

— Что будут пить господа? — спросил бармен по-русски. Видать, на русских у него был особый нюх.

Фризе не расслышал, что заказал Мельник. В это время официант-мальчишка поставил принесенную Павлом специально для Татьяны пластинку «Сиреневый туман», и она пригласила Владимира танцевать.

«Сиреневый туман над нами проплывает.

Над тамбуром горит полночная звезда...» — пел знакомый голос.

— Этот Павел — владелец кафе, — шепнула Татьяна, после того, как они вернулись за столик.— Очень богатый человек. У него даже есть магазины в городе. А он, чудак, трясет здесь шейкером. Как простой халдей.

— Может быть, ему нравится свое дело?! И ведет он себя с достоинством.

— Нет уж! Что бармен, что официантка — одна холера! Уж я через это прошла.

Мельник что-то сказал официанту. Подойдя к музыкальному центру, тот опять поставил «Сиреневый туман». Мельник подошел к столику, за которым сидели Владимир с Татьяной. Спросил, обращаясь к Фризе:

— Разрешите пригласить вашу даму?

Владимир кивнул.

Он ревниво проследил за тем, как умело взял Мельник Татьяну за талию, как крепко прижал к себе, склонив свою прекрасно подстриженную голову к ее золотистой голове. И в этот момент Фризе наконец узнал его.

В конце января приятельница Фризе Светлана, корреспондент городской газеты, пригласила его на ежегодный благотворительный бал журналистов. Бал состоялся в Совинцентре на Красной Пресне и удивил Владимира обилием бесплатной выпивки и паршивой едой. А еще он поразился тому, что во время открытия бала выпивающие и жующие «акулы пера» пожалели аплодисментов прекрасному военному оркестру и марширующим с була-

вами девочкам-подросткам, одетым в гусарскую форму. Когда они закончили выступление, не раздалось ни одного хлопка.

К середине ночи все призы в лотереях были разыграны, певцы и стриптизерки разъехались, рестораны закрылись.

Только наиболее стойкие гости продолжали танцевать в душном фойе Конгресс-центра, получая критические дозы децибелл. Фризе и Светлана были среди них.

Приятельница, миниатюрное, хрупкое создание, оказалась на редкость выносливой и в вышивке, и в танцах.

— Уйдем только утром! — заявила она, когда Владимир попытался было заикнуться о том, что пора на боковую. — И не заглядывайся на посторонних женщин. — Света показала глазами на пару, танцующую рядом. — По-моему, эта пчелка строит тебе глазки. Берегись.

Ему было, наверное, чуть больше сорока. Приятное открытое лицо. Вот только подбородок тяжеловат. Отличная прическа, дорогой твидовый пиджак. Вполне преуспевающий мужчина. Ничем особенно не привлекающий внимания. А девушка, с которой он танцевал, вполне могла занять место на подиуме показа высокой моды в любой европейской столице. Расходовать эпитеты на описание ее внешности было бы пустой тратой времени. Супермодель. Этим все сказано. И можно поручиться, что такой костюм, как у нее, не носит ни одна другая женщина в Москве. Лилый, лайковой кожи лифчик и васильковая кожаная юбка до пола.

— Кого же мне беречься? — поинтересовался Владимир. — Ее или тебя?

— Его! Это один из самых крутых мужиков в Москве. А значит, и в России.

— И в чем же его крутизна?

— В чем, в чем! Тут разговор особый. — Света замолчала, потому что пара оказалась рядом, и Фризе даже слегка коснулся длинноногой девицы, уловив терпкий аромат неизвестных ему духов.

А чуть позже, когда танцующая орда развела их по разным сторонам зала, Света, крепко прижавшись к Фризе, шепнула:

— Этот крутой мужчина владеет самыми фешенебельными ресторанами в городе. И даже заводами. Можешь себе представить?

— Ну и пусть владеет на здоровье. Не он угостил нас дрянным ужином?

— Ничего ты не понимаешь! У него все — проститутки, шоу-бизнес. Даже наркота. Однажды я пыталась раскрутить материал для газеты. И уткнулась лбом в стену.

— А разве бывают стены, способные тебя остановить?

Светлана считалась одной из лучших журналисток в Москве, пишущих на криминальные темы. Ее опыту и пробивной силе завидовали коллеги.

— Во-ло-дька! Эта стена — правительство.

Больше они к этому вопросу не возвращались. Фризе даже не спросил, как зовут владельца ресторанов и заводов.

И вот теперь, потягивая холодное пиво в кафе «У Импернала» и

наблюдая, как танцующий Мельник склоняет свою ухоженную голову к золотой голове Татьяны, Фризе все вспомнил.

На журналистском балу этот тип танцевал с длинноногой «супермоделью» и так же склонял голову набок.

Мельник все время о чем-то шептал партнерше, она кивала, а когда встречалась глазами с Фризе, улыбалась чуть виновато.

«Это мне не нравится, — подумал Владимир. — Уж не собрался ли крутой бизнесмен увести мою девушку?»

И больше не пропустил ни одного танца. Правда, и Мельнику было уже не до танцев. Официант принес за его столик бутылку «Балантайнз», ведерко со льдом, орешки, и бизнесмен весь вечер о чем-то тихо беседовал со своим знакомым. Фризе заметил, что бармен время от времени заинтересованно поглядывал в его сторону.

В десять часов, согласно распорядку, двери «Империала» закрывались. Опоздание грозило скандалом, и отдыхающие предпочитали не искушать судьбу. Без пятнадцати десять Фризе расплатился и, невзирая на Татьянины уговоры «сплясать» еще разок, подхватил ее под руку и увел из опустевшего кафе. Уехали даже рокеры. Только Мельник все еще беседовал со своим партнером.

А у входа в кафе стоял темный «мерседес». Проходя мимо, Фризе услышал, что в машине тихо играет музыка. Голубым светом мерцала приборная панель.

— А как же попадет в «Империал» твой танцор? — спросил Фризе у Татьяны.

— Этот дядечка попадет всюду!

— Ты его знаешь?

— Откуда, Володечка? Идем к тебе? — После неудачной попытки поселить Владимира в своем трехкомнатном «люксе», Татьяна даже не предлагала заглянуть к ней. Большую часть времени «люкс» пустовал. — Учти, даже если ты меня не приглашаешь, я открою дверь своим ключом.

— Откуда он у тебя?

— Секрет.

Фризе было лень расспрашивать. Он уже давно убедился в том, что деньги могут открыть любую дверь.

...Зеленый глазок старенького радиоприемника казался Фризе оком непрощенного соглядата, и он уже протянул руку, чтобы выключить его, но запел Лучано Паваротти. Запел его любимую песню «Карузо». Пять минут девятнадцать секунд божественной мелодии.

Фризе прибавил громкость.

— Ой, да чего он там вопит? — лениво, недовольным голосом пробормотала Татьяна. — Выруби и иди ко мне.

Владимир с трудом подавил в себе внезапную вспышку злости.

— Я сейчас тебя вырублю, — прошептал он сквозь зубы. Голос певца заглушил слова, но Татьяна почувствовала, что Владимир раздражен.

— Ладно! Послушаем. Вроде бы хорошо поет. — Голос ее звучал испуганно.

Фризе выключил приемник. Песня была испорчена.

Ему вдруг захотелось одеться, уйти в парк и бродить по крутым дорожкам до рассвета. Но рядом на постели лежала молодая красивая женщина, иногда говорящая что-то невпопад, иногда грубоватая и бесцеремонная, но сейчас такая нежная и теплая. Готовая исполнить все его желания.

Да и выйти из санатория уже невозможно. Двери заперты до утра.

Он лег рядом с Татьяной и чуть не задохнулся от поцелуев.

— Володя! — заговорила вдруг Татьяна. — Ты мой друг, да? Знаешь... Все хочу тебе сказать.

— Говори.

— Мне надо уехать на два дня.

— В Прагу?

— В Вену.

— В Вену?! Молодец. А виза? — Фризе был удивлен.

— Визу я получила в Москве.

— И ни словом не обмолвилась. Хороша подружка.

Татьяна прижалась к нему, положила голову на плечо.

— Не сердись. Мне надо выполнить поручение мужа.

Впервые она заговорила о муже.

Фризе помнил, как Татьяне не понравилось, когда он упомянул о ее супруге. Он решил промолчать. И подумал о том, что Таня — скрытная девушка.

— Ты почему молчишь?

— Думаю о том, как тебе повезло. Вена — прекрасный город.

— Что я там увижу? Дорога туда, дорога обратно. Несколько часов в городе.

Неожиданно Фризе вспомнил первые часы знакомства. Татьяниного мужа — пузана. Потом переезд через границу. Перерытый чемодан.

— Таня, ты помнишь, как мы сюда ехали? Наше купе? Зачем ты открывала мой чемодан?

— Ах, это? Значит, заметил?!

— Заметил. Да все забывал спросить.

— А откуда ты знаешь, зачем я в Вену еду?

— Про Вену не знаю ничего. Я тебя о другом спросил.

— Мы решили положить «капусту» в Альпийский банк в Вене. Я и везла доллары. Муж сказал — таможенники курортников не шмонают. Тех, кто в Карловы Вары едет. А я все равно чуть со страху не умерла. Тряслась, тряслась, а потом в твой чемодан пакет и засунула.

Фризе засмеялся. У него даже злости не нашлось на эту дуреху.

— Не сердись? Правда? — Татьяна поняла его смех по своему.

— Представь себе на минутку — я бы деньги нашел и смылся. Муж твой дерется?

— Бывает! Да и денег-то много. Из тех, что в налоговой декларации не показаны.

Владимир чувствовал, что, спроси он сейчас, Татьяна расскажет все: и сколько денег везла, и как муженек их зарабатывает. Но его интересовало другое.

— Как ты с ним познакомилась?

— В «Космосе». На конкурсе красоты. Я до второго тура дошла! — сказала Татьяна гордо. — Вот тут он и появился. Взял за руку и увел. — И, словно оправдываясь, добавила: — У него тогда живота не было.

Фризе слушал молча. Не перебивал.

— Детей решили пока не заводить. Пожить в свое удовольствие. Поездить. Он меня послал на курсы эротического массажа. В какое-то сексуальное общество. Забыла.

— Общество сексопатологов? — Он слышал об этом обществе и о курсах. В прокуратуру пришло несколько жалоб на то, что преподавание на этих курсах на грани неприкрытого разврата.

— Вот-вот! Ты о нем слышал? Так что не думай обо мне плохо.

РУЛЕТКА

Давней мечтой Фризе — маленькой навязчивой идеей — было посещение казино. Ему хотелось сыграть в рулетку. Войти в огромный, залитый светом старинных хрустальных люстр зал, постоять у одного из столов, за которым собирались завсегдатаи. Завсегдатаи обязательно должны быть богатыми. Мужчины — во фраках, женщины — в мехах. И непременно увешанные драгоценностями. Такое казино Владимир видел еще в ранней юности в документальном фильме о княжестве Монако. И, прожив более трех десятков лет, не утратил желания туда навеститься.

Прогуливаясь по Карловым Варам, Фризе обратил внимание на прекрасный дворец на берегу Теплы. На нем висели две таблички. На одной было написано «Лазне», что означало — здесь располагается лечебное заведение с ваннами. На другой табличке значилось: «Казино». Это и дураку было понятно.

«А почему бы мне не попробовать? — подумал Владимир. — В княжество Монако я попаду не скоро. А в старом Карлсбаде рулетка, наверное, была не самая захудалая в Европе».

Повязав галстук, надев твидовый пиджак, Фризе отправился в казино.

На всякий непредвиденный случай он положил во внутренний карман все свои доллары.

— Вовка, ты себе напрыгаешь температуру! — сказала мама строго. Но глаза ее улыбались.

— Не догонишь, не догонишь! — Маленький Фризе попытался убежать от мамы, но почему-то ноги не слушались. И руки тоже. Бежать могла только голова. И это показалось ему очень смешным. Он пошевелил головой и, почувствовав дикую боль, отключился, попав в другой мир. Это был мир запаха. Одного-единственного тошнотворного запаха никотина.

«Ну почему же никотин? — задыхаясь, с отчаянием подумал Владимир. — Ведь мама не курит!» Он жалобно застонал тоненьким писклявым голоском. Потому что знал — если застонать громче или крикнуть, он опять провалится.

Что-то влажное и прохладное легло Фризе на голову, и тошнотворный запах рассеялся. Мама пришла на помощь. Он подумал, что она распахнула окно и в комнату вместе с вечерней прохладой проник тонкий аромат. Аромат одного цветка. Как же он называется, этот осенний цветок, что рос под окнами их дачи на Николиной Горе?

Табак!

«Не хочу» — подумал он. Но оказалось, что не только подумал, но и сказал. Потому что женский голос — не мамин — спросил:

— Не хочешь? Чего? — Легкая рука, едва касаясь, погладила плечо.

— Ничего не хочу! — сказал Фризе и, очнувшись, открыл глаза. Он увидел перед собой женское лицо. Очень знакомое. Но разглядеть это лицо Фризе не успел, потому что смотреть было больно, и он зажмурился. Казалось, одно движение век — и голова разлетится на мелкие кусочки.

— Володя, открой рот. Получишь аспирин с коньяком и будешь здоров.

— Господи! — прошептал он. — За что такие мучения! Уж лучше бы убили!

— Так нельзя говорить, — сказала женщина, у которой были нежные, как у мамы, руки и едва заметный баварский выговор. Он почувствовал, как она провела рукой по губам, потом осторожно подсунула ладонь под голову, чуточку приподняла.

— Давай, давай. Вот таблеточки. Правильно, милый, правильно. Проглоти ее. И еще одну. Теперь глоток «арманьяка». О! Какой хо-ро-ший глоток. Я всегда считала, что русские парни — крепкие парни. Особенно сыщики.

Боль не отпускала. И Фризе показалось, что он опять меняет мир пребывания. Но больше не отключался.

Он лежал на очень широкой и мягкой кровати. В огромной, похожей на зал, комнате. Здесь господствовал полумрак. Горела только одна настольная лампа, а хрустальные подвески огромной люстры под потолком время от времени вспыхивали красными и синими звездочками. Огромные окна были задернуты белыми шелковыми шторами.

В ванной комнате что-то звякнуло. Потом еще раз. Эти звуки насторожили Фризе. Он знал: так позвякивают инструменты на стеклянном столике у зубного врача. Фризе повернул голову и увидел стоящую к нему спиной голую женщину. Она, видимо, только что вышла из душа и расчесывала перед зеркалом густые черные волосы.

«Какая дивная фигура. А ноги! Интересно, какие у нее глаза? Это она кормила меня аспирином? Голос знакомый». Он с удивлением почувствовал, что головная боль отступила, и тут же вспомнил, кому принадлежит голос и какие глаза он увидит, когда женщина повернется к нему лицом.

— Лизавета! — позвал он.

Прикрыв рукой грудь, брюнетка повернулась к нему вполоборота.

— Потихоньку возвращаемся к жизни? — спросила она весело. — Еще коньяк с аспирином? Или только коньяк?

— Только коньяк.

Лизавета взяла с прикроватной тумбочки два пузатых бокала, налила в них «арманьяк» и села на кровать рядом с Фризе. Улыбка у Лизаветы была не торжествующая, а очень добрая и сочувственная.

— Прозит! — Он с наслаждением, маленькими глоточками выпил коньяк. — И для того, чтобы добиться своего, ты пошла на преступление?

— На преступление?

— А разве калечить человека — не уголовное преступление? Даже если цель благая?

Лизавета засмеялась. Выпила коньяк и взглядом показала на бутылку.

Фризе кивнул, и она опять налила.

— Ты, наверное, хорошо разбираешься в уголовных законах, частный сыщик Владимир Фризе. — Лизавета потянулась к тумбочке, открыла верхний ящик и достала кусочек белого картона. Владимир узнал свою визитную карточку.

— Достала из бумажника? — Он только сейчас осознал, что лежит под одеялом раздетый.

— Из какого бумажника? Визитка и ключ от номера — вот и все, что было в твоих карманах.

— Меня еще и ограбили?

— А ради чего тебя бабахнули полицейской дубинкой по голове?

В ее вопросе Фризе почудился подвох, и он не стал отвечать. Мысль о том, что он остался без гроша, огорчила его. Две тысячи долларов за вычетом двадцати, которые он поставил на красное, на третий номер, и десяти за выпитое в баре пиво!

— Как я очутился здесь?

— Господин сыщик! Не знаю, правда, русский или немецкий. Допрашивать лежа удобно, ничего не скажешь. Но это моя постель. И мне хочется... — она сделала многозначительную паузу, сопроводив ее улыбкой, — ...отвечать на твои вопросы тоже лежа. Кровать на это рассчитана.

Лизавета скинула халат, бросила его на кресло.

— Подвинься! По-моему, ты пришел в норму. И щеки порозовели.

— Лизавета, ты не могла бы надеть халат?

— Не бойся! — Она фыркнула, залезла под одеяло и, свернувшись калачиком, с любопытством разглядывала его лицо. — Я не собираюсь тебя насиловать. Видела твою девушку. Ничего. Но не для тебя.

— Почему ты так решила, Лизавета? — Фризе нравилось произносить это очень по-русски звучащее имя. В нем присутствовало нечто домашнее, располагающее к откровенности.

— Она, по-моему, грубовата.

— Ты что, разговаривала с ней?

— Так, так! — засмеялась девушка. — Я не права?

— Ты обещала рассказать, как я к тебе попал, — перебил ее Фризе. — Это отель? Или снимаешь квартиру?

— Отель.

Девушка поднялась с постели, постояла секунду в нерешительности. Потом подошла к креслу, надела халат и крепко завязала пояс на тонкой талии.

Она смотрела на Владимира с притворной строгостью, а глаза улыбались.

РУЛЕТКА (продолжение)

— Я чуть не споткнулась о тебя, когда спускалась по горной тропинке... — Лизавета улеглась поверх одеяла и, подперев голову ладонью, внимательно смотрела на Владимира. Как будто хотела разгадать, что у него на уме. — Ты даже не стонал. Я подумала: готов. И так разозлилась!

— Разозлилась?

— Как чертовка! У меня имелись на тебя виды. Правда. Проверила твой пульс — вполне приличный. Ран на теле не видно. И на пьяного не похож. А вот на голове такая шишка! И кровь. — Девушка посмотрела на Фризе с сочувствием.

— Не гляди на меня так! — предостерег Фризе. — Не то я заплачу от жалости к самому себе. Особенно из-за бумажника с деньгами. Скажи, в каком месте я прилегу?

— На полпути к «Империялу». Помнишь, если подниматься, справа старая каменная стена?

— Еще бы! Все помню.

Упоминание о стене подействовало на Фризе, как ватка с нашатырем на пьяницу. Он вспомнил все, что произошло с ним за последние несколько часов.

Казино его разочаровало. Ни блеска туалетов, ни наэлектризованной атмосферы азарта. Одна лишь унылая респектабельность. Игроки — в основном пожилые немцы и австрийцы, приехавшие промывать водами «Шпруделя» обожженные алкоголем кишки, а заодно и поразвлечься.

Фризе подошел к стойке бара, выпил бутылку ледяного «Будвара». А когда вернулся к столу, обстановка вокруг него изменилась. Внимание сконцентрировалось вокруг высокого рыжеватого мужчины. Фризе узнал его. Во время ужина в ресторане Грандотеля «Пупп» Ленский проявил к нему повышенный интерес. У земляка был воинственный вид, словно он сигнализировал всем окружающим: мы вам покажем!

Рыжий поставил на 13, на черное, и теперь ждал результата. Выпал его номер. Крупье лопаточкой подвинул к нему горку фишек. Толстый чех, тот же, который сопровождал рыжего в ресторане, что-то шепнул ему. Рыжий успокаивающе поднял ладонь и снова поставил на чертову дюжину гору фишек. Фризе решил подойти поближе к рисковому игроку, но наткнулся на крепкое плечо молодого парня, выросшего на пути.

— Простите, туда нельзя. — Парень обратился по-русски, как будто и не сомневался, что перед ним соплеменник.

— Здесь казино, а не дом правительства! — рассердился Владимир.

Парень улыбнулся одними губами, но взгляд его был угрюмый. Не теряя выдержки, он предупредил:

— Потерпите минуту. Мы сейчас уходим.

На помощь ему двигался еще один молодой человек. Он вопросительно взглянул на Фризе и перевел взгляд на коллегу.

— Разобрались, — успокоил тот.

Фризе обошел стол. Рыжий опять выиграл. Забрал фишки — их горка показалась Владимиру огромной — и отдал сопровождавшему его чеху, который тут же направился к выходу. Рыжий и охранники потянулись за ним.

«Что ж, этот прохвост и на курорт с охраной ездит?» — подвинулся Фризе и поставил на третий номер. На красное. Он жил в доме номер три и последними цифрами его домашнего телефона были три тройки.

Выиграл опять 13 номер.

Фризе мысленно чертыхнулся и направился к бару выпить еще бутылку пива. Но вовремя вспомнил, что у него в номере холодильник загружен пивом. Тем же самым «Будваром», только не по двадцать долларов за бутылку.

Он уходил из казино без сожаления. И не испытывал никакого желания вернуться и еще раз — последний раз! — испытать судьбу.

Стоял теплый летний вечер. После душноватой атмосферы казино на зеленой набережной дышалось легко и свободно. Он свернул с бульвара на крутую тропинку, ведущую под густыми кронами платанов и вязов к «Империялу». Несколько каменных ступеней, бравших начало сразу за проемом в стене, кончились метров через пятнадцать — двадцать и переходили в гладкую утоптанную тропу. Здесь, под листовым шатром, господствовали лишь два запаха: земли и леса. А рядом с невысокой — в рост человека — каменной стеной, что начиналась с полдороги, Фризе вдруг учуял запах крепких сигарет.

Он шел и думал о том, с каким удовольствием встанет сейчас под душ.

А если Татьяна уже вернулась из кино...

Какой-то звук отвлек его от мыслей о Татьяне. Вроде бы кто-то позвал на чужом напевном языке.

— Тяо-домти!

Фризе обернулся, но увидеть говорившего не успел. Тупой удар обрушился ему на голову.

— Ну-ка, повтори это слово! — потребовала Лизавета, когда он закончил рассказывать.

Владимир повторил слово так, как ему послышалось.

— Тяо-домти, — почти пропела Лизавета. — Это по-вьетнамски. Означает «здравствуй, товарищ!». Прежде чем оглушить, с тобой поздоровались.

— Вьетнамцы? — Ему претила даже сама мысль о том, что его ограбили эти улыбчивые низкорослые парни.

— Наверное, кто-то хотел, чтобы ты подумал на вьетнамцев. И даже оставил улику.

Лизавета протянула руку к тумбочке, открыла нижний ящик и

достала из него кусок черного картона, на котором проволочками было прикреплено с десятков дешевых кварцевых наручных часов — подделок из Гонконга. Каждый день неподалеку от гостиницы «Термаль» вьетнамцы выстраиваются длинной шеренгой и предлагают за гроши свой товар — часы, парфюмерные наборы, бижутерию. Время от времени наезжает полиция, штрафует торговцев, конфискует то, что они не успевают спрятать. Но на следующее утро торговцы опять стоят на прежнем месте.

— Я нашла это богатство неподалеку от тебя...

— Что означает «неподалеку»?

— За каменной стеной. Наверное, там и прятался напавший на тебя человек.

— Значит, вместо того, чтобы звать людей на помощь, вызывать «Скорую», ты занялась осмотром места происшествия? Ты что, сыщик?

— Надо же было взглянуть, не прячется ли кто за стеной! — Лизавета улыбнулась. — А вдруг и на меня бы напали?

— Логично, — проворчал Владимир и про себя добавил: «Слишком логично». — Как же ты приволокла меня в свои апартаменты? Проще было вызвать «Скорую».

— Ну вот! Еще и недоволен! Мой отель рядом. Поставила тебя на ноги, обняла — и раз, два, три! Шагал ты сам. Я только направляла. Может, поспим? Договорим утром.

У НАС НЕ УБИВАЮТ

— Пан говорит по-чешски? — У полицейского были длинное узкое лицо, большой ястребиный нос. Серые равнодушные глаза. И руки с узкими ладонями и длинными ухоженными пальцами. Он держал руки на столе, положив одну ладонь на другую. По виду ему было не больше сорока.

— Нет.

— Жаль. — В глазах полицейского, как показалось Фризе, загорелся огонек надежды. Надежды на то, что разговор не состоится. — А я плохо понимаю по-русски. Может, пан знает немецкий?

— Поговорим по-немецки.

Огонек в серых глазах полицейского угас.

— Отлично! Немецкий я учил в школе. Какие у пана проблемы?

— Три дня назад я встретил здесь старого приятеля. Чеха. Мы учились на одном курсе в Московском университете.

— Приятная встреча!

Полицейский говорил все так же доброжелательно и даже весело, но в глазах появилась настороженность.

— Его звали Франтишек Ленский.

— Ленский, Ленский... — задумчиво повторил полицейский, изображая полную неосведомленность. Но при этом отвел глаза в сторону.

— Да, Франтишек Ленский. Он исчез так внезапно, что у меня появилось подозрение...

— Что его убили? — Полицейский улыбнулся. — Карловы Вары — тихий чешский городок. Здесь не убивают. Вы, наверное, читаете много детективов?

Фризе пропустил его выпад мимо ушей.

— Ленский назначил мне встречу и не явился. Не позвонил. Это не его стиль. Когда человек ведет серьезное расследование, все может случиться. Я тоже работал следователем.

— Он вам сказал о расследовании?

— Сказал.

Полицейский вскинул свою узкую ладонь, призывая Фризе помолчать.

Встал из-за стола. Молча прошелся по кабинету, внимательно присматриваясь к Фризе.

— Мы должны с вами поговорить, — сказал он наконец на прекрасном русском языке. — Мне бы не хотелось на службе. Только где?

— Приходите ко мне в «Империял».

— Исключается. Вы вечером свободны?

— До десяти. В десять наш санаторий закрывается.

— Да, да. Знаю. Вы бывали в ресторане «Поштовни двур»?

— Знаю, где он находится.

— Прекрасно. В семнадцать часов делайте променад рядом с рестораном. По Словенской улице. Я подъеду на красном «фольксвагене». Вы меня понимаете?

— Понимаю. Мы не представились друг другу...

— Вацлав Петрачек. — Полицейский протянул руку.

— Владимир Фризе.

Красный «фольксваген» Петрачека появился ровно в пять. Едва Фризе успел захлопнуть дверцу, как машина рванулась с места на разворот и понеслась в сторону центра. Слева мелькнул «Империял», и они выехали на Пражскую дорогу. «Жук» без натуги преодолевал крутой подъем.

— Мы едем домой, — нарушил молчание Петрачек. — Немного поболтаем, побольше попьем. Вы любите пиво?

Сколько раз приходилось Фризе отвечать на этот вопрос. Каждый чех считал своим святым долгом его задать. И еще про «Бехеровку».

— Да. И «Пльзеньское», и «Будвар». И «Бехеровку» тоже.

Петрачек засмеялся.

— Я так и подумал. В вас нет агрессии. Такие мужчины любят пиво. А злые и агрессивные тянут через соломинку коктейль...

Жену Петрачека звали Алена. Полная, с круглым, добродушным лицом, она смотрела на мужа ласковыми снисходительными глазами. Красивой пани Петрачекову назвать было нельзя, но большие васильковые глаза заставляли забыть и о носе уточкой, и о ее полноте. Пани Петрачекова была отменная кулинарка. Домашние свиные колбаски с картофельными ежиками, цветная капуста в сухарях, яблочный пирог появились на столе в таком аппетитном исполнении, что устоять не представлялось возможным. Если Алена всегда так кормила мужа, то можно было только удивляться его худобе. И пиво Петрачек пил от души. Откупори-

вал одну за другой маленькие, непривычные для Владимира бутылочки «Пльзеньского».

За столом они говорили обо всем, кроме того, ради чего собрались. В какой-то момент Алена перехватила быстрый взгляд Владимира на часы.

— Вы торопитесь, Володя?

— Он боится, что в его муравейнике захлопнутся двери, — усмехнулся хозяин.

— Переночуете у нас. Из комнаты сына на втором этаже виден ваш «Империа́л».

— Сын в Англии. Совершенствуется в языке на месячных курсах. — Петрачек поднялся. — Я покажу тебе комнату. А заодно и весь дом.

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Похоже, что никто не собирался спрашивать у Фризе согласия остаться переночевать. Да он и сам предвидел такое развитие событий: полицейский пил «Бехеровку» и пиво, явно не рассчитывая снова сесть за руль.

Они прошлись по комнатам, заглянули на кухню. Фризе позавидовал тому, как уютно в доме, как рационально все устроено.

Вацлав Петрачек открыл дверь на большую террасу. Сел в плетеное кресло и показал Фризе на другое такое же. Молча достал из кармана домашней куртки трубку, пачку «Амфоры». Долго и педантично забивал табак и раскуривал. К густому настою соснового леса примешался сладкий аромат хорошего табака.

— Там твой «Империа́л». — Вацлав сделал неопределенный жест рукой в ту сторону, где между сосен мерцали слабые огоньки Карловых Вар. — Ленский — твой хороший друг?

— Хороший, плохой... Плохие друзья — это уже не друзья, а враги. Франтишек обратился ко мне за помощью.

— О чем он просил?

— Если ты думаешь выудить из меня информацию и ничего не предложить взамен, то просчитаетесь. Я хочу знать, что произошло с Франтишеком. Его убили?

— Почему ты так думаешь?

— Да потому, что через день после нашей встречи напали на меня.

— Да-а-а? — Собеседник даже не попытался скрыть свой скептицизм.

— Когда поздно вечером я возвращался в санаторий, меня ударили по голове. — Фризе чуть не сказал «полицейской дубинкой», но вовремя остановился. Упомяни он про дубинку, пришлось бы рассказывать о Лизавете.

— Ты видел нападавших?

— Нет. Ударили сзади. Я потерял сознание.

— Позволь нескромный вопрос. Откуда ты шел? И где тебя ударили?

— Шел из казино через парк.

— О! Ты игрок?! Много выиграл?

— Поставил всего один раз. И продул. А еще говорят — новичкам везет.

— Ты новичок? — Петрачек миролюбиво попыхивал трубкой, но прищуренные глаза смотрели хитро.

— Представь себе, новичок!

— Володя, ты правда был следователем?

— Да. А сейчас — частный детектив.

— Никогда не думал, что у вас появятся частные сыщики. И милиция выдает официальные лицензии?

— Выдает. Не могу тебе показать — во время нападения у меня украли и деньги, и документы.

— Ради Святой Марии, не подумай, что я хотел проверить лицензию! Скажи, почему ты не заявил в полицию?

— А что я мог сказать в полиции? Ничего не видел, ничего не слышал? Ты так и не ответил на мой вопрос.

— О Ленском? Если бы у него и были неприятности, что ты можешь? Только трижды в сутки пить минеральную воду.

Этот Петрачек был скользким, как угорь. Ни разу не проговорился. Только усмехался и попыхивал трубкой.

«Ладно, зайдем с другой стороны», — решил Фризе и спросил:

— Скажи откровенно. Почему ты не захотел в своей ментовке разговаривать со мной по-русски? Ты же русский прекрасно знаешь.

— Ментовка — это что? Полиция?

— Вроде того.

— Полиция — официоз. Много секретного. Пришел русский. Чего-то выспрашивает о работе следователя из Праги. Оперативную информацию? Так? У нас сейчас русский не в большом почете. Так?

— Тогда как следует учи немецкий!

Петрачек засмеялся:

— Не силен я в германском? — и, не дожидаясь ответа, поинтересовался: — Что же сказал тебе Ленский?

— Сказал, что он приехал искать в «Империале» германское золото. Он и меня заподозрил в этом. Вот такую лапшу навешал на уши.

— Ты ему поверил? — Судя по тому, что собеседник не стал уточнять про «лапшу», с этой русской идиомой он был знаком.

— Конечно, нет. Ему захотелось побольше узнать о постоянльцах «Империаля»! Зачем — не сказал. Все ваши дурацкие секреты!

— Упоминал о наркотиках?

— О наркотиках речи не было.

— Нет? — Вацлав смотрел на него с недоверием. — Володя, к нам из России везут наркотики. Очень сильные. Карловы Вары — перевалочный пункт. Я правильные употребил слова «перевалочный пункт»? Так говорят? От нас наркотики идут дальше. К германцам. К французам. В Чехии мало наркоманов.

— И в Карловых Варах не бывает убийств.

— Понимаешь... — Петрачек смущенно улыбнулся. — Убийства бывают. Но очень редко. Бытовые. Или среди цыган. А мы

хотим, чтобы их не было совсем. Мы мировой курорт! Каждое убийство — скандал. К нам же никто не поедет! Немцы не поедут. Французы не поедут.

— Будете лечиться сами.

— Это проблема! Для нашей полиции большая проблема.

— Так что с Ленским?

— Володя, я не могу раскрывать служебные тайны.

— Можешь их засолить, свои служебные тайны! — рассердился Фризе.

— Я надеюсь, Володя, что ты не станешь вмешиваться в наши дела. — В голосе Петрачека вновь появились полицейские нотки. — Ты наш гость. Гостям следует отдыхать. Работать будем мы. И не беспокойся о своем друге. С ним все в порядке. — Чех поднялся. — Уже поздно. Давай спать. Жена тебе постелила. — Петрачек зажег в комнате сына свет. Показал на диван, застеленный красивым клетчатым бельем. — Утром разбуду.

Когда он ушел, Фризе снял со стены яркую альпийскую куртку Петрачека-младшего, накинул на плечи и погасил свет. Вышел на веранду, с удовольствием опустился в кресло. Сквозь дрему он слышал, как внизу хозяин перекинулся несколькими фразами с женой. Наверное, Петрачекова уже заснула, и муж разбудил ее. Голос Алены звучал приглушенно и невнятно. «У них в спальне тоже открыты окна, — подумал Фризе. — И ночь напролет они дышат целительным горным воздухом».

С этой мыслью он заснул. А проснулся от резкого голоса полицейского. Голос доносился теперь из другой комнаты. Петрачек разговаривал по телефону. Наверное, слышимость была важная, и ему приходилось говорить громко.

Фризе не расслышал всего, о чем говорил Вацлав. Только общий смысл: абоненту Вацлава следовало срочно послать оперативника в «Империал» и осмотреть комнату отдыхающего по фамилии Фризе. Но только очень осторожно. Петрачек несколько раз повторил: «Осторожно!» Он пообещал собеседнику приехать в Управление и положил трубку. Было слышно, как он ходит по комнате.

Сон улетучился полностью. Чем больше Владимир думал о случайно подслушанном разговоре, тем больше раздражался.

Минут двадцать, а может быть, и полчаса, в доме царила тишина. Фризе даже подумал о том, что плохо понял Петрачека и тот никуда не поедет на ночь глядя. Но прошло время, и внизу скрипнула дверь, зашуршал гравий на садовой дорожке. Послышались звуки отпираемых запоров. Петрачек распахнул ворота гаража, завел машину. Минут десять он прогревал мотор и, наконец, уехал.

Когда шум мотора затих где-то внизу, Владимир осторожно выбрался из дома.

Уже начало светать, и он решил пойти через лес. На поссе можно было встретить возвращающегося из города Петрачека. А ему вовсе не хотелось не только объясняться с полицейским, но и видеть его.

Неожиданно ели расступились, и перед ним открылась просторная поляна, посреди которой стоял похожий на игрушечный

двухэтажный дом. Крутая крыша красной черепицы, светлосиние стены из толстого бруса. Сизый дымок струился из высокой трубы в голубое небо.

Глухо хлопнула дверь. На крыльцо домика-пряника вышел молодой мужчина в бело-синем спортивном костюме. Обхватив ладонями локти, он зябко поежился, оглядел окрестности. Фризе решил, что мужчина займется зарядкой. Или по крайней мере пробежится по поляне. Но ошибся. Тот сошел с крыльца, завернул за угол дома, и вскоре оттуда донесся шум прогреваемого мотора.

«Может быть, он едет в город? — подумал Фризе. — Попрошу подкинуть». Но пока он размышлял, на крыльце появился еще один человек. Это был Костя Пименов, отдыхающий из «Империала». Похоже, он чувствовал себя здесь как дома. Спустившись на ступеньку, Пименов достал откуда-то из-за балюстрады щетку, тюбик с кремом. И принялся деловито дранть штiblеты.

«Ну, Константин! — восхитился Фризе. — Неужели он и здесь нашел себе партнеров по преферансу? Или прекрасную молочницу?»

В это время из-за дома выехал маленький серый грузовичок. Кузов у него был покрыт тентом. Константин бросил щетку прямо на крыльцо, сел в кабину к водителю, и грузовичок уехал.

...Когда Владимир подходил к «Империалу», уже рассвело. Серая громадина отеля походила на фантастическую птицу, нахохлившуюся и распутившую крылья. Полицейских не было видно. Поблизости от «Империала» не стояло ни одного автомобиля. Только у входа в кухню двое парней разгружали ящики с рогаликами и коробки йогурта. Рогалики были еще горячие — от них в холодном утреннем воздухе шел пар. Фризе подумал о том, не войти ли ему в здание через кухню, по дороге прихватив аппетитный рогалик.

И тут он вспомнил о дверях в процедурное отделение. Там начиналась работа в шесть. Кое-кто из медицинского персонала, может быть, уже заступил на вахту? Не исключено, что дверь не закрыта.

Ему повезло. Проходя по коридору, Фризе встретил только молодую заспанную девушку с растрепанными волосами. Наверное, она дежурила здесь всю ночь и теперь, накинув легкий халат и повесив на плечо махровое полотенце, шла в сторону бассейна. Девушка решительным жестом показала Фризе на дверь, ведущую внутрь корпуса, и подождала, пока он не затворил ее с обратной стороны. Через пару минут Фризе был у себя в номере.

ПАРТИЯ В ШАХМАТЫ

— Владимир Петрович!

Фризе оглянулся. В каменной беседке, нависшей над обрывом, сидел Мельник.

— На прогулку?

— В такую погоду грешно сидеть в номере.

— Может быть, партию в шахматы?

«Знает, как меня зовут», — удивился Фризе. По замшелым сту-

пеням он поднялся в беседку. Здесь стоял шахматный столик, на котором были уже расставлены огромные шахматные фигуры.

Мельник, одетый в легкие, идеально отглаженные брюки и кремовую безрукавку, смотрел на Фризе, благожелательно улыбаясь. Но его подвижный, резко очерченный рот вызывал чувство беспокойства.

— Мы с вами видимся только издали. — Он протянул руку. — Лев Прокопьевич.

— Владимир Петрович. — Фризе уловил запах «Маскулина». Мельник не изменял своим вкусам.

Фризе достались черные.

Первые пять ходов они играли молча. Лев Прокопьевич четко разыграл английское начало, и Владимир почувствовал, что противник у него сильный.

— Мы ведь с вами встречались и в Москве, — сказал Мельник. И, не дожидаясь ответа, подтвердил: — Встречались, встречались! На балу Прессы. Вы там лихо отплясывали с журналисткой из городской газеты. Я вас запомнил.

— У вас прекрасная зрительная память. Запомнить случайное лицо в этом вавилонском столпотворении!

— Да ведь и вы меня запомнили. — Лев Прокопьевич сделал рокировку. — С вашей приятельницей мы несколько раз встречались. Энергичная газетчица! Наверное, помыла мои косточки? — Он тут же круто изменил разговор. — Как вам нравятся Карловы Вары?

— Очень. Уютный город.

— Приятно слышать. — Мельник усмехнулся. — Я уже пятый год в «Империале» отдыхаю. И, как старожил, рад, что вам приглянулся курорт. Одно плохо — постоянно натыкаешься на знакомых. Вот мы с вами сколько уже раз встречались?

— Мы живем в одном санатории.

— Это не в счет. — Мельник задумался. — В кафе «У Империи» — раз. В ресторане Гранд-отеля — два. У санатория «Ричмонд» — три.

— Кстати, в тот раз с вами была ослепительная девушка.

— Вам понравилась? Очень рад. Я заметил, что и вы умеете выбирать подруг. Так где же еще мы столкнулись? Забыл. И это всего за несколько дней.

— Надеюсь, эти случайные встречи не портят вам настроения? — Фризе спросил с улыбкой, но партнер не принял легкого тона. Ответил очень серьезно:

— Если говорить честно, то портят. Когда приезжаешь на курорт подлечиться и отдохнуть, хочется полностью отключиться от дел. Расслабиться. И вдруг постоянно замечаешь рядом с собой известного московского сыщика. Это нервирует.

— Вы даже знаете, что я сыщик?

— Конечно, знаю. Ваша приятельница — журналистка — сказала вам обо мне на балу? Рассказала. Я не сомневаюсь. И меня заинтересовало, что это за штучный парень танцует с облицительницей коррупционеров? Мне доложили: Фризе, Владимир Петрович, бывший следователь прокуратуры, ныне частный детектив. Способный сыщик. Неподкупен, потому что богат.

Обладатель прекрасной коллекции «малых голландцев». Верно?

— Ух! Какая точная и лестная информация! Прямо оторопь берет.

— Владимир Петрович, я крупный бизнесмен. Чтобы жить в нашем бардаке более или менее спокойно, надо обладать информацией. Работать на упреждение.

— Если так, то вам должно быть известно, что частный детектив Фризе приехал в Карловы Вары отдохнуть! Только отдохнуть. Путевку ему оплатил председатель Московского банка Козловский.

— Это выглядит правдоподобно. Но и только.

— Вы сказали, что вам хочется здесь расслабиться. Мне тоже. Чтобы мне не докучали, я всем говорю, что преподаю историю в университете.

— Все, кому это интересно, прекрасно знают, что вы детектив! Не тешьте себя иллюзиями!

Наверное, Фризе не сумел скрыть смущения, потому что Лев Прокопьевич расхохотался.

— Вы и правда думали, что сохраните свое инкогнито? Да приглядитесь к людям! Пожалуй, только вечно пьяные шахтеры приехали сюда отдохнуть. Если это считается у них отдыхом. Доктор Пименов крупно приторговывает лекарствами. Два друга из Ростова — не помню фамилии — шулеры. Анна Павловна продает в рестораны черную икру. Есть и посерьезнее курортники. Даже один «вор в законе». Этот, по-моему, прибыл «пошерстить» жирующих буржуев.

— Мухин?

— Был уверен, что вы обратите на него внимание. Отсюда рукой подать до Германии и Австрии. Кое-кто совмещает приятное с полезным. Отдыхает, лечится, а заодно пристраивает денежки в приличный банк. — Мельник замолчал и внимательно посмотрел на доску. Предупредил: — Вы сделали не лучший ход! Теряете слона.

Фризе надолго задумался.

— Начальники разные сюда приезжают, — продолжал Мельник. — Я тут попался одному на глаза — он сразу в долг попросил. А помалу они не просят. Да и нет привычки долги отдавать. Согласитесь, этим господам сыщик — не лучший подарок.

— Кому я могу помешать? В чужой стране?

— Береженого Бог бережет. Вы, Владимир Петрович, никогда не были в Бад-Брамбахе? Курорт в Германии неподалеку от границы. Прекрасное место. Тихое, уютное.

— Не бывал.

— Не хотите поехать?

— На денек? — Фризе помнил, что Мельник разъезжает по городу на новом «опеле», и решил, что ему предлагают короткую прогулку.

— Почему на денек? Дней на двадцать. Полный курс лечения.

— Я нынче не при деньгах. Да мне и здесь нравится.

— Ваш клиент скуповат?

— Нет! Но как-то вечером на меня напали. — Фризе притронулся к затылку. Шишка еще не спала. — Украли все деньги.

— Никогда бы не подумал, что такого опытного детектива можно застать врасплох и ограбить.— Насмешливый тон Мельника задел Владимира.

— Обстановка не способствует бдительности! — буркнул он.— Впредь буду умнее.

— Да уж! Оглядываться и здесь следует. А то можно остаться без головы.

В словах Льва Прокопьевича не было угрозы. Скорее сочувствие. Но Фризе понял, что эта фраза прозвучала неспроста.

— Что же вы предлагаете? Уехать? Или просто не попадаться вам на глаза?

— Не сердитесь. Я человек цивилизованный, только чересчур мнительный. У меня деловое предложение. Я нанимаю вас как частного сыщика. А перед тем, как вы займетесь моими делами, посылаю вас отдохнуть в Бад-Брамбах. И выдаю аванс. По моему, царское предложение.

— Да, заманчивое. Но, Лев Прокопьевич, не могу его принять.

— Значит, в Карловы Вары приехали не только для отдыха, что и следовало доказать!

— Да нет же! Нет! Как мне вас убедить?

— Сердечные дела? Танечка — чудо. Но она замужем. Я знаю ее супруга.— Мельник многозначительно помолчал.— И, по моему, у нее здесь тоже дело. Мухин за ней не приглядывает? Обратите внимание.

Партию Фризе проиграл. Расставаясь, Лев Прокопьевич дружески пожал Владимиру руку.

— Был рад познакомиться. При случае еще сразимся?

— С удовольствием.

— Вы, Владимир Петрович, подумайте над моим предложением. И хорошо бы нам встречаться только за шахматной доской.

СМЕРТЬ МЕЛЬНИКА

Знал бы Лев Прокопьевич Мельник, как болезненно воспринимает Фризе угрозы, он никогда бы не окликнул детектива, не предложил сыграть в шахматы.

Его обходительная манера разговаривать, за которой сквозило раздражение и убежденность, что к его словам непременно прислушиваются, взбесила Владимира.

«Да за кого они меня принимают?!» — сердито размышлял Фризе. Он вышагивал по улицам и впервые не замечал ни пестрой доброжелательной толпы курортников, ни зазывных вывесок над уютными барами и кафе, ни тенистых парков и скверов. Он даже не зашел за Татьяной, которая ждала его в номере после приема очередной порции лечебных процедур. Боялся, что может сорвать на ней раздражение.

Сначала Ленский, огорчивший своей неискренностью. Потом этот тугодум Петрачек, не пожелавший раскрыться до конца. Соблазнительная Лизавета с замашками полицейской ищейки.

Ладно. Про них можно было сказать: «А пошли вы все подальше! Отпуск из-за вас я портить не буду!»

Но когда тебе грозят пальчиком — прелести курорта воспринимаются плохо.

Задумавшись, Владимир чуть не пропустил знакомый «опель». Пепельно-серая неброская машина приткнулась возле давно некрашенных чугунных ворот. За причудливым ржавым плетением виднелся тенистый сад.

Стараясь не выдавать своего интереса, Фризе медленно прошел мимо, только бросил быстрый взгляд на табличку с названием улицы.

Улица Короля Юри. Тихая, зеленая, с невысокими особняками. И ни одного прохожего. Ни впереди, ни сзади.

«Опель» Мельника стоял между домами с номерами 19 и 21. Первый дом — трехэтажный — жилой. Со всех сторон его обступали строительные леса, а окна затянуты белыми занавесками. Три из них — на последнем этаже — были ярко освещены.

Дом № 21 совсем обветшал. Со стен обвалилась штукатурка, побиты стекла, ржавые водостоки... Когда-то его строили очень состоятельные люди. Огромные окна, тяжелые ржавые фонари на толстых цепях в парадном подъезде, чудом сохранившиеся витражи — все говорило о былой роскоши.

Метрах в двухстах от автомобиля Мельника Фризе обнаружил небольшой уютный скверик, сел на скамейку и приготовился ждать. «Опель» отсюда не был виден, но Фризе услышал бы шум мотора. Он решил во что бы то ни стало выяснить, к кому приехал Лев Прокопьевич, и что же скрыто за белыми занавесками дома в лесах?

Стемнело. Зажглись редкие фонари. Машина Мельника по-прежнему стояла у ворот. А в доме, как и два часа назад, светились три окна на втором этаже.

Владимир решил не отступать. Он обошел соседний особняк и, найдя брешь в кирпичной стене, попал в заброшенный сад. Крапива и еще какая-то колючая трава лезли в лицо. Под ногами то и дело звякали банки из-под воды и пива.

С противоположной саду стороны жилого дома светились два окна, задернутые занавесками. И тоже на третьем этаже.

Пока Фризе поднимался на третий этаж, не скрипнула ни одна из досок настила, не звякнули металлические крепления, в доме по-прежнему стояла жуткая тишина.

Занавеси на окнах были задернуты плотно. И только одна из них провисла посередине, образовав крошечный просвет, в который и заглянул Владимир.

Первое, что бросилось в глаза, были несколько пластмассовых ящиков с бутылками и на полке — кофеварка с кофе. Узкий просвет между занавеской и карнизом до предела сужал обзор. Но, прислонясь лицом к окну, он заметил вытяжной шкаф и агрегат, напоминающий автоклав.

Внезапно Фризе услышал, как скрипнула доска на лесах. Он отпрянул от окна и увидел Мельника, вышедшего по дощатому настилу из-за угла дома.

— Я же предупреждал! — В голосе Льва Прокопьевича чувствовались брюзгливые нотки. Говорил он совсем тихо. — Поднимите руки.

Свет, падавший из окна, позволил Владимиру разглядеть, что в руке у Мельника пистолет. Итальянская «Беретта». Фризе давно мечтал иметь такую игрушку, но стоила она баснословно дорого.

Мельник спокойно и уверенно наворачивал на ствол длинный глушитель.

Фризе попытался поднять руки, но уперся в доску настила. «Сейчас подтянусь — и на крышу», — подумал он, прекрасно понимая, что сделать это не успеет. Мельник поднимал пистолет.

Фризе ухватил ладонями конец доски, вздыбил ее над собой и рывком пустил в Мельника.

Комель доски угодил ему прямо в лоб. Мельник дернулся и попытался схватиться за ограждение. Но удержаться не смог и рухнул вниз.

Несколько минут Фризе стоял не шелохнувшись. Ждал, не выйдет ли кто из дома. Но все было тихо. И снизу, оттуда, где лежал Лев Прокопьевич, не доносилось ни шороха, ни стопа. Стараясь ничем себя не обнаружить, Владимир спустился вниз.

Если бы не залитая кровью голова, безжизненно склонившаяся набок, можно было подумать, что на земле лежит гряда тряпья. Опытный взгляд Фризе, не впервые имеющего дело со смертью, отметил неестественно подвернутую левую руку, темные брызги на рубашке. Похоже, что смертельным оказался удар о бетономешалку. Стараясь не запачкаться кровью, Владимир дотронулся до запястья правой руки. Пульс не прощупывался. Фризе достал из кармана свой крошечный фонарик, осветил Мельнику в глаза. Зрачки на свет не реагировали.

В любой момент могли появиться люди. Мельнику уже никто не мог помочь. А Фризе вовсе не улыбалась перспектива столкнуться с его сообщниками.

Он торопливо осветил фонариком возле трупа, пытаясь обнаружить «Беретту». Но лучик был слишком слаб. Превозмогая брезгливость, он осмотрел карманы. Кроме записной книжки и связки ключей на брелоке, в них ничего не было. Владимир сунул их в свой карман.

Когда он в полной темноте, почти на ощупь, начал спускаться по крутой каменистой тропинке на параллельную улицу, одно из окон на третьем этаже открылось. Мягкий баритон позвал:

— Лева! Лева!

Даже если бы двери «Империаала» были открыты настежь, Фризе стал бы искать окольный путь. В ночь, когда погиб Мельник, позднее возвращение в отель привлекло бы внимание полиции. А в том, что полиция будет проводить расследование, Владимир не сомневался.

Фризе осторожно прокрался вдоль стены санатория и свернул за угол. Старинный — очень прочный на вид — водосток проходил недалеко от балкона его комнаты. «Не так уж и сложно!» — подбодрил он себя, стараясь не думать о боязни высоты, и подергал трубу. Чугунная труба была прохладной и выглядела надежно. Обхватив ее ладонями, Фризе медленно полез вверх, не раз вспомнив добрым словом тех, кто соорудил такой прочный

водосток. И похвалил себя за нечаянную предусмотрительность: дверь на балконе была оставлена открытой.

Не зажигая в номере свет, он прошел в ванную комнату, плотно занавесил узкое, словно амбразура, окно и только тогда включил свет. Ни на брюках, ни на обуви не было ни пятнышка крови. Только цементная пыль и белила. Вымыл мокасины, почистил брюки. Переоделся в пижаму. Потом присел на край ванной и задумался, подбрасывая на ладони ключи, найденные в кармане Мельника.

Ключ от его комнаты. Об этом свидетельствовала маленькая железная пластина с цифрой 231. Крошечный заковыристый ключик. Наверное, от кейса. Еще один, такой же маленький, но с другой бородкой. Самое правильное — не рисковать. Как следует протереть ключи, выйти на балкон и швырнуть подальше в заросли. И не связкой, а по одному. Он положил ключи в карман пижамной куртки, надел белый махровый халат, вышел в коридор и быстро прошел десяток шагов от лестничной площадки до белой двери с номером 231. Не прикасаясь к ручке, вставил ключ в замочную скважину, осторожно повернул и надавил на дверь коленом. Дверь открылась легко и без скрипа.

Портфеля, с которым Мельник бежал по пустынному перрону Брестского вокзала, в номере не было.

Ни к одному из двух чемоданов Мельника найденные в его кармане ключи не подходили. Да в них и не было надобности — оба чемодана оказались открыты. Многочисленные рубашки, шорты, тенниски и прочая одежда свидетельствовали о том, что покойный любил красиво одеваться и обладал хорошим вкусом.

Фризе тщательно перебрал весь гардероб. Ничто не привлекало его внимания. Ни наркотиков, ни денег.

Он бегло осмотрел письменный стол. Тоже ничего. Фризе уже собрался задвинуть последний ящик, но обратил внимание на то, что газета, постеленная на дне, слегка топорщится. Владимир приподнял газету и не смог удержаться от крепкого ругательства. На дне ящика лежали его удостоверение частного детектива и тоненькая пачка долларовых банкнот. Он даже не стал их пересчитывать — заранее знал сумму.

«Вот, значит, кто отправил меня в нокаут! Способный шахматист Лев Прокопьевич». Фризе засунул находку в карман халата и задвинул ящик.

Потом он осторожно выглянул в коридор, так же осторожно, не прикасаясь в ручке, запер комнату и через минуту вошел в свой номер.

Ключ от «люкса» Мельника Владимир тут же выкинул в окно. В самую гущу зарослей.

Записная книжка Мельника привлекла бы внимание любого следователя. Воровские клички в ней соседствовали с фамилиями самых известных политиков и руководителей государства. Служебные и домашние телефоны, телефоны дач и автомобилей. Но Фризе обратил внимание только на две багажные квитанции, вложенные в записную книжку. Одна квитанция вокзала в Карловых Варах, другая — вокзала в Праге.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ?

Фризе проснулся от громкого перестука капель по жестяному сливу балкона. «Неужели дождь? — подумал он с неудовольствием. Но глаза открывать не торопился. — Если дождь — глупо идти вниз, на колоннаду, ради пары стаканов теплого «Шпруделя». Гораздо полезнее часок подремать». Но сон не шел. Владимир лежал и вспоминал все события вчерашнего вечера и ночи, удивляясь, что ему совсем не жаль Мельника.

«Вы не дали мне выбора, Лев Прокопьевич», — произнес он вслух, встал с постели и вышел на балкон.

Дождя не было. А вода капала с крыши от оседавшего на нее тумана. Город закутала плотная пелена.

Фризе не спеша побрился, взглянул на часы. Он вполне успевал сходить на источник и вернуться к завтраку.

В ресторане Сигуранец встретил его радостным возгласом:

— Владимир Петрович! Наконец-то вы вняли моим советам, стали пить воду перед завтраком.

— А может быть, просто проспал?

— Я к вам стучал. Знаете, Владимир Петрович, я начинаю понимать ваше неприятие протертых супов и вываренного мяса. Они мне тоже начинают надоедать.

— Скоро вы созреете и для водочки!

— Я как раз подумал о том, не пригласить ли вас в хорошую ресторацию?

— На поминки, что ли? — раздалось у Фризе за спиной. Он обернулся и увидел Татьяну. Девушка выглядела встревоженной. Она села за стол, взяла из корзины рогалик и машинально стала ломать его на мелкие кусочки.

— Что случилось? — Фризе отобрал у Татьяны рогалик, положил ладонь на ее руку.

Девушка вздохнула тяжело и, оглянувшись на мирно завтракавших за соседними столиками курортников, прошептала хриплым, незнакомым голосом:

— Мельник разбился.

— Кто, кто? — переспросил «Пармезан». Это получилось у него так ненатурально, что Татьяна фыркнула:

— Да вы что, Григорич? Еще не проснулись? Мельник, ваш знакомый!

— Мой знакомый? — начал было Сигуранец, но вовремя сообразил, что сейчас не время объясняться. — Он что, умер?

— Свалился ночью с обрыва. И об каменюку головой! — Татьяна вырвала руку из-под ладони Владимира.

— Насмерть?

— Мертвее мертвого.

— Татьяна!

— Прости, Володя. — Девушка отставила от себя тарелку с давно остывшей яичницей. — Несу околесицу. Я ведь его и нашла.

— Ты?

— Вы?

Владимир и «Пармезан» спросили одновременно.

— Чего тебя понесло в парк?

— Стукнулась к тебе. Ни ответа, ни привета. Решила идти на водопой одна. И сократить дорогу. Сократила!

— А врачи, полиция?

— Все побывали. Мельника уже увезли. На носилках спустили вниз. Мне показалось, что решили не волновать отдыхающих.

«Ловко они все провернули, — подумал Владимир. — Подкинули труп к санаторию! А я-то надеялся, что полиция заинтересуется домиком на улице Короля Юри. Наверное, Мельника на его же «опеле» и привезли».

Когда после завтрака он вышел вместе с Татьяной на прогулку, «опель» Мельника стоял на своем обычном месте — на асфальтированной стоянке перед санаторием.

КОЕ-КТО ПАНИКУЕТ

Отдыхающие вполголоса судачили о смерти Мельника, обряжая его всяческими пикантными подробностями. Дескать, покойный был большой ходок по молоденьким женщинам. Его не раз видели в ресторанах с молодыми чешками и немками. И смерть его не случайна: возвращался ночью от очередной нимфетки, подъем крутой, сердце не выдержало. Упал — и головой о камни.

Говорили о том, что полиция уже закончила следствие и тело погибшего сегодня отправляют спецрейсом в Москву. Богатой вдове сделать это было совсем несложно.

«Похоронят с почестями, — сердился Владимир. — А я даже не могу пойти в полицию и рассказать о таинственном домике на улице Короля Юри. Уже сходил однажды, побеседовал с господином Петрачком».

Он вышел на Рыночную площадь, оглядел ряды магазинов и баров, выискивая, где уже открыто. И увидел Мухина, прохаживающегося у дверей туристического агентства. Лицо у Владислава было хмурым. Фризе показалось, что Мухин его заметил, но не подал виду.

— Мухин! — окликнул его Владимир. — «Чедок» откроется через час. Мы успеем выпить пива.

Парень медленно, с нарочитой ленцой, повернулся. Взгляд у него был, как всегда, недобрый, тяжелый.

— Что вы сказали?

— Слава, у вас стало плохо со слухом? Пива предлагаю выпить. Контора откроется через час.

Владислав согнал с лица устрашающую гримасу и сказал:

— Вы мне не поможете? — Голос прозвучал у него почти заискивающе.

— Сейчас у меня во рту горько. А после двух кружек... — Фризе улыбнулся. — Если только денег в долг не попросите, может, и помогу.

Мухин оглянулся на дверь конторы «Чедока», на огромное окно, в котором мигали белые и красные цифирьки, сообщающие о курсах долларов и крон на международных валютных биржах.

— Заметано.

Не сговариваясь, они двинулись вдоль реки к гостинице «Тер-

маль», где познакомились впервые, и устроились в баре на первом этаже. Кельнер в белоснежном пиджаке тут же поставил перед ними бокалы с янтарным «Пльзенским».

— Решили отвалить? — наугад спросил Фризе, расправившись с первым бокалом.

Мухин долго молчал. Сквозь рыжеватые бакенбарды было видно, как пульсировал алый шрам возле уха.

— А что мне делать? Мельник увял. Сейчас ихние душманы начнут шмон. Кто да что?! И наткнутся на меня.

Фризе попал в точку, предположив, ради чего Мухин с утра пораньше топчется перед «Чедоком».

— Полицейские сказали, что Мельник упал с обрыва.

— Лапшу надвинули. Грохнули его. Приличным глушарем приварили. — Сегодня Мухин даже не пытался подбирать слова. Жаргон так и лез из него.

— И Татьяна мне сказала, что Мельник разбился. Упал с обрыва.

— Твою ласточку слушаешь, — Мухин неожиданно перешел на «ты», — далеко можно залететь. Я видел, как тот мужик, что с вами за столиком сидит, по парку шастал.

— «Пармезан»? Ночью?

— Да! Этот «Бельмондо» еще тот проныра! Так ты мне поможешь, «историк»?

— За билетом сходить?

— Да.

— Не дури. Если с Мельником что-то нечисто и полиция начала следствие, тебя сразу же хватятся. Предположим, Мельника, как ты говоришь, убили. Зададут себе полицейские вопрос: почему земляк убитого Мухин в тот же день улизнул с курорта?

— Тамбовский волк ему земляк! Пока они вопросы задают, я уже в Москве буду. Аллюр три креста!

— Если ты в это дело не вляпался, пей спокойно минеральную воду.

— С тобой попьешь минеральную! — Мухин с необычной для него, почти нежной улыбкой посмотрел на бокал с пивом и залпом выпил.

— Кто будет приглядываться к твоим татуировкам? В путевке сказано, сколько раз ты в колонии сидел? Она у тебя такая же, как у других. И паспорт чистый.

— Да думал я, думал обо всем этом! Прикидывал. Не пальцем деланный. И решил — от греха подальше.

— Если чист — зря.

— Сука буду! — буркнул Мухин и тут же плюнул в сердцах. — Чуть менту не поклялся!

— Я тебе говорил, что к милиции никакого отношения не имею?

— Говорил. — Владислав криво усмехнулся. — Сказал бы лучше, какого сазана здесь пасешь? Не рыжего из Гранд-отеля?

В Гранд-отеле жил рыжий Минутко.

Доказывать что-либо Мухину было бесполезно.

— Думаешь, после двух бокалов пива язык развяжу? Не надейся! Никогда не узнаешь, кого пасу.

Похоже, эти слова убедили Мухина. Лицо его разгладилось, исчезли даже морщины на лбу, Улыбнувшись, он сказал:

— Пасешь свою телку. Это я вижу. А нос суешь повсюду! По прокурорской привычке? Ладно, ты меня убедил, «историк». Еще по мензурке?

ЛИЗАВЕТА ОШИБАЕТСЯ?

Высокая темноволосая девушка, встретившись с ним глазами, приветливо улыбнулась. Но в ее глазах застыл непонятный упрек. «Где-то я с ней встречался...» — подумал Владимир и тут же шагнул навстречу. Это была Лизавета — уложенные копной волосы совсем изменили ее облик.

Лизавета держала в руке букет ярких садовых ромашек — белых, лиловых, оранжевых и даже черных. Целуя девушку в щеку, Фризе подумал: « Попрошу ромашку и погадаю, чего ради этот проклятый Мухин явился спозаранку к турагентству? Сэкономлю массу серых клеток!»

— Беглец, — шепнула Лизавета, — заставил лить слезы.

— Про слезы расскажешь потом. — Фризе показал на крошечный скверик над Тржищем — Рыночной площадью. Там всегда можно было найти несколько пустых скамеек. — Есть серьезный разговор.

Они поднялись по крутой улочке и свернули направо. В скверике и впрямь не было ни души.

— Лизавета...

Фризе собирался спросить, не работает ли она на немецкую криминальную полицию? Несколько мелких штрихов в поведении девушки заставили его задуматься над такой возможностью. Так почему бы не задать прямой вопрос?!

— Лизавета... — повторил Владимир, вглядываясь в ее лицо.

Утреннее солнце высветило еле заметные морщинки у глаз, упрямую складку на переносье. С лица ушла мягкость, так очаровавшая Фризе во время первой встречи. Сейчас на него смотрела молодая, красивая, но очень напряженная и усталая женщина.

— Я могу тебе чем-то помочь, Лизавета?

Интуиция подсказала ему: это самый верный путь, чтобы расставить все точки над «i» и укрепить доверие.

— Можешь, — ответила она по-русски. — Я и сама хотела просить об этом.

— Наркотики?

— Черт возьми! И ты тоже! Я догадывалась...

— Нет. Я здесь на отдыхе. И на этом поставим точку. Хочешь услышать клятву?

— Зачем? Если человек обманывает, не спасут никакие клятвы.

Фраза прозвучала так пессимистично, что Фризе улыбнулся. Спросил:

— Так в чем загвоздка?

— Загвоздка?

— Не бери в голову! Есть такое у нас словечко. Чем я могу помочь?

— Последние полгода из Карлсбада идет по всей Европе новый очень сильный наркотик. Его называют «Капли датского короля» и распространяют в бутылках «Млински прамен». Одна капля на кусок сахара...

— Можешь не продолжать. Слышал.

— Мы запрашивали чехов. Они не торопятся. — Лизавета опять перешла на немецкий. — А бутылки с «каплями» начинают наводнять Европу.

— «Мы» — это кто?

— Интерпол.

— Странно. Почему вы не сотрудничаете с нашим МВД? В Москве есть бюро Интерпола.

— Мы сотрудничаем. Но это такое странное сотрудничество. Ваши говорят: «Да, да, да!» Говорят: «Ученые изучают новое вещество. Изобретатель «капель» арестован». А потом мы узнаем, что он отпущен под подписку о невыезде. Нам даже не дали его фотографию!

— Говори о деле! — Фризе нахмурился.

— Володя! Посмотри на здание напротив. Там офис «Чедок».

Фризе повернул голову. У витрины агентства опять стоял Мухин. Изучал курсовую таблицу валют. Потом оглянулся по сторонам и вошел в контору. «Ай да Мухин! — восхитился Фризе. — Упрямый урка. Решил-таки слинять!»

— Ты его знаешь?

— Бывший уголовник. По-моему, хочет смыться.

— Почему?

— Вчера ночью рядом с «Империадом» нашли труп одного типа.

— Мельника?

— Ты и сама все знаешь.

— Если бы! Почему же хочет уехать этот человек?

— Он уголовник. Боится расследования. Первое подозрение всегда падает на людей с «биографией».

— Этот парень меня очень интересует. Я надеялась через него выйти на тех, кто провозит наркотик.

— А теперь он уедет.

— Надо узнать его маршрут.

— Я же не могу прийти в «Чедок» и спросить: на какой поезд вы продали билет господину Мухину?

— Мухину?

— Да. Его зовут Владислав Мухин. Ты этого не знала?

Лизавета не ответила. Она не сводила глаз с входа в агентство. Прошло не менее сорока минут, прежде чем Мухин вышел из дверей. Не оглядываясь, он зашагал в сторону фуникулера.

— Подожди здесь, — попросила Лизавета и положила на колени Фризе свой роскошный букет. — А я попробую выяснить, на какой поезд он взял билет.

По тому, с какой стремительностью девушка выскочила из дверей агентства, Фризе понял, что у нее есть серьезные новости. Лизавета кинула быстрый взгляд наверх, в сторону скверика, где

сидел Владимир, и подняла руку. Не то поправила прическу, не то отмахнулась от назойливой мухи.

Фризе догнал ее на набережной Теплы.

— Слава взял билет на западный экспресс, парижский. До Франкфурта. На сегодня.

— Разве поезд идет через Карловы Вары?

— Нет. Он останавливается в Мариенбаде. Мы должны поговорить с Мухиным.

«Мы должны» прозвучало в устах Лизаветы очень уверенно, а Фризе усмехнулся. Это не укрылось от внимания девушки.

— Ты обещал мне помочь.

— Я только спросил, не нужна ли тебе помощь. И в конце концов, куда ты несешься как угорелая?

— К моей машине. Она на стоянке у Гранд-отеля. А если ты не собираешься мне помочь, то зачем спрашивал?

— У немцев есть дурное качество: они слишком часто употребляют слова «должен», «должны», «должна». Лизавета, мне надо заглянуть в «Империл».

— Проведать свою пассию? — Не все, о чем говорил Владимир, ускользало от ее внимания.

На стоянке охранник, крупный пожилой мужчина, наверное, отставной военный или полицейский, приветливо разудлыбался, увидев Лизавету.

— С хорошей погодой, фрейлейн Кох! Ваша «голубка» в полном порядке. — Он поклонился Фризе, оглядев его быстрым, цепким взглядом.

Лизавета водила машину умело и легко.

— Не забудь про «Империл», — напомнил Фризе, когда они промчались мимо «Почтового Двора».

— А где же, по-твоему, мы будем искать Славу? — Она взглянула на часы, которые показывали одиннадцать. — Поезд останавливается в Мариенбаде в 13.40. Как ты думаешь, у Мухина есть деньги на такси? Ни на автобусе, ни на поезде попасть в Мариенбад он не успеет.

— Если у него есть деньги на билет до Франкфурта, то найдутся и на такси. И на остальные расходы тоже.

Они сделали большой круг и по Пражскому шоссе подъехали к санаторию. Припарковались неподалеку от кафе «У Имперала». Здесь машину нельзя было заметить из окна санатория. Возле входа в кафе стоял все тот же маленький грузовичок. Два паренька лет по пятнадцать-шестнадцать сгружали пластмассовые ящики с кока-колой и пивом. И с минеральной водой «Млински прамен».

— Пойдешь на разведку? — спросила Лизавета.

— Ты уверена, что тебе нужен Мухин?

Фризе заметил, как сердито блеснули ее глаза.

— Ты обещал мне помочь! А не докучать вопросами.

— Я уверен: Мухин к наркотикам не имеет никакого отношения. Ты сделаешь холостой выстрел.

Лизавета взяла с заднего сиденья сумочку, достала пачку фотографий и протянула Владимиру.

На одной из них Мухин разговаривал с седым пожилым муж-

чиной — сотрудником Администрации, — хорошо знакомым с Фризе по выпускам телевизионных новостей, многочисленным интервью, которые этот человек с унылым бабьим лицом раздавал тележурналистам. На фотографии у седого были испуганные, затравленные глаза. Мухин стоял вполоборота к снимавшему, и поэтому нельзя было увидеть, что он показывает чиновнику. Но он явно что-то показывал. На других фотографиях Мухин сидел в большой черный «мерседес», стоящий рядом с русским консульством, следил за красивым трехэтажным дворцом, утопавшим в зелени. Фризе знал, что в том дворце отдыхают высшие чины из правительства России. На одном из снимков Мухин спорил с молодым парнем, одетым в светлый мешковатый костюм. Казалось, что они вот-вот перейдут врукопашную. Фотография так ярко передавала эмоциональное состояние обоих, что Фризе не смог сдержать восхищения:

— Прекрасный снимок! Пошли на международную выставку.

— Спасибо. — Девушка произнесла «спасибо» с такой интонацией, что у него не оставалось сомнений — снимки делала сама Лизавета.

Парня, с которым собирался подраться Мухин, Фризе сразу узнал. Этот человек преградил ему путь к игорному столу в казино. Вернее, к тому месту, где играл сам шеф.

Еще на нескольких фотографиях Мухина запечатлели вместе с белообрывым рябым типом, упакованным в черную кожу с многочисленными металлическими бляшками и бахромой. Ни дать ни взять, представитель хэви-метала.

— А это что за пугало?

— Парень из Франкфурта. Крупный торговец наркотиками.

— И на свободе?

— Володя, разве все ваши знакомые воры сидят за решеткой?

— «Воры в законе», — поправил Фризе и поднял руки. Он вернул фотографии. — Но я остаюсь при своем мнении. Мухин не занимается наркотиками. Мне сказали, что он приехал потрясти денежных людей. И, наверное, делает это не в одиночку.

Едкая улыбка, которой его наградила Лизавета, словно бы говорила: «Ну вот, а ты мне врешь, что приехал сюда отдохнуть».

— Ты узнал седого?

— Узнал.

— Мы получили сообщение из Москвы, что он привез из Карлсбада огромную партию наркотика. А чуть раньше добился освобождения химика, который создал «капли».

— Но при чем здесь Мухин?

— Разве этого мало? — Лизавета показала на снимки.

— Я хочу знать, что ты скажешь Мухину, когда встретишься с ним.

— Покажу фотографии. И попрошу рассказать, что это значит.

— И он тебе все выложит?

— Мне «все» не требуется. Только одно: где этот химик по фамилии Зарайский? Если Мухин не ответит, тогда он поедет не во Франкфурт, а в Бонн. В наручниках.

У Фризе оставалась еще масса вопросов. Но задавать их не

было времени. Похоже, Лизавете хотелось поскорее выйти на производителей наркоты и ни с кем не делить лавры победительницы. «Неужели у них в Интерполе не нашлось крепкого парня?» — подумал Владимир и открыл дверь.

— Ты меня почти убедила.

— Узнай только — уехал или нет?

— Учишь меня, как работать?

— Не сердись! — Лизавета дотронулась до его руки. Ладонь у нее была холодная, просто ледяная. — Если нас видела твоя любовница, скажи ей, что встретил сестричку из Бонна.

Когда Фризе проходил мимо грузовичка, с которого все еще сгружали продукты, шофер, небритый толсторожий мужик, проводил его неприязненным взглядом. Уже сворачивая за угол здания, Владимир оглянулся и посмотрел на номер грузовичка. Он не ошибся — грузовичок был тот же самый, что стоял у лесного дома.

ССОРА

За стойкой администратора неумолимая и благожелательная Иржина принимала очередную группу курортников из России. Их было человек десять или чуть больше.

— Володя, ключ?

Он кивнул, чувствуя на себе любопытные взгляды новичков. Девушка отыскала ключ от его номера и подала Фризе.

— Скажи, Иржина, Мухин у себя?

— Мухин?

— Из номера 26.

— Ах, этот... — Иржина наморщила свой маленький носик. По-видимому, этого пана она не очень-то жаловала. — Недавно поднялся к себе. Сказал, что не выспался. Будет отдыхать.

Фризе поднялся на лифте на второй этаж. Постучал в дверь двадцать шестого номера. Никто не откликнулся.

В соседнем номере горничная проводила уборку.

— В двадцать шестом вы еще не убрали?

— Нет. — У горничной, молодой женщины лет двадцати пяти, было некрасивое, но очень приветливое лицо и смешливые глаза. — Вы там живете?

— Мой знакомый. Сказал зайти за ним, а сам не отвечает.

— Может быть, ушел?

— А может быть, уснул. Вы не заглянете к нему?

Горничная кивнула и достала из кармана связку ключей. Она несколько раз осторожно постучала в дверь и, секунду помедлив, открыла ее.

Спросила, прежде чем войти:

— Пан дома?

Никто не отозвался, и тогда она шагнула в комнату. Фризе вошел следом.

Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы определить — хозяин съехал. Дверцы пустого шкафа распахнуты, на незастланной кровати — ворох пустых пакетов, обрывки бумаги. Батарея пустых бутылок из-под водки и пива в раскрытой тумбочке.

Горничная повернулась к Фризе:

— Меня не предупредили, что он уезжает.

— Может быть, на пару дней в Прагу? — на всякий случай сказал Владимир.

Он поднялся на этаж выше. Татьяны не было ни в своем номере, ни у него. «Загорает девушка, — с неожиданным для себя ревнивым чувством подумал он. — И опять, наверное, демонстрирует свои прелести «Пармезану».

Он тут же постарался выкинуть эти глупости из головы. Сейчас его занимал Мухин. Фризе уже не сомневался, что под обликом грубого простоватого урки скрывается умный, расчетливый человек.

— Славы нет, — сказал Владимир, отвечая на немой вопрос, застывший в глазах Лизаветы. — Собрал вещи и съехал.

Он сел рядом с девушкой на сиденье. Ему вдруг нестерпимо захотелось закурить. Трубка и табак остались в номере, и Фризе, в надежде найти сигареты, открыл бардачок. Сигарет там не было. Вместо них он обнаружил пистолет в легкой кобуре и лайковые серые перчатки.

— Ого! Джентльменский набор. А склянка с ядом?

— Как же он ушел из санатория? — пробормотала немка, не обратив внимания на поиски Фризе. — У него было форы не больше десяти минут.

— Здесь есть и другие выходы. Тебе, наверное, известно.

— Может быть, он пережидает в номере сообщника? — Она взглянула на часы. — Мы не можем рисковать. Едем. Мы успеваем перехватить его в Мариенбаде.

— А когда идет поезд на Прагу?

— Отходит через две минуты. Зачем он тебе?

— Я уверен: Мухин едет в Москву.

— Но он же брал билет на Франкфурт!

— Скажи мне, Лизавета — настоящее твое имя?

— Что?

— Не расслышала?

— У меня прекрасный слух. И все остальное в полном порядке.

— О! От всего остального я в восторге. Можешь мне назвать свое настоящее имя? Лизхен? Элиза?

— Ли-за-ве-та. Это папина причуда. Едем?

Когда они выезжали на Пражское шоссе, Лизавета притормозила:

— Ты и правда уверен?

— Лиза!

— Он не производит впечатление большого хитреца.

— А я?

Лизавета посмотрела на Фризе долгим оценивающим взглядом и улыбнулась:

— Тебе я не доверила бы и свою шляпку.

Она повернула направо. В сторону Праги.

— Если Слава поехал во Франкфурт, я успею позвонить и наши арестуют его там.

Лизавета тоже умела просчитывать.

— В Праге есть ваши?

— Да. Большое бюро.

— Тогда останови машину. Справитесь без меня.

У большого дорожного знака с надписью «Город Бохов» девушка съехала на обочину и остановила машину.

— Ты хочешь действовать самостоятельно? Меня посылаешь в Прагу, а сам поедешь в Мариенбад?

— Я никуда не поеду. Ни в Мариански Лазне, ни в Прагу. Буду пить воду и отдыхать. Неужели непонятно?

— Я тебе не верю, Володя!

— Володя?! Господин Фризе. Если мы когда-нибудь случайно встретимся, называй меня только так. Господин Фризе. — Он выскочил из машины и, не оглянувшись, пошагал назад в сторону Карловых Вар. Недавно уложенный на обочине щебень противно скрипел под подошвами мокасин.

С резким скрипом тормозов и визгом покрышек, прямо под носом у «камина», развернулась белая машина Лизаветы. Девушка высунулась из окна и что-то кричала. Фризе не разобрал ни слова, потому что «камин» в этот момент пронесся мимо, и взбешенный водитель изо всей силы давил на клаксон.

Грузовик промчался, взвихрив пыль на асфальте.

Лизавета, раскрасневшись от гнева, сердито смотрела на Владимира.

— Свинья! И ты еще смеешь обижаться?! — крикнула она. — Ты, ты... Меня за всю жизнь никто так не обижал, как ты! Я, дура, стерпела. Можешь убраться к своей корове. Вот тебе деньги на билет! Катись к ней побыстрее. — Она кинула на дорогу банкноту. Воздушная волна от очередного «дальнобойщика» взметнула бумажку над дорогой и понесла в сторону города Бохова, в котором Фризе никогда не бывал. Вслед за банкнотой умчалась и Лизавета.

БАГАЖНАЯ КВИТАНЦИЯ

В Карловых Варах два железнодорожных вокзала. Верхний и Нижний. Поезда из Праги, к которым прицепляют вагон «Москва—Карловы Вары», прибывают на Нижний. Скорее всего здесь Мельник и оставил свои вещи. Чего ради потащился бы он на другой вокзал? Да там могло и не быть камеры хранения.

Фризе решил начать с Нижнего вокзала. Правда, слово «решил» можно было употребить лишь с большими оговорками. Он начал бы с Нижнего вокзала, если бы любопытство взяло верх над здравым смыслом и осмотрительностью. А пока Владимир пребывал в сомнениях.

Проще всего было чиркнуть спичкой и сжечь обе квитанции — пражскую и карловарскую. И тогда через некоторое время — Фризе не знал, какие порядки существуют на чешских железных дорогах, но был уверен, что багаж и здесь не хранится вечно, — педантичные служители вскрыют вещи Мельника и составят подробную опись содержимого. И если содержимое окажется подозрительным, криминальным, а именно это подозревал Фризе, будут призваны полицейские. К биографии Мельника добавится еще один криминальный штрих.

Но Фризе к тому времени и думать забудет о своем тревожном отдыхе в Карловых Варах, о Мельнике и, может быть, даже о Татьяне.

А сейчас Татьяна была рядом. Тихая и ласковая от того, что Владимир уже несколько дней никуда не отлучался, не пропадал по ночам. Если она и догадывалась, что в мыслях он временами находится далеко, то никак не показывала этого, не надоедала вопросами.

«А если я все-таки пойду на вокзал? — рассуждал Фризе. — Человек, пытавшийся проникнуть в комнату Мельника, вполне возможно, охотился и за багажной квитанцией. И, потерпев фиаско, следит теперь, кто из обитателей «Империала» придет забирать вещи».

На этот аргумент у Фризе имелся контраргумент — а кто мешает ему самому понаблюдать за вокзалом? Вдруг мелькнет возле багажного отделения чья-нибудь знакомая фигура?

Следующее неудобство заключалось в том, что Мельника мог запомнить служащий, выдающий чемоданы. И у него возникнут сомнения, когда за вещами придет незнакомый человек. Служащий может потребовать паспорт. Послать Татьяну? Бывает же, когда вместо мужа приходит жена? Но Фризе не созрел до того, чтобы посвящать приятельницу в свои дела. А главное — не хотел подвергать ее риску.

Обстоятельства складывались так, что самым разумным было достать из ящика прикроватной тумбочки спички и зажечь маленький костер.

«Но тогда, — усмехнулся Фризе, — следует сжечь не только багажные квитанции, но и мое удостоверение частного детектива. Закатанное в полиэтиленовую пленку, оно горело бы классно».

В вестибюле Фризе окликнул «Пармезан»:

— Владимир Петрович! На прогулку? Один?

Фризе кивнул.

— Возьмете меня?

— Конечно.

Когда они вышли из подъезда, Сигуранец спросил:

— В горы?

— В долины. На Нижний вокзал. — Фризе решил, что его появление там вместе с «Пармезаном» не вызовет подозрения, если кто-то следит за камерой хранения.

— Что вы там забыли?

— Забыл, как гудят поезда.

— С удовольствием составлю вам компанию. Я ведь самолетом, самолетом. Железные дороги вижу только из иллюминатора.

Они не спеша двинулись по широкой аллее, заполненной отдыхающими. Немецкий, русский и чешский языки преобладали. Фризе уже в первые дни после приезда отметил, что приезжие из России мало чем отличаются от остальной публики: ведут себя раскованно, не пытаются щеголять днем в вызывающе дорогих костюмах, предпочитают простую удобную одежду. Но обязательно — известных фирм.

— Прекрасный городок! — сказал Сигуранец, когда они свернули на широкую улицу Чешской Армии. — Удивляюсь, что наши деловые люди толпами валят на Кипр, в Испанию. Обзаводятся дорогими виллами. Там же климат для нас неподходящий! То ли дело Чехия! Карловы Вары. Климат мягкий, невысокие горы радуют глаз, минеральные источники. До любой европейской столицы рукой подать. Вам известно, Владимир Петрович, что недалеко отсюда географический центр Европы? Даже обелиск установлен.

— Вы с таким азартом говорите о Карловых Варах, что у меня появилась мысль: не собираетесь ли здесь поселиться?

— Я вообще человек азартный. — «Пармезан» усмехнулся. — Как знать? Может быть, и куплю себе домик с участком. Присматриваюсь.

Привокзальный ресторан поразил полным отсутствием посетителей. Владимир даже засомневался, можно ли здесь получить приличный бифштекс. Но по тому, как тепло приветствовал Петра Григорьевича долговязый молодой официант, он понял: Сигуранец здесь частый гость, и бифштекс им приготовят отменный.

Фризе не ошибся.

— Владимир Петрович, как удается историкам сводить нынче концы с концами? Да еще лечиться на модном курорте? — Сигуранец уже не впервые пытался выспросить у Фризе подробности о его жизни в Москве.

— Мне переплачивают за рост.

— А без шуток?

— Зарплаты хватает только на то, чтобы заплатить за квартиру. А живу на частные уроки.

— Это кому-то еще нужно? Уроки по истории?

— По немецкому языку. Немецкий — мой второй язык.

— Ах, вот в чем дело! Но с вашим знанием языка и эрудицией вы могли бы найти себе работу попрестижнее. Даже в сферах! В команде большого начальства. У меня, кстати, есть возможность помочь. Без трепа. Одного звонка хватит.

— Спасибо. Предпочитаю вольницу.

— Напрасно, напрасно.

Неожиданно «Пармезан» забеспокоился. Взглянул на часы, покачал головой.

— Ох, я заболтался! А в четыре у меня встреча. Придется вам кофе пить в одиночестве.

Они уже заказали официанту кофе и рюмку коньяку Фризе. Владимир подумал о том, что без своего разговорчивого собеседника выпьет кофе с большим удовольствием, но для порядка сказал:

— Невелика потеря. Можно уйти и без кофе.

— Нет, нет. Я знаю, что вы кофеман. И не беспокойтесь о счете. Сегодня угощаю я. — Сигуранец поднялся. — Не проспите завтра утренние процедуры!

На несколько минут он скрылся за служебной дверью — расплачивался с официантом. Потом вновь появился. Приветственно помахал Владимиру и пошел к выходу.

Официант принес кофейник и две рюмки коньяку.

— Пан просил выпить за его здоровье. Обед оплачен. Что-нибудь еще?

— Где у вас уборная?

— Рядом. В зале ожидания.

Огромные окна зала ожидания были недавно вымыты. Остановившись у одного из них, Владимир внимательно оглядел привокзальную площадь. Справа, на небольшом базарчике, все еще толпился народ. У автобусных остановок выстроилась целая кавалькада автобусов. Водители, сбившись в кучку, обсуждали какие-то свои проблемы. Сигуранца Владимир не увидел. Скорее всего тот слился с толпой на базаре. Или уехал на машине.

Дверь камеры хранения была открыта. Полная женщина сидела за барьером, читала газету. Фризе поздоровался. Протянул квитанцию. Сказал деловито:

— Понадобилось кое-что. Совсем забирать не буду.

— Да, да! — Женщина понимающе кивнула и пошла вдоль полок с чемоданами и сумками, время от времени заглядывая в квитанцию. И через минуту поставила на стойку наимоднейший кожаный сундучок — фотокорреспонденты носят в похожих сундучках свою аппаратуру и называют кофрами. Некоторые молодые люди «повышенной крутизны» любят ездить с такими кофрами на близкие расстояния, например, на «Стреле» в Питер. Фризе и сам однажды польстился на такой сундучок, подержал в руке, прикинул, но не купил. «Сундучок» оказался ему неудобным. Чтобы его нести, приходилось отводить руку. Именно с таким кофром бежал Мельник по перрону вокзала в Бресте.

Забрав кофр, Владимир отошел в сторону и поставил его на стол. Теперь оставалось узнать: подойдет ли найденный у Мельника ключ? Идти в санаторий с кофром и пытаться его взломать в номере или где-то в парке Фризе не мог. Сундучок был слишком приметным.

Ключ подошел.

Сверху лежало несколько новых рубашек в целлофановой упаковке. Под рубашками, тоже в упаковке, находились пуловер приятного кремового цвета, брюки. Электробритва «Филипс» и небольшой кожаный несессер с парфюмерией дополняли джентльменский набор. В любой момент Мельник мог налегке прийти на вокзал, взять свой модный кофр и садиться в поезд. И ехать в Париж, в Прагу, в Бонн.

На дне кофра, плотно упакованные в полиэтиленовый пакет, проложенные газетами, лежали четыре бутылки «Млинского прамена».

«Капли датского короля», — догадался Фризе. Ему показалось, что прозрачная жидкость ничем не отличается от настоящей минеральной воды. Он резко тряхнул пакет. Привычные пузырьки газа отсутствовали.

Все остальное свободное место в кофре заполняли пачки денег в банковской упаковке. Доллары, марки, франки.

Фризе закрыл кофр. Поставил на стойку перед женщиной, которая опять читала газету, медленно шевеля губами.

— Спасибо, пани. Пусть еще попылится.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Утром в дверь постучали.

— Владимир Петро-о-вич! Пора пить водичку! — пропел сладеньким голосом «Пармезан».

Два дня он не появился и не докучал Владимиру своими нудными рассуждениями.

Фризе уже проснулся и смотрел, как Татьяна расхаживает по комнате, собираясь на утренние процедуры. Весь ее наряд составляло махровое полотенце, повязанное на бедрах. Выглядела Татьяна очень соблазнительно.

— Владимир Петро-о-вич!

Фризе усмехнулся. «Ну, ну, «Пармезан»! Ты у меня докричишься!» Подождав, пока шаги Сигуранца стихли в направлении лифта, спросил:

— Татьяна, у тебя завтра много процедур?

— Есть, миленький.

— Утром или днем?

— Кажется, утром. А что?

— Может быть, завтра в честь моего дня рождения мы как следует выспимся?

— Володя! У тебя день рождения? Мы устроим такой праздник! Закатимся в ресторан, потанцуем. А сколько тебе стукнет?

— Тридцать пять.

— Володька, так это же юбилей! Нет, походом в ресторан не обойтись!

Татьяна появилась в комнате уже одетая, с легким макияжем на лице. Фризе удивился, к чему эти парфюмерные тонкости, если идешь купаться в ванной и париться в сауне. Но у Татьяны на все были свои понятия.

— Соберем компанию в кафе «У Импернала»!

— Ой! — Татьяна состроила кислую гримасу. — Никакого шику!

— Зато уютно. Прямо под боком. Тебе же это кафе нравится. А приглашать дюжину гостей в дорогой ресторан — «капусты» не хватит.

— Я могу сделать тебе подарок?

— Даже обязана. Не ходить завтра утром на процедуры.

— Ресторан я беру на себя. Что мне, солить доллары?!

— Если ты еще раз предложишь мне деньги, вылетишь с этого балкона. Я не альфонс. Заруби себе на носу.

— Ой-ой-ой! Какие мы сердитые! — Татьяна схватила полиэтиленовый пакет с полотенцем и прочими курортно-банными принадлежностями и выскочила из комнаты. Через секунду дверь открылась. — Володечка, а кто такой альфонс?

Фризе кинул в нее подушкой, и дверь закрылась, чтобы тут же открыться снова.

— Володя, я согласна. В нашем кафе можно все устроить очень мило. Если договориться — мы будем одни. Беру это на себя.

Она исчезла, не дожидаясь ответа.

«Уже к обеду все знакомые будут знать, что завтра у меня

юбилей.— подумал Фризе.— Вот только как быть с Вацлавом Петрачеком?»

Чем больше Владимир думал о нем, тем больше на него сердился. Как ни кинь, поступок полицейского отдавал подлянкой. Да, Фризе для него человек незнакомый, может быть, и подозрительный. И проверить, почему он сует свой нос в полицейские дела,— служебный долг. Тогда зачем было изображать из себя радушного хозяина? Кормить и поить. И уложить спать в собственном доме. А за спиной посылать оперативника для проверки?

Владимиру нелегко давался компромисс. Даже на службе, в прокуратуре, он переставал замечать сослуживца, если убеждался в его неискренности. Жизнь осложнялась, но Фризе получал удовлетворение в том, что не поступался принципами.

Сейчас, чтобы заглянуть к Петрачеку и пригласить его на вечеринку, следовало сделать вид, что ничего не произошло.

— Владимир Петрович, у вас завтра юбилей? — «Пармезан» окинул Владимира внимательным взглядом, словно хотел убедиться, соответствует ли Фризе своим годам. — Танечка мне шепнула.

— Да, Петр Григорьевич, еще один год записываю в пассив.

— В актив, Владимир Петрович! А если бы побольше думали о здоровье...

— Заглянете на огонек? — прервал его Фризе.

— Сочту за честь. Танюша намекнула, что празднование состоится в кафе «У Империаля»?

— Да. Она взяла на себя все хлопоты.

— Милая женщина. И, по моим наблюдениям, симпатизирует вам.

— Симпатизантка.

— Вы смеетесь, Владимир Петрович, а ведь курортный срок такой короткий! Вдруг она влюбится в вас по-настоящему? Трудно будет расставаться.

— А мы последуем вашему примеру. Будем жить в «Империаля», пока деньги не кончатся.

— Вы шутите.

Раскрасневшаяся после сауны, Татьяна остановилась рядом с их столиком. Сигуранец галантно подставил ей стул.

— Принести вам кофе погорячей?

— А-а! — небрежно отмахнулась девушка. — Это разве кофе? Выпьем в городе. — И обратилась к Фризе: — Володя, я договорилась с владельцем кафе. Он же и бармен. Все о'кей! До двенадцати нужно согласовать с ним меню и внести аванс.

— Владимир Петрович пригласил и меня, — доложил Сигуранец.

— Вы наш главный гость. — Татьяна говорила громко, и курортники, завтракавшие за соседним столиком, наострили уши. Фризе претила ее привычка «работать на публику», но сейчас он смолчал.

— Пойдем, Володя? Я только на минутку загляну в свой номер. Переодеться.

Они встали. Сегодня «Пармезан» даже не попытался навязать себя в сопровождающие.

— Прежде всего состав гостей,— начала Татьяна.

— Номер первый,— торжественно провозгласил Фризе.— Татьяна Николаевна Соловьева.

Анна Павловна, «Пармезан», доктор Пименов и даже Иржина, дежурный администратор санатория, не вызывали никаких вопросов и тут же были занесены в список приглашенных. Петрачек и его жена Алена заняли свое место в списке гостей с боем. Особенно Алена.

— Это тот усатый чех, с которым я видела тебя около ресторана?

— Нет, это совсем другой человек. Он тебе понравится.

— А тебе нравится его жена?

— Не говори глупостей. Мне нравишься ты. Особенно в таком наряде. И нечего спорить — эта пара под большим вопросом. У Петрачека много работы. Он может и не прийти.

— А где он работает?

— На заводе. Производит «Бехеровку». Если ты понравишься Вацлаву, увезешь в Москву секрет ее изготовления.

— Ой, как интересно! — Упоминание о «Бехеровке» примирило Татьяну с Петрачеками.

О Лизавете Фризе решил не говорить. Зарезервировал лишнее место.

— Разносолов там не готовят,— предупредила Татьяна, когда они перешли к составлению меню.— Бармен мне перечислил — ничего выдающегося. Их гордость — жареная форель.

— Ты сама и решишь, что заказать.— Фризе положил перед Татьяной деньги.— А у меня два дела в городе.

Петрачек опять удивил Владимира. Как только дежурный доложил ему по внутреннему телефону о том, что пришел пан Фризе, Вацлав появился в дверях своего кабинета.

— Володя! Рад тебя видеть! — На этот раз полицейский не пытался изображать, что плохо знает русский. Говорил без акцента. Совсем как у себя дома.

— У меня завтра день рождения,— сообщил Фризе.

— Прекрасный повод посидеть за столом! — обрадовался Петрачек.— Отпразднуешь в чешской семье! Наверное, раньше такого с тобой не приключалось?

— Я пришел, чтобы пригласить тебя с Аленой. Будет человек шесть-семь курортников из России.

— Только мужчины?

— Не беспокойся за жену. Будут и курортницы. И, наверное, дежурный администратор «Империи» Иржина.

— Иржина Новакова?

Похоже, Петрачек хорошо знал персонал «Империи».

— Я фамилию у нее не спрашивал. Иржина — очаровательная женщина.

— Да, это она, Новакова. И еще будут женщины?

— Будут. Часам к семи сможете подъехать?

Вацлав на секунду задумался.

— Сможем. Никаких особых планов на завтрашний вечер у

меня нет. — Он тут же суеверно постучал костяшками пальцев по деревянной столешнице. — Тьфу, тьфу! Где состоится прием?

— Кафе «У Имперяла». Знаешь?

Петрачек кивнул.

— Не Бог весть что, но мы будем одни.

Легкая тень сомнения пробежала по лицу полицейского. И тут же исчезла.

— Хорошо. Очень хорошо. Просто замечательно.

Фризе почувствовал, что у Петрачека есть и свой интерес к заведению, в котором намечалось празднование юбилея. Такой быстрый поворот в настроении от сомнения к удовлетворению не мог быть случайным.

Постучав в дверь роскошных апартаментов Лизаветы, Фризе услышал:

— Я занята!

— До конца года?

Лизавета не ответила. Владимир уже собирался уходить, но в этот момент дверь распахнулась.

— Тебя я рада видеть в любое время.

Как будто и не было их ссоры на Пражском шоссе.

Она пропустила Владимира в комнату, закрыла дверь на задвижку и, подойдя к своей широченной кровати, легла. Наверное, она лежала и до его прихода. На прикроватной тумбочке стояла бутылка апельсинового сока, на тарелке два бутерброда с сыром. А на одеяле — яркой обложкой вверх раскрытая книга. Аркадий Адамов. «Стая». На русском языке.

Перехватив взгляд Фризе, Лизавета сказала с усмешкой:

— Хочь понять психологию русских уголовников.

— Для этого надо пару месяцев провести в тюрьме.

Фризе сел в кресло.

— Володя, ты был прав. На сто процентов. Слава оказался крепким орешком.

— Он сел на парижский поезд?

— Нет. На пражский. Ты и в этом все просчитал верно. Мои коллеги из пражского бюро задержали его, когда он садился в московский поезд. Никаких наркотиков.

— Я тебя предупреждал.

— Да! Да! Да! Предупреждал! Все настолько совпало, что у меня zakралось сомнение: уж не ты ли свистнул этому проклятому Мухину?

— Вы его отпустили?

— Извинились и купили новый билет на поезд.

— Не огорчайся, принцесса! — ласково сказал Фризе.

— Принцесса?! Ты назвал меня принцессой?

— Да. На этой роскошной кровати ты напомнила мне принцессу из сказки. Принцессу на горошине.

— Правда, Володя? Ты очень любезен. И эта горошина — чертов наркотик! Спасибо.

— Будет и на твоей улице праздник, госпожа Бонд. — Заметив, что девушка вот-вот сорвется, он добавил: — Очень красивая госпожа. Поэтому приглашаю тебя завтра на день рождения. Придешь?

— Твоя пассия не выцарапает мне глаза? — Лизавета даже не поинтересовалась, сколько же лет исполнится завтра Фризе.

«ТЕТЕ ХАНУМ СОВСЕМ ПЛОХО» *

Днем Фризе увидел Татьяну только за обедом. Наскоро съев куриную котлету, она шепнула ему, что дел по горло, и исчезла.

— Наша приятельница с барменом Павлом готовит большой праздник, — прокомментировал Сигуранец. Его осведомленность не знала границ. — Я не покажусь вам излишне любопытным, если спрошу, кто еще удостоился приглашения?

— Вы, Петр Григорьевич, Таня, Анна Павловна, Иржина...

— Дежурный администратор? Очень милая дама.

— Один мой знакомый чех с женой. Тоже милой дамой. Пименов.

При упоминании Пименова на лице «Пармезана» появилась пренебрежительная гримаса.

— Прекрасно, прекрасно! А кто этот чех?

— Отличный мужик. Через несколько часов вы с ним познакомитесь.

— Володя! Чех действительно занимается «Бехеровкой»? — крикнул ему вдогонку Сигуранец.

В магазине художественных промыслов на улице Вржидельни Фризе купил красивую плетеную корзину с крышкой. Несмотря на то, что лоза была ошкурена и покрыта лаком, корзина еще хранила чуть терпкий запах ивы. «Наверное, чепки ходят с такими корзинами на рынок за овощами, — подумал он. — Будет мне память о Карловых Варах».

Следующий визит он нанес на вокзал, в багажное отделение. Там Фризе пробыл всего несколько минут и после этого зашел в цветочный магазин — купил два огромных букета.

В кафе «У Императора» он заглянул за полчаса до срока, на который назначил сбор.

На дверях висело объявление: «Закрито».

Никто из гостей еще не прибыл. В пустом зале мальчишка-официант протирал фужеры. Увидев Фризе, он почтительно поклонился:

— Поздравляю, пан!

Владимир поблагодарил.

— А где Павел?

Официант улыбнулся.

— Самый пиковый момент! Он следит, чтобы повар не передержал отбивные. Пану что-то нужно?

— Вазы для цветов. — Фризе показал на корзину, в которой лежали цветы.

— Момент! — Паренек скрылся за дверью служебного помещения. Владимир окинул взглядом стол. Все выглядело очень живо-

* «Тете Ханум совсем плохо» (жарг.) — Наркотик оказался некачественным, произошло недоразумение.

писно, и Фризе подумал с теплотой: «Без Татьяны здесь не обошлось».

Несколько бутылок водки, «Бехеровка», кока-кола и «Млински прамен» уже красовались среди тарелок с закусками. Владимир достал цветы из корзины, положил на сервировочный столик и прислушался, не возвращается ли официант.

Потом стремительно поменял две бутылки «Млинского прамена» со стола. Держал он бутылки очень аккуратно. За металлические колпачки.

«Вот будет номер, — мелькнула у него озорная мысль, — если первым причастится Петрачек!»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Фризе знал все туалеты, привезенные Татьяной на курорт. Их было много — похоже, она готовилась к поездке основательно и надеялась, что каждый день, проведенный в Карловых Варах, будет праздником. Девушка обладала чувством цвета — ее платья и костюмы прекрасно подходили к темному золоту ее волос, к зеленым глазам. Имелось у этих туалетов и еще одно достоинство — они занимали мало места. В небольшом чемоданчике уместилось не меньше двадцати платьев и костюмов. При всех достоинствах гардероб этот, по мнению Владимира, имел серьезный недостаток — платья прикрывали лишь малую часть Татьяниного тела.

Он не высказывал Татьяне недовольства. Но девушка чувствовала скрытое раздражение и догадывалась о его причине.

— Странно, — сказала она как-то во время прогулки. — Ты косишься на мои наряды, а мужу они очень нравятся. Он всегда говорит: «У тебя есть что показать этим ослам. Чего стесняться? Пускай завидуют».

И вот сегодня, постучав в дверь Татьяниного номера и увидев на пороге приятельницу, Фризе обомлел — перед ним стояла молодая красивая женщина в элегантном черном костюме из какого-то легкого материала, чуть отливающего синевой, словно крыло ворона. Узкая полоска плетеного белого кружева на воротнике и рукавах. Длинная узкая юбка. Золотые волосы гладко зачесаны на затылке в тугий узел.

Эту женщину можно было бы принять за представительницу процветающей фирмы. Или за супругу дипломата. И только зеленые глаза принадлежали прежней Татьяне. Сейчас она светилась радостью, потому что заметила восторг в лице любовника.

— До чего хороша! — прошептал Фризе. И был тут же вознагражден поцелуем.

Когда они спустились на лифте, Татьяна похвасталась:

— Этот костюм привезли из Праги. Ничего подходящего я здесь не нашла. Представляешь, вчера в магазине «Склон» все тряпки перемерила. И хозяйка позвонила в Прагу. Сегодня привезли. Тебе правда нравится?

— Чудо как хорош! А ты еще лучше!

У входа в кафе стояли администратор Иржина и Пименов.

При виде Татьяны Пименов улыбнулся по-хозяйски и поднял большой палец.

«Пармезан» расхаживал вдоль стола, по-хозяйски оглядывая закуску. В руках у него был высокий стакан с кока-колой, и у Фризе все внутри похолодело при мысли о том, что Сигуранец мог взять со стола и бутылку минералки.

Татьяне досталась новая порция комплиментов. А Фризе ворчливо заметил, что неплохо бы и виновнику торжества получить свою порцию внимания. Дверь открылась, и в зал заглянул Вацлав Петрачек. Из-за его спины робко выглядывала Алена.

— О! Какие гости! — Фризе взял под руку Татьяну и пошел навстречу.

У Вацлава в руках была плетеная корзинка. Такая же, какую приобрел Владимир. Только чуть-чуть поменьше.

— Маленький сувенир. — Он протянул корзинку Фризе. Крепко пожал руку. — От всего сердца желаю счастливых дней!

Корзинка показалась Владимиру увесистой, и он подумал, что не обошлось без пары бутылок «Бехеровки».

Алена, порозовевшая то ли от дороги, то ли от смущения, одетая в строгий твидовый костюм, вручила Владимиру букет белых лилий. Фризе наклонился, хотел поцеловать ей руку, но Алена обняла его и расцеловала в щеки.

Фризе повернулся к Татьяне.

— Это Таня. Мой друг и организатор торжества. — Он заметил, что Алена смотрит на девушку с доброй улыбкой.

— Алена и Вацлав — мои чешские друзья.

— А! Это, наверное, специалист по «Бехеровке!» — громогласно объявил Сигуранец.

Петрачек метнул на Фризе быстрый вопрошающий взгляд.

— Я намекнул Петру Григорьевичу, что ты владеешь секретом знаменитого ликера. Знакомьтесь. Петр Григорьевич Сигуранец — мой ангел-хранитель, неотступно следит за тем, чтобы я соблюдал режим.

Вацлав улыбнулся. Фризе показалось, что улыбка у полицейского получилась чересчур многозначительной.

Много позже, когда у Фризе появилось время для того, чтобы вспомнить в подробностях события памятного вечера, он понял: задуманная им операция висела на волоске. А «Пармезан», сам того не сознавая, помог ее осуществить.

Празднество набирало силу. Уже выпили за юбиляра шампанское и перешли к «Московской». Было шумно и весело.

Лизавета появилась с опозданием с огромным букетом чайных роз. Когда она вошла в кафе, Фризе произносил тост за милых дам. При виде новой гостьи с букетом у него мелькнула мысль о том, что за всю жизнь ему не подарили столько цветов, как сегодня.

Официант усадил Лизавету, и почти никто не обратил внимания на вновь прибывшую. Кроме Пименова, который тут же взял девушку под свою опеку.

И Сигуранца. Сотрудницу Интерпола Петр Григорьевич знал в лицо.

У него появилось жгучее желание встать из-за стола и подойти

к окну. Отдернуть штору, посмотреть, не стоит ли у подъезда парочка полицейских автомобилей. Ему стоило большого усилия воли остаться на месте, не запаниковать. Сигуранец налил полный фужер водки, выпил залпом и, задохнувшись, показал сидящему рядом Петрачеку на бутылку «Млинского прамена». Вацлав понимающе улыбнулся, открыл ее и плеснул жидкости в фужер.

Наверное, водка перебила знакомый Сигуранцу вкус наркотика. Он сделал несколько больших глотков и только тогда понял, что произошло.

Чувствуя, как слабеют ноги, тело становится невесомым, Петр Григорьевич затравленно обвел глазами присутствующих. Фризе показалось, что «Пармезан» смотрит на него.

— Ты, сука... Ты меня подставил!

Все замерли. Голос Сигуранца прозвучал резко и злобно, а лицо исказила бессмысленная улыбка. Он поднялся, сделал несколько шагов назад, чудом не споткнувшись о поваленный стул. Прислонился спиной к стене и сполз на пол.

— Что с ним? — Татьяна с испугом посмотрела на Фризе. — Он чем-то отравился?

— Понятия не имею. — Фризе уставился на то место, где только что сидел Сигуранец. Петрачек внимательно разглядывал фужер, из которого пил Петр Григорьевич. Потом обнюхал его, как породистый пойнтер.

Владимир поднялся из-за стола. И в это время, собрав последние силы, вскочил «Пармезан». Оттолкнув склонившуюся над ним Татьяну, он выхватил из-за ремня брзок пистолет и плохо слушающейся рукой начал его поднимать.

— «Пармезанчик»! Вы что? Сдурели? — Татьяна загородила Фризе.

Два выстрела прозвучали один за другим. Татьяну отбросило на руки к Владимиру, и он, подхватив девушку, с ужасом увидел, как заалели кружева на ее новом костюме.

Второй выстрел сделала Лизавета. Но Фризе показалось, что «Пармезан» умер еще до того, как пуля пробила ему грудь.

— Прошу никого не покидать помещение.

В напряженной тишине, повисшей в кафе после выстрелов, голос Петрачека прозвучал, как удар хлыста дрессировщика.

— Нужен врач! — крикнул Фризе. Прижимая к себе Татьяну, он старался платком задержать кровотечение. — Нужен врач. Срочно!

— У вас есть телефон? — Петрачек кивнул мальчишке-официанту, столбом застывшему посреди кафе с бутылкой шампанского в руке.

От ужаса официант не мог говорить и молча показал рукой на бар.

— Алена, срочно звони в «Скорую», — приказал Вацлав. — А потом в отдел. Пускай присылают усиленную группу.

— Пан начальник! — обратилась к Петрачеку Иржина. — В санатории есть дежурный врач. Пока едет «Скорая»...

— Хорошо, — согласился полицейский. Но в это время подал голос Пименов:

— Я врач. Хирург. А этим дамочкам из санатория здесь нечего делать. Упадут в обморок.

Петрачек быстро взглянул на Фризе. Тот кивнул.

— Хорошо, доктор, помогите, — согласился Вацлав и оглядел притихших, напуганных гостей.

— Возьмите стулья и сядьте вдоль стен. Подальше от стола. Пожалуйста, — попросил полицейский. И тут же спохватился: — А где та пани, что стреляла?

В суматохе никто не заметил, как исчезла Лизавета. И бармен Павел.

ДОЗНАНИЕ

Прошло минут сорок, а может быть, и больше, прежде чем приехала «Скорая помощь» и врачи увезли Татьяну в больницу. Все эти долгие минуты Фризе не замечал происходящее вокруг. Так по крайней мере ему казалось. Глядя на бледное, безжизненное лицо девушки, цепenea от ужаса, он с трудом удерживал себя, чтобы не разрыдаться. Ему казалось, что с каждой минутой тело Татьяны все холодеет и холодеет. И он боялся даже прикоснуться к ее пульсу, страшился не услышать его биения.

— Володя! — Перед ним стоял Пименов. — Ты чего так зажал девушку? Ей дышать тяжело. — Спокойный будничный голос Константина подействовал успокаивающе. — Ее надо положить на диван. — Пименов обвел взглядом зал, но ни дивана, ни кушетки здесь не было. — Где я видел диван? Молодой человек! — окликнул он официанта, сидевшего вместе с гостями вдоль стены. — Есть у вас диван?

— В фойе. — Официант продолжал сидеть, с опаской поглядывая на Петрачека, нервно прохаживающегося вдоль заставленного едой и бутылками стола.

Фризе поднял Татьяну на руки и пошел вслед за Пименовым. В крошечной прихожей, которую парнишка назвал так торжественно, стоял неказистый плюшевый диванчик. Владимир бережно положил на него Татьяну.

Хирург встал на колени, расстегнул пуговицы блузки. Девушка была без лифчика, и Константин, увидев ее грудь, прошептал восхищенно:

— Бог мой! Какая прелесть!

Фризе с трудом удержался, чтобы не отвесить ему оплеуху. Но в то же время подумал: Костя не стал бы шутить, если Татьяниной жизни угрожала опасность. А хирурги все циники.

Небольшая ранка чуть выше правой груди все еще кровоточила.

— Жить будет! — весело сказал Пименов. — Таких красивых женщин грех хоронить. Ты чего стоишь столбом? Принеси полотенце. Или салфетку.

Хмурый Петрачек все еще расхаживал по залу.

— Володя, как дела? — спросила Алена.

— Хирург говорит — жить будет.

Алена заплакала, и Петрачек метнул на нее суровый взгляд.

Официант нашел в аптечке широкий пластырь.

— Умница, — похвалил Пименов, увидев его в руках Владимира. — Сейчас мы вашу девушку заклеим — и в больницу. А пулю пусть уж они достают сами.

Когда хирург заклеивал рану, Татьяна застонала.

— Больно, — прошептала она.

— Терпи.

— Вот гад! — Голос у Татьяны был слабый. — Грудь не задел?

И тут она увидела Фризе.

— Володя, на тебе ж лица нет!

Она опять впала в забытие.

Полиция приехала раньше, чем «скорая». Несколько офицеров в форме, двое мужчин и женщина средних лет в штатском. Наверное, она была судмедэкспертом, потому что, остановившись рядом с диваном, на котором лежала Татьяна, спросила почески:

— Что с ней?

— Пулевое ранение в грудь.

— «Скорую» вызвали?

— Она у вас не слишком «скорая».

— Кто-нибудь еще пострадал?

Пименов кивнул на дверь и сказал:

— Один уже отстрадал.

Фризе подумал о том, что употреблять это слово по отношению к «Пармезану» кощунственно. Но для Пименова Сигуранец был обыкновенным человеком.

Женщина внимательно взгляделась в лицо Татьяны и ушла в зал. Вслед за своими коллегами.

Приехала «скорая». Два молоденьких санитаря, наверное, студенты, положили Татьяну на носилки. Она встретилась глазами с Фризе. Улыбнулась слабой, заметной только ему одному, улыбкой.

— Володя, та тетка из полиции?

— Да. — Он понял, кого имела в виду девушка, но не стал вдаваться в подробности.

— Она меня спасла, правда?

— Спасла, — машинально повторил он и только сейчас осознал, да, действительно спасла. И не только Татьяну. Ведь в обойме пистолета, из которого стрелял «Пармезан», имелся не один патрон.

— Боже! Через неделю заканчивается путевка! — огорченно прошептала девушка. И добавила: — Такой стол я устроила!

В кафе Фризе застал знакомую картину. Сотрудники полиции проводили рутинные следственные действия: фотографировали труп, с предельной тщательностью снимали отпечатки пальцев с бутылок «Млинского прамена».

«Моих вы там не найдете», — усмехнулся Владимир.

Из двери, ведущей в служебное помещение, вышла Алена Петрачкова. Следователи допрашивали там участников вечеринки. Вслед за Аленой появился один из полицейских и пригласил Иржину. Своих земляков полицейские допрашивали первыми.

Увидев Фризе, Петрачекова спросила:

— Как она?

— Горюет, что закуски пропадут.

После Иржины на допрос пригласили Фризе.

В маленькой комнатке рядом с кухней стоял крохотный стол с одной тумбой и три стула. За столом сидел пожилой офицер в форме, на одном из стульев — Петрачек. Третий стул предложили Фризе.

— Паспорт у вас с собой? — спросил пожилой следователь.

Фризе достал из внутреннего кармана паспорт, положил на стол. И порадовался, что в заграничном паспорте стоит только год рождения, а не точная дата.

— Я беспокоюсь за Лизавету Кох. — Фризе посмотрел на замкнутое, усталое лицо Петрачека. — С ней ничего не случилось?

— А что с ней может случиться? — Пожилой офицер поднял голову от своих записей и уставился на Владимира немигающими темными глазами. «Следователи-менты везде одинаковы, — подумал Фризе. — Умеют давить взглядом».

— Фрейлейн — сотрудница Интерпола. Я заметил, что исчез бармен...

— Не беспокойтесь, Фризе. С ней все в порядке, — сказал Петрачек. И, обращаясь к следователю, добавил: — Продолжайте.

— Откуда вам известно, что Кох — сотрудница Интерпола?

— Она сама мне об этом сказала.

— Сегодня у вас день рождения?

— Да.

— Он получился не очень удачным.

Фризе промолчал.

— Почему вы решили отметить его в этом кафе?

— Заказывать зал в ресторане мне не по карману. А здесь дешево и под боком.

— Вы сами составляли меню?

— Нет. Татьяна Соловьева.

— Почему?

— Женщина в этом больше разбирается. Вы так не считаете?

— Напитки тоже заказывала Соловьева?

— Да. Но мы предварительно обсудили, что заказать.

— И «Млински прамен»?

— Я бы предпочел «Боржоми». Но... — Фризе развел руками. — Пришлось заказать местную минералку.

— Вы большой любитель минеральной воды?

— В Москве люблю обедать с «Боржоми». В Карловых Варах мне хватает «Шпруделя».

— Хорошо знакомы с барменом?

— Видел дважды. Пил здесь пиво.

— Курортники из России — частые гости этого кафе?

— Понятия не имею.

— А чем вы объясните, что в это кафе приезжают большие чиновники из Москвы?

— А они приезжают?

Следователь наградил Фризе сердитым взглядом:

— С кем из участников вечеринки вы были знакомы до приезда в Карловы Вары?

— С Соловьевой мы ехали в одном вагоне.

— Сигуранец тоже ехал с вами?

— Нет! Он сидел со мной за одним обеденным столом.

— Вы много с ним беседовали?

— За столом Петр Григорьевич говорил о здоровье, о том, как важно соблюдать режим и пить минеральную воду. Его взгляды на курортное лечение, наверное, вас не интересуют.

— Нет! — отрезал следователь и взглянул на Петрачка.

Следователь вздохнул:

— Вы сказали, что на ужин в дорогом ресторане у вас нет средств. А потребовали от хозяина кафе, чтобы горячие блюда он привез из Гранд-отеля «Пупш».

— Об этом не могло быть и речи!

— Правда, Володя, — подтвердил Петрачек. — Это сделала Татьяна. Она не только красивая девушка, но и щедрая.

— Откуда же у нее столько денег? — В голосе следователя чувствовалась особая заинтересованность. Но Петрачек посмотрел на коллегу с осуждением. И больше к вопросу о деньгах не возвращались.

— Скажите, Фризе, что имел в виду Сигуранец, когда крикнул, что вы его подставили?

Фризе давно ждал этого вопроса. И удивлялся, что следователь отложил его на потом. Сам он предпочитал на допросах начинать с главного.

— Не знаю. Я не уверен, что Петр Григорьевич крикнул мне.

Полицейские переглянулись.

— Во-первых, между нами никогда не пробегала черная кошка. Никаких деловых отношений! Мы даже ухаживали за разными женщинами.

— Володя! Он же обращался к вам! — возмутился Петрачек.

— Во-первых, — как ни в чем не бывало, продолжал Фризе, — Сигуранец крикнул: «Ты, сука... Ты меня подставил!» Он не назвал имени.

— Кому же он крикнул? — Следователь не пытался скрыть сарказм.

Фризе обратился к Петрачку:

— Вы сидели рядом с Сигуранцем. Лицом ко мне. У дверей за моей спиной в этот момент никого не было?

Петрачек с сомнением покачал головой:

— Не обратил внимания.

— Вы утверждаете, что Сигуранец обращался не к вам? — запальчиво воскликнул следователь. — Но стрелял-то он в вас! Соловьева кинулась вас защищать!

— По-моему, он не ведал, что творит.

— Давайте внесем ясность, — хмурясь, сказал Петрачек. — В бутылке, которую я открыл, была не минеральная вода, а сильнейший наркотик. «Капли датского короля».

— И Сигуранец их выпил?

— Да. Я лично налил ему. На вид это была нормальная бутылка. Их продают у нас тысячами.

— Бедняга Петр Григорьевич.

— Бедняга?!

Глаза Петрачека застыли, устремленные в никуда, а на лбу сошлись гармошкой морщины. Как будто его застала врасплох неожиданная мысль и он не знает, что с нею делать.

— Знаешь, Володя.— Вацлав впервые за время допроса обратился к Фризе на «ты».— Я сейчас вспомнил: когда Сигуранец поднялся с пистолетом в руке, в зал вошел бармен.

У Фризе словно камень сняли с души:

— Великое дело — хорошая память. Теперь остается разыскать беглеца.

— Допросить! Лиза Кох задержала его на Хебском шоссе.

Фризе понятия не имел, где находится это шоссе. Но он хорошо знал, что город Хеб находится на границе с Германией.

— С Лизаветой все в порядке?

— Володя, все твои знакомые женщины такие красивые и смелые?

— С ней все в порядке? — повторил Фризе.

— А что с ней может случиться? — В голосе Петрачека Владимиру почудились нотки глубоко скрытой неприязни. Но, может быть, он и ошибался.

Ночью Фризе снились плохие сны. Он проснулся с тоскливым чувством одиночества и пустоты. Уже ставший привычным курортный быт разрушился в одночасье.

Он вскочил с постели, несколько раз присел, отжался, помаhal руками, потом принял контрастный душ. Оставалось время до завтрака, и Владимир решил спуститься вниз к источнику.

По нескольким любопытным взглядам, брошенным на него в холле, он понял, что слух о происшествии уже распространился по санаторию.

В регистратуре дежурила Иржина. Как всегда, она выглядела отдохнувшей и привлекательной. И невозмутимой.

— Пан Фризе! Я знала, что вы проснетесь рано.

— Иржина, как позвонить в больницу?

Девушка протянула Владимиру листок. На нем был записан телефон. И фамилия Шимек.

— Доктор Шимек — Танин лечащий врач. Пятнадцать минут назад я разговаривала с ним. Пулю извлекли успешно. Все успешно. Все о'кей, Володя! Температура 37°. И хороший аппетит.

Фризе почувствовал раскаяние от того, что не он, а Иржина первой позвонила в больницу.

— Володя! — Девушка дотронулась до его руки.— Я же на дежурстве! И телефон у меня под рукой. Кстати, звонил Петрачек. Просил заглянуть. А в шесть утра приходила госпожа Кох. Хотела тебя видеть. Но я сделала поворот. Так, кажется, у вас поворот?

— Говорят: «От ворот поворот».

— Вот-вот. Не обижайся. Пока Таня болеет, я за тобой послезу. Госпожа Кох просила передать тебе кое-что.— Иржина достала из

стола пакет, завернутый в фирменную бумагу, рябившую в глазах от надпечатки слова «Минольте».

— Спасибо тебе, добрая душа! — Фризе был растроган.

— Посетителей к Тане пускают к пяти, — сообщила девушка.

Фризе взял со стойки пакет, перевязанный голубой лентой. Подбросил на ладони. Пакет был увесистый, и Владимир с трудом отделался от искушения взглянуть, что же принесла ему спозаранку Лизавета.

— Не хочу возвращаться в номер. Пускай полежит у тебя. — Он вернул пакет Иржине.

С колокольни храма Марии Магдалины неслись редкие, приглушенные утренним туманом удары колокола. Еще не совсем проснувшиеся курортники медленно кружили по огромному залу колоннады, потягивая воду из полосатых кружек. Горячий пульсирующий гейзер «Вржидло» рассыпался под потолком мелкой водяной пылью, переливался радужными огоньками.

— Владимир Петрович! — к Фризе подошла Анна Павловна и взяла под руку. — Ужас-то какой! Даже за границей спокойно не полчишься!

— Анна Павловна! Все не так страшно. Через неделю Таню обещают выписать.

— Это я знаю! Но что же творится на белом свете? И здесь нас достают!

Обсуждать глобальные проблемы у Владимира не было настроения. Он поглядел на часы.

— Опаздываю на процедуры.

— У вас не сауна? — поинтересовалась женщина. Как будто хотела предложить ему свое общество.

— Ванны, Анна Павловна.

Завтракал он в одиночестве. Внутренне поживаясь от любопытных взглядов, с огорчением думал о том, что отпуск испорчен.

...В кабинете сидели Петрачек и следователь, допрашивавший вчера Владимира. Оба были в прекрасном настроении.

— А вот и юбиляр! — Вацлав выпел из-за стола и дружески пожал Фризе руку. — А Лингарт уже стал волноваться, придешь ли ты? Ему не терпится задать пару каверзных вопросов.

— Пан начальник шутит. Мне надо, чтобы вы подписали протокол допроса. — Следователь протянул Фризе несколько листов с печатным текстом.

Петрачек усадил Владимира в кресло у журнального столика, но когда тот углубился в чтение, сказал:

— Не торопись, успеешь. Несколько дружеских вопросов мы тебе все-таки зададим. Не для протокола.

— Пожалуйста.

— Ты знал, что настоящая фамилия Сигуранца — Зарайский?

— Боже! Тот самый химик?!

— Тот самый! Тебе, значит, известна его фамилия?

— Известна. — Фризе рассказал о том, как ему позвонил в Москве знакомый следователь.

— И вы не подозревали, что ежедневно делите трапезу с наркодельцом? — спросил Лингарт.

Слово «наркоделец» совсем не вязалось с преступниками из России. Но ко всему приходилось привыкать.

— Он мне в кофе своей «дури» не капал. — Фризе мог бы порассказать, из чего складывались его подозрения в отношении покойного «Пармезана», но делать этого не стал. Подумал с некоторым злорадством: «Вы же дали мне понять, чтобы не совался в чужие дела!»

— Вот какие сюрпризы подкидывает судьба! — философски заметил Петрачек. — Лабораторию мы так и не нашли. Бармен молчит. У тебя, Володя, нет догадок, откуда взялись две бутылки с наркотиком на праздничном столе?

— Если у них налажено массовое производство, могли элементарно спутать.

— Исключено, — вздохнул Петрачек.

— А если кто-то из партнеров решил сыграть в свою игру? Припрятал товар. Бармен, не зная об этом, выставил бутылки на стол.

На лицах собеседников отразилось такое очевидное разочарование, что Фризе не смог удержаться от улыбки:

— Что? Эту версию уже отработали?

— Отработали.

— За день до смерти шесть бутылок «Капель» взял крупный бизнесмен из России Мельник. Его «пальчики» нашли на бутылках, что стояли на столе. Понимаешь? Только он же не мог вернуться с того света, чтобы преподнести тебе царский подарок?

— Мельник погиб случайно? — спросил Фризе. Но ответа не дождался.

— Он мог оставить наркотик в кафе. И вечером собирался зайти за своими бутылками. Но...

— Чего это он стал бы прятать товар в кафе? — сердито сказал Лингарт. — В чужом кафе?

— Он был человеком очень богатым. Владел в России крупными ресторанами. Разве не мог приобрести крошечное кафе в Карловых Варах?

— Ладно, Володя. — Петрачек никак не отреагировал на слова Фризе. — Читай протокол, подписывай... Если что понадобится, мы тебя разыщем.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР

В камере хранения дежурил молодой паренек, и Фризе порадовался, что каждый раз он имеет дело с разными людьми.

Одну пачку долларов из кофра он положил в карман. Остальные деньги побросал в полиэтиленовый пакет.

На пристанционной площади взял такси.

Священника Фризе нашел в саду у церкви. Отец Александр медленно прогуливался по дорожке. Молодое красивое лицо его было задумчивым, даже отрешенным. Услышав шаги, он обернулся. Узнал Фризе. Молча показал на скамейку и сел рядом.

— Какая Божья благодать, верно? В такие минуты думаю о том, что Господь ко мне слишком добр, и вспоминаю тех, кто

изнывает от палящих лучей и жажды или дрожит от холода. Если бы наделить благодатью всех поровну!

— На встрече в «Империаде» вы говорили о том, что приход очень беден, пожертвований мало.

— Увы!

— Здесь у меня деньги. — Фризе положил пакет на скамейку. — Много денег. Я не считал. Деньги эти несправедливые. А человека, которому они принадлежали, нет в живых. Может быть, вы примете их на Божье дело?

— Как вас зовут?

— Владимир.

— Неправедных денег не бывает. Бывают несправедливые люди, присваивающие деньги. В каждой монете, в каждой ассигнации изначально заложен честный труд. Труд художников, химиков, печатников. Кассиров, наконец. Потом за эти деньги трудились другие люди. «Бог дает человеку богатство и имущество и славу, и нет для души его недостатка ни в чем, чего ни пожелал бы он; но не дает ему Бог пользоваться этим, а пользуется тем чужой человек; это суета и тяжкий недуг!» Да что я вам проповедь читаю! Вы, Володя, и сами, наверное, знаете. — Отец Александр улыбнулся. Улыбка у него была застенчивая, а в глазах светилось мальчишеское любопытство. Фризе подумал о том, что молодому священнику стоит большого труда не задавать никаких вопросов.

Он поднялся.

— Я пойду?

Полиэтиленовый пакет с деньгами остался на скамейке. Пачки в нем распозлились, пакет сморщился. Лицо печально известной актрисы, изображенное на нем, исказилось. Мэрилин Монро выглядела злой и циничной. Фризе подумал о том, что купил не слишком подходящий для случая пакет.

Священник тоже встал. Протянул руку Фризе.

— Спасибо, Володя! Господь с вами! — Он перекрестил Фризе. — Рука дающего не оскудеет. — Взяв Владимира под руку, отец Александр пошел проводить его до дверцы в ограде.

— Скоро домой?

— Скоро.

— Поклонитесь родной земле. Это правда, что Храм Христа Спасителя уже воздвигли? Просто не верится, что так быстро.

— Правда.

У дверцы они остановились.

— Пожелайте мне что-нибудь на прощание, — попросил Владимир.

Священник машинально провел рукой по аккуратной темной бороде. Лицо его стало очень серьезным.

— Я чувствую, вы и сами знаете, как поступать. Напомню только одну притчу: «Страх Господень научает мудрости, и славе предшествует смирение».

В больницу Фризе попал только в половине шестого.

Поставив плетеную корзинку с фруктами и соками для Татьяны на скамейку, он подошел к застекленной конторке, где восседала пожилая медсестра в белоснежном халате и шапочке.

— Соловьева? — Медсестра полистала потрепанный гроссбух. — Хирургическое отделение. Вторая палата. У нее сейчас муж.

— Муж?

Наверное, Фризе выглядел глуповато, потому что тонкие губы матроны сложились в ехидную понимающую улыбочку.

— А что вас так удивило? Женщина поступила с огнестрельным ранением. Администрация в таких случаях ставит в известность близких. Он приехал минут двадцать назад.

Фризе оглянулся на сиротливо стоявшую на скамейке корзину.

— Передачу можно оставить?

— Несите корзину сюда! — приказала матрона.

Владимир передал ей корзинку и пошел к двери.

— Пан! — окликнула дежурная. — А состояние больной вас не интересует?

— Еще как интересует! — Он постарался выглядеть бодрым и веселым.

— В двенадцать часов температура и пульс в норме, — доложила медсестра.

Он шел по городу и думал о том, что Татьянин пузан оказался любящим мужем. Моментально прилетел из Москвы. Но тут же Фризе вспомнил про деньги, о которых рассказывала Татьяна. Ведь из-за его дня рождения она так и не съездила в Вену! Супруга беспокоили деньги. Вот почему он оказался таким проворным!

Когда Фризе вернулся в санаторий и шел через вестибюль, его окликнула Иржина. Владимиру не хотелось расспросов, но пришлось подойти — девушка показала ему оставленный утром сверток.

— Он уже в больнице? — спросила Иржина, взглянув на Владимира. Было ясно, кого она имеет в виду. Взгляд у нее был сочувственный, а Фризе сочувствия не выносил.

— Да. — Он собрался уходить, но девушка положила свою теплую ладонь на его руку.

— Я не знала, что наш главный врач еще вчера вечером позвонил в Москву, Таниному мужу.

— Молодец. Другой бы и пальцем не пошевелил.

Иржина посмотрела на Фризе с недоверием и ничего не сказала.

Поднявшись в свой номер, Владимир развернул сверток. В нем был фотоаппарат «Минольта» и записка.

«Володя, поздравляю тебя с днем рождения! Эта мегера, дежурная — не пустила меня в номер, а через полчаса я уезжаю в Бонн. Дело сдвинулось с мертвой точки. Кто мог подумать, что на твоём юбилее нас ждет такой сюрприз? Целую, Лизавета».

«Тоже мне, «Буря и натиск»! — усмехнулся Фризе. — Вышла бы уж лучше замуж да рожала детишек. А не палила из пистолета!» Но тут же ему стало стыдно за свои мысли и вспомнились слова отца Александра о смирении и славе. Почему он процитировал именно эту притчу? Смирение и слава. Первому никогда не научиться. Никогда. А слава? Разве он артист или художник? Писатель? Политик?

Мысль о том, что можно быть просто славным человеком, в голову ему сейчас не пришла.

Фризе чувствовал себя задетым, что Лизавета не оставила своего адреса. Даже намек не сделала на то, что вернется в Карловы Вары.

ПРОЩАЙТЕ, КАРЛОВЫ ВАРЫ!

Последняя неделя пребывания в Карловых Варах выдалась для Фризе на удивление тихой и спокойной. Его больше не вызывали на допросы, а от любопытных курортников он скрывался на прогулках по дальним окрестностям города. Он не пытался навестить Татьяну — не хотел, чтобы в ее отношениях с мужем возникли какие-нибудь осложнения.

А однажды вечером он нашел под дверью записку. Только два слова: «Прощай, «историк». И номер московского телефона.

В этом была вся Татьяна. Сказать «прощай» и тут же указать, как с нею связаться.

Утром, в день отъезда в Москву, Фризе зашел на почтамт. Купил конверт с маркой и фирменным листком бумаги, на котором была изображена почтовая карета с короной, запряженная парой лошадей. На листке он написал: «Улица Короля Юри, 19». Вложил в конверт багажную квитанцию карловарского вокзала. Надписал адрес управления полиции и фамилию Петрачек.

«Завтра Вацлав получит письмо, поморщит лоб и, наверное, догадается, куда ему следует заглянуть. — Фризе представил, как полицейский хмурится, и улыбнулся. — А я уже буду катить по России».

Он опустил конверт в почтовый ящик и отправился в последний раз прогуляться по городу.

...За несколько минут до отхода поезда на перроне появились Петрачек с Лингертом. В руках Вацлав держал плетеную корзину — точь-в-точь такую же, что подарил Владимиру в тот памятный день. Лингарт был с букетом цветов.

— Володька! — крикнул Вацлав, заметив Фризе в тамбуре вагона. — Слезай! Мы тебя арестуем! — И захохотал. Таким веселым и раскованным Фризе не видел полицейского ни разу.

— Веселитесь по поводу моего отъезда? — поинтересовался он, спускаясь на перрон. Но когда Вацлав обнял его, понял, что тут не обошлось без «Бехеровки» и «Сливовицы».

— Что же ты не сообщил, когда уезжаешь?! — упрекнул Петрачек. — Пришлось напрягать агентурную службу. Вот тебе в дорогу. Успели кое-что собрать по-быстрому.

Вацлав передал Фризе корзину. Шепнул:

— Ленский звонил. Просил не сердиться. Начальство дружбу в расчет не берет. Отозвали в одночасье в Прагу. — Петрачек озорно подмигнул. А Фризе подумал — уж не по его ли наущению отозвали?

Корзина была очень тяжелой и наводила на мысль о том, что полицейские позаботились прежде всего о вышивке.

— По-моему, ты оставил свою Алену без корзинок.

— Не беспокойся! К будущему году она приготовит для тебя еще пару. Приедешь? Остановишься у меня.

— Приезжайте, Володя. Не каждый же год у нас выдается жаркое лето! — сказал Лингерт. — Приезжайте. Мы вам устроим такую рыбалку!

— Господа, господа! — крикнула проводница. — Пора расходиться. Отправляемся.

Они расцеловались. Лингерт вручил Фризе букет. Состав дернулся. Проводница помогла Владимиру подняться по ступенькам в вагон.

— Хорошие у вас друзья, — сказала она, оттесняя Фризе от двери. — Хотя и чехи.

— Хорошие, — подтвердил Фризе. — Отличные! Хотя и полицейские.

Петрачек и Лингерт все еще махали с перрона.

Попутчиком по купе был Константин Пименов.

— Это не те полицейские, что были на твоём дне рождения? — поинтересовался доктор. Наверное, он наблюдал сцену проводов из окна.

— Те самые. Один из них — мой приятель. Вот, принесли мне в дорогу провизии.

— Ну, покайфуюем! — обрадовался доктор. — Если бы там была и выпивка...

— Посмотрим.

Пименов поставил корзину на полку и стал выкладывать на столик свертки с сыром, колбасой, пачки сока, коробки с карловарскими вафлями. Были здесь и бутылка «Сливовицы», две бутылки «Бехеровки». Со дна корзины Константин достал тяжёлый пакет, перевязанный бечевкой.

— А это что? Похоже, тоже бутылки.

Фризе развязал пакет, показавшийся ему очень знакомым. В нём находились четыре бутылки «Млинского прамена».

«Хорошо работает почта в Карловых Варах! — восхитился Владимир, поняв намек. — Моментальная доставка. Городок-то маленький».

— Что это? Та отрава? — Константин смотрел на Фризе с ужасом.

Владимир взял одну из бутылок и резко встряхнул. Пузырьки серебристым облачком поднялись со дна. Фризе сорвал металлическую крышечку. Пригубил. И, почувствовав на губах знакомый горько-солёный привкус, сделал большой глоток. «Млински прамен» был настоящим.

— Пейте, Костя. Покойный «Пармезан» обожал минеральную воду. Кстати, все забывал у вас спросить про домик в лесу. Сердечные дела?

— Преферанс. Бармен Павел пригласил однажды на пульку. Будь он неладен. Откуда мне было знать, что он хранит на своей даче горы мышьяка?!

В Праге была продолжительная стоянка. Вагон «Карловы Вары — Москва» прицепляли к московскому экспрессу. Фризе отправился в камеру хранения. Получил по квитанции чемодан.

Небольшой, очень элегантный. В черно-белую мелкую клетку. Не спеша пошел через огромный красивый зал ожидания к выходу на платформу. Он не сомневался, что в чемодане деньги. Не новые из банка, а прошедшие через руки многих людей. Наверное, почти каждый, кто прикасался к одной или нескольким из этих купюр, испытывал какие-то эмоции. Один страдал из-за того, что приходится с ними расставаться, другой радовался, отсчитывая продавцу, что удалось купить подешевле нужный товар. Третий в ужасе сжимал деньги дрожащей рукой, прежде чем отдать их грабителю.

Деньги несли на себе эмоциональные заряды этих людей. И Фризе казалось, что он ощущал эти заряды, такие разные и противоречивые, не сумевшие слиться в одно единое целое. Ему даже мерещилось, что от мягкой ручки чемодана идет легкое покалывание ладони.

Он не стал открывать чемодан, пока не переехал границу. Загадал: если таможенники попросят открыть чемодан и там окажутся деньги, ему не придется врать, что не знал о содержимом. Как в старой песне: «А это был не мой чемодан...».

Никто его об этом не спросил. Пожилой таможенник, скользнув взглядом по купе, поинтересовался:

— Как там Вржидло, не иссяк?

— Бьет на полную мощь!

— Я успел разок съездить, — с ностальгической ноткой сообщил таможенник. — В советское время. Теперь... — Он безнадежно махнул рукой. А выходя из купе, неожиданно улыбнулся: — А «Пльзеньское» все-таки лучше!

Костя Пименов почти всю дорогу спал. Просыпался только для того, чтобы в очередной раз выпить «Сливовицы» или пива. И как следует закусить. Потом он забирался на верхнюю полку и сладко похрапывал.

При попутчике Владимир открывать чемодан не решался. Сделал это только дома. Поставил чемодан на журнальный столик, сел на диван, приветственно скрипнувший под тяжестью долго отсутствовавшего хозяина, и попытался открыть кодовые замки. Набор инструментов, которыми он пользовался, занимаясь следственной практикой в прокуратуре, не помог. Тогда Владимир принес с кухни старинную сечку, которой рубила капусту еще бабушка. Без всякого сожаления, двумя точными ударами еще нагловато поблескивающие бронзовые замки. Крышка чемодана отскочила. Сверху лежало несколько долгоиграющих пластинок в ярких обложках, тонкий шерстяной шарф в фирменном пакете, а под шарфом пачка долларов.

— Ну и что же мне делать с этой «капустой»? — сказал Фризе вслух. — Отнести в Госбанк? Чтобы денежки вернулись тем, кто их наворовал?

Он представил наглое лицо чиновника из правительства, кидавшего пачку долларов на игорный стол в карловарском казино. Вспомнил облаченного во фрак деятеля из президентской администрации в ресторане Гранд-отеля.

Всплыло перед ним и простоватое лицо министра по приватизации, улетевшего с семьей на встречу Нового года в Швейцарию.

Министра показали по единственному независимому телеканалу, и Фризе еще тогда подумал о том, что чиновник, небось, и поразвлекется, и денежки в банк вложит. От казино и Швейцарии его мысли перескочили к фешенебельным чиновничьим виллам, выросшим словно грибы после теплого августовского дождика на заповедных просторах вдоль Рублевского шоссе. И это не прибавило Фризе энтузиазма для похода в банк.

В памяти всплыл нехитрый мотивчик и полузабытые слова невесты откуда подхваченной песенки:

Там девочки танцуют голыми,

Там дамы в соболях,

Лакеи носят кушанья,

А воры носят фрак.

— Нет, братцы-кролики! Эта капуста не про ваши острые зубки.

Прошел месяц с тех пор, как Фризе вернулся из Карловых Вар. В Москве стояла невыносимая духота, и этот месяц Владимир провел на своей даче, на Николиной Горе. Другьям он говорил, что проходит акклиматизацию.

В первый день его появления в московской квартире телефон звонил дважды.

Следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Пугачев веселым голосом сообщил, что вернулся из Чечни.

— Ты про наши дела слышан? — поинтересовался он.

— Нет, — лениво отозвался Фризе. — В гробу я видел ваши дела. Я даже новости не смотрю.

— Наш бывший и. о. под следствием.

В голосе Евгения слышалось такое удовлетворение, что Владимир не удержался и сказал:

— Рад за тебя.

— А помнишь, я тебе шепнул с Зарайским? Ну, когда ты в Карловы Вары направлялся?

— Кто это?

— Бестолочь! Наркотики. «Капли датского короля». Я сказал, что будешь вместе с ним отдыхать. Помнишь?

— Помню.

— Чехи молодцы. Вместе с Интерполом накрыли его лабораторию. А Зарайский убит в перестрелке.

— На моем дне рождения.

— Ты что, бредишь? Твой день рождения в сентябре!

— Да это я так...

— Поддал, коллега, — с ноткой зависти сказал Пугачев. — Так вот, чехи прислали нам материал кое на кого из властей придержащих. Две последние отставки помнишь?

— Помню, — сказал Фризе, чтобы не обидеть приятеля.

— Это по делу о «Каплях». Первые ласточки. Так ты меня свяжешь со своей Светкой? Дам ей такой материал!

Через некоторое время телефон зазвонил снова.

Приятный баритон спросил по-немецки:

— Это господин Фризе?

— Да.

— Говорит Генрих Кох. Очень рад вас слышать, господин Фризе. Моя дочь Лизавета писала о вас. И рекомендовала попросить у вас ночлега. Я посчитал это нетактичным. Снял номер в «Метрополе». А Лизавета написала, что остановится у вас. Просила встретить ее завтра в Шереметьево. Самолет Люфтганзы. Вы сможете?

— Обязательно! Она прилетает одна? Или с подругами?

— Одна. — Господин Кох не понял шутки. — Жены с нами нет уже три года.

— Не волнуйтесь. Все будет в порядке, — пообещал Фризе, хотя голос у Лизаветиного отца и так был очень спокойный. А волновался он сам. — Вы в Москву прибыли самолетом или пешком? — спросил он. Но немец уже повесил трубку.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера

ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Подведены итоги конкурса решения шахматных задач, опубликованных в журнале «Смена» в 1995 г.

Лучших итогов за год добились:

И. Бедрин (пос. Пинега Архангельской обл.), **В. Гайлиш** (г. Октябрьский, Башкирия), **М. Дерябин** (Калуга), **Ю. Карташов** (Санкт-Петербург), **В. Кожакин** (Магадан), **К. Костюкович** (Могилев, Беларусь), **А. Кучеров** (Одесса), **Г. Попов** (Якутск).

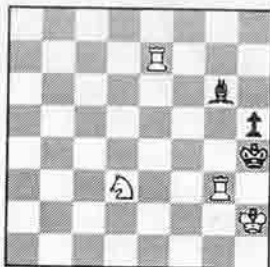
Все они награждаются дипломами и книжными призами.

Редакция поздравляет победителей и желает им новых успехов!

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

58. А. ХИЛЬДЕБРАНД

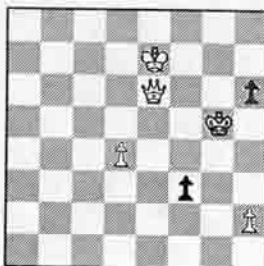
Швеция

Мат в 2 хода

59. З. ГНАТ

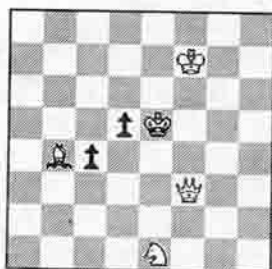
г. Стрый, Украина

Мат в 2 хода

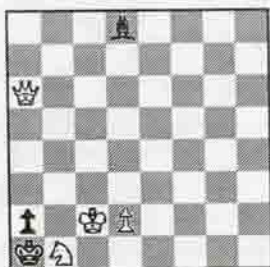
60. В. ПИЛЬЧЕНКО

г. Сухой Лог
Свердловской обл.

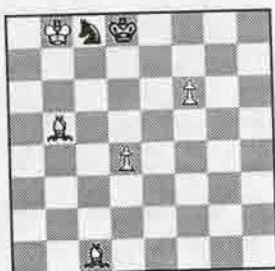
Мат в 2 хода

61. В. ДЯЧУК И В. МАРКОВЦИИ
Украина

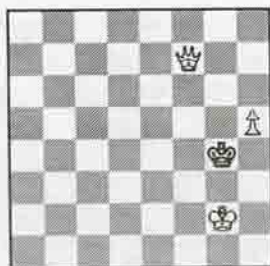
Мат в 2 хода

62. В. КОВАЛЕНКО
г. Большой Камень
Приморского кр.

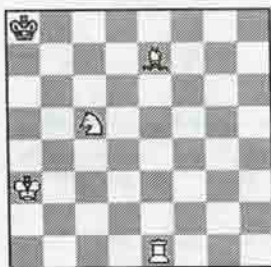
Мат в 2 хода

63. В. СУРКОВ
Рязань

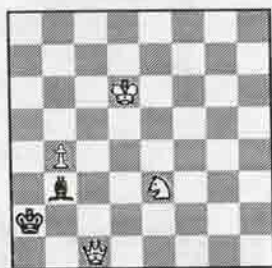
Мат в 3 хода

64. Л. ГРОЛЬМАН
Казань

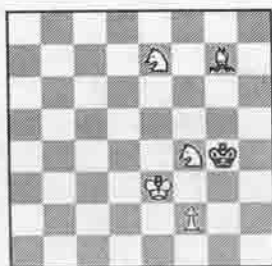
Мат в 3 хода

65. В. СУЧКОВ
Чебоксары

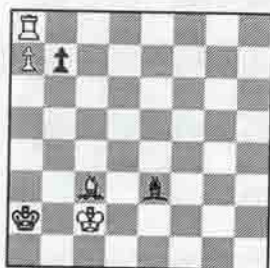
Мат в 3 хода

66. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
Украина
В. ИВАНОВ
Карелия

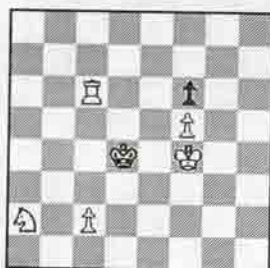
Мат в 3 хода

67. В. КВЯТКОВСКИЙ
с. Киянка, Украина

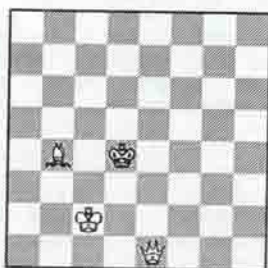
Мат в 3 хода

68. Ю. ГОРДИАН
Одесса, Украина

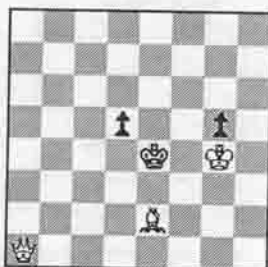
Мат в 4 хода

69. П. ЛОУРИДАС
Германия

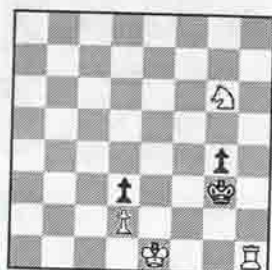
Мат в 5 ходов

70. Ю. СУШКОВ
Санкт-Петербург

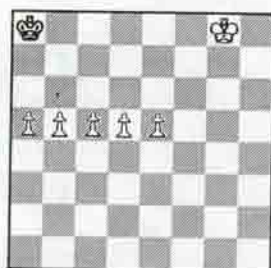
Мат в 5 ходов

71. В. СОЛОВЬЕВ
Чебоксары

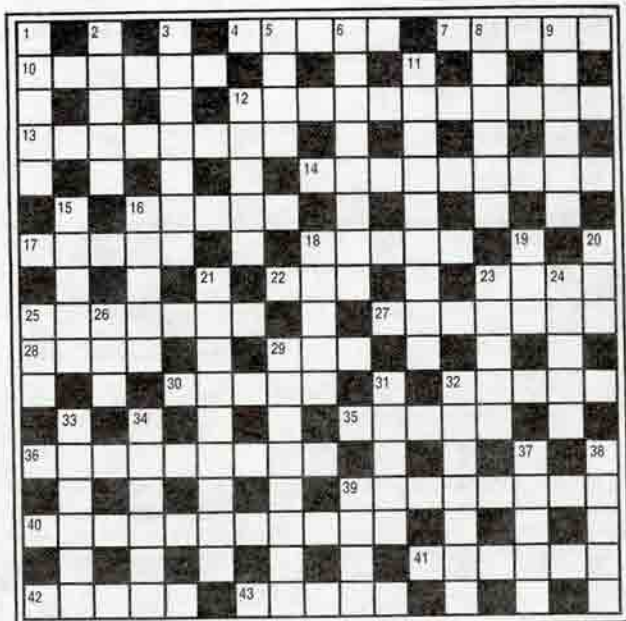

Мат в 5 ходов

72. М. КОРМИЛЬЦЕВ И Ю. ЛЯЛЮШКИН
Екатеринбург

Мат в 5 ходов

4. Деревянное оружие, какое после трех лет службы получал гладиатор в Риме. 7. Два попа стоячих, два попа лежачих, пятый ходит да поет (пятый в загадке). 10. Человек, у которого, по Ж. Боссюэ, есть «собственное мнение, кто следует своей мысли и своему личному чувству». 12. Занятие мага, сопровождавшего Ксеркса в походе в Грецию. Он привил грекам интерес к тайным наукам. 13. Учитель русских учителей. 14. Мыслесловие (В. Даль). 16. Режиссер и актер, участвовавший в постановке первого советского балета «Красный мак». 17. Металл, благодаря которому нобелевским лауреатом впервые стала женщина. 18. «Мое ремесло — чихать на них» (объект презрения Неда Ленда в романе Ж. Верна «20 тысяч лье под водой»). 22. Тюрьма на Руси. 23. Тридцать акров в Германии. 25. Немецкий эстетик-романтик, считавший, что в литературе реальный мир надо перемешивать со сказочным. 27. Лекарство против алкоголизма. 28. Азиатская страна из тринадцати кхуэнгов. 29. Дворянин в феодальном обществе адыгов. 30. Тесто, из какого в Саксонии мать на Рождество печет пирог каждому своему ребенку. 32. Кожа. Из нее сшиты туфли Холщевникова в «Сказке» А. Куприна. 35. Дед, мордвин, осот, татарин (общее название). 36. Двигатель аэросаней. 39. Один из любимых домашних зверей американцев. 40. Автор надгробия А. Твардовского. 41. Настил на парусниках для прохода с бака на кварталдек или шканцы. 42. Русский писатель,

чье дарование и личность ценил А. Грибоедов. 43. Оружие, каким римлянка, вновь вышедшая замуж, расчесывала волосы.

По вертикали.

1. Главное жертвенное животное в обрядах религии воду. 2. Татарский мурза, командовавший в Куликовской битве русским Сторожевым полком и отличившийся храбростью. 3. Украинский монах XVII века, живописец и гравер на меди. 5. Мыс, южная оконечность материковой Азии. 6. Компонент глинтвейна. 8. Ткань, какой египтяне обтягивали мумии. 9. Человек в «Испанцах» М. Лермонтова, задержавший «часа на четыре» Моисея. 11. Морской гребневик, открытый А. Ковалевским. 12. Пигалица. 15. Архипелаг, открытый Я. Роггеном в 1722 году. 16. Немецкий химик, бывший в молодости фанатичным альпинистом. 18. На берегах Прибалтики — янтарь, на берегах Японии — ... 19. Дерево, из которого на Руси делали юферсы. 20. Каждый из толстых ремней для подвески кузова кареты. 21. Химик, написавший первую в России статью о способе приготовления яичного порошка. 23. Ложе, в котором обычно спал Н. Миклухо-Маклай. 24. Вилкообразная колодка. Ее в Древнем Риме надевали рабу на шею за воровство. 25. Мудрец заметил: добро требует усилий, а ... сделаешь и не заметишь. 26. Войсковая единица в Спарте. 29. Религия — личность — ... — государство (последовательность появления). 31. Знаменитое село иконописцев, ставшее при советской власти шкатулочно-ларцовым промыслом. 32. Василиса Прекрасная в заколдованном состоянии. 33. Древнегреческий корабль, предок крейсера. 34. «Наль и Дамянти» как часть «Махабхараты». 37. Картина Джорджоне, где женщина изображена как бы в кровавой одежде. 38. Любимейший писатель Н. Гоголя. 39. Сказка — складка, а песня — ... (поговорка).

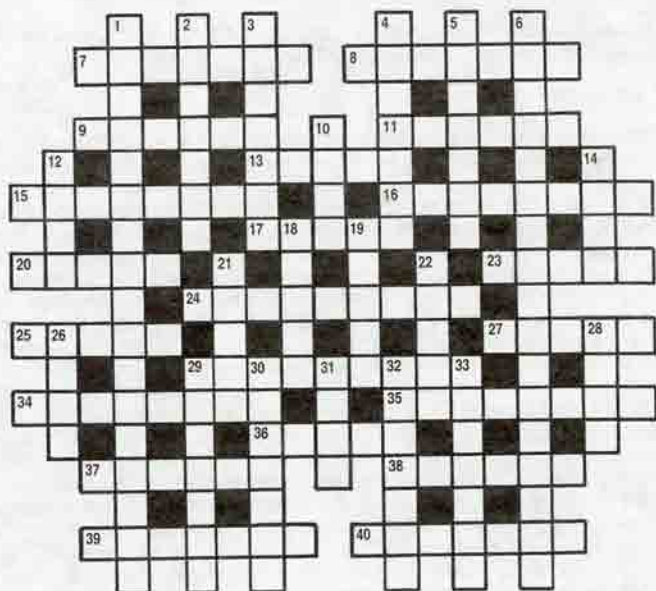
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали.

3. Рабство. 7. Шмель. 10. Идея. 12. Константиново. 13. ...жертва. 15. Реймс. 18. Минский. 19. Хлор. 20. Вий. 21. Дидро. 22. Горение. 23. Яхта. 25. Рим. 29. Аак. 30. Ухож. 32. Байонет. 33. Пален. 34. Щит. 35. Киви. 36. Цецилия. 37. Слюда. 42. Этуаль. 43. Чувственность. 44. Юкон. 45. Нобль. 46. Завтрак...

По вертикали.

1. Фиджи. 2. Георгий. 4. Аноа. 5. ...сыск... 6. Вращение. 8. Минг. 9. Лавр. 11. Утамаро. 12. Квестор. 14. Винер. 16. Оляха. 17. Ермак. 18. Миних. 21. Диван. 24. Талия. 25. Рубка... 26. Мойва. 27. Порей. 28. Нечисть. 31. Павлова. 32. Берданка. 34. Щипалка. 38. Пьянь. 39. Гуго. 40. Осел. 41. Шотт. 42. Этна.

КРОССВОРД
Составил
Ю. ГУРТОВОЙ,
Белгород

По горизонтали.

7. Горный массив в Бернских Альпах, объект альпинизма и туризма. 8. Тайная бандитская организация на юге Италии, предшественница мафии. 9. Французская певица, близкий друг И. Тургенева. 11. Профилированная архитектурная деталь, на которую опирается пята арки. 13. Любимый цветок буддистов. 15. Геройство, мужество. 16. Итальянский ученый, один из основоположников научной анатомии. 17. Мужская одежда из куска ткани в Индии. 20. Писатель, рассказавший оключениях Мюнхгаузена. 23. Опера Д. Пуччини. 24. Иноческое общежитие. 25. Ирга как плод. 27. Длинный тонкий ствол дерева без ветвей. 29. Русский поэт, который, по Д. Мережковскому, не берет, а терял свою душу. 34. Обычное на Руси название экономики. 35. Чацкий в «Горе от ума» А. Грибоедова говорит: «Старушки всё народ сердитый; не худо, чтоб при них ... знаменитый тут был как громовой отвод». 36. Азарт, горячность. 37. Наркотик, обезболивающее средство. 38. Полная тишина. 39. Многократное возмещение убытков, трат. 40. Самоцвет, какой надо оберегать от солнечных лучей.

По вертикали.

1. Обладание широкими, разносторонними знаниями. 2. Мошенник. 3. Последний англосаксонский король Англии. 4. Религиозная секта, чьих представителей евангелия называют лицемерами. 5. Ликвидация, расформи-

рование. 6. Владелец притона, укрыватель воров, преступников на Руси. 10. Самое певчее время у птиц. 12. Разменная монета КНДР. 14. Знаменитая «индийская медь», — по Аристотелю, «отличается от золота только вкусом» (элемент сплава). 18. Мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть (литературный прием). 19. Большой кипятыльник. 21. Спортсмен-атлет. 22. Жанр древнерусской церковной музыки. 26. Нищета. 28. Американский вездеход. 29. Медный музыкальный «котел». 30. Различие между двумя суммами. 31. Становище кочевников у тюркских народов. 32. Достаточно вкусный и полезный корнеплод. 33. Французский живописец-фовист.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 5**

По горизонтали.

1. Гамаша. 5. Хазанов. 9. Кредо. 11. Измаил. 12. Ответчик. 13. Чайка. 14. Сера. 17. Вика. 18. Жаворонок. 19. Реал. 24. Служенье... 25. Язычник. 27. Щупание. 28. «Наутилус». 31. Алоэ. 35. Интонация. 36. Один. 37. Джут. 39. Цельс. 41. Фунгицид. 42. Киянка. 43. Кодры. 44. Рейсдал. 45. Стрела.

По вертикали.

1. Глиссер. 2. Мемориал. 3. Шеин. 4. Приазовье. 5. Хота. 6. Змей. 7. Ночник. 8. Вокзал. 10. Доктор. 15. Валериана. 16. Борзятник. 20. Есаул. 21. Лукан. 22. Пчела. 23. «Ниссо». 26. Кабальеро. 29. Уложение. 30. Толедо. 32. Эстрада. 33. Фосфор. 34. Дисней. 38. Диод. 39. Цикл. 40. Бинт.

Константин Мирошник

Сам Костя считает, что к живописи приобщился случайно. Отец его — человек военный, и маленькому Косте за восемь лет пришлось поменять восемь мест учебы. Вечная жизнь на перекладных, временное пребывание в стенах школ, временные друзья и учителя...

Тогда Костя отправился на Украину, в большое село Николаевской области, где жила его бабушка.

Любите ли вы украинскую ночь? Костя Мирошник ее полюбил сразу. Да и как не полюбить, когда такая чудная красота кругом, просто дух захватывает. И все это

Но когда семье приходилось жить вдали от большого города, в каком-нибудь живописном месте, где рядом с домом шумели не чадающие автобусы, а могучие деревья, где воздух был по-деревенски чист и прозрачен, красота нетронутой природы пробуждала в нем неясный зов, смутное желание как-то ответить на это великолепие, выразить то, что рождалось в душе закатыми, тихими вечерами.

Может, именно поэтому, когда пришло время выбирать профессию, Константин решил поступать в Юрьев-Польское педучилище, чтобы стать учителем рисования и черчения. Здесь, в этом старинном русском городке, Костя впервые взял в руки кисти и попробовал писать тихие улочки с высокими заборами, деревянные дома с причудливыми наличниками, зеленые сады и пригородные поля с полосками синего леса на горизонте.

Четыре года в училище пролетели быстро и незаметно, и Костя подал заявление во Владимирский пединститут, уверенный, что как отличник непременно должен туда пройти. Однако на сочинении провалился, схватив позорную двойку.

Костя изображал в своих этюдах: и белые хатки, и пирамидальные тополя; и, конечно же, свою добрую бабушку. И все бы так и продолжалось по сию пору, если б не оставалась в душе у Константина заветная мечта — стать студентом настоящего художественного вуза...

Сейчас Константин Мирошник — студент-пятикурсник Академии художеств Ильи Глазунова. На каникулы он всегда приезжает в Крым к родителям. Здесь, пожалуй, не найдется ни одного живописного уголка, который бы не запечатлел Константин Мирошник. Но самое любимое его занятие — писать портреты. Кого только ни приходилось изображать Константину за свою недолгую творческую биографию: и детей, и официантов, и случайных попутчиков в поездах... Мечтает писать большие жанровые композиции на религиозные и исторические темы. Одним словом, одиссея двадцатичетырехлетнего Константина Мирошника продолжается, и будем надеяться, что молодого человека ждут новые удивительные приключения как в творчестве, так и на волнах моря житейского.

ЛИЛИЯ БАЙРАМОВА

КОНСТАНТИН МИРОШНИК. Да будет столичный град Москва!

Святки.

«Леди
в черном»

